Анатолий Терещенко

ОН СПАС СТАЛИНА

МИР ШПИОНАЖА

СОЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ
www.argumenti.ru • ВЫХОДИТ ПО ЧЕТВЕРГАМ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга посвящена забытому на полстолетие сотруднику Смерш НКО СССР генерал-майору Николаю Григорьевичу Кравченко, активному участнику контрразведывательного обеспечения международной конференции 1943 года в Тегеране — т. н. «Большой тройки». Блестяще организованная советскими органами госбезопасности совместно со спецслужбами союзников операция по нейтрализации готовящейся террористической акции фашистов произвела настолько сильное впечатление на Рузвельта и Черчилля, что они захотели увидеть человека, спасшего им жизни. Сталин выполнил просьбу. Они были удивлены столь низким званием — подполковника и попросили присвоить И.Г. Кравченко генеральское звание, что и было сделано. О жизни и деятельности патриота и защитника Родины и пойдет речь в этом повествовании.

- Анатолий Терещенко
  - Предисловие
  - ТЕПЛО РОДИТЕЛЬСКОГО ДОМА
  - МАХНОВЩИНА
  - ЧЕРВОНОЕ КАЗАЧЕСТВО
  - КРОВАВЫЙ ГОД
  - ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ…
  - ОПЕРАЦИЯ «ДЛИННЫЙ ПРЫЖОК»
  - «АГЕНТ 17» И МАЙОР ФОН ОРТЕЛЬ
  - ЗЕЛЕНЫЕ ПОГОНЫ
  - СТАЛИН НА ПУТИ В ТЕГЕРАН
  - «МАЛАЯ ТРОЙКА»
  - БИТВА ЗА ПЕРЕДЕЛ ЕВРОПЫ
  - ЛАМПАСНИК
  - НАДУМАННЫЕ СОМНЕНИЯ
  - ВТОРОЙ ФРОНТ
  - БЕРИЯ И АБАКУМОВ
  - КЕНИГСБЕРГ
  - ГОСБЕЗОПАСНОСТЬ В МВД
  - ЛЬВОВСКИЙ ПЕРИОД
  - ЦЕСАРСКАЯ НЕ ЦАРСКАЯ
  - БЕГСТВО ИЗ ПРОШЛОГО
  - ВОСПОМИНАНИЯ СОСЛУЖИВЦЕВ
  - ЗАГАДКИ МОЛЧАНИЯ
  - ЗА ЧТО?
  - ПРАВДА О П.О.В

○ ПОД ПРИЦЕЛОМ-СТАЛИН
○ КАЛИНИНГРАДСКИЙ УЗЕЛ
○ ПОСЛЕСЛОВИЕ
○ БИБЛИОГРАФИЯ

Анатолий Терещенко
Он спас Сталина

Предисловие

Ненависть — активное чувство недовольства; зависть — пассивное. Нечего удивляться тому, что зависть быстро переходит в ненависть.

Иоганн Гете

О Тегеранской международной конференции написаны десятки книг, сотни статей, в 1981 году поставлен и вышел на экраны советско-французский фильм «Тегеран-43», который вызвал фурор. Над фильмом работали специалисты СССР, Франции, Испании и Швейцарии. В итоге режиссеры Владимир Наумов и Александр Алов получили награды: на Всесоюзном кинофестивале — главный приз, а на Международном — еще два. В главных ролях были задействованы такие видные и выдающиеся артисты, как Наталья Белохвостикова, Игорь Костолевский, Армен Джигарханян, Ален Делон, Курд Юргенс, Альберт Филозов, Жорж Жере, Глеб Стриженов, Николай Гринько и др.

Настоящая книга посвящена забытому более чем на полстолетия советскому военному контрразведчику, сотруднику легендарного Смерша генерал-майору Кравченко Николаю Григорьевичу, принимавшему активное участие в боях и оперативных действиях органов военной контрразведки с первых дней Великой Отечественной войны. Он также участвовал в охране «Большой тройки» и спецоперациях по обезвреживанию группы гитлеровских агентов-террористов, готовивших покушение на руководителей СССР, США и Великобритании — И. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля в Тегеране.

Блестяще организованная советскими органами госбезопасности совместно со спецслужбами союзников операция по нейтрализации готовящейся террористической акции фашистов произвела настолько сильное впечатление на президента США Ф. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля, что они корректно высказали желание увидеть человека, который спас им жизнь.

Удивленные низким воинским званием одного из непосредственных руководителей этой операции подполковника Николая Григорьевича Кравченко, они посчитали своим долгом попросить Сталина присвоить ему генеральский чин.

Сталин выполнил их просьбу…

После смерти вождя и прихода к власти Н.С. Хрущева начался процесс так называемой десталинизации. Теперь под дробилку новых репрессий попали люди, работавшие при Сталине. Но не правители, а время и их дела определяют появление людей в ту или иную эпоху.

В жерновах так называемой оттепели оказалась и трагическая судьба генерал-майора Н.Г. Кравченко, и многих тысяч сотрудников органов госбезопасности, блестяще зарекомендовавших себя в годы войны на незримом фронте в борьбе с опытными спецслужбами гитлеровской Германии.

О жизни и деятельности патриота и защитника Родины, его шельмовании в конце 1950-х годов и пойдет речь в этом повествовании. Написать о забытом генерале военной контрразведки заставили автора и обстоятельства совместной службы, правда в разное время, в Особом отделе КГБ при СМ СССР по Прикарпатскому военному округу с местом его дислокации в городе Львове.

У Жана-Батиста Массийона мне встретились такие слова: «Существует немало мрачных и раздражительных умов, которые радуются лишь тогда, когда находят зло там, где его нет».

Давно замечено, что время и обстоятельства лепят судьбу человека. Хотя и считается, что еще в колыбели решается, куда склонится чаша весов у человека в будущем, но мне кажется, любой homo sapiens делает себя сам, своим трудом и поведением.

Также читатель встретится на страницах данного повествования с мрачными и раздражительными умами, попытавшимися ошельмовать патриота Отчизны — честного, мужественного и верного человека.

Предлагаемая книга ни в коем случае не претендует на роль истины в последней инстанции. Автор понимал, что большая часть основных материалов о генерал-майоре Кравченко Николае Григорьевиче до сих пор засекречена. Поэтому у него был только один путь — искать людей, служивших, работавших или знавших Николая Кравченко в быту, родственников, а также открытые источники и, сопоставляя материалы и анализируя действия офицера, выстраивать векторы и вехи всего жизненного пути мужественного и скромного человека.

Вообще сильные личности не нуждаются в рекламе, делая большие и важные дела тихо, незаметно, но напористо. Время и только время имеет прямое отношение к природной закономерности настоящее делать прошлым — так уж устроена жизнь. Люди тоже, нередко проходя через время, убивают память о прошлом своих даже близких по духу современников. Это случается по разным причинам: наветам, зависти, равнодушии.

В поисках материалов для написания книги о защитнике Отечества большую помощь оказали сослуживцы Кравченко: генерал-лейтенант Ф.И. Рыбинцев, генерал-майоры в отставке Л.Г. Иванов, Г.М. Казимир, В.А. Кириллов; полковники в отставке Д.Ф. Капранов и А.А. Вдовин, а также председатель Совета ветеранов ДВКР ФСБ РФ по Калининградской области полковник в отставке С.И. Захаров.

Автор благодарен им за помощь в воскрешении в памяти этой неординарной личности.

Замечено, что о жизни человека всегда больше, чем скупые данные личных дел, могут рассказать люди, тесно или близко общающиеся с ним. Одни в ходе бесед снабжали автора интересной информацией о местах и времени прохождения им службы. Другие с теплотой отзывались о личности вообще и душевных качествах нашего героя, волею судеб вознесенного на олимп славы, а по зависти и мести конкретного недоброжелателя и его шептунов уничтоженного морально, что в конечном итоге и приблизило его гибель.

Нашему герою приходилось трудиться в той эпохе, когда жить было легко, но довольно-таки противно, особенно после 1953 года на новой волне «оттепельских» репрессий Никиты Хрущева с реальными тюремными сроками и новой кровью жертв в результате неоправданных казней часто невиновных людей.

Да, это касалось и сталинского, и хрущевского времени. Одним цветом не нарисуешь реалистичную картину жизни человека. После смерти Хозяина СССР новый вельможа Кремля попытался всячески очернить период сталинского руководства страной и людей, чем-то отметившихся в этот период.

На всех углах и перекрестках Советского Союза срочно перекрасившиеся вчерашние партократы из сталинской обоймы, ставшие в одночасье клевретами нового партийного барина, кричали о сплошных преступлениях и недостатках предыдущей эпохи, в делах которой и сами активно поучаствовали.

Оглуплялись люди, работавшие со Сталиным. Вешались негативные ярлыки на полководцев, выдвинутых Красной армией и народом в годы войны. Авторитет армии был снижен до опасно низкого уровня, а о роли органов госбезопасности и говорить не приходилось — они были затоптаны в грязь. Все — и контрразведка, и разведка. В одну кучу бросались и негодяи, и честные, порядочные, мужественные офицеры и генералы, которых было несомненное большинство.

Создавалось впечатление, что «новая» со старыми замашками власть, активно поучаствовав в сталинском режиме, почему-то то и дело шельмовала «чужое» прошлое. А ведь оно было для них

родным. Было их родимым пятном. И что удивляло тогда многих простых добропорядочных тружеников, это культивирование из героев не единицы, а целые отряды антигероев.

Подобные типы, способные на подлости, называются в народе маленькими людьми. «Я человек маленький!» — говорят обычно такие люди и бьют ниже пояса. Не способный ни к чему способен на все. На свете полно порядочных людей. Их можно узнать по тому, как неуклюже они грешат.

В жизни часто случается так, если человек поступает по-свински, он говорит: «Помилуйте, я всего лишь человек!» А если с ним поступают по-свински, он восклицает: «Позвольте, я ведь тоже человек!»

Хрущеву и его приближенным не хотелось делать какие-то прогнозы и объясняться — воля для них была основой действа. Как-то академик А.Л. Яншин заметил: «Не все же бегать и орать… Надо же когда-то сесть и подумать».

Но не до мыслей было политиканам. Дабы отвлечь от внутренних трудностей и своих грехов, главный удар наносился по сталинским репрессиям, в которых самое активное, если не активнейшее участие принимал и новый «пухлый вождь», в бытность находившийся на партийной работе в Киеве и Москве. От них он, конечно, открещивался, в том числе и известным воровским методом — ликвидацией лично и по его приказам опасных архивов. По этому поводу уже написаны сотни книг.

Кто-то из великих сказал, что всякий панегирик скучен, а сатира занимательна: следовательно, чтобы не быть скучным, невежда вынужден навредить не столько из желания, сколько из тщеславия. Такие типы мстят недозволенными методами и, потирая потные руки, радуются «успехам наказания».

Поломанных людских судеб с личным участием Хрущева было много, очень много, не все известно до сих пор. Одних расстреливали, других сажали в тюрьмы на длительные сроки. А третьих унижали внезапными увольнениями под надуманными предлогами. Для таких людей совесть перестает быть трендом. Она, как аппендицит. Заболит — вырезал. Они вне критерия добра и зла, правды и неправды. Они всегда правы.

Одним из этого ряда обреченных закончить жизненный путь в унижении и прозябании был и Николай Григорьевич Кравченко — бывший герой Тегеранской конференции, спасший в ходе участия в агентурно-оперативных мероприятиях вместе с другими сотрудниками Смерша жизни Сталину, Рузвельту и Черчиллю.

Последняя его должность в военной контрразведке — начальник Особого отдела КГБ при СМ СССР по Прикарпатскому военному округу, в котором довелось служить и автору этих

строк.

Власть до сих пор не извинилась за молчание и не сказала добрые слова патриоту Отчизны, активному участнику Великой Отечественной войны, ошельмованному хрущевской местью. Молчат почему-то и коллеги…

ТЕПЛО РОДИТЕЛЬСКОГО ДОМА

Среди полей, холмов, оврагов.
Любимый сердцу уголок.
Кусочек Родины прекрасной,
Где сеть проселочных дорог…

Валентина Гузеева

Как точно сказала поэтесса Т. Залесская, «милая малая родина, теплый родительский дом, сколько дорог было пройдено — думали всюду о нем».

У каждого в биографии есть причал, или остров, под названием «детство», из которого отправляются в многолетнее плавание по волнам жизни. А еще его называют малой родиной с запахами отчего дома, хаты или избы. В этом бушующем страстями море у каждого живого существа бывают взлеты и падения, страхи и бесстрашие, победы и поражения.

Малой родиной для нашего героя стало казацкое село с хатами-мазанками, в которых применялась технология деревянного каркаса, как и у стен фахверкового дома. Промежуток между стойками и ригелями заполняли кольями, оплетали их хворостом, соломой или камышом, а затем обмазывали глиной.

Именно в таком доме в селе Котовка Екатеринославской губернии в 1912 году в семье Григория Кравченко родился

мальчик. Нарекли его Николаем. Наверное, родители знали, что имя переводится с греческого языка как «победитель народов». Энергия этого имени обладает удивительной подвижностью. Медлительность ему чужда и противна. Но, заинтересовавшись, он способен на чудеса.

Николай склонен ощущать себя центром мироздания, довольно самолюбивый и самодовольный человек. Трудно отыскать какую-либо область, в которой он не имел бы собственного мнения. Впрочем, не надо представлять Колю этаким всезнайкой, просто это свойство любого быстрого ума.

По сути своей он — человек очень добрый, непривередливый, в быту может довольствоваться малым. Мыслит конкретными категориями, пустому созерцанию предпочитает дело, которому отдает все силы своей богато одаренной души.

Николай — честный человек и нарочито прямой. Может быть поэтому, ему неприятна и непонятна всевозможная закулисная возня. Не выносит непорядочности и в этом смысле одинаково строг и требователен к себе и другим, работающим под его началом.

В женщине ценит не только внешние данные, а умеет наслаждаться и духовной близостью с ней. Он окружает себя толпой приятелей, но только избранные считают себя его друзьями.

О имени и личности написано тоже немало толковых объяснений. Конечно же, каждый человек — творец своей собственной судьбы.

По преданию, своим названием Котовка обязана запорожскому казаку Василию Коту, основавшему в начале XVII века небольшой хутор на месте теперешнего села. Оно расположено на левом берегу реки Орели, что в двадцати пяти километрах от железнодорожной станции Вузовка на линии Новомосковск — Красноград. Через село проходят канал Днепр — Донбасс и связанная с ним автострада. Впоследствии рядом возникли хутора казаков-переселенцев. Особенно много было их почему-то из Полтавской губернии. По рассказам бабушки автора Марии Захаровны Терещенко (Ефимовой), уроженки казацкого села Сурмачивка на Полтавщине, ее предки покидали родной край из-за феодального закабаления и уезжали с семьями на земли Екатеринославщины и дальше.

«Вот и мой прадед Ефимов Захар, покинув село Сурмачив-ку, отправился в середине XIX столетия на волю. Потянуло его к большой воде — к морю Черному. Прошел все морские ступени, став капитаном торгового судна. Участвовал в Крымской, или Восточной, войне 1853–1856 годов. После войны, получив тяжелое ранение, приехал в родное село в выстроенную им когда-то хату-мазанку на горбу правого высокого берега реки Сулы — притока Днепра, где и закончил жизненный путь».

Но вернемся к Котовке.

Согласно историческим документам, казаки «запасали дерево» за «Орелью, при деревне Котовка».

В 1771 году Гадячская полковая канцелярия Полтавской губернии вела переписку с Кошем Запорожской Сечи, требуя выдачи казака Федора Волощенко, переселившегося в местечко Котовку с двумя работниками и всем имуществом, включая 36 волов и 2 строевые лошади.

На следующий год в Котовке обосновалось уже несколько семей крестьян, приписанных к Гадячскому полку и принимавших участие в восстании против его командира Милорадовича.

После ликвидации Запорожской Сечи Котовка вместе с пахотными землями и угодьями была пожалована Екатериной Великой в качестве «ранговой дачи» полковнику Л.С. Алексееву, ставшему одним из крупнейших землевладельцев края.

В документах 1785 года она значится как слобода Алексопольского уезда Екатеринославского наместничества, а с 1797 года — Новомосковского уезда Новороссийской губернии. Помещику принадлежало 12,3 тысячи десятин земли, в том числе 8,5 тысячи — пахотной. В имении действовали полотняная фабрика, оснащенная механическими станками, винокуренный и конный заводы.

Выгодное географическое положение Котовки, через которую проходили дороги с чумаками за крымской солью из Полтавы и Харькова в Екатеринослав и Новомосковск, способствовало появлению в ней торговли сельскохозяйственными продуктами, ремесленными товарами, изделиями народных промыслов.

Путем жестокой эксплуатации крестьян — барщина в экономии Алексеева достигала пяти дней в неделю — богатый помещик наживал огромные барыши. Среди селян постепенно зрело недовольство, говоря современным языком, сельским олигархом, готовое перерасти в пушкинский бунт, «бессмысленный и беспощадный».

В 1856 году бунт прокатился по многим южным губерниям под лозунгами — «Долой крепостничество!», «Долой рабство!», «Требуем волю на нашу долю!». Среди крестьян екатеринославской и соседних земель это антикрепостническое движение получило название «Поход в Таврию за волей».

Нищенское существование, политическое бесправие даже после отмены в 1861 году Александром Вторым крепостного права толкали крестьян на борьбу против помещиков и царской администрации. 29 августа 1884 года жители Котовки подожгли в экономии амбары с зерном, другими продовольственными запасами и уничтожили посевы.

В феврале 1898 года местный крестьянин Д. Редька распространил слух об увеличении земельных наделов. В донесении полицейского урядника от 16 января 1900 года сообщалось, что житель Котовки крестьянин Д. Панченко агитировал односельчан отобрать землю у помещика, за что был арестован и предан суду.

Революция 1905 года подняла самосознание народа на новую высоту. В конце года, а точнее в ноябре, забастовочная борьба приобрела настолько острый характер, что главный екатеринославский администратор вынужден был просить своего коллегу полтавского губернатора помочь войсками — ввести

солдат в Котовку.

На вопрос котовского начальника: «Чего они восстают?» селяне ему отвечали просто: «Собака лает там, где она привязана!»

Сегодня мы бьем челом Столыпину, делаем из него спасителя России, забывая о его больших грехах, в том числе и «столыпинских галстуках»:

Цитат Столыпина уж рать
О выживании России
Но позабыли рассказать
Как «галстуки» его носили…

Забыли и про то, что столыпинская аграрная реформа ускорила процесс расслоения крестьянства. С каждым годом в селе увеличивалось количество безземельных и безлошадных хозяйств. Появились крупные землевладельцы, которых потом назвали кулаками. Период столыпинщины в Котовке был похож на нашу современную жизнь, где рядом с замками, виллами, коттеджами сегодняшних нуворишей можно встретить обилие «фанерных скворечников» или «собачьих будок», принадлежащих простому люду, построивших их на свои честно заработанные, потом пропахшие и даже кровью политые в Афганистане и других горячих точках рублики.

В «Справочной книге Екатеринославской епархии за 1913 год» говорилось:

«Во внешнем виде села также появилось социальное неравенство его жителей. Помещичье имение, окруженное тенистым садом с искусственными прудами и живописными беседками, возвышалось среди крытых соломою хат, теснившихся вдоль узких кривых улочек. В Котовке не было больницы — село входило в Гупаловский врачебный участок, объединявший 5 волостей с населением 37 тысяч человек.

Большинство крестьян лечилось у знахарей, детская смертность была крайне высокой. Церковно-приходская и сельская одноклассная земские школы не могли охватить всех желающих учиться…»

В ноябре 1916 года в селе стали распространяться листовки, изданные Екатеринославским комитетом РСДРП. В них призывали солдат повернуть штыки против царя и помещиков. А скоро наступил и Октябрь 1917 года, встреченный жителями Котовки с радостью. События революции, или переворота, как кто

воспринимает это важное событие в жизни России, активизировали трудящихся Котовки на борьбу против местных богатеев.

Именно в этой обстановке рос Николай Кравченко в родной Котовке, ставшей для него навсегда малой родиной, которую он любил всем своим пылким и горячим сердцем.

Николай с детских лет увлекался рыбной ловлей. Он, как и его сверстники, понимал: там, где есть вода, там имеется и рыба, и ее стоит ловить. Нередко с друзьями подросток отправлялся с удочками на реку Орель или к прудам. Однажды он принес на лозовом кукане килограмма два рыбешек.

— Мамо, посмотрите, сколько я поймал, — танцуя и подпрыгивая на одной ноге, он протянул вязку речных трофеев. (На Украине к старшим и родителям дети обращались только на «вы». — *Авт.)*.

— Молодец, сынок, жаряночка на вечерю уже есть, — на материнском лице засветилась улыбка, в последнее время редко появляющаяся из-за бытовых трудностей и военного лихолетья.

— Мамо, я еще наловлю!

— Голодать, значит, не будем?

— Конечно, нет… рыбы в речке и в ставках полно. Меня хлопцы научили по-настоящему подсекать. А то я торопился и дергал, как сумасшедший. Даже маленькая плотвичка срывалась с крючка. Я сегодня больше всех поймал.

— Как говорится, проголодаешься, так сам догадаешься. А вообще не хвались, другой раз можешь оказаться неудачником, — заметила мать.

Рос Николай смышленым пареньком, хотя поначалу был робок среди сверстников. Но вот что удивляло родителей — с годами его все больше и больше тянуло к старшим, где он постигал то, чего одногодки, а тем более младшие по годам не знали не ведали.

Детство Коли было опалено огнем Гражданской войны, которая горячим, долго не остывающим катком прокатилась и по землям Екатеринославской губернии. Она принесла в каждую семью голод, холод и мордобой. Сыновья воевали с отцами, отцы убивали детей. Красный брат убивал белого брата. В казаках началось такое брожение, что один из столпов большевистской власти Лев Троцкий призывал к уничтожению станичников, их быта и традиций, требовал поголовного «расказачивания», что активно применялось на практике.

А ведь еще Л.Н. Толстой говаривал: «Казаками построена Россия!» Наверное, с этим нельзя не согласиться. Тогда как Троцкий утверждал обратное:

«Казаки — единственная часть русской нации, способная к самоорганизации. По этой причине они должны быть уничтожены поголовно… У казачества нет заслуг перед русским народом и государством. У казачество есть заслуги лишь перед темными силами русизма… Особенно рельефно бросается в глаза дикий вид казака, его отсталость от приличной внешности культурного человека западной полосы. При исследовании психологической стороны этой массы приходится заметить сходство между психологией казачества и психологией некоторых представителей зоологического мира… Насущная задача — полное, быстрое и решительное уничтожение казачество как особой экономической группы, разрушение его хозяйственных устоев, физическое уничтожение казачьего чиновничества, вообще всех верхов казачества, распыление и обезвреживание рядового казачества».

Это было зверство не только главного атеиста большевиков, но и русофоба-человеконенавистника.

Следует заметить, что Ленин поддерживал «первого барабанщика революции», тогда как Сталин относился к этим событиям мягче, считая, что достаточно большая часть казачества лояльно относилась к советской власти. И это была правда до тех пор, пока некоторые политики не перегнули палку. Она не выдержала напряжения и треснула. Спицы в колесе тачанки недовольства шагами Троцкого со стороны казачества оказались не все поломаны. Началась месть кровавой рубки.

Что касается августовского периода города Екатеринослава образца 1918 года, то власть там часто менялась. Из воспоминаний жителя города того времени Перепечи Ивана Ефимовича:

«Жили мы в водовороте перемен. Вот идут и едут петлюровцы — уставшие, невеселые, все как один в запыленных чоботях — сапогах, барашковых шапках, синих свитках и пешадралом, и на хорошо откормленных и породистых лошадях. После них в городе и близлежащих селах и хуторах появились воровские фигуры мародеров в солдатских шинелях.

Это дезертиры из воинских частей. Потом с уходом петлюровцев наступало междувластие. Местные офицеры берут город под свою охрану. На постах часто можно было видеть не солдат, а офицеров. Патрулями по городу тоже ходили офицеры младших званий, естественно, при оружии — револьверах и саблях или шашках.

Через сутки после офицерской охраны городских границ пронеслась весть: на город двигается туча большевиков. Красную

кавалерию кто-то видел в балках на подступах к Екатеринославлю. И рано утром Феодосийский офицерский полк покинул казармы и в полном вооружении с пушками на повозках двинулся по направлению Крыма.

Но утром в город ворвались не большевики, а махновцы. Они тоже основательно перетрясли город. Потом все-таки явились краснознаменные большевики. Потоптались, помитинговали, постреляли, кого им надо было отправить на тот свет, и снова понеслись, как перекати-поле, куда-то завоевывать пространство для российской революции.

Утром примчался казачий атаман Шкуро со своей волчьей сотней. Волчьей стаей называлась сотня потому, что на шапках у них красовались волчьи хвосты.

У церкви состоялось богослужение в честь их прибытия. Ораторы выступали прямо сидя на лошадях. Говорили страшилки: о кровавых казнях большевиками зажиточных людей и тех, кто косо смотрел на советскую власть.

Местная публика любила перемены: каждое войско встречали цветами, улыбками и семечками. Богата была тогда Украина. Попы жили зажиточно, «…не то, что нынешнее племя».

Единственно, что плохо было, это с одеждой. Грабили людей не из-за денег, а из-за понравившейся одежонки. Из-за недостатка мануфактуры часто даже выкапывали недавно захороненных мертвецов, быстро раздевали, нередко оставляя их в непристойных позах. Евреи ставни в своих домах закрывали из-за боязни погромов, а они тут бывали часто. Казаки и не только они считали евреев моторами антирусской революции.

На следующий день пришли добровольческие части. Сутки побыли, а на следующую туманную ночь раздалось мощное «Ура!» — крики, скрип телег, и город снова взят махновцами. На этот раз они были злые, как никогда, — грабили, насиловали, убивали. Женщины и девушки прятались, кто где смогли Убегали в далекие села и глухие хутора к родственникам и знакомым».

МАХНОВЩИНА

Кони версты рвут наметом,
Нам свобода дорога,
Через прорезь пулемета
Я ищу в пыли врага…

Нестор Махно

Махновщина, так называемые вооруженные повстанческие формирования, стала родимым пятном Украины. Она врезалась в память народную бандитизмом, хаосом, бесправием и пьяным разгулом.

Та атмосфера, которая окружала губернский город в годы Гражданской войны, была одинаково характерна для сел и хуторов Екатеринославщины: большевики, бандиты, добровольцы, атаманы, дезертиры, нищие… Стрельба, воровство, грабежи, трибуналы, казни. Разбойники разных мастей гуляли по краю.

Жилось сельчанам не здорово: каждая новая власть, проходившая обозами или пролетающая эскадронами, одинаково грабила дома «голубых рабов». Так местные называли землепашцев, которые целыми днями пропадали в поле — от посевов до сбора урожаев. Поэтому запасы зерна прятались в земляных ямах. И не только хоронили хлеб, но и все то из продуктов, что могло быть экспроприировано непрошеными гостями. Особенно боялись отчаянных, развязных и пьяных махновцев-гуляйполевцев.

Отец Николая трудился на злачном месте, как говорили завистники-соседи, — поваром в столовой, поэтому иногда баловал родных сэкономленными «излишками калорий»: то сахарку принесет, то десяток картофелин захватит, то кусочком сала одарит семью, а порой и вареными яйцами порадует.

— Эти «излишки калорий — результат усушек и утрусок», — улыбаясь, говорил он супруге, кладя на стол деликатесы.

— Ой, смотри, а то сраму не оберешься, если прихватят тебя с этими «излишками», — корила его жена. — А то посадють, тогда без тебя нам всем гаплык.

— Глупости ты мелишь, шо я ворюга якойсь? Так енто излишки стола, — не пудами же ношу, а крохами в кармане.

— Все равно, будь осторожен.

— Не забывай, милая, меня часто одаривает и сам хозяин столовой, — пытался оправдаться Григорий.

— Тебе виднее… А мне страшно. Поймають — позора не оберешься.

— Не боись… Усе будет в норме.

— А где та норма?

— В голове! — сердился Григорий, продолжая носить то, что давали и что можно было незаметно умыкнуть. Время было нелегкое…

* * *

Часто в Котовку наведывались проездами атаманы разных отрядов, банд, сотен… Но самыми впечатляющими были визиты отрядов батьки Махно.

— Коля, принеси дровец и разожги плиту, — попросила мать.

Он тут же побежал в небольшой сарайчик, где лежали солома для растопки, валежник и поленья всегда сухих дров. Отец держал под контролем топливный вопрос. Всегда заготавливал дровишки впрок. Через полчаса плита гудела, тяга была отменная. Ведь выложил ее друг отца — печник Спиридон Макуха.

— Такого мастера в округе не сыскать, — частенько именно так рекомендовал его селянам Григорий.

Сидя у печки, Николай разомлел. Щеки сделались розовыми от жары. Он наслаждался огненными языками, стелющимися горизонтально и устремленными из-за той же тяги в горловину дымохода. И вдруг услышал заливчатый свист на улице.

«Так свистеть может только Гриша», — подумал Николай и бросил просящий взгляд на мать.

— Небось, снова Гришка приглашает?

— Ага, а вы угадали!

— Трель твоего соловья уже изучила. Ну иди, иди, только трошки погуляй и домой. Сам видишь, сумасшедшие махновцы колобродят.

— Ой, спасибо, мамо.

Николай выбежал на улицу. У разлапистой яблони, увешанной желто-красными плодами, возле калитки стоял улыбающийся Гришка Проценко.

— Идем к махновцам… За десяток груш Славке дали выстрелить из винтовки. Может, за яблоки они и нам дадут пальнуть в небо. Ребята набили картузы поспевшими ароматными яблоками и помчались в сторону остановившегося обоза.

Гришка был постарше Николая на несколько лет, что в детстве всегда заметнее — идет ведь интенсивный рост. Завидев

на повозке полусонного с закисшими глазами махновца с прилипшим к нижней губе замусоленным окурком самокрутки и видавшим виды карабином, Гришка подошел к нему и предложил яблоки за выстрел.

— А ну покажи… Сладкие или кислятина?

— Сладкие, дядьку!

Махновец взял картузы с яблоками, высыпал их на сено, а потом грызнул со смачным хрустом плод.

— Фу, они у вас кислые.

— ???

— Кислятину принесли мне…

— Дадите выстрелить?

— Шо-о-о? Марш отсюда, сопляки голопятые, — и замахнулся плеткой на обескураженных ребят, которые тут же ретировались — просто убежали…

Вечером, придя с работы, отец рассказал жене о ЧП, происшедшим в столовой.

— Зашли шестеро бандюков, понимаешь, у столовку. Вонючие, замурзанные, при оружии — пистолями и винтовками и с патронными лентами наперекрест. Поставили четверть мутного самогона на стол и как закричат хором: «Столы накрывайте, недотепы!..» Ну официантки и подсуетились. Угостили всем что было. Они и начали колобродить: пили и чавкали долго, а потом с пьянки стали палить в потолок из револьверов и винтовок. Поставив одного у входных дверей, махновцы решили расслабиться плотью, понимаешь. Стали гонятся за женским персоналом. Поначалу перепортили всех наших молоденьких бабенок. В ход пошли не только молодицы, но и бабка Прасковья, а ей уже за семьдесят. Нарезвились пятеро, а потом, подождав пока «отдохнет» шестой, покинули столовую. Хорошо, что еще пулями не побили стекла в окнах, а то бы было мытарство — стекол нынче нигде в округе не достать.

— Изверги, что могу сказать, — ответила супруга. — А мне Катерина, та, что живет у магазина, рассказала: шинок яврея пограбувалы. Горилку и винцо частью выпили, частью забрали с остальным понравившимся им барахлом. Вынесли из хаты усе, нужное им, и погрузили на подводы. А жинку его Софью згвалтувалы. Знасильничали паскуды вонючие.

— Вот басурманы доморощенные, чорты погани, — возмутился муж. — Вчера Ивана, хозяина мельницы, ограбили. Забежали во двор, а там дядьки из соседнего села как раз загружали муку на подводы, смололи пшеничку. Забрали усе мешки, а их за сопротивление сильно побили прикладами и шомполами. А потом зашли на мельницу и там все забрали.

Вымели до зернинки в мешки.

— Когда же это все кончится?! — не то спросила, не то воскликнула от негодования жена Григория.

— Кончится тогда, когда какая-нибудь власть не наведет порядок в дэржаве. Дэржавы ж нэма. Вона у хаосе пена должна осесть, а ей надо время…

Трое суток резвились махновцы, пьянствуя, насилуя, грабя граждан. На майдане, где выстроились повозки обоза, развевался черный не то транспарант, не то хоругвь, отороченная снизу золотистой бахромой. Горизонтально по ткани был вышитый белыми мулине призыв: «Смерть всім, хто на перешкоді здобутья вільності трудовому люду!» — («Смерть всем, кто препятствует достижению свободы трудовому народу!» — *Авт.*)

Под словом «смерть» зловеще красовались белый череп и перекрестие двух костей, ввергая простолюдинов в неприятное чувство страха за свою жизнь и родичей. Старший отряда, назвавший себя Луговым, заявил собравшемуся на митинг народу:

— Мы — воины революционной повстанческой армии Украины во главе с вашим земляком и нашим вождем Нестором Ивановичем Махно воюем против хаоса в державе. Главный наш враг, как говорил наш атаман, батько и товарищ, дорогие селяне, — добровольцы Деникина. Они хотят вернуть царя-изверга. Не допустим кровопийца и его ставленников на местах — помещиков. Надоели эти бары. Большевики — все же революционеры. С ними мы можем рассчитаться потом. Сейчас все силы надо направить против военного помещика Деникина. Он не должен получить от вас «ни зэрнынкы, ни картоплынкы». (Это означало по-русски «ни зернышка, ни картошины». — *Авт.)* Замеченные в помощи золотопогонникам селяне будут безжалостно нами уничтожаться как враги трудового народа. Мы у вас не забираем, а просим на существование армии, которая воюет за свободу трудового народа. Потом все отдадим с лихвой…

Он еще долго говорил что-то о патриотизме, о выпущенных повстанцами деньгах-купонах, на которых были изображены атаман, серп и молот. По этому поводу ходила шуточная частушка:

Гей, кумэ, нэ журысь!
В Махна гроши завэлысь,
А хто их не братэмэ,
Того Махно дратымэ…

Этими деньгами часто расплачивались повстанцы с населением. Много было поддельных купонов, даже рисованных цветными карандашами. Тех, кто сомневался в их подлинности, угрожали забрать или «спалыть хату». Но, по другим данным, их атаман не выпускал — это был плод все той анархистской самодеятельности, которая гуляла в крае. Клепали, штамповали и рисовали их художники-мастера в сельских хатах-штабах в разных подразделениях сельской армии.

На третьи сутки утром отряд махновцев двинулся на Екатеринослав…

* * *

Коля Кравченко школу-семилетку закончил в родном селе в 1928 году. Получить сельскому парню семилетнее образование по тем временам было большим достижением. В конце двадцатых и начале тридцатых годов в основном из сел уходили селяне в города с образованием начальной школы. С четырехлетками воевали командирами, даже становились полководцами и трудились инженерами наши отцы и деды. С четырехлетним образованием практически шли на партийную работу, а потом и в вожди. Опыт нарабатывался, и навыки со временем набивались природной смекалкой и трудолюбием.

Это был период сплошной коллективизации, раскулачивания и борьбы за утверждение нового порядка в землепользовании, когда насилие власти попытались регулировать и применять только до известного предела. Но допущенное насилие — оно всегда переходит границы. Попытки его контролировать усилиями разума, декретами власти ни к чему не приводили и до сих пор не приводят.

Великий мыслитель земли Русской Л.Н. Толстой по этому поводу говорил, что «как только дело решается насилием, насилие не может прекратиться…»

При решении дела насилием победа всегда остается не за лучшими людьми, а за более эгоистичными, хитрыми, бессовестными и жестокими, потому что хорошие люди слабее плохих. Как говорится, Бог всемогущ, но и черти не лыком шиты. Дьявол в аду — положительный образ!

Изворотливые «специалисты» сельской нивы сделали все для того, чтобы превратить в дальнейшем крестьянина в беспаспортного раба с вознаграждением за полевую каторгу символичным трудоднем. Насилие над деревней влилось ядом в души крестьян, а для тех, кто его готовил, оно казалось правом,

потому что повторялось потом из месяца в месяц и из года в год. Где тщетна мягкость, там насилие законно. Сельский народ в основном молчал. А если и возникали вспышки гнева, они тут же глушились силой. Для власти каждый перечеркнутый минус — это плюс…

Шел во многом знаковый по исторической литературе 1929 год. Это был год, когда сталинский курс на индустриализацию и коллективизацию обрел форму чрезвычайной мобилизации по стране. Поводом для этого послужил знаменитый «черный четверг», случившийся на Нью-Йоркской фондовой бирже. Он ознаменовался началом катастрофического экономического кризиса во всем капиталистическом мире. Страны Запада, стянутые долларовым обручем в системе рыночной экономики, попали в глубокую депрессию. Началось неудержимое падение производства, зарплаты, доходов, занятости, уровня жизни, то, что сегодня называют рецессией.

Что-то подобное мы наблюдали в России в 1998 году и опять сегодня все в той же нами любимой Родине. Но и на Западе не стало легче, раньше «буржуины» жили роскошнее. Но на экономическую обстановку в СССР образца тридцатых годов «черный четверг» никак не повлиял. Наша страна успешно развивалась.

Почему? Дело в том, что мы были изолированы от мировой экономики, и защита внутреннего рынка государственной монополией на внешнюю торговлю в сочетании с переходом к планированию служили своеобразным эскарпом против опасной машины экономического кризиса, гроза которого прошла стороной.

Больше того, социалистическая индустриализация набирала темпы, но ценой ломки устоев деревни. Яростный штурм первой пятилетки сочетался с началом коллективизации сельского хозяйства. В этом мареве хаоса и насилия оказалось крестьянство. Но, как говорится, борясь с адом, святые сатанеют.

Да, после революции крестьяне получили землю, и все же, несмотря на курс, взятый на культурную революцию в селе — строительство школ, клубов, библиотек, изб-читален и прочее, — жили они в нищете, забитости и бескультурье.

В южных районах Украины в тот период главными строительными материалами были ракушечник, глина и лоза. Хаты-мазанки с «доливками» — глинобитными земляными полами — были не редкостью. Печи и плиты топились всем, что могло гореть, даже кизяками. Эти высушенные на солнцепеке лепешки спасали крестьян, живших в степных безлесных районах.

* * *

На селе начинался процесс вербовки рабочей силы. Урбанизация открыто заявляла о себе. Это была черная дыра — воронка, которая засасывала молодые, крепкие силы станиц, сел, деревень и хуторов. Но и без уговоров молодежь уходила из сельской местности на стройки заводов и фабрик в города. Приходили крестьяне на производства целыми деревнями во главе со своими «старшинами» и даже собственным инвентарем.

Отец Николая, несмотря на особенность профессии, интересовался «жизнею людскою», читал газеты, слушал радио и соображал, что грядет новое во многих ипостасях время, разительно не похожее на прежнюю жизнь. Но сельский быт кардинально не менялся ни в его семье, ни у станичников.

— Мыкола, как только ты закончишь семилетку, учись дальше, добудь какую-нибудь профессию. Десятилетка тебе тоже не нужна — мотаться в город. И в селе парубку делать нечего. Тут будет со временем очень тяжко. Земли у нас лишней нет. За нее еще предстоят большие бои. Налогами крестьянина задавят. Огород только на прокорм. Вообще останутся доживать тут одни старики, молодежь не захочет жить в этих скотских условиях, — грамотно, с перспективой на будущее философствовал отец.

— Батька, да я сам вижу, куда жизнь потекла. Хотя директор школы нам и рисовал красивое будущее колхоза, многие выпускники с ним не согласны. А учительница по истории прямо сказала, что загонят селянина, как скотину в стойло, — среагировал сын.

— Вот-вот, а в стойле скотина стоит, как правило, привязанная. Привяжут колхозами и селянина — налыгачи найдутся…

— Поеду, наверное, поступать в техникум.

— В какой?

— В землеустроительный, в Днепропетровск. Там же наши хлопцы есть, уже двое учатся. Хвалят профессию!

— Ну что же, нормальная специальность — хоть с землей, но не пыльной.

— Я тоже так думаю…

На семейном совете так и решили отец и сын.

А в селе Котовка появление колхоза вызвало конфликты, неразбериху, отстаивание права на свою собственность. Никто не хотел отдавать в колхоз земельные нарезы, скотину и инвентарь. Селяне к данному вопросу подходили со своей мелкобуржуазной меркой, особенно это касалось отдачи зерна в чужие руки. Трехлетняя битва в ходе хлебозаготовок обнажила проблемы не с

кулаком, а с середняком-«подкулачником». Более того, против коллективизации выступили духовные отцы: православные и даже мусульмане.

Однажды Николай был свидетелем, как к соседу Никанору пришли державные люди и стали громко ругаться с хозяином двора.

— Не отдам, — кричал Никанор. — Ни за что не отдам свою лошадку. Она моя выручалочка-кормилица. На ней и дровишки вожу, и сенцо для коровки. Без нее я погибну и погублю всю семью. Что вы, ироды, делаете?

— Мы протокол составим! — кричал весь раскрасневшийся от волнения милиционер.

— Составляйте, а коня вам не отдам, хоть стреляйте, — ярился Никанор.

А когда потребовали вывести из сарая и корову, сосед забежал в сарай и мигом выскочил с острозаточенными и поблескивающими на солнце вилами.

— Заколю, попробуйте только троньте Зорьку.

Потоптались чиновники по двору со щупами — искали закопанное «в припряте» зерно — и покинули его пораженцами, понимая, что неистовство коллективизации все равно сломает Никанора и ему подобных не сегодня, так завтра непременно. Когда комиссия покидала двор, Никанор им вслед закричал:

— В колхоз вступлю, но с пустыми руками!

Прошло почти полгода, и власти стали отмечать массовый забой скота. В августе-сентябре он приобрел немыслимый размах. Селяне резали коров, свиней, телят и даже лошадей. За неделю Никанор заколол двух поросят и обратился к Григорию Кравченко с просьбой «забрать жизнь у Тумана» — любимого жеребчика.

— Гриша, сам не смогу я это действо совершить. Ты с Мыколой уж подсоби, а я потом подключусь. Ты завтра не выходной?

— Свободным я буду только послезавтра, — ответил Григорий.

— Скорей бы закончить задуманное, иначе ведь заберут до табуна, — размышлял Никанор.

Коня все-таки силой забрали в колхоз, а вот корову он успел зарезать. Николай видел, как выводили на убой Зорьку. Прослезился совсем не малость — он рыдал по-бабьи глубоко, голося и причитая.

Виновато взглянув на кормилицу, он обратил почему-то внимание на потухшие, безразличные синие, как сливы, глаза коровы…

«Наверное, она чувствовала свой неизбежный конец», — подумал Никанор и снова зарыдал…

* * *

Днепропетровск образца 1928 года встретил сельского подростка непривычным ему гомоном, грохотом трамваев, свистками паровозов и дымами заводских труб. В одной из газет он прочитал, что в городе насчитывается более ста шестидесяти трамваев и продолжается активное строительство трамвайных путей. Нашел и информацию о том, что к концу года городская электрическая чугунка перевезла почти тридцати восемь миллионов пассажиров…

Все это впечатляло и удивляло Николая.

Вступительные экзамены в землеустроительный техникум он сдал успешно. О том, что его зачислили, узнал из приколотого кнопками списка на доске объявлений. После этого дали бесплатное общежитие. Учеба оказалась нетрудной — спасали цепкая память и усидчивость. Но особого желания трудиться по этой специальности не возникало. Отучившись два курса, он в качестве землеустроительного практиканта попадает в окружное земельное отделение поселка Соленое, находившегося в каких-то трех десятках верст от Днепропетровска.

Практиковался с января 1929 по сентябрь 1930 года. Много помогал и в домашнем хозяйстве на огороде, и при заготовке дров, когда приезжал на побывку домой. Готовился к службе в армии, проявив перед одногодками инициативу- «подкачаться». Набирался силенок на сооруженном во дворе из старого лома турнике и поднятием тяжестей. Для крепости духа, как где-то он прочитал, нужна крепость тела. С этой целью с мая по октябрь 1931 года трудился грузчиком на заводе имени Ворошилова в Днепропетровске.

Физическую закалку для службы в армии получил достойную. Заводской мастер цеха дядя Федя, познавший, что Николай устроился на завод, чтобы набраться силенок, как-то заметил:

— Коля, я скажу тебе, ты молодец, физические упражнения могут заменить множество лекарств, но, увы, ни одно лекарство в мире не может заменить физические упражнения. Движение — кладовая жизни, это сама жизнь. Работающие мышцы удлиняют жизнь. Помни это всегда.

Военная служба в те годы была почетной обязанностью. Авторитет служивого оставался высок. Девчата «белобилетчиков» обходили стороной, считая их ущербными, слабаками, паиньками, болявыми, не способными воспроизвести здоровое, крепкое потомство. «А где и на какие средства потом лечить больных детей?» — наверное, так рассуждали будущие матери.

«А чего там, — мыслил Коля Кравченко, поступая на завод, —

и денежки будут, и силенок приобрету. Они сгодятся в армии».

Один из соседей, казак Дмитрий Панченко, участник Первой мировой войны, рубака эскадронный, знавшей Николая с детства, как-то заметил:

— Смотрю на тебя, Коля, вон какой вымахал. Иди в армию и попросись в конницу, она еще себя не исчерпала. Кони — это быстрота, маневры, внезапность. Ты же казацкого рода. Думаю, обязательно попадешь в кавалерию. От солдата требуются прежде всего выносливость и терпение, храбрость — дело второе. Она приходит в момент совершения главного ратного действа — подвига.

— И мне хочется туда. К лошадям с детства привык. Наездился и с подводой, и верхом. Мозоли добрые набил на ж…

— Ну так тебе же и карты в руки.

Как в воду глядел старый вояка…

ЧЕРВОНОЕ КАЗАЧЕСТВО

Слава богу, что мы казаки.
Вот молитва казачья святая,
Наши сотни и наши полки
С нею крепнут от края до края.

Ксения Курбанова

Как потомственный казак, Николай действительно попал служить в казачьи войска в город Харьков — второй по численности город Украины, столицу до 24 июня 1934 года УССР.

Как известно из послужного списка, Николай Григорьевич Кравченко служил рядовым 1 — го кавалерийского полка 1 — й кавалерийской дивизии красного Червоного казачества Киевского военного округа с октября 1931 по октябрь 1933 года.

Он стал прекрасным кавалеристом, потому что еще дома, как говорилось выше, слыл удалым наездником. Не раз Николай, как опытный всадник, удивлял котовских девчат, проносясь лихим галопом по пыльным улочкам родного села, поэтому все упражнения джигитовки сдавал только на одну оценку — отлично.

Одно время был и запевалой в подразделении. Часто приходилось обращаться к словам «Марша Буденного». Любили армейцы эту песню, особенно когда она исполнялась в конном строю, проходя иноходью с развернутым знаменем и шашками наголо мимо трибун или на плацу при тренировках:

Мы — красные кавалеристы,
И про нас
Былинники речистые
Ведут рассказ:
О том, как в ночи ясные,
О том, как в дни ненастные
Мы гордо,
Мы смело в бой идем…

Николай Кравченко очень любил этот род войск.

Вообще говоря, о казачестве, о системе их боевой подготовки

есть смысл обратиться к словам Наполеона Бонапарта. В своих воспоминаниях о войне 1812 года он писал:

«Казаки имели свою собственную систему подготовки и тренировки боевых коней, но еще одним секретом их сокрушительных атак было джигитовка. Надо отдать справедливость казакам, это они доставили успех России в этой компании.

Казаки — это самые лучшие легкие войска среди всех существующих. Если бы я имел их в своей армии, я прошел бы с ними весь мир».

Несколько слов хочется сказать о самом термине «червоное казачество».

Червоное казачество! Это общевойсковое соединение было создано для защиты советской Украинской Народной Республики со столицей в Харькове в противовес Украинской Народной Республике с ее главным городом Киевом и частями так называемого Вольного казачества. В то же время Червоное казачество являлось одним из воинских формирований в составе Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА).

Формирование полков Червоного казачества по своей сути стало началом образования регулярной РККА не только на Украине, но и на территориях бывшего СССР. Надо отметить, что указ о создании Червоного казачества был подписан 10 января 1918 года, то есть раньше официальной, многими либералами считающими надуманной, даты рождения Красной армии — 23 февраля 1918 года.

Действительно, в документах Министерства обороны России подтверждено, что в районе деревень Большое и Малое Лопатино под Псковом около одной тысячи бойцов 2-го красноармейского полка под командованием А.И. Черепанова 23 февраля 1918 года вступили в бой с передовым отрядом, состоящим из четырех немецких дивизий, наступавших на Петроград. По воспоминаниям комполка, немцев остановили у этих деревень, «потрепав здорово».

Вот почему 23 февраля — день наиболее напряженных боев на Петроградском направлении, день массового вступления в Красную армию рабочих и крестьян и мобилизации всех сил и средств страны на отпор врагам революции и Советской России — стал считаться днем рождения РККА.

* * *

В частях и подразделениях Червоного казачества в отличие от

красногвардейских отрядов, содержавшихся за счет предприятий, средства на обустройство «червонных» казаков выделяли партийные организации, а потом и Совет народных комиссаров — советское правительство. Командиров среди Червоного казачества не выбирали, их назначали сверху, как сегодня губернаторов.

Формирование этого соединения (дивизии) осуществлялось мобилизационным отделом Народного секретариата по военным делам республики. Комиссаром по организации и сколачиванию полков Червоного казачества партийное руководство Советской России назначило Виталия Марковича Примакова.

Родился и вырос он на Черниговщине в еврейской семье учителя. Рано примкнул к революционному движению. Так, будучи гимназистом, в 1915 году за распространение листовок и хранение огнестрельного оружия был осужден на пожизненное поселение в Восточной Сибири. Освободила его из заточения Февральская революция.

1-й полк Червоного казачества был создан в Харькове еще 28 декабря 1917 года под командованием В.М. Примакова, или, как его кратко и ласково называли, Маркович.

Кто же попадал служить в полк? Прежде всего основу его составляли украинские крестьяне, преимущественно казацкого происхождения, с территорий Левобережной — и Восточной Украины. Но в тридцатых годах Сталин и правительство Советского Союза поняло, что при троцкистской политике геноцида казачества оно лишилось здоровой части населения. И сразу же включило политический реверс — стало приглашать на Дон, Кубань и Терек советских граждан, награждая их «званием казака».

В результате чего в строю «красного казачества» уже не стало той монолитности, которая существовала раньше из местных призывников. Постепенно культивировался, а потом и прижился сплошной «интернационализм». По воспоминаниям одного из сотрудников штаба Войска Донского Николая Быкова, изложенных в его книге «Казачья трагедия», говорилось:

«Из этих народившихся «казаков» и стали формироваться воинские части. Но что это были за части, можете себе представить. Идет по улице военным строем такая вновь сформированная казачья воинская часть, но вы видите там все национальности: монголов, татар, армян, грузин, евреев и т. п., собранных со всех губерний и областей; казаков же, настоящих, там почти не видно…»

Немного истории.

1-й полк Червоного казачества выступил из Харькова 4 января 1918 года вместе с отрядами Красной армии и Красной гвардии

на борьбу против Центральной рады. Советские войска действовали успешно и уже 6 января захватили Полтаву, а 26-го пал Киев. Власть разбежалась, как тараканы при внезапном освещении.

В 1919 году кавалерийская дивизия Червоного казачества под командованием Примакова на протяжении месяца защищала Чернигов от наседавших белогвардейцев — Добровольческой армии генерала Деникина.

В 1920 году он уже — командир 1-го корпуса Червоного казачества. За бои под Орлом и Курском, а также за успехи в Советско-польской войне он был награжден двумя орденами Боевого Красного Знамени.

В 1923 году Примаков закачивает Высшие военно-академические курсы, а в 1925 году — Высшую кавалерийскую школу в Ленинграде. Некоторое время командует корпусом Червонного казачества, затем возвращается в Ленинград на должность начальника Высшей кавалерийской школы.

В 1925–1926 годах Примаков находился по линии военной разведки в долгосрочной командировке в Китае. В 1927–1930 годах проходит военную службу в качестве военного атташе в Афганистане и Японии. В 1931 году командовал стрелковым корпусом на Урале.

* * *

«Нужно сказать, кавалеристы — примаковцы, котовцы и буденовцы — были патриотами своих корпусов в те далекие времена. Этот патриотизм доходил до антагонизма», — вспоминал генерал А.В. Горбатов.

Известно, что К.Е. Ворошилов и С.М. Буденный нетерпимо относились ко многим выдающимся кавалерийским вожакам и вообще недооценивали роль героических соединений советской конницы, которые не входили в состав Первой конной армии. Отношения между конармейцами и Примаковыми вообще считались наиболее напряженными.

На февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года К.Е. Ворошилов иронизировал: «Он, Примаков, видел в нас конкурентов: он кавалерист, мы с Буденным тоже кавалеристы. И он, думая, что его слава затмевалась Буденным, ему не давали ходу вследствие того, что Буденный с его единомышленниками из Первой Конной армии заняли все видные посты в кавалерийском строю, он вследствие этого был недоволен и фрондировал».

Но это случится несколько позже, а пока его вместе с группой

видных военачальников, куда входили товарищи Дыбенко, Дубовой, Уборевич, Якир, посылают в Германию повышать образование в Военной академии генерального штаба. Вернувшись из Германии, он получил должность помощника командующего Северо-Кавказским военным округом.

С 1935 года — заместитель командующего Ленинградским военным округом. В это время в стране начались аресты видных военачальников. В июле 1936 года люди в васильковокрасных фуражках пришли и за ним.

Ему предъявили обвинение — участие в военном заговоре. Он не только признался в содеянном, но после девяти месяцев содержания в следственном изоляторе дал показания, по которым позже были арестованы многие командиры и комиссары, в частности, А.И. Геккер, Б.С. Горбачев, И.С. Кутяков и другие.

М.Н. Тухачевский, как руководитель готовящегося покушения против Сталина, тоже признался, что активная роль в заговоре отводилась комкору В.М. Примакову.

Суд над заговорщиками состоялся спустя год. 11 июня 1937 года В.М. Примаков был расстрелян по решению специального Судебного присутствия Верховного суда СССР. Реабилитирован при правлении Хрущева в 1957 году.

Такова судьба одного из полководцев Червонного казачества.

* * *

Во время службы в Особом отделе КГБ при СМ СССР по Прикарпатскому военному округу во Львове автору приходилось периодически бывать в городе Бугске, решая оперативные вопросы. В этом небольшом населенном пункте районного масштаба находились окружные склады медицинского имущества. Автора удивило то обстоятельство, что здесь, в конце 60-х годов прошлого века, проживало очень много местечковых евреев, и большинство из них, конечно, с их подачи, служили в полках Червоного казачества и в частях особого назначения (ЧОНах).

Один из знакомых по имени Константин умудрился в революцию поменять имя, отчество и фамилию и таким образом стал русским — Константином Яковлевичем Гориным. Хотя он перед автором не скрывал свою истинную национальность — ее было трудно скрыть.

Помню, я спросил его:

— Зачем был для вас этот маскарад, вы же тогда победили в революцию, положили на лопатки царский режим?

— Молодой человек, — ответил он, — вы же знаете, как гноило нас царское правительство через всевозможные цензы оседлости, запреты на профессии, ограничения. Вот люди и выкручивались, делались православными выкрестами, брали псевдонимы, меняли не только фамилии, но имена и отчества.

— И все же это непатриотично, — не унимался автор. — Почему надо стыдиться своей национальности?

— Такие шаги гарантировали право на нормальную жизнь в новом обществе…

Судя по количеству наград, видно было, что Константин дрался за советскую власть смело и умело. Вообще был порядочным человеком — помогал чем мог своим сослуживцам — больным, немощным и бедным. Деду Косте, каким автору — молодому лейтенанту он тогда казался, было далеко за шестьдесят. Он подолгу рассказывал о лихих кавалерийских атаках под Полтавой и Киевом. Не гнушался «стравить» и анекдот о своих соплеменниках.

— Не побьют свои? — помню, спросил я его, услышав из уст еврея порой скабрезные и явно антисемитские байки.

— А мы такие, что не боимся анекдотов. Юмор в любой форме придает сил. Только его надо понимать и принимать без обид. В анекдоте — сама жизнь, а от нее никуда не денешься, пока живешь на белом свете. Как говорил Карел Чапек, анекдоты размножаются почкованием. А вообще анекдот — это комедия, спрессованная в секунды.

— Боевой путь у вас в казачьем войске большой. Оставили мемуары, очерки, воспоминания, книги?

— Нет, некогда было, да и писать не очень любил и не люблю, — откровенно признался кавалерийский рубака. — Я по этому поводу отвечаю на такой вопрос старым сталинским анекдотом.

— Каким?

— Вот послушай: «Встретились Богдан Хмельницкий и Иосиф Сталин. Знаменитый гетман и говорит советскому лидеру:

— Мои казаки, Иосиф, все были чубатые, а твои — носатые!»

В частях Червонного казачества были и родовые «чубатые» казаки, пропитанные социалистическими идеями с желанием устроить и раздуть «мировой пожар на зло буржуям», т. е. планетарную революцию. Были и другие заблудшие. Однако руководящие должности занимали активные интернационалисты. Вот почему не на пустом месте рождались подобные анекдоты.

Основой формирования Червонного казачества стали Богунский и Таращанский красные полки, до этого служившие Украинской Директории. Начальником штаба у «казаков» был

Туровский. Политотдел возглавлял Минц, будущий академик-историк. Оперативной частью руководил Шильман, комиссаром 2-й дивизии являлся Гринберг. Редактором дивизионной газеты был Дэвидсон и т. д.

Как писал А. Азаренков, «сильно сомневаюсь, что все эти людишки по происхождению или по духу имели хоть что-то общее с казаками!..»

К концу Гражданской войны две дивизии Червонного казачества — Запорожская и Черниговская составили корпус под командованием все того же В.М. Примакова.

— Знаешь, мил человек, — сказал герой Гражданской войны, — мы не обижались, когда подсмеивались друг над другом в анекдотах: кацап — над хохлом, хохол — над евреем, а еврей — над кацапом… Не обижались мы и на слово «жид», потому что такие были среди наших, отличавшиеся жадностью, трусостью и неприятием революции. Как правило, это были шинкари… Все были едины и заняты борьбой с врагами социалистического Отечества.

И наверное, правильно, ксенофобия порождается там и тогда, где и когда нет мощной национально-державной идеи, а оттого и появляется в обществе национальная разбалансировка.

Юмор — это лечебная правда в безопасных для жизни дозах. Он, как плющ, вьется вокруг дерева. Без ствола он никуда не годен. Ствол — это коллектив, общество, страна, держава.

Как говорил английский романист Гилберт Честертон, «человек, который хотя бы отчасти не юморист, лишь отчасти человек».

Таким автору запомнился рубака Червоного казачества Константин Яковлевич Горин — борец за советскую власть на Украине.

КРОВАВЫЙ ГОД

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, —
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

Анна Ахматова

Николаю Кравченко тоже довелось быть «к несчастью» в несчастье со своим народом. Это случилось в смертельно опасном тридцать седьмом.

Именно после раскрытия военного заговора Сталин дал зеленый свет Ежову. Ежовщина породила кровавый тридцать седьмой, затащивший в водоворот событий жертвы, а в дальнейшем и самих палачей, ставших жертвами. Этот год со временем аукнется многим чекистам, в том числе и невиновным в репрессиях, как их понимает современник.

Пепел крематория и кровь расстрелянных «врагов народа» и оных без кавычек до сих пор будоражат души и тревожат сердца наших сограждан. В раструб кровавой мясорубки, правда уже без ножей, почти через двадцать лет, попал и молодой тогда сотрудник госбезопасности Николай Кравченко.

После окончания службы, как на достаточно образованного по тем временам, дисциплинированного, политически подготовленного и физически здорового молодого человека, обратил внимание сотрудник контрразведки и предложил стать чекистом.

Как мог юноша, покинувший пределы армейской казармы, отказаться от романтической профессии чекиста, о которой в тридцатые (а разве только в тридцатые?) слагались саги и пелись песни.

Но были и другие оценки происходящих событий, высказываемые в основном на кухнях среди своих близких и знакомых:

Позабыв все ужасы царизма,
Мы «доплыли» до социализма,

Это было, братцы, на беду
В девятьсот тридцать седьмом году…

Но большинство народа, особенно молодежь, практически не замечала того, что со временем назовут репрессиями или «историей одного кошмара». Есть смысл тем, кто заинтересовался этой темой, прочесть книгу Александра Елисеева «1937. Вся правда о «сталинских репрессиях». В ней очень много того, за что бы с автором Никита Хрущев расплевался, так как сам участвовал, и причем активно, в процессе той самой ежовщины.

После специальности летчика профессия чекиста стояла второй в списке самых престижных и модных. Таково было время, а его, это самое время, люди не выбирают как для своего появления, так и для дальнейшей жизни.

Кравченко дал согласие и после краткосрочных курсов был принят помощником оперуполномоченного спецотдела — секретно-политического отдела (СПО) Краснокутского райотдела ОГПУ Харьковской области. Здесь же он обрел и первую самостоятельную должность — оперуполномоченного все того же отдела, но теперь уже НКВД.

Первая же чекистская несамостоятельная должность помощника оперуполномоченного спецотдела, или просто стажера, оставит впоследствии глубокую зарубку на судьбе оперативника и станет основанием для придирок, а скорее поводом для отмщения Никитой Хрущевым за спасение не столько «Большой тройки» в 1943 году в Тегеране, сколько самого Сталина, которого он как льстец и лицемер, которых немало оседало и оседает во властных структурах, любящих властвовать над людьми, чуть не обожествлял, однако, как законченный властолюбец, страстно желал его падения.

Как же и чем «зацепили» кремлевские партийцы в будущем фронтовика генерал-майора Николая Григорьевича Кравченко?

Это были материалы о реальной деятельности разветвленной шпионской и диверсионной сети 2-го Отдела генштаба польской армии — «Польской организации войсковой» (ПОВ), преступно действовавшей на территориях Московской, Ленинградской, Харьковской и других областей СССР. Главными структурными звеньями этой организации были польские резидентуры.

Об этой организации пойдет разговор ниже.

За период довоенной службы его высшими руководителями — небожителями на чекистском небосклоне были Менжинский, Ягода, Ежов и Берия, каждый из них оставил свой заметный след, в том числе и кровавый, в истории страны. Если к первому особых

вопросов у населения и Кремля не было и он ушел из жизни естественно, после тяжелой болезни, то к последним трем партийно-чекистским вождям применялись крутые меры, как тогда говорилось, акции социальной защиты: их устранили от общества путем физической расправы.

Каждый из троицы измазал свои руки кровью невинных жертв в ходе политических репрессий. Но больше всех постарался угодить Кремлю суетливый карлик с начальным образованием, «железный нарком» НКВД СССР Николай Иванович Ежов, назначенный на эту должность из партийных рядов для корчевки «ягодинцев», которым не доверял теперь вождь за его связи с троцкистами и заговорщиками.

Наверное, Николай читал хвалебную оду Джамбула Джабаева, народного поэта Казахстана, посвященную «железному наркому» и своему тезке. Она так и называлась «Баллада о наркоме Ежове».

Вот ее начало:

«В сверкании молний ты стал нам знаком,
Ежов, зоркоглазый и умный норком.
Великого Ленина мудрое слово
Растило для битвы героя Ежова.
Великого Сталина пламенный зов
Услышал всем сердцем, всей кровью Ежов…»

К великому сожалению, он услышал «пламенный зов» для пролития не своей, а чужой крови. Она разлакомила вампира. Нарком внутренних дел уже кровью одного дня и одного человека не мог насытиться. Он постепенно становился упырем.

Массовые репрессии периода ежовщины осуществлялись руководством страны на основании «спущенных на места» лубянским наркомом цифр «плановых заданий» по выявлению и наказанию так называемых врагов народа.

Согласно оперативному приказу от 30 июля 1937 года № 00447, цифры на утверждение представлялись местными органами согласно имевшейся у них информации об опасности тех или иных лиц. В том числе особо выделялись уголовники. Приказ № 00447 был следствием резолюции Сталина от 2 июля 1937 года «Об антисоветских элементах».

В ходе ежовщины к арестованным нередко применялись пытки. Не подлежавшие обжалованию приговоры к расстрелу часто выносились без судебного разбирательства и немедленно приводились в исполнение.

Основными предпосылками ежовщины как родоначальницы

«Большого террора» было:

— поголовное огосударствление большевиками всех сторон общественной жизни;

— «Ленинский призыв» 1924 года, открывший шлюзы прохождению в партию расчетливых карьеристов;

— убийство 1 декабря 1934 года Леонидом Николаевым выстрелом в затылок Сергея Мироновича Кирова (Кострикова). Большинство современных исследователей считают, что убийца руководствовался личными мотивами — обидой или ревностью. Версия о ревности опирается на свидетельские показания о любовной связи Кирова с Матильдой Драуле, женой Леонида Николаева.

Уже спустя несколько часов после убийства С.М. Кирова официально было заявлено, что он стал жертвой заговорщиков — врагов СССР, а Президиум ЦИК СССР в тот же день принял постановление «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик».

В нем, в частности, говорилось, что:

«Следственным властям — вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком. Судебным органам — не задерживать исполнение приговоров…»

Последовавшие затем массовые репрессии против партийных, хозяйственных и военных руководителей СССР получили название — ежовщина.

Однако многие считают, что парадигмой «Большой чистки» 1937–1938 годов явилась разработанная Сталиным доктрина «усиления классовой борьбы по мере завершения строительства социализма».

Это был тот фон, на котором воспитывался начинающийся чекист, а в будущем военный контрразведчик с интересной, а скорее «качельной» судьбой со взлетами и падениями. Он достойно зарекомендовал себя на зримом незримом фронтах Великой Отечественной войны.

Каждая смена руководителей на Лубянке обязывала чекистские низы пересматривать отношение к недавней прошлой своей деятельности и деятельности своих руководителей, нередко ошельмованных веянием той самой ежовщины, а потом со временем и хрущевщины.

Но вот что интересно — ЧК действовала по указке партийных органов, руководители которых оставались в тени, вне подозрений, хотя генераторами антинародных акций, в том числе и репрессий, являлись именно они.

* * *

Как положительно зарекомендовавшего себя сотрудника госбезопасности, Николая Григорьевича Кравченко кадровые органы в октябре 1936 года направляют слушателем спецкурсов НКВД УССР, открывшихся в Харькове. Здесь молодой оперативник постигает азы научно-профессионального подхода при осуществлении контрразведывательной деятельности на разных направлениях чекистской практики.

В мае 1938 года он успешно завершает учебу и назначается начальником отделения 4-го отдела Управления государственной безопасности УНКВД по Харьковской области, а в июне того же года с головой окунается в работу органов военной контрразведки.

Его назначают сначала оперуполномоченным, а потом помощником начальника 9-го отделения, начальником отделения Особого отдела Харьковского военного округа. Эти три должности он проходит практически за один год — с июня 1938 года по июль 1939 года. В то время многие будущие крупные руководители военной контрразведки фронтов проходили «сквозняком» эти должности.

В конце июля тридцать девятого он был вызван кадровиками Особого отдела Харьковского военного округа, где ему предложили должность начальника Особого отдела НКВД Одесского гарнизона. На этой должности он проработал лето и осень. А в ноябре его назначают начальником 1-го отделения, а вскоре избирают секретарем партбюро Особого отдела НКВД Одесского военного округа, где он прослужил до начала войны.

Одесса ему очень нравилась умеренно континентальным климатом, с мягкой зимой и теплым, иногда знойным летом, чем-то напоминающим малую родину. Он восхищался красотой культурных объектов, любил отдохнуть с коллегами на песчаной «Лузановке» или пройтись по Приморскому бульвару. Но такие минуты редко дарила судьба военному контрразведчику.

Все дни его были заполнены неспокойной службой. Он ею жил, как и многие его коллеги в Особом отделе округа. Его воинские части находились в южноевропейском подбрюшье страны и граничили с Румынией. Эта соседка была воинственно настроена к Советской России и стала вскоре сателлитом фашистской Германии. Неизбежность войны здесь ощущалась объемнее, зримее, ярче, и деятельность румынской разведки чувствовалась явственнее, чем в глубинке УССР.

Новый 1941 год сотрудники отдела встречали все вместе, так здесь было принято. Традиции соблюдались и чтились.

Коллективизм давал знать о себе. С крутящихся пластинок патефона слетали песенные и танцевальные мелодии. Отдыхающие кружились в вальсах. Аккордеонисту тоже не давали долго перекуривать, загружали по полной. В часы таких празднеств не хотелось думать о войне, но она не отпускала от себя надолго. У Николая, высокого, статного брюнета-холостяка, не было отбоя от женского пола. И он приглашал их на очередной танец, но чаще дамы его выводили в круг танцплощадки…

* * *

В апреле сорок первого руководство Особого отдела округа довело до оперативного состава информацию о том, что в Красной армии начались реформы. Кроме того, на чекистских занятиях выступали представители штаба округа, которые информировали, что в подчиненных им стрелковых войсках вводится штат военного времени. Стрелковая дивизия включала теперь три стрелковых и два артиллерийских полка, противотанковый и зенитный дивизионы, саперный батальон и батальон связи, тыловые части и учреждения.

По штатам военного времени дивизии надлежало иметь около четырнадцати с половиной тысяч человек, 78 полевых орудий, 54 противотанковые 45-мм пушки, 12 зенитных орудий, 66 минометов калибра 82-120 мм, 16 легких танков, 13 бронемашин, более трех тысяч лошадей. Доводилась аналогичная информация по бронетанковым войскам, артиллерии, войскам связи, инженерным войскам, ВВС, войскам ПВО, ВМФ.

Информация о приготовлениях Гитлера к нападению на СССР заставляла торопиться, но для реализации всего задуманного плана реформирования РККА не хватало и не хватило времени.

22 июня 1941 года по радио объявили о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. Речь В.М. Молотова Николай Кравченко слушал по радио с вниманием и глубоким пониманием. В тот же день на территории Одесского военного округа была объявлена мобилизация. Сначала призывали только мужчин 1905–1918 годов рождения. Но очереди из добровольцев всех возрастов, готовых отправиться на фронт, возле военкоматов росли с каждым днем. Через три дня в Одессе было объявлено военное положение.

Первая серьезная бомбардировка города произошла ровно через месяц после начала войны. Это случилось во вторник 22 июля.

По рассказу очевидца этих трагических событий Михаила

Семеновича Мильмана, первая бомба, сброшенная с самолета, взорвалась утром, разрушив старое здание. Все посчитали, что немец хотел только попугать одесситов, поэтому вечером многие горожане вышли прогуляться вдоль Приморского бульвара. Гуляющих было много, очень много! И вдруг, когда стемнело, тишину, пусть даже тревожную, взорвали громкоговорители словами и оглушительными сиренами, переворачивающими все внутри, предупреждая и повторяя одновременно: «Воздушная тревога! Воздушная тревога!..»

Сначала фашисты подожгли город зажигательными бомбами. Одесса запылала в огне. Было так светло, что, как поется в украинской песне, «…хоть голки збирай». («Хоть иголки собирай». *-Авт.)* А потом посыпались фугасные, практические в одночасье разрушившие центр города.

По всей вероятности, Николай Кравченко был тоже свидетелем этой коварной бомбежки и участвовал вместе с воинами местного гарнизона в мероприятиях по организации обороны города.

ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ…

Той ночью птицы еле начинали
Сквозь дрему трогать флейты и смычки,
Не ведая, что клювы хищной стаи
Идут, уже совсем недалеки…

Николай Браун

В конце июля сорок первого руководителя кадрового аппарата 3-го Управления НКО СССР Николая Григорьевича Кравченко отзывают в Москву. В должности начальника управления в тот период был комиссар 3-го ранга Анатолий Николаевич Михеев, которого вскоре заменил Виктор Семенович Абакумов.

А.Н. Михеева назначили по его просьбе руководителем военной контрразведки Юго-Западного фронта. Он геройски погибнет в открытом бою с гитлеровцами 21 сентября 1941 года при отступлении штаба и управления фронта недалеко от урочища Шумейково между селами Жданы и хутором Дрюковщина Лохвицкого района Полтавской области. Автор написал о комиссаре госбезопасности 3-го ранга Анатолии Николаевиче Михееве книгу «Из Лубянки на фронт». Кстати, в 2017 году в его родном карельском городе Кемь был установлен бюст военному контрразведчику…

А Николая Кравченко тут же определили на должность заместителя начальника Особого отдела 34-й армии Северо-Западного фронта. Армейское управление армии было срочно сформировано на территории Московского военного округа 16 июля 1941 года под руководством комбрига Н.Е Пронина.

С 18 июля армия входила в состав фронта Можайской линии обороны, занимала позиции западнее Малоярославца и постепенно получала для своих частей по мобилизации личный состав.

В беседе с автором бывший выпускник 434-й средней школы Москвы, рядовой защитник столицы рокового сорок первого года Шорин Валентин Алексеевич, ставший впоследствии видным сотрудником МИДа и послом в ряде стран, вспоминал, что

формирование частей проходило спешно.

В трехротном стрелковом батальоне вооружали так. Первую роту обеспечивали винтовками полностью, вторую — наполовину, а третью выводили на поле брани без оружия. И юнцы, и пожилые люди разных специальностей должны были найти, нет, скорее добыть себе оружие на местах сражений. Это была дикость, но от правды никуда не деться.

Вся тяжесть контроля и оказания помощи оперативному составу 245-й, 257-й, 262-й стрелковым дивизиям и 25-й кавалерийской дивизии легла на плечи Николая Григорьевича. Он мотался по особым отделам соединения под бомбежками и артиллерийскими обстрелами. Именно в это время вражеский осколок, словно бритвой, срезал часть мягких тканей на правой стороне заплечья. Он потерял много крови.

Спасла ему жизнь медсестра, находившаяся, к счастью, рядом. Она быстро обработала рану, остановила кровотечение и, самое главное, не дала попасть в рану инфекции. Иногда в полевых условиях возникала антисанитария, и могло бы быть заражение крови. С тех пор он носил на гимнастерке или кителе желтую ленточку — знак легкого ранения. Красная нашивка говорила о тяжелом увечье. Но цвета этих знаков ранений были относительны, потому что, бывало так, что бойцы погибали от легкого ранения и выживали после тяжелого.

Особенно были напряженными дни, когда армия готовила и проводила контрудар под Старой Руссой в середине августа сорок первого.

Уже после войны станет известно, что начальник штаба оперативного управления ОКВ вермахта Вильгельм Кейтель затребовал целый танковый корпус для ликвидации прорыва 34-й армии. К великому сожалению, наша армия была расчленена и частично уничтожена. На 26 августа она насчитывала чуть более двадцати двух тысяч личного состава. Причинами неудачи действий 34-й армии, по оценке начальника Управления особых отделов НКВД В.С. Абакумова, были названы потеря управления войсками со стороны командования объединения и соединений армии и неудовлетворительное обеспечение авиацией и средствами противовоздушной обороны. Случалось так, что немецкие самолеты бомбили войска 34-й армии в течение всего светового дня, нередко группами по 80-100 самолетов, но никакого противодействия с земли им не оказывалось.

По результатам разбирательства в ходе следствия и суда были расстреляны командующий армией К.М. Качанов и начальник артиллерии армии В.С. Гончаров. Командующего Северо-Западным фронтом П.П. Собенникова сняли с должности

и арестовали. Его приговорили к пяти годам заключения. Впоследствии срок заменили понижением в звании.

Немцы тоже понесли огромные потери. Об этом свидетельствуют списки погибших вояк вермахта в ухоженных немецких пантеонах-кладбищах под Старой Руссой, где довелось недавно побывать и автору.

В течение 1941 года потрепанная в тяжелых сражениях 34-я армия вела оборонительные бои, а весной 1942 года неудачно участвовала в Демянской наступательной операции в районе поселка Демянска между озерами Ильмень и Селигер. В настоящее время эта территория относится к Новгородской области.

В результате активных наступательных действий соединения Северо-Западного и Калининского фронтов силами 1 — го гвардейского корпуса и 34-й армии стали замыкать кольцо окружения противника. Немцы попали в своеобразный «котел», в котором оказалось шесть дивизий, включая моторизированную дивизию СС «Тотенкомпф». Во главе окруженных войск стоял командир 2-го корпуса граф Вальтер фон Брокдорф-Алефельд, которого высоко ценило руководство вермахта, благожелательно относился к нему и сам фюрер.

Ставка приказала командованию Северо-Западного фронта не только держать «котел», но и проводить серии наступательных действий. Но, к сожалению, сил для реализации приказов свыше — выйти в тыл группы армий «Север» — у наших войск не хватило. Более того, немцы, используя два полевых аэродрома, перебросили свежие силы с целью стремительно деблокировать свою группировку.

34-я армия испытывала нужду в вооружении, боеприпасах, бронетехнике, а также личном составе, частично выбитом гитлеровцами при контрнаступлении и обороне.

О всех недостатках, желая поправить дела в армии, Николай Григорьевич Кравченко докладывал своему начальству и руководству фронта. Однако инициатива нередко бывает наказуема. Помощи армии неоткуда было ждать. Лозунг — «Все для фронта, все для победы!» в тот период на острейших участках битвы с агрессором не всегда действовал. Страна после перенесенного шока внезапного нападения гитлеровской Германии только организовывалась, собиралась с силами для отпора врагу.

В конце апреля фашистами путем наращивания сил и средств создался 6-8-километровый коридор в районе деревни Рамушево, через который поддерживалось сообщение с частями, находящимися в Демянском окружении.

5 мая гитлеровцами блокада была снята. Это явилось для вермахта победой, которую немцы высоко оценили и даже отчеканили в честь этого события памятный знак — «Щит Демянска».

После деблокирования Демянской группировки в апреле 1942 года Северо-Западный фронт провел вместе с 34-й армией девять наступательных и две оборонительные операции. Все наступательные действия наших войск оказались неудачными. Главной цели — вторично окружить противника — они не достигли.

Вторая Демянская операция была проведена в феврале 1943 года, но и тогда не получилось окружить немцев. Однако, несмотря на эти неудачи, 1 марта Демянск был полностью освобожден.

Интересный факт: прототип героя «Повести о настоящем человеке» летчик Алексей Маресьев был сбит 4 апреля 1942 года именно здесь, в воздушном бою недалеко от Демянска.

* * *

Эти чисто армейские события, в которых Николай Кравченко непосредственно участвовал, конечно же, не могли не повлиять на судьбу нашего героя. Весной 1943 года заместителя начальника Особого отдела НКВД объединения подполковника Кравченко переводят на должность помощника начальника Управления особых отделов (У00) Брянского фронта.

Его принял начальник армейской контрразведки фронта коренастый, симпатичный и моложавый генерал-майор Николай Иванович Железников. Автору этих строк доводилось не единожды встречаться и общаться с ним во время учебы в ВШ КГБ СССР. Он в то время был начальником Первого факультета вышеупомянутого чекистского вуза.

— Ну что, тезка, знаю, армию твою потрепали основательно, — скрипучим и несколько глуховатым, очевидно из-за обильного курения, голосом начал говорить генерал. — Знаю и трагическую судьбу ее командиров. У нас тут не легче. Задачи фронта конкретные — прикрытие о рл о веко-тульского направления и подготовка войск для разгрома группировки противника, обороняющей Брянск. Дел у нас с вами будет много. Вы уже опытный боец, прошу принять активное участие в помощи составления отчетных документов и организации управления особых отделов армий и соединений фронта. И конечно, оказание помощи молодым руководителям и рядовому оперативному

составу, особенно по делам и сигналам.

— Спасибо за доверие, постараюсь его оправдать, товарищ генерал, — кратко и на первый взгляд несколько казенно, как это принято у военных, ответил Николай Григорьевич.

— Ну тогда с сегодняшнего дня и начнем работу.

— Есть…

Недолго пришлось ему поработать в войсках Брянского фронта, который 10 октября 1943 года на основании директивы Ставки ВГК еще от 1 октября был упразднен. Его армии — 3-я, 11 — я, 50-я и 63-я вошли в состав Центрального фронта. Полевое управление фронта было переведено на формирование нового управления, теперь уже Прибалтийского фронта, в который вошли 11 — я гвардейская и 15-я воздушная армии Брянского фронта третьего формирования.

Генерал-майор Николай Иванович Железников 10 октября 1943 года был направлен начальником Управления КР Смерш НКО СССР Прибалтийского фронта, ставшего через десять дней 2-м Прибалтийским на основании директивы Ставки ВГК от 16 октября 1943 года.

Сведений о деятельности Н.Г. Кравченко с момента его окончания работы в Управлении КР Брянского фронта, к великому сожалению, не имеется. По всей вероятности, он находился в «резерве» ГУКР Смерш НКО СССР. Конечно же, этот «резерв» был связан с проведением Тегеранской конференции союзников трех держав.

* * *

Лаврентий Берия вместе с Всеволодом Меркуловым, народным комиссаром государственной безопасности, обсуждали одну из операций по выявлению агента в партизанском отряде на территории Белоруссии. В это время «закрякала» сталинская «вертушка» ВЧ-связи — прямая линия с Верховным главнокомандующим.

— Слюшаю вас, таварищ Сталин, — сказал Берия выпучив глаза, отчего через стекла пенсне они увеличились и показались сидящему напротив Меркулову еще крупнее. Лаврентий Павлович приложил указательный палец к губам, тем самым показывая, что слышать голос Меркулова нежелательно в данный момент.

— Есть, таварищ Сталин, виезжаю, — торопливо и услужливо, весь согнувшись, словно от навалившейся тяжести, проговорил нарком, даже несколько приосанившись.

Меркулов все понял с полуслова.

— Я поехал к Сталину. Разберитесь вместе Пономаренко. Надо помочь ему вычислить негодяя в партизанском отряде. Иначе этот оборотень выведет наших людей на засаду, и легендарный отряд погибнет.

— Найдем, Лаврентий Павлович, обязательно найдем.

После этого Меркулов встретился с генерал-лейтенантом Пономаренко — первым секретарем ЦК ВКП(б) Белорусской ССР и начальником Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД).

Кстати, у Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко позже не сложатся ни деловых, ни товарищеских отношений с руководителем ГУКР Смерш НКО СССР генерал-лейтенантом Виктором Семеновичем Абакумовым из-за разногласий на предмет оперативного обслуживания партизанских отрядов. Он даже будет жаловаться Сталину на всесильного шефа военной контрразведки. А с учетом того, что в дальнейшем вождь хотел видеть П.К. Пономаренко своим очередным преемником, нетрудно предположить, на чьей стороне в споре двух генералов оказался Верховный.

Дело в том, что по мере расширения военных событий накапливались и проблемы в организации партизанского движения, в том числе и касающиеся вопросов обеспечения государственной безопасности. Эти недостатки сразу же подметил В.С. Абакумов, и 20 августа 1943 года на имя начальника ЦШПД П.К. Пономаренко направил за № 45820 аналитическое письмо, в котором вину за состояние контрразведывательной работы перекладывал на руководителей отрядов.

Шеф советской «партизанки» на критику ответил Абакумову резким письмом, которое было не только доложено Сталину, но и зачитано руководителю Смерша в присутствии самого Верховного главнокомандующего. Хозяину военной контрразведки словно подсказали — «а ну-ка, петушок, сядь на свой шесток», умерь непомерные амбиции. На защиту первого секретаря Компартии Белоруссии П.К. Пономаренко встало все партийное руководство страны, весь ее кремлевский ареопаг.

Здесь сыграла роль корпоративная близость партийных аппаратчиков разных степеней и уровней, партия и для чекистов была рулевой. Недаром же она называла чекистов своим «боевым, вооруженным отрядом». Были у нее и другие отряды — армия, флот, внутренние, пограничные войска ит.д.

Это был уже сигнал в адрес Виктора Семеновича со стороны Главного Хозяина: не поднимай палку на партийца!

Скоро Пономаренко появился в кабинете Меркулова.

— Всеволод Николаевич, — начал с обращения-жалобы генерал-лейтенант Пономаренко, — я обеспокоен тем, что продолжается порочная практика с работой по оперативному обслуживанию партизанских отрядов со стороны сотрудников военной контрразведки. За последние месяцы от руководителей народными мстителями в ЦШПД поступили десятки обобщенных документов об активизации подрывной работы немецких спецслужб в партизанских соединениях. Агентуры их — как вшей в окопе, а воз и ныне там. Понимаете, не чувствуют партизаны помощи от военных контрразведчиков…

— Пантелеймон Кондратьевич, я думаю, мы наведем в этом деле порядок. Несколько дней назад мы собирались у Лаврентия Павловича по данному вопросу. Присутствовал и Виктор Семенович. Приняли ряд важных решений, которые, несомненно, помогут развязать этот затянутый узел, — образно подметил творческий человек со склонностью к драматургии, пьесы которого шли даже в театрах столицы, — а что же касается конкретного «крота», внедренного в ваш отряд, мы готовы направить туда группу. Группу из опытных контрразведчиков.

— Всеволод Николаевич, надо срочно решить эту проблему, иначе можем погубить самый боеспособный в Белоруссии отряд, — продолжал Пономаренко.

— Я уверен, найдем и вытащим мы эту опасную занозу, — заверил партизанского вожака нарком госбезопасности.

* * *

Когда Берия прибыл в Кремль, в приемной его придержал секретарь Сталина Поскребышев.

— Александр Николаевич, кто там? — спросил шеф НКВД у верного оруженосца Сталина.

— Жуков с Антоновым.

— Ясно.

Он раздумывал, как поступить: «Вызывал же? Но у военных могут быть свои тайны с Иосифом. Подожду. У меня тоже не слабее секреты».

К своей радости, он услышал гулкие шаги военных и тут же направился к тамбуру. Жуков почему-то пропустил генерала Антонова вперед, сухо поздоровался с наркомом внутренних дел и пошел догонять подчиненного, который дипломатично сбавил ход.

Поскребышев доложил вождю о прибытии Берии.

— Пускай войдет, — устало бросил Сталин.

— Лаврентий, я тебя вызвал по одному важному вопросу. Затевается, как ты уже знаешь от меня, встреча трехсторонняя — СССР, США и Англия. Черчилль предлагает Каир, Рузвельт-Стамбул или Багдад. Я настаиваю на Тегеране. Так оно и будет. Я веду войну на своей территории — войсками надо руководить. Иран — сосед Закавказья.

Берия уставился, нет, скорее вцепился в красные с желтоватым налетом белки уставших глаз вождя из-за сотни прочитанных бумаг — справок, донесений, приказов, директив и, конечно же, от недосыпаний. — Я поеду только в Тегеран. Нам нужно создать в иранской столице штаб оперативного реагирования во главе с грамотными чекистами.

— У нас там имеется боеспособная резидентура по линии внешней разведки, — заметил Берия. — Мне Павел Михайлович Фитин докладывал, что среди армянской диаспоры не только в Тегеране, но и по всей Персии есть много наших глаз и ушей.

— Что резидентура, что разведчики, глазами и ушами надо руководить, они привыкли жить вольницей, а немец, как мне докладывали, готовится тоже серьезно. Он хочет выкрасть или убить нас троих.

«Неужели что-то новое пронюхал этот рвущийся к власти Абакумов и опередил меня в докладе Хозяину?» — подумал Лаврентий Павлович, и желваки на его скулах заходили интенсивнее.

— Я готов направить начальника Второго управления НКВД Петра Васильевича Федотова. Грамотный, цепкий, опытный чекист, — заторопился с ответом Берия.

— Ну что ж, пусть готовится, — рассеянно обвел глазами кабинет вождь. — Только предупреждаю, чтобы никто не узнал, куда он отлучится.

— Ясно, товарищ Сталин.

— Подготовь мне документ относительно усиления охраны нашего посольства в Тегеране.

— Кое-какие наметки у меня уже есть, — Берия решил заверить Сталина, что до вызова он думал об этом.

— Не кое-какие, а когда будут конкретные мероприятия, тогда и доложи, не тяни. — Сталин, как показалось Лаврентию Павловичу, зло сверкнул уставшими очами: — Чем скорее, тем лучше.

— Есть! — коротким армейским словом по-солдафонски рубанул Берия.

— Свободен, я тебя больше не задерживаю.

Лаврентий вскочил и быстрой походкой на коротеньких ногах засеменил к выходу. Ему не хотелось, чтобы вождь задавал какие-

то вопросы, на которые пришлось бы мучительно искать ответы. В такие моменты он ненавидел себя и своего Хозяина, вопросы всегда были неожиданные, порой каверзные, а на них надо было отвечать конкретно и не тянуть резину. Тумана вождь не любил, как не любил и «плавания» при ответах.

* * *

На следующий день Сталин вызвал Абакумова и поручил ему решить одну важную задачу, предварительно обрисовав предстоящую международную встречу в Тегеране.

— Товарищ Абакумов, мне нужен помощник за границей, именно военный контрразведчик, грамотный чекист-профессионал, желательно статный, симпатичный, умеющий располагать к себе людей, как женщин, так и мужчин. Ему мы поручим как старшему руководить нашими силами охраны в стране пребывания и решать другие вопросы в Иране. Там полно военных, как раз это прерогатива Смерша, не так ли?

— Так точно, товарищ Сталин, — по-военному ответил Виктор Семенович.

— Но смотрите, об этом никто не должен знать. Есть у вас на примете такой человек? Можете ли назвать его вот прямо сейчас?

— Не-е-ет, — с растяжкой, откровенно признался руководитель военной контрразведки. — Мероприятие ответственное, надо прокрутить хоть несколько кандидатов, чтобы определиться.

— Ну, покрутите… Даю вам трое суток на решение этой задачи, — приказал нарком обороны своему заместителю по безопасности.

Военная контрразведка в лице особых отделов в то время уже вышла из состава НКВД. Смерш входил в систему НКО СССР. Наркомом оборонного ведомства стал Сталин.

— Будет сделано, — отчеканил Абакумов.

— Выберите только такого, чтоб был представителен, силен, умен и решителен, — опять заострил внимание подчиненного с Лубянки вождь.

— Ясно, товарищ Сталин…

Через отведенное время Абакумов снова сидел в кабинете у Сталина и докладывал, что у генерала Железникова на Брянском фронте есть такой человек.

— Он помощник начальника военной контрразведки фронта, подполковник Кравченко Николай Григорьевич. Выходец из казаков, украинец-восточник. Кандидат отвечает всем

предъявляемым вами, товарищ Сталин, требованиям.

— Ну тогда вызывайте его, я тоже хочу с ним познакомиться. Но сначала выясните его состояние здоровья, желание отправиться в непривычную командировку, только пока без подробностей, не забывая и другие профессиональные вопросы. Вы, я думаю, понимаете, о чем я говорю.

— Да, товарищ Сталин!

— Ну тогда действуйте. Вы свободны…

— Есть, товарищ Сталин.

Абакумов быстро покинул кабинет Верховного главнокомандующего и в приемной у его секретаря Поскребышева застал чем-то озабоченного Ворошилова. На приветствие Абакумова он молча кивнул и прошел в кабинет вождя.

* * *

Душным июльским днем сорок третьего года шифровкой из Центра подполковник Н.Г. Кравченко был вызван из Брянского фронта в ГУКР Смерш.

Когда генерал Железников сообщил подчиненному, что его ждут на приеме у руководства Смерша, Кравченко удивился, но не стал задавать уточняющие вопросы, знал — приказы военные, в том числе и в ЧК, не обсуждают. А еще он понял, что сам руководитель контрразведки фронта тоже не знает никаких особых подробностей. Он находился в таком же неведении, как и сам приглашенный…

Сборы были недолги.

На военно-транспортном самолете он добрался до Белокаменной быстро, хотя и не очень комфортно — в таком самолете уютных кресел не было. Их замещали длинные лавки вдоль холодных бортов.

Москва встретила офицера непривычной тишиной после постоянной огневой канонады на фронтах, отчего в ушах остаточно продолжало гудеть даже тогда, когда не стреляли. Здесь в Москве царящая тишина им воспринималась воистину звенящей. Как показалось Николаю, она тяжким грузом стала наваливаться на него и, казалось, вот-вот раздавит. Сказывалось и волнение из-за неизвестности. Неожиданно китель стал ему слишком узок. Он расстегнул ворот и задышал полной грудью…

Устроившись в гостинице, Кравченко позвонил дежурному по Главку.

— Вас ждет генерал Абакумов завтра в 10.00. Приведите себя

в порядок. Он не выносит неопрятно одетых людей, тем более сотрудников. Прошу не опаздывать. Разрешение на проход в дом номер два будет готово к вашему прибытию в бюро пропусков, — проинструктировал дежурный офицер.

— Понятно, — коротко ответил Кравченко.

Николай Григорьевич подошел к четвертому подъезду, открыл массивные дубовые двери, обратив внимание на крупные детали бронзовых ручек, натертых руками сотрудников Лубянки до блеска.

«Видать, много народа ходит здесь, даже металл не тускнеет, — подумал Николай.

Прибыв на Лубянку, он поднялся на лифте на указанный этаж, зашел к дежурному по Главку и, получив соответствующий инструктаж, без пяти десять вошел в приемную хозяина Смерша.

В 10.00 четко отрапортовал:

— Товарищ генерал, помощник начальника управления контрразведки Смерш Брянского фронта подполковник Кравченко по вашему приказанию прибыл.

— Здравствуйте, Николай Григорьевич, — Абакумов встал из-за стола и направился к подчиненному. Он протянул ему руку, поздоровался. Приятный запах одеколона исходил от его наглаженной гимнастерки с двумя большими нагрудными карманами. Поверх гимнастерки находился без портупеи с накладной звездой на бронзовой пряжке широкий офицерский ремень, туго стягивающий спортивного телосложения торс хозяина кабинета.

«Однако же крепкое рукопожатие у начальника. Видно, мужик силен физически», — подумал Кравченко.

«Стальная рука в этом высоком черноволосом украинце. Чувствуется у казака силища — дай боже. Такого и я туда хотел, и Сталин, думаю, согласится с кандидатурой. Да и умишком природа его, видать, не обошла, как мне докладывали направленцы и кадровики. Статный мужик, гренадер настоящий», — в свою очередь предался коротеньким и быстрым раздумьям Виктор Семенович, идя к столу, а затем усаживаясь на свой деревянный стул с высокой спинкой.

— Садитесь, — хозяин кабинета предложил мягкое кресло у приставного столика.

— Спасибо.

— Ну не разговаривать же нам стоя. А речь пойдет о важном, ответственном деле.

— ???

— Мы вас собираемся направить в заграничную командировку, — после этих слов генерал внимательно взглянул

в глаза подполковника и добавил, повторно акцентируя внимание на неординарности задания: — Командировку очень важную… очень ответственную. Кстати, здоровье позволяет?

— Не жалуюсь, товарищ генерал.

— Как обстановка на Брянском фронте после тридцать четвертой?

— Научились бить немца. Есть результаты, и по главной линии, я имею в виду разоблачение немецкой агентуры, и наших помощников, зафронтовых, периодически забрасываем. Существенно помогли фронту загранотряды… — Кравченко еще хотел, видимо, что-то сказать, но Виктор Семенович прервал его.

— Опыт их формирований на этом фронте был солиден — сам командующий Еременко в сорок первом инициировал их создание. Но это все в прошлом. Перейдем к главному. Предстоит командировка в Иран, а точнее, в Тегеран. Вы, наверное, знаете, что там стоят наши войска. Скоро туда отправятся эшелоном пограничники -131-й мотострелковый полк пограничных войск НКВД с очень важной целью — для охраны руководителей трех держав-союзниц, которые будут участвовать несколько дней в международной конференции, — постепенно раскрывал скобки предстоящей его командировки Абакумов. — Нужен координатор от нашей службы.

Николай знал, что там находятся советские войска, обеспечивающие безопасность прохождения ленд-лизовской и другой помощи Красной армии через «оперативные коридоры» по территории Ирана.

— На здоровье не жалуетесь? — опять спросил почему-то хозяин кабинета и внимательно посмотрел на желтую ленточку на кителе.

«Наверное, он крутится вокруг проблемы со здоровьем в связи с моим ранением», — подумал Николай Григорьевич.

— Нет, со здоровьем все в порядке. О ранении уже забыл.

— Это хорошо. Ваша задача будет заключаться в оперативном руководстве нашими негласными и полугласными возможностями. Главное — обеспечение надежной охраны советской делегации и делегаций союзников… Понятна задача?

— Да, однако, я полагаю, мне помогут там местные наши коллеги разобраться с расстановкой сил и средств, а я уж буду действовать по оперативной обстановке, — четко, без шапкозакидательства ответил Николай.

— Согласен, правильно оцениваете процесс подключения к работе. С вами хочет встретиться товарищ Сталин, — неожиданно огорошил подполковника Абакумов.

— ???

— Чего вы стушевались?

— Все же Сталин! — выдохнул Кравченко.

— Он прост, как правда. Уважает честность, не любит поддакивания. Пиши правильно, если даже диктуют ошибочно, лесть да месть дружны, — приосанился из-за умно брошенных фраз Абакумов.

После этой встречи руководитель Смерша повел Николая Григорьевича Кравченко в Кремль. Со Сталиным, наверное, они говорили о тонкостях предстоящей операции в далекой горной стране, но нам до сих пор не дано узнать конкретику этой беседы. Не явилось ли это плодом черной зависти у многих партийных чиновников и руководителей Лубянки?

Многие вехи дальнейшей жизни нашего героя, выстроившиеся в цепь трагической судьбы, особенно после 1953 года, когда шла охота «на ведьм» в процессе хрущевской десталинизации, красноречиво говорят об этом.

Но с подробностями лукавства, подлости и жестокости читатель познакомится чуть ниже.

ОПЕРАЦИЯ «ДЛИННЫЙ ПРЫЖОК»

«Будь Гитлер жив, я был бы рядом с ним!» Эти слова… произнес закоренелый фашист… имя этого бандита и убийцы, нацистского диверсанта № 1, избранника и любимца Гитлера — Отто Скорцени.

Юлиус Мадер

На фоне продвижения с жесточайшими боями Красной армии на запад в начале 1943 года в Берлине колченогий Геббельс организовал серию мобилизационных митингов, на которых призывал специально подобранные толпы к тотальной войне. Он, артистически потрясая вытянутой вперед правой рукой, как бы спрашивал собравшихся граждан: «Вы хотите тотальной войны?» И послушные толпы исступленно горланили: «Да! Да! Да!»

Тотальная война входила — в первую очередь — в планы Гиммлера и Кальтенбруннера, сменившего павшего от рук чехословацких партизан руководителя службы безопасности Гейдриха.

Новое детище Геббельса предполагало усиление фашистского террора в самой Германии и за ее пределами. В системе РСХА создается «Управление VI S» — (Управление зарубежной разведки СД, отдел террора и диверсий). Возглавил его по приказанию бонз Третьего рейха человек со шрамами — Отто Скорцени, о деятельности которого уже много написано. Школа диверсантов и террористов-убийц располагалась в охотничьем замке Фриденталь, в часе езды на автомобиле от Главного управления имперской безопасности (РСХА).

Она благодаря удачному расположению и разнообразному ландшафту местности была идеальным местом для обучения контингента того специального подразделения имперской службы безопасности, скрывающегося под названием «Специальные курсы особого назначения Ораниенбург». Обучающийся личный состав носил гражданскую одежду. Выпускники покидали альма-матер только в ночное время. Их вывозили на машинах к аэродромам и железнодорожным вокзалам.

Гауптштурмфюрер Отто Скорцени был искренним адептом нацизма и, естественно, лично предан фюреру. Он являлся как бы его «головным агентом» и организатором, в том числе всяких «мокрых дел и делишек».

Со временем Отто скажет: *«Будь Гjrrтер жив, я был бы рядом с ним!»*

Эти слова прозвучали 31 августа 1960 года в ирландском городке Далкей на собрании так называемого Общества историков. Его там никто не задержал. Не могли это сделать островные власти по определению — холодная война была в самом разгаре!

Но вот что интересно — взгляды у Отто Скорцени с калейдоскопической быстротой менялись в зависимости от обстоятельств. Заглянем в его дневниковые записи конца 1941 года, когда он стал свидетелем краха мифа о непобедимости вермахта. Узнав о потерях своей эсэсовской дивизии «Дас рейх», еще недавно находившейся в нескольких километрах от северо-западной окраины Москвы, он вполне объективно замечает:

«*...10.12.41.*

Скоро станет ясно и войскам: продвижение вперед закончено. Здесь наша наступательная сила иссякла.

У соседней 10-й танковой дивизии осталась всего дюжина танков».

Когда операция генерал-фельдмаршала Федора фон Бока под кодовым названием «Тайфун» провалилась, Скорцени, который много знал о том, что творилось в верхах Третьего рейха, охватил ужас:

«...Поскольку похоронить своих убитых в насквозь промерзшей земле было невозможно, мы сложили трупы у церкви. Просто страшно было смотреть. Мороз сковал им руки и ноги, принявшие в агонии самые невероятные положения. Чтобы придать мертвецам столь часто описываемое выражение умиротворенности и покоя, якобы присущее им, пришлось выламывать суставы. Глаза мертвецов остекленело уставились в серое небо. Взорвав заряд тола, мы положили в образовавшуюся яму трупы погибших за последние день-два».

Как точно передал этот миг остекленелых глаз советский поэт Михаил Светлов в стихотворении «Итальянец», написанном в далеком 1943 году в двух последних его четверостишиях:

Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю — и нет справедливости
Справедливее пули моей.

Никогда ты здесь не жил и не был!..
Но разбросано в снежных полях
Итальянское синее небо,
Застекленное в мертвых глазах…

Это было всего лишь начало конца гитлеровского режима. Потом были еще более мощные удары, о которых говорилось выше.

Скорцени всегда оценивал события реально, ошибался только в одном — в фанатичной вере в Провидение своего фюрера. Девяносто покушений на жизнь Гитлера как бы подтверждали действенность его оберега через это самое Провидение. Последние террористические операции — от смоленского покушения, организованного 21 марта 1943 года во внутреннем дворе Цейхгауза на выставке военных трофеев в Берлине полковником генерального штаба вермахта Хеннингом фон Тресковым и бароном Рудольфом фон Герсдорфом, и до попытки убить фюрера в его ставке «Волчье логово» под Растенбургом в Восточной Пруссии 30 июля 1944 года полковником Штауффенбергом, — не сработали.

И все же стратегически, как известно, Провидение покинуло Гитлера после того, как он напал на Советский Союз. Ему все чаще и чаще приходилось то дипломатично оправдываться, то объявлять траурные дни в Германии, то выражать соболезнования семьям генералов, павших в боях на Восточном фронте, то подозревать их в измене и приказывать казнить всех тех, кто ослушался не только приказов верховного главнокомандующего, но даже выражал сомнения в правильности его доводов.

* * *

Деятельность гауптштурмфюрера СС Отто Скорцени тесно связана со многими диверсионно-террористическими операциями фашистской разведки против СССР, Красной армии и союзных войск коалиции. Непосредственное отношение он имел и к подготовленной операции по физическому устранению глав союзнических стран: СССР, США и Великобритании.

К концу 1943 года пора «молниеносных» побед, «блицкригов», «броневых клиньев» и прочих новаций германского генералитета миновала. Для одураченных партнеров по «оси» наступил период отрезвления от военных поражений с объявлением траурных дней

под печальные мелодии духовых оркестров, еще недавно выдававших бравурные марши. Большая часть Германии лежала в руинах, но «европейская экономическая заначка» еще способствовала активному сопротивлению: работали заводы, добывалось сырье, в избытке было рабочих сил за счет военнопленных и остар-байтеров — людей, вывезенных для работы в Германии из Восточной Европы.

Однако политики Третьего рейха срочно перестраивались в двух направлениях: организация и создание «тотальной» и «глобальной» секретных служб.

Под «тотальностью» в деятельности специальных органов руководство РСХА понимало прежде всего осуществление диверсий, взрывов, поджогов, похищения людей, убийств, отравлений и т. д.

Под «глобальностью» — организацию подрывной деятельности во всем мире. Конкретно намеревались вооружить против англичан племена в Иране и Индии. Готовились парализовать судоходство по Суэцкому каналу, забросить агентуру в партизанские отряды югославов и французов, взорвать ряд предприятий в СССР и США, организовать в Англии сеть глубоко законспирированных радиостанций для передачи важных разведывательных материалов, организовать мощную «пятую колонну» на территории Бразилии, Аргентины и других государств Южной Америки. Упор делался на поддержание уже налаженного процесса выпуска фальшивой валюты для стран, воюющих с Германией.

Кальтенбруннер в это смутное для рейха время часто встречался с любимцем Гитлера Отто Скорцени, который вскоре стал высокочтимым и для него. На одной из встреч в середине сорок третьего года шеф заметил:

— Отто, сейчас твой очередной победный час настал. Ты и твои ученики можете сделать больше, чем полки или дивизии вермахта. Гейдрих в достаточной степени не оценил работу по сбору данных о слабостях и уязвимых сторонах видных политиков и генералитета противника. А ведь это основа для шантажа, компрометации и даже, позволю себе смелую мысль, для создания вербовочных ситуаций, а в случае осечки — физического их устранения.

— Герр обергруппенфюрер, эта работа активизирована под неослабным контролем сегодня, как никогда. Картотека пополняется практически ежедневно. Много есть чего интересного, и уже мы работаем по отдельным кандидатам. Я вам докладывал, — исподлобья пояснил человек со шрамами на обветренном и смуглом лице.

— Помню, помню, — согласился шеф. — Сейчас главная задача — Тегеран. У нас сил там достаточно? Сможем контролировать процесс?

— Да, герр обергруппенфюрер! Наша резидентура во главе с Францем Майером отслеживает, причем в ежедневном режиме, изменения, касающиеся оперативной обстановки, — пояснил австриец.

— О том, что встреча состоится именно там, у нас уже нет никаких сомнений. Сталину выгодно — близко к фронтовым делам и главное — безопасно. К тому же он как Верховный главнокомандующий далеко уехать или улететь не может. Идет война ведь на его территории, надо руководить войсками, и он всегда может вернуться в Москву, если потребует обстановка, — подытожил диалог на эту тему Эрнст.

— Но могут взбрыкнуть Рузвельт и Черчилль. Американцу-то при его болячках болтаться по воздуху — полмира преодолеть. Вдобавок у него на носу выборы.

— Нет, не взбрыкнут они. У Черчилля и Сталина там свои войска стоят. К тому же советский фюрер в результате стольких побед над вермахтом, особенно после Сталинграда и Курска, набрал такую силу, с которой союзникам не считаться нельзя. Он прет буром на Германию.

— Это правда — видит бог. Советская Россия на этом этапе жизни заставила себя бояться… Но нас им не одолеть, я больше чем уверен, — у вермахта непременно откроется второе дыхание благодаря нашему новейшему оружию. И мы армии поможем…

— Ты прав, Отто, а теперь скажи, где твой фон Ортель? Успеет ли он со своими «учениками» из Гааги быстро добраться до цели? — поинтересовался Кальтенбруннер.

— Сейчас он «работает» на «землях» Коха. В Ровно оперативная обстановка осложнилась и поэтому заставила меня направить его в новую столицу Украины. Партизаны и подполье замучили. Теракты в городе развернулись в полную силу. Красные бандиты не дают спокойно работать нашей администрации — налеты за налетами.

— Смотри не опоздай с персидской высадкой Ортеля и его команды в нужное время, — нахмурился обергруппенфюрер.

— Я этого не допущу. Держу руку на пульсе событий, — уверенно заверил Скорцени и взглянул на шестигранный карандаш, который шеф катал с щелканьем по лакированному столу, как он часто делал при обсуждении серьезных вопросов, хотя у такой службы все они были таковыми: — Советы сегодня набирают силы.

— Подземные каризы опробованы?

— Да, наши гаагские охотники не раз исследовали эти подземные хода и смогут по любому сигналу пробраться по ним к самому советскому посольству и практически, если это понадобится, в упор расстрелять или пленить «Большую тройку». Ортель и его коллеги в курсе дела этих кротовых ходов.

Кальтенбруннер закивал в знак согласия узким, вытянутым книзу лицом, так похожим на лошадиную морду или топор-колун…

Не знали эти два эсэсовца, что каризы опробованы уже и чекистами, которые готовы были встретить неприятеля под землей и по обстоятельствам: уничтожить кинжальным огнем или пленить немецких террористов.

В такой обстановке готовилась операция гитлеровцев под кодовым названием «Длинный прыжок», возглавить которую должен был Отто Скорцени. Цель — физическое устранение или пленение на Тегеранской конференции руководителей «Большой тройки»: Сталина, Рузвельта и Черчилля. Больше всего их интересовал Сталин. Они прекрасно понимали, что кончина Верховного главнокомандующего в полыхающей войне — это серьезный удар по боеготовности Красной армии и вообще внешней политике СССР.

* * *

Отто Скорцени!

Переместимся на машине времени в послевоенный период и увидим, как германский обер-палач избежал справедливого возмездия за целую череду кровавых преступлений. Он не изменил своей нацистской идеологии до конца своих дней, а потому не исправил себя, о чем говорил известный немецкий публицист, поэт и философ Генрих Гейне в отношении своих земляков. Он утверждал, что «мы не можем задним числом исправить свою биографию, мы должны жить с ней. Но мы можем исправить себя». Скорцени не исправил себя.

Если бы можно было тогда напечатать объявление о розыске военного преступника, то оно выглядело бы примерно так:

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ РОЗЫСК ПРЕСТУПНИКА
аресту подлежит ОТТО СКОРЦЕНИ,
скрывающийся под фамилиями или псевдонимами:
Мюллер (1938 г., Вена);
Доктор Вольф (сентябрь — октябрь 1944 г., Германия и Венгрия);

Золяр (ноябрь-декабрь 1944 г., Германия и Бельгия);

Мистер Эйбл (1947 г., «Исторический отдел» американской секретной службы, город Нейштадт-на-Лане);

Рольф Штайнер (1950 г., Гамбург);

Пабло Лерно (1951 г., Швейцария, Италия, Франция);

Антонио Скорба (1954–1955 гг., Австрия);

Роберт Штайнбауэр (с 1951 г., Испания).

Член нацистской партии с 1932 года (членский билет № 1083671);

член СС с 1934 года (эсэсовский номер 29579);

сотрудник службы безопасности (СД);

бывший военнопленный американской армии;

военный преступник, разыскиваемый для предания суду согласно спискам военных преступников, представленных Чехословацкой Республикой, а также Комиссией Объединенных Наций по расследованию военных преступлений.

26 июля 1948 года он совершил побег из лагеря для интернированных крупных нацистских преступников в городе Дармштадте.

Возраст: 55 лет (родился 12 июня 1908 г. в Вене).

Рост: 196 см.

Телосложение: крупное, атлетическое, выправка спортивная, походка непринужденная.

Плечи: очень широкие, покатые.

Особенности лица: треугольное с сужением книзу (хотя некоторые рисовали его лицо прямоугольным. — Лет.). Лоб высокий с тремя глубокими горизонтальными морщинами; на правой щеке и подбородке — шрамы.

Цвет кожи: смуглый, иногда переходящий в сильный загар.

Волосы: темно-русые, подстрижены ежиком, надо лбом выдаются вперед, на висках торчат щеткообразно.

Усы: временами носит «мушкой».

Глаза: серо-зеленые.

Нос: средней ширины, ноздри прямые с горизонтальным основанием.

Уши: овальные, мочки висячие.

Подбородок: выдвинут вперед.

Зубы: передние полностью сохранились.

Рот: узкий, отчетливо виден шрам, идущий от левого угла к подбородку.

Речь: отрывистая; говорит по-немецки, по-английски и по-испански — с немецким акцентом.

ПОДЛЕЖИТ АРЕСТУ ЗА:

— соучастие в подделке и распространении фальшивых

денежных знаков;

— изготовление подложных документов, свидетельств и паспортов;

— разбой и грабежи;

— вымогательство;

— членство в преступных организациях;

— государственную измену (1938 г., Австрия);

— организацию тайных союзов, военные преступления и преступления против человечности (истязание и убийство гражданских лиц, а также ограбления).

ПРИ АРЕСТЕ СОБЛЮДАТЬ ОСОБУЮ ОСТОРОЖНОСТЬ!

ПРЕСТУПНИК ВООРУЖЕН!

Так выглядел бы приказ об аресте Отто Скорцени — бывшего начальника военного отдела секретной службы СС, с 1943 года — специального агента Гитлера, со слов немецкого писателя и журналиста Юлиуса Мадеры, высказанных им в 1963 году. Существовали зарисовки словесного портрета эсэсовца и другими журналистами, и его современниками из числа коллег по карательной службе.

Однако задержать таинственного и удачливого Отто так и не удалось. Его приютил регент и каудильо Испании, шестьдесят восьмой председатель правительства этой солнечной страны генералиссимус Франко Баамонде Франциско, который в целом в период Второй мировой войны полностью поддерживал нейтралитет с Германией, за исключением посылки на Восточный фронт так называемой Голубой дивизии — 250-го соединения испанских добровольцев. Личный состав этой дивизии представлял собой смесь солдат регулярной армии, ветеранов гражданской войны и членов фалангисгской милиции. Дивизия обрела свое название по голубым рубашкам — форме Фаланги. На Западе ее называют «Синей дивизией». Но испанское соединение погоду для нацистов так и не сделало. Не получилось у Франко «безоблачного неба» над Россией.

Скончался Отто Скорцени 6 июля 1975 года возрасте 67 лет в Мадриде. Франко его пережил на три с половиной месяца. Агент Гитлера и тут рассчитал свои силы и сделал все для того, чтобы не усложнять свою жизнь в случае смены режима в Испании.

* * *

1943 год.

В Советском Союзе произошел ряд знаменательных событий.

Практически восстановились оборонные отрасли экономики. Самолеты, танки, орудия и другие виды вооружения превзошли количественные и даже качественные показатели «крупповско-рейнской» промышленности, активно работающей не только в Руре, но во многих европейских странах, оккупированных гитлеровской Германией.

Страна повернулась в сторону национальных интересов — распустили Коминтерн, показав союзникам, что у Советского Союза есть своя национальная идея, направленная на создание крупнейшей самостоятельной мировой державы.

Когда у Красной армии наметились успехи на фронтах, Сталин решил заменить послов в Америке и Великобритании. Литвинов и Майский не вписывались в это стремительно реформированное время.

Да, они были прекрасными дипломатами, с высоким профессиональным вкусом подходили к решению щепетильных вопросов, но эти люди привыкли порой вынужденно прогибаться перед союзниками в связи с разного рода просьбами. Теперь, как считал Сталин, пришло время не просить, а требовать. Для этой цели были нужны другие люди. Послом в США поехал Андрей Андреевич Громыко, а в Англию — Федор Тарасович Гусев.

Неслучайно Запад со временем наречет советского посла в США А.А. Громыко, а затем и министра иностранных дел «мистером нет» за жесткое отстаивание национальных интересов Советского Союза. Это потом в России в результате предательств Горбачева и Ельцина, или Эльцина, появится «мистер да» в лице Андрея Козырева, прозябающего нынче в США и не интересующего нынешний американский истеблишмент.

В начале 1943 года была заменена военная форма: введены погоны, воротниковые стойки на кителях и гимнастерках. Отложные воротники с «кубарями и шпалами» теперь олицетворяли тяжелое прошлое с поражением на фронтах, особенно в первые месяцы войны. Поэтому Сталин решил показать миру, что в СССР создана совершенно новая армия, которая пойдет только к победам с традициями, в том числе и в обмундировании, императорской или имперской, как кто считает правильнее, России.

Наконец 15 марта 1944 года была введена официально принятая торжественная песнь в честь государства, государственный гимн — Гимн Советского Союза, написанный поэтом Сергеем Михалковым в соавторстве с Гарольдом Эль-Регистаном. До этого в СССР гимном считался «Интернационал»…

Все это с новыми победами на фронтах указывало, что вместо

отсталой крестьянско-азиатской страны на мировую арену вышла новая мощная сверхдержава, встающая вровень с такими великанами, с такими гигантами, как США и Англия.

Теперь хочется сказать несколько слов о предложении Иосифа Сталина поселиться на территории советского посольства президенту США Франклину Рузвельту.

Агентура наших разведки и контрразведки располагала данными о серии готовящихся террористических атак со стороны германских спецслужб. Оценка обстановки была правильной. Дело в том, что американское посольство, где предполагалось остановиться Рузвельту, располагалось в одной из дальних окраин Тегерана. Это был неспокойный бандитский район, где обманывали, воровали и убивали. А президенту каждый день нужно было бы ездить на конференцию в наше посольство через весь город. Поэтому охрана главы американской делегации сразу же поддержала идею переселения своего шефа на территорию посольства СССР. Генерал Федотов и подполковник Кравченко по этому поводу подготовили свои предложения в письменном виде.

Английское представительство соседствовало с советским, поэтому Черчиллю ничто не угрожало. Надо отметить, что именно при подготовке конференции наладилось более-менее искреннее взаимоотношение спецслужб союзных государств. Не всем, естественно, сокровенным они делились с советскими коллегами, но все-таки накануне Тегеранской конференции наши органы государственной безопасности вместе с представителями английских спецслужб переловили немало агентуры и разгромили «осиные гнезда» немецкой разведки, обитатели которых готовились больно ужалить «Большую тройку».

Это был результат реального взаимодействия разведок и контрразведок, особенно советских и британских, поскольку войска этих двух стран находились в Иране. Англичане оккупировали южные районы былой Персии, а Советский Союз — северные.

«АГЕНТ 17» И МАЙОР ФОН ОРТЕЛЬ

Террор не придумал для уравнения общества никаких других средств, как только рубить головы, поднимающиеся над уровнем посредственности.

Пьер Буост

Во время нахождения партизанского отряда наркомата госбезопасности «Победители», возглавляемого полковником Медведевым Дмитрием Николаевичем (псевдоним — Тимофей) на территории Ровненщины, его разведчик Николай Иванович Кузнецов, действовавший в образе обер-лейтенанта Пауля Зиберта, а в отряде его знали как Николай Грачев, через свою агентуру познакомился с интересным в оперативном плане фашистским офицером майором Ульрихом фон Ортелем.

Вывела Кузнецова на немца подруга известной разведчицы Лидии Лисовской Мария Микота.

Историческая справка:

Мария (Майя) Микота родилась в 1924 году в городе Костополь Ровненской области. С 1942 года работала официанткой на железной дороге и в кафе «Дойчехауз» в городе Ровно. Завербована немецкой и польской разведками (соответственно оперативные псевдонимы — «17» и «Маленькая Майя». — *Авт.)*. В то же время она успешно работала и на советскую разведку. Ее информацию через Н.И. Кузнецова активно использовал отряд «Победители».

Зверски убита бандеровцами 26 октября 1944 года в селе Каменка на трассе Острог — Шумск. Именно в этом селе будет буквально растерзан и другой герой войны, сражавшийся с бандеровским подпольем, сотрудник территориальных органов госбезопасности капитан Наретин. С этими открытыми материалами автор познакомился в УКГБ УССР по Ровненской области в далекие 1970-е годы.

Что касается Марии Микоты, она была награждена посмертно орденом Отечественной войны II степени. Сегодня бандеровская хунта сделала все, чтобы вытравить из памяти людской подвиги украинских патриотов.

В 100-летнетний юбилей со дня рождения Н.И. Кузнецова в июле 2011 года автор с группой местных ветеранов органов областного управления КГБ посетил столицу украинского Полесья

— город Ровно. Мы прошли по местам легендарных подвигов известного разведчика и увидели, что народ помнит своих героев, несмотря на политические бури, прошумевшие и никак не успокаивающиеся с 1991 года и особенно после майдана 2004 года с попытками стереть легендарное прошлое из памяти.

Но прошлое — это чужая страна, там все по-другому, а еще прошлое — это будущее, с которым люди по разным обстоятельствам разминулись в пути. К сожалению, многие улицы переименованы, сняты памятные доски, демонтирован памятник легендарному разведчику, но хорошо, что осталась память у наших украинских коллег — ветеранов-че-кистов о его подвигах во время войны.

Государственный переворот на Украине, организованный разведкой США на майдане 2014 года, еще больше усилил русофобскую модель «незалежной» с настойчивыми попытками переписать историю Великой Отечественной войны, и не только. Украинские незаконные националистические власти замахнулись на исторические пласты более ранних периодов существования этих земель, вплоть до рубежей Киевской Руси.

Однако вернемся к личности Майи Микоты.

В своей книге «Найти и уничтожить» местный «следопыт подвигов» Кузнецова Александр Намозов писал:

«С тех пор они подружились: красивая Майя и щедрый на комплименты разведчик обер-лейтенант Пауль Зиберт. Еще тогда боевик-исполнитель Николай Кузнецов и не мог догадаться, что важнейшие во всей его карьере разведчика оперативные сообщения, которые впоследствии сделают его легендой советской разведки, он получит именно от этой маленькой волшебной куколки».

От кого, когда и что же он получил такого важного от этой «волшебной куколки?»

Как-то на квартире известного ровненского врача-гинеколога Поспеловского Пауль Зиберт познакомился со штурм-банфюрером войск СС Ульрихом фон Ортелем. Майора на эту квартиру привела Майя Микота, сотрудничавшая с ним как агент СД.

«Вот это птица! Как же он мог заслужить такие почести и награды, — подумал Николай Иванович, глядя на грудной иконостас. — Или на фронте, или в спецслужбе. Третьего не дано. Трехцветная лента Железного креста II класса, серебряный знак «Благодарность рейхсфюрера СС» и лента в петлице «За военные заслуги». Надо хорошо расспросить Майю. Может, что-то и поконкретнее добуду».

Из рассказа Микоты он узнал, что Ортель удивил ее своими превосходными манерами, прекрасным знанием русского языка, уважительным отношением к ней. Его служебный кабинет находился рядом с кинотеатром «Эмпир» на центральной улице Ровно Дойчештрассе в доме № 272.

Как известно, в новой столице Украины Ровно обреталось одно из крупных подразделений СД, на которое он имел огромное влияние. Всегда этот немец был при больших деньгах, но пил умеренно, никогда не терял головы — мозги всегда были сухи и чисты. Порой казалось, алкогольный дурман их никак не брал.

Позже наша партизанская агентура установила, что Ортель служит в одном из главных подразделений службы безопасности и занимается вербовкой и подготовкой диверсантов, террористов и разведчиков.

Будучи неравнодушным к своему агенту «номер семнадцать», он не раз признавался ей:

— О, моя ты незабвенная крошка. Если бы ты знала, как я люблю тебя. Я отдыхаю только с тобой, а служба меня держит постоянно в напряжении. Ты, только ты снимаешь с меня дневную усталость. С тобой мне не надо остерегаться и беспрерывно контролировать себя. Я объездил много стран, встречал немало красивых женщин, но красивее тебя, моя Майя, я не видел.

И все же на очередной встрече, прилично захмелевший, он проболтался, что хорошо знает советскую столицу, потому что до войны работал в Москве. Мария, почувствовав, что Ортель словесно «потек», язык все больше и больше развязывался, стала подливать ему шнапс. Набравшись впервые при Марии до чертиков, он пустился в бахвальство. Немец признался, что провел одну из самых крутых за последнее время операцию. За нее он вправе ожидать от самого Гитлера благодарности и высокой правительственной награды.

— А почему ты не интересуешься моим подвигом? — промямлил Ульрих.

— Потому что он, наверное, секретный… зачем мне знать какие-либо подробности твоего геройского поступка, — ответила Мария.

— Милая, я тебе доверяю, как себе. Знай, что твой Ульрих — герой! И ты должна знать почему и за что!

И он стал выкладывать, что завербовал и подготовил двух бывших сотрудников НКВД, работавших в милиции до войны в городе Ровно, и направил их в Москву. Они должны найти и устранить в лагере военнопленных бывшего командира 51-го немецкого артиллерийского корпуса генерала фон Зейдлица и бывшего командира 376-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта

фон Даниэльса.

С его слов, как поняла Майя, эти два генерала, попав в плен, создали в Москве Союз немецких офицеров (СНО) и призывают соотечественников убрать с политической арены Гитлера, зачехлить орудия и прекратить войну.

— Я думаю, они найдут предателей германского народа и физически их уничтожат, — осклабился в пьяной улыбке эсэсовец.

На следующее утро Николай Кузнецов уже знал об этом плане хвастуна и болтуна. Дело в том, что Микота довела эту информацию до своей подруги Лисовской. В тот же день в Москву полетела шифровка:

«Тимофей — Центру

«Колонист» через своего агента «Лик» получил достоверную информацию о следующем. В городе Ровно под вывеской частной зуболечебницы функционирует школа диверсантов-террористов, предназначенных для переброски через линию фронта в советский тыл.

Руководил ею до конца ноября 1943 года опытный сотрудник ведомства Шелленберга штурмбанфюрер СС фон Ортель.

В школе из числа бывших сотрудников НКВД подготовлены и уже заброшены (или находятся в процессе заброски) два боевика. Их задача — проникнуть в СНО и убить генералов фон Зейдлица-Курцбаха и фон Даниэльса».

Террористическая акция была предотвращена. Агенты-террористы и предатели были задержаны, разоблачены и понесли заслуженное наказание по всем строгостям военного времени.

* * *

От фон Ортеля Мария узнала, что тот не только знаком, но и является лучшим другом известного диверсанта Отто Скорцени. Похвастался эсэсовец и информацией о скором применении фашистами «летающих бомб» — ракет «Фау-1», а также уточнил, что перед войной в Москве он трудился в германском консульстве и занимался вербовочной работой среди советской интеллигенции в столице.

И вот тут Николая Ивановича словно окатили ушатом холодной воды.

«Как же так, что мы с ним не пересеклись в столице, — подумал Кузнецов. — А может, и пересекались, и он меня

запомнил, а теперь решил поиграть. И уже, возможно, играет со мной. Берегись бед, пока их нет. Посмотрим, как он поведет себя дальше. А вообще у него незаурядный ум, хорошие манеры, прекрасная память. Образно говоря, ешь мед, да берегись жала. Но что он делает в Ровно? По всей видимости, действительно разведчик и своему агенту Майе Микоте сказал правду».

Но для дальнейшего общения с Ортелем у Пауля Зиберта не нашлось времени… На одной из конспиративных встреч со своим агентом «17»— Марией Микотой в начале ноября 1943 года штурмбанфюрер заявил, что сильно переживает из-за скорой разлуки, так как на днях убывает в краткосрочную командировку в далекую горную страну Персию (с 1935 года Иран. — *Авт.)*.

— Что тебе привезти оттуда — халат, ковер, бусы, кольца?

— Все это можно купить и здесь. Приезжай поскорее сам живой, здоровый и невредимый, — сделала искусно мрачную гримасу Мария.

— Постараюсь…

Но на следующий день подруга Микоты — работница гебитскомиссариата — рассказала ей по секрету, что Ульрих фон Ортель застрелился в своем рабочем кабинете.

— Откуда ты узнала? — поинтересовалась Майя.

— Все руководство об этой трагедии почему-то говорит открыто. Слух распространился по всей администрации. Его, словно клей обойный, размазывают по стенам, а обоев нет…

— А кто-нибудь видел, чтобы его труп выносили из кабинета?

— Нет…

Конечно же, информация о смерти майора была ложью, инсценировкой с неуклюжим объяснением. Цель — замести следы внезапного исчезновения. На самом деле группа боевиков-террористов, в состав которой входил и Ульрих фон Ортель, прилетела в Тегеран. Кузнецов об этом факте срочно доложил Медведеву, а последний — шифровкой в Центр.

Со временем двойной агент английской и немецкой разведок Эрнст Мерзер подтвердил факт нахождения фон Ортеля в качестве руководителя одного из отрядов террористов в Тегеране. В связи с получением из агентурных каналов сообщений об операции немецких спецслужб «Длинный прыжок» во главе с главным нацистским террористом Отто Скорцени группа подполковника Н.Г. Кравченко совместно с агентурой нашей резидентуры внешней разведки выследила и обезвредила засланных убийц.

По замыслу немцев группа Скорцени — Ортеля должна была похитить Рузвельта, а Сталина и Черчилля уничтожить.

И вот газета «Правда» как раз в очередную годовщину со дня

образования военной контрразведки за 19 декабря 1943 года писала:

«Лондон, 17 декабря (ТАСС). Согласно сообщениям вашингтонского агентства Рейтер, президент Рузвельт на пресс-конференции сообщил, что остановился в российском посольстве в Тегеране, а не в американском потому, что Сталину стало известно о немецком заговоре.

Также маршал Сталин сообщил, что, возможно, будет организовано покушение на жизнь всех участников конференции. Он просил президента Рузвельта оставаться в советском посольстве во избежание передвижения городом…»

Сообщения Майи были наибольшей удачей за период нахождения и работы партизанского отряда особого назначения «Победители» и лично Николая Ивановича Кузнецова на территории Ровненщины. Именно благодаря не столько ликвидации нацистских бонз в Ровно, сколько этому сообщению Николай Кузнецов — Пауль Зиберт стал легендой советской разведки.

ЗЕЛЕНЫЕ ПОГОНЫ

А на плечах у нас зеленые погоны,
И мы с тобой, дружок, опять идем в наряд.
У пограничников суровые законы —
Нельзя нам спать, когда другие люди спят…

(Армейская песня)

Безопасность важной, если не сказать важнейшей, международной конференции в Тегеране в ноябре-декабре 1943 года со стороны Советского Союза была тщательно продуманна и получила максимальное оперативное обеспечение на всех этапах ее проведения.

Прежде чем говорить об оперативном обслуживании органами госбезопасности, в частности подразделениями Смерш, мероприятий, следует сказать о роли и действиях пограничных подразделений и частей НКВД СССР с периода августа 1943 года и до окончания войны.

Это они, словно минеры, обеспечивали прокладку безопасных путей частям Красной армии при вводе их в Иран, согласно совместной англо-советской операции под кодовым наименованием «Операция «Согласие», проводимой с 25 августа по 17 сентября 1941 года. Ее целью являлась защита иранских нефтяных месторождений от возможного захвата их войсками гитлеровской Германии и их союзниками, а также защита транспортного «южного коридора», по которому осуществлялись поставки вооружения, боевой техники и другого стратегического имущества из США и Соединенного Королевства по ленд-лизу для Советского Союза.

Накануне и в первый период Второй мировой войны гитлеровская Германия превратила Иран в плацдарм враждебных действий против СССР и Англии. Орды тайных нацистских агентов обосновались в странах Ближнего и Среднего Востока, особенно в Иране. К августу их численность достигла четырех тысяч человек, в большинстве своем в районах, примыкающих к границе с СССР. Это была германская «пятая колонна» в Иране.

В иранских правительственных учреждениях работали

«советники», «инструкторы», «пропагандисты», «агитаторы», стремившиеся вовлечь Тегеран в войну против Москвы, идею которой поддерживал сам прогермански настроенный иранский властитель Реза-шах Пехлеви.

Немцы создавали в иранских пустынях тайные аэродромы, склады оружия и боеприпасов, организовывали и обучали диверсионные группы, затем перебрасываемые на территорию Советского Союза. Появилась серьезная угроза фашистского переворота в Иране, представлявшего опасность для советской страны и всей антигитлеровской коалиции.

Дело в том, что Реза-шах в последний момент стал колебаться, почувствовав, к каким последствиям может привести его «дружба» с Гитлером. Поэтому, несмотря на пробер-линские в общем-то настроения шаха, которому 17 августа 1941 года немецкий посол Эттель, офицер СС, предложил военную помощь, гитлеровцы развернули подготовку заговора с целью свержения шаха, не решившего объявить войну СССР.

Гитлер в конце рабочего дня вызвал к себе адмирала Канариса — шефа абвера. Главному военному разведчику пришлось довольно долго дожидаться фюрера, так как то ли от волнения, то ли по привычке есть в определенное время на фюрера напал жор. По воспоминаниям одного из секретарей Гитлера фрау Траудль Юнге, он ел долго и помногу. Ужин проходил так же, как и обед. Обычно подавали холодные закуски и салаты, хоппель-поппель — жареный картофель с ветчиной, залитый яйцами, или вермишель с томатным соусом и сыром. Гитлер часто брал две глазуньи с картофельным пюре и салатом из помидоров.

Свежие овощи и фрукты круглый год поставляли теплицы образцового хозяйства рейхсляйтера Мартина Бормана, которыми он кормил и своих десятерых детей-погодков, рожденных госпожой Гердой Борман, выдвинувшей идею полигамного «вынужденного брака» в интересах Третьего рейха…

Его продукция доставлялась самолетами даже в Ставку, проделывая путь из Баварии в Восточную Пруссию. Гитлер считал, что его желудку подходят только свежие продукты, поэтому не хотел получать их из других хозяйств. А еще он любил пить чай с печеньем и яблочным пирогом.

Таких правил, наверное, придерживаются и другие государственные властелины. После сытного ужина у Гитлера поднялось настроение, и он провел спокойно беседу с адмиралом…

После этого для подготовки переворота тайно прилетал начальник абвера адмирал Канарис. 23 августа с личным

посланием к шаху обратился Гитлер. В своем письме он писал, что ему не следует «…уступать нажиму со стороны США и Англии, так как Германия скоро займет южные области Советского Союза».

Эти действия подхлестнули Сталина к действию. В ответ на такой внешнеполитический спурт фашистской Германии советское руководство направило 25 августа 1941 года прогерманскому правительству Ирана ноту. В ней указывалось, что Советский Союз на основании статей 5-й и 6-й советско-иранского договора от 1921 года, которым предусматривалось, что в случае возникновения угрозы южным рубежам СССР Советский Союз имеет право ввести свои войска на территорию Ирана. А дальше говорилось, что «сегодня он не может равнодушно относиться к создавшемуся положению, а поэтому вынужден сам позаботиться о безопасности своих южных границ…»

В ходе операции вооруженные силы союзников вторглись в Иран не без помощи оппозиции и других демократических сил, свергли прогерманского шаха и установили свой контроль над железными дорогами и нефтяными месторождениями Ирана. При этом войска Великобритании оккупировали Южный Иран, а воинские части СССР заняли территорию Северного Ирана и стали там отдельными гарнизонами.

Во исполнение этой ноты и приказов командования на рассвете 25 августа 1941 года шестьдесят пять боевых оперативных групп, сформированных из личного состава пограничных частей Закавказья, перешли границу Ирана и быстро достигли намеченных рубежей.

Они перерезали дороги, ведущие от границы в административные центры сопредельного государства, захватили мосты через горные реки и выставили свое охранение. Эти мероприятия отмечались, естественно, боевыми столкновениями при ликвидации иранских прошахской и прогерманской ориентаций пограничных, полицейских и жандармских постов.

О грамотности, решительности и скоротечности действий наших групп говорит тот факт, что к 7.00 следующего дня боевая задача, поставленная командованием перед солдатами в зеленых погонах, была выполнена, и таким образом открывался путь беспрепятственного продвижения армейских частей в Северный Иран.

А 28 августа дивизион пограничных кораблей под командованием старшего лейтенанта Самохина обеспечил высадку десанта советских войск в портах Пехлеви и Ноушехр. Здесь же из восьмидесяти моряков-пограничников была

сформирована боевая группа, которая заняла город Мозендеран и удерживала его до подхода частей Красной армии.

План гитлеровцев по превращению Ирана в плацдарм фашистской Германии для вторжения с юга в советское Закавказье с целью завладения нефтеносными территориями был окончательно сорван и похоронен.

Однако негласные силы у немцев в Иране были еще солидные, если не сказать более конкретно — очень большие. В северных районах страны агентурной сетью руководил бывший генеральный консул в Тебризе агент абвера Юлиус Шульце-Хольтус.

В 1943 году он скрывался в районе Исфахана — бывшей столицы Персии — у главаря оппозиционных новым властям кашкайских племен Насер-хана и поддерживал постоянную радиосвязь с Берлином.

В районе Тегерана орудовал другой резидент немецкой политической разведки штурмбанфюрер СС Майер под прикрытием работника ритуальной службы на армянском кладбище. Настоящее его имя — Рихард Август. В 1943 году англичане его арестовали, опередив советскую контрразведку. Он был отправлен ими в Индию.

С ним в паре с 1940 года работал в качестве разведчика и радиста немец Роман Гамота под крышей представителя конторы «Иран-Экспресс». Он имел репутацию организатора подпольных групп и знатока партизанской борьбы. Агент много перемещался по стране, прекрасно владел русским языком. Накануне войны заболел малярией и уехал в Германию лечиться. Он был лично известен гитлеровской верхушке.

В мае 1943 года Гиммлер в одной из докладных записок писал Гитлеру:

«Хотя враги назначили большую цену за голову Гамоты и его жизнь неоднократно подвергалась опасности, он после излечения от малярии намерен вернуться в Иран».

В августе 1943 года Гамота был сброшен с парашютом в районе Тегерана и после приземления связался с Майером. Это он быстро наладил радиосвязь с Берлином. В дальнейшем ему судьба изменила. После провала операции «Длинный прыжок» — покушения на лидеров антигитлеровской коалиции Гамота бежал из Ирана через Турцию. После войны как военный преступник был арестован в Австрии и судим.

Работали в Иране и офицеры СД Вейзачек, Эмерик, Раданович, Вольф, Рутенберг, занимающиеся подготовкой и

заброской агентуры в Баку, Тбилиси и Ашхабад.

Часть арестованной советской контрразведкой нацисткой агентуры была депортирована в Советский Союз, часть передана англичанам. Только по делу одной прогерманской партии «Меллиюн-е-Иран» удалось задержать 3 иранских генерала, 10 полковников, 27 офицеров других званий, 62 железнодорожных служащих, 48 гражданских лиц. Но многие и скрылись, однако часть была перевербована.

Что касается судьбы штурмбанфюрера Ханса Ульриха фон Ортеля то, по одной из версий, он с группой боевиков был сброшен на парашюте накануне конференции «Большой тройки» под Тегераном и сразу же был задержан группой захвата, которой руководил сотрудник Смерш подполковник Н.Г. Кравченко.

По второй версии — немецкий террорист и диверсант погиб при попытке его задержания. Существует и третье предположение — почувствовав, что со своей группой попал в заранее заготовленный капкан, он все-таки прорвал кольцо блокировки с несколькими бойцами «плаща и кинжала» и благополучно добрался до Берлина. Дальше его следы теряются…

Это поражение, нанесенное советской и английской контрразведками, было настолько ошеломляющим и сокрушительным, что идея переворота и покушения на «Большую тройку» рисовалась нереальной в создавшейся ситуации, хотя нельзя все эти действия воспринимать примитивно. Оставались у немцев реальные силы осуществить террористический акт. Это понимали направленные Берией — Федотов и Абакумовым — Кравченко.

Гитлеру пришлось пережить этот зубодробительный удар советских спецслужб. Он был в ярости. Когда к нему с бумагами зашла одна из секретарш с ярко накрашенными губами он ее спросил:

— А вы знаете, из чего делают губную помаду?

— Нет… Мне ее привез мой брат из Франции…

— Так знайте, именно в Париже помаду делают из жиров, получаемых из сточных вод. Вот что вы носите на губах. Если бы знали, то никогда бы не красили губы!

Больше она никогда являлась в кабинет своего шефа с накрашенными губами…

* * *

7 октября 1943 года со станции Мытищи Московской области отправился на юг секретный эшелон. Рядовой состав был в

неведении, куда его везут. А 12 октября 1943 года эшелон прибыл в Баку. Оттуда на автомашинах личный состав был доставлен в советский приграничный город Астара на азербайджано-иранской границе.

Итак, мы видим, что в условиях строжайшей секретности в Закавказье прибыл железнодорожный эшелон, который доставил личный состав 131-го мотострелкового полка пограничных войск НКВД СССР.

Командовал полком Герой Советского Союза подполковник Никита Фадеевич Кайманов. Несколько слов о нем. Начало войны он встретил в Карелии. В связи с угрозой вступления Финляндии в войну 22 июня 1941 года начальник отделения штаба погранотряда старший лейтенант Н.Ф. Кайманов был направлен на пограничную заставу № 6, прикрывавшую важный узел дорог.

Из-за сложной обстановки численность личного состава заставы была доведена до 146 бойцов. Кайманов принял командование гарнизоном и спешно подготовил укрепленный пункт обороны на территории заставы.

25 июня 1941 года Финляндия вступила в войну, и началась героическая оборона заставы. Двадцать суток крохотный гарнизон отражал многочисленные атаки противника, подвергаясь массированному артиллерийскому и минометному обстрелу, ударам финской авиации.

Погибли четырнадцать пограничников, свыше сорока было ранено. Сам командир гарнизона оказался контужен, но не выходил из боя. Когда связь со штабом была утеряна, отряд Кайманова прорвал кольцо окружения, причем в направлении территории Финляндии, где противник не ожидал контратаки. Пройдя окружным путем по болотам и лесам около ста шестидесяти километров, через пять суток отряд соединился с советскими войсками, вынеся на себе всех раненых.

За мужество и героизм, проявленные на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, Указом Президиума

Верховного Совета СССР от 26 августа 1941 года старшему лейтенанту Кайманову Никите Фадеевичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Эта воинская часть «зеленопогонников» формировалась под личным контролем Лаврентия Берии, так как предназначалась для обеспечения безопасности Тегеранской конференции.

Через три дня полк, погрузившись в машины с гражданскими номерами, пересек государственную границу и направился вдоль Каспийского моря на юг…

В Тегеране полк разместился в военном городке 182-го горнострелкового полка. Именно в Тегеране командир полка Н.Ф.

Кайманов получает звание полковника и станет подписывать необходимые документы как «командир гарнизона советских войск в Тегеране».

Командование полка первым делом провело рекогносцировку города для определения объектов охраны. Под охрану были поставлены, например, такие советские и иранские объекты, как посольство, консульство, торгпредство, комендатура. Нашими воинами охранялись также дворец шаха, почта, телеграф, военные склады, аэродром и прочее.

Оперативно обслуживать полк со всеми его подразделениями, несущими охрану вышеперечисленных объектов, было поручено сотрудникам ГУКР Смерш НКО СССР во главе с подполковником Николаем Григорьевичем Кравченко.

Получалось до 100 постов с двумя-тремя воинами на каждом. Кроме того, в городе было создано три взвода резерва. С 24 ноября от полка стал выделяться почетный караул, состоящий из 105 человек.

По прибытию на место у всех военнослужащих отобрали документы, комсомольские и партийные билеты и даже часы… В программу оперативной подготовки включались частые политинформации и разъяснения ответственных задач, которые они будут решать по охране лидеров трех держав. Берия несколько раз докладывал Сталину о возможном нападении немецких диверсантов и террористов на членов конференции в Тегеране.

Какие же конкретные задачи решали пограничники?

В обязанности личного состава входило патрулирование улиц; физическая охрана территории советского посольства и членов делегаций, работающих на конференции; выполнение функций почетного караула; задержание и аресты разоблаченной вражеской агентуры и др.

Полк начал формироваться в городе Бабушкино в ноябре 1942 года, в бывших казармах Московского военно-технического училища войск НКВД. До недавнего времени там находился Военный институт Федеральной пограничной службы. По личному приказу Берии сюда отбирались и направлялись лучшие солдаты. Командиром был назначен уже упоминаемый подполковник Кайманов, заместителями — Герой Советского Союза подполковник Н.М. Руденко и капитан И.Д. Чернопятко. Тридцать шесть военнослужащих полка имели правительственные награды, полученные на фронте. Необстрелянных воинов специально посылали на фронт для стажировки, как говорится, «понюхать пороха».

С февраля по октябрь 1943 года на фронтах побывало

несколько десятков снайперов. Всего перед отправкой в Иран по списку значились 1750 человек личного состава. Кроме того, перед самой конференцией особым распоряжением Генштаба полк был усилен отдельным батальоном в количестве 320 человек. По окончании конференции, а точно 6 декабря 1943 года, батальон был откомандирован в СССР и тут же был выведен из штата полка, а 131-й мотострелковый полк погранвойск НКВД остался в Иране и занимался исключительно охраной советских объектов до октября 1945 года — момента его расформирования.

Необходимо отметить, что еще тогда, когда полк находился в Астаре, заработало сито Смерша. По материалам военной контрразведки, на зимние квартиры в СССР было откомандировано двадцать шесть человек, которых «тщательно подбирал» чуть ли не сам лично Лаврентий Берия. Причины разные: пьянство, валютные операции, оставление караула, нарушение воинской дисциплины, дезертирство, установление нежелательных связей и членовредительство.

Кравченко, как уже говорилось выше, принял этот полк со своими коллегами в оперативное обслуживание, потому что охрана лидеров «Большой тройки» полностью зависела от качества службы пограничников этой особой засекреченной части, несмотря на надежный личный состав и проверенное командование полка. Таковы были правила. Их диктовали время и обстоятельства. Началось незримое перетягивание каната между Абакумовым и Берия — Смершем и НКВД…

И все же парни в зеленых погонах выполнили свою задачу достойно — конференция «Большой тройки» в Тегеране состоялась и приблизила победоносный конец в тяжелейшей войне.

СТАЛИН НА ПУТИ В ТЕГЕРАН

Еще был слышен грохот пушен,
И кровь рекой еще лилась,
А в Тегеран, делить Европу
Большая тройка собралась…

Виктор Богодухов

Когда все вопросы о месте проведения международной конференции были утрясены, Сталин выехал в Тегеран 22 ноября 1943 года литерным поездом № 501, который проследовал через Сталинград в сторону Баку. В его бронированном рессорном двенадцатиколесном вагоне были все элементарные удобства для персональной работы, совещаний и отдыха.

Нужно сказать, что с началом войны литерные поезда обрели новое значение. В небе тогда господствовала немецкая авиация, а поэтому Президиум Верховного Совета СССР запретил членам Политбюро пользоваться воздушным транспортом на большие расстояния. Оставался единственный способ передвижения — по железной дороге.

Дочь главного железнодорожного «литерщика» полковника госбезопасности Кузьмы Павловича Лукина Алла Кузьминична в беседе с автором рассказывала, что, по признанию отца, именно он обеспечивал поездку Сталина в Тегеран.

— Алла Кузминична, отец, уйдя в запас, а потом и в отставку, не оставил мемуары?

— Знаете, пытался написать воспоминания, не раз брался за перо, но то ли сил не хватало, то ли желание каждый раз быстро затухало. Так он свою писанину и не закончил. Как потом образно заметил, «не смог я вылущить из себя то, что знал. А знал много чего интересного».

— Вы-то сами эти записи читали?

— Да, конечно…

— О чем они?

— О работе со специальными поездами вообще и о подготовке литерного поезда для поездки нашей правительственной делегации в Тегеран были там какие-то заметки… — вспоминала с трудом собеседница.

— Не могли бы вы поделиться данными, которые запомнили?

— Конечно, хотя время — наш враг, много чего вылетело из

головы, но я запомнила основные моменты с этим литерным поездом. Деятельность отца в этой сфере развивалась следующим образом. В ноябре 1942 года он нашел для своей ответственной службы двух машинистов паровозов, кажется, их величали Виктор Лион и Николай Кудрявкин, если не путаю. (Нет, не напутала, а точно назвала имена и фамилии этих машинистов.) Он их подобрал для работы в транспортном отделе Главного управления охраны НКВД. В служебные обязанности новоиспеченных машинистов-охранников входило обеспечение безопасности движения литерных поездов серии «А». У них были следующие обязанности:

— осмотр локомотивов;

— замена его на новый паровоз в случае обнаружения неисправностей в пути следования;

— контроль за выполнением локомотивной бригадой необходимых инструкций и так далее.

Свою историческую миссию сталинский литер начал в конце 1943 года. Тогда шла подготовка к Тегеранской конференции. В отправке поезда принимал непосредственное участие мой отец и его помощники — Лион и Кудрявкин. Об этом мало кто знает.

— А что отец писал о самом железнодорожном составе? Как он выглядел? Под каким номером шел поезд?

— Начну отвечать с последнего вопроса. Номер мне неизвестен, или он не упоминался в записях отца, или вылетело из головы. В железнодорожный состав вошло: несколько вагонов-салонов; вагон для охраны; штабной вагон с отдельным купе для коменданта поезда и других сотрудников; вагон-гараж на две автомашины; вагон-ресторан, скорее это была столовая; и вагон-склад с продуктами питания.

— Что собой представлял сталинский вагон-салон?

— На первый взгляд он ничем практически не отличался от обычного, но у него не было одного тамбура. Он использовался для увеличения рабочего пространства внутри, за счет чего салон заметно удлинился. Вагон был полностью бронирован, поэтому и потяжелел на целых двадцать тонн. Отсюда и увеличение колесных пар. Меблировали его весьма скромно и казенно: стол, стулья, кресла, отделение для душа и санузел.

— Скажите, Алла Кузьминична, сколько всего паровозов отправилось в эту знаменательную поездку?

— Кажется, три. Первый и третий шли на расстоянии перегона от основного. Второй локомотив тащил состав.

— О проблемах прохождения поезда отец ничего не писал?

— Как же, была одна неприятность.

— Какая?

— На одной из подмосковных станций, не помню названия, поезд остановился. В небе послышался гул немецких бомбардировщиков. По рассказам отца, все замерли, затаив дыхание в ожидании бомбежки. По селектору комендант состава дал команду, чтобы никто не выходил из вагона. Молчали и зенитки на платформах. Стая воздушных хищников прошла стороной, видно, не заметив поезда. Он ведь тоже шел с маскировкой. Видно, она качественная была — постарались художники, нарисовав на крышах вагонов железнодорожные пути. Если бы фрицы знали, кто находится в поезде!..

— Наверное, разбомбили бы эшелон?

— Думаю, зенитчики отогнали бы немцев. Целая батарея стояла на платформах. Но могло случиться и худшее…

Алла Кузминична Лукина передала автору книги и правительственные награды отца, которые в настоящее время хранятся в недавно открывшемся Музее боевой славы Департамента военной контрразведки ФСБ. Руководство Департамента ВКР ФСБ России и сотрудники Совета ветеранов ДВКР приложили много усилий, для того чтобы музей состоялся.

* * *

В воспоминаниях главного маршала авиации Александра Евгеньевича Голованова есть упоминание о перелете главы государства и делегации в Тегеран двумя самолетами, которые он готовил к полету лично.

Как уже известно, Сталин покинул Москву со своей немногочисленной свитой поездом. Часть делегации доехала до Баку, а там ее ждали два самолета Си-47, которые должны были доставить пассажиров в Тегеран.

На аэродроме московских гостей встречали главком ВВС А.А. Новиков и командующий Авиацией дальнего действия А.Е. Голованов. Новиков доложил, что для основной делегации подготовлены две машины. Одну поведет генерал-полковник Голованов, другую — полковник Грачев, личный пилот Берии…

— А как, когда и чем доставите мидовцев? — спросил Сталин.

— Через полчаса за нами полетят еще два борта с сотрудниками МИДа.

— Какое воздушное прикрытие? — вдруг поинтересовался Верховный.

— Три девятки истребителей, — ответил главком, а потом неожиданно спросил у Сталина: — На каком самолете вы желаете

полететь?

— Хм, генерал-полковники редко водят самолеты, навыки теряются, мы лучше полетим с полковником. Приглашаю с собой вас, товарищи Молотов, Ворошилов, Берия и Штеменко.

Надо отметить, что Грачев был лучшим летчиком страны и, как уже говорилось выше, личным пилотом наркома внутренних дел СССР. Потом все они, герои описываемых событий тегеранского периода, пострадают в разных степенях от мстительного и волюнтаристского волеизлияния Хрущева после смерти Хозяина Кремля.

С мертвым телом вождя злобный сатрап-политикан «повоевал отменно» — втихаря вынес из Мавзолея и зарыл на кремлевском погосте. Берию, Меркулова, Абакумова и десятка два других сотрудников госбезопасности казнил. Тысячи профессионалов разведчиков и контрразведчиков-участников войны отправил в отставку с поражением в правах, Молотова и Ворошилова вышвырнул из руководства страны. Штеменко и Грачева понизил в должностях и всячески унижал. Судоплатова за то, что «тесно» работал с Берией, упек на 15 лет тюрьмы — во Владимирский централ, где тот ослеп и заработал два серьезных инфаркта. Жукову подло подставил ножку, жульнически снял с должности министра обороны…

Добрался и до нашего героя — Николая Григорьевича Кравченко. С подробностями этой истории читатель еще познакомится.

Такие сумасбродные люди, каким был новый Первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета министров СССР, «с гнусностью подходят к объяснению прошлой истории», как говорил Тютчев.

Но все эти гнусности проявятся потом, а пока вернемся к Тегерану, периоду, когда Хрущев готов был лизать и лизал, говорят, сапоги вождю за пьяные проделки своего старшего сына — летуна Леонида. Но это другая история. О ней честно написал в своей книге «Записки контрразведчика» генерал-майор В.Н. Удилов, с которым автору доводилось общаться во время службы на Лубянке. За его плечами десятки успешно завершенных дел, хитроумных операций, о которых широкая общественность если и знала, то только из куцых сообщений ТАСС либо из официальных нот МИДа.

* * *

Итак, известно, что самолет со Сталиным вел шеф-пилот

Берии полковник Виктор Георгиевич Грачев.

В описаниях поездки советской делегации со Сталиным в Тегеран Голованова и Штеменко есть разночтения, которые можно объяснить только субъективностью восприятия.

А вот как освещал приезд в Баку литера «А» С.М. Штеменко в своей книге «Генеральный штаб в годы войны»:

«…К вечеру приехали в Баку. Здесь все, кроме меня, сели по машинам и куда-то уехали. Я ночевал в поезде. В 7 часов утра за мной заехали, и мы отправились на аэродром. На летном поле стояло несколько двухмоторных винтовых самолетов «Дуглас Си-47», кстати, самых надежных машин в мире. Американцы их построили более 13 000 единиц. У одного из них прогуливался командующий Авиацией дальнего действия А.Е. Голованов. У другого самолета я заметил знакомого мне летчика В.Г. Грачева. В восемь часов на аэродром прибыл И.В. Сталин.

Новиков доложил ему, что для немедленного вылета подготовлены два самолета: один из них поведет генерал-полковник Голованов, другой — полковник Грачев…

Новиков пригласил Верховного главнокомандующего в самолет Голованова. Тот сначала, казалось, принял это приглашение, но, сделав несколько шагов, вдруг остановился.

— Генерал-полковники редко водят самолеты, — сказал Сталин. — Мы лучше полетим с полковником. И повернул в сторону Грачева. Молотов и Ворошилов последовали за ним.

— Штеменко тоже полетит с нами, и в пути доложит обстановку, — сказал Сталин, уже поднимаясь по трапу. — Как говорится, совместим полезное с приятным.

Я не заставил себя ждать.

Во втором самолете полетели А.Я. Вышинский, несколько сотрудников Наркоминдела и охрана…»

«МАЛАЯ ТРОЙКА»

Нельзя быть злодеем другим, не будучи и для себя негодяем. Подлость универсальна. Нарушитель любви к ближнему первым из людей предает самого себя.

Борис Пастернак

Непросто складывалась политическая обстановка в США вокруг идеи президента Франклина Рузвельта об открытии второго фронта в Европе и участия в переговорном процессе «Большой тройки» по вопросам послевоенного переустройства мира, в частности Европы, после поражения в войне Германии.

«Подводные рифы» то и дело встречались по курсу следования корабля администрации Франклина Рузвельта. Несмотря на громадный его авторитет в стране в связи с победами «нового курса», так называемая конструктивная оппозиция в лице деловых финансовых кругов делала все возможное, чтобы не дать американскому президенту встретиться со Сталиным, выехать на встречу в Тегеран и провести там международную конференцию.

Это были идеологические злодеи внутри американского истеблишмента, заточенные против политики президента. В отношении самого Рузвельта они ничего не имели, даже жалели его из-за болезни, а вот его курс в конце войны пришелся им не по нутру. Они готовы были взорвать политику президента, используя различные подлости.

Как все это похоже на современность: давление янки — ястребов и ненавистников России — на новоиспеченного президента США Трампа, заговорившего в ходе предвыборной кампании о сближении с Москвой. Не дали они ему и не дадут развернуться в сторону России, заставят давить ее санкциями, в первую очередь экономическими. Сегодня мы все являемся свидетелями этого антироссийского разбоя, за исключением псевдолибералов и практически открытой «пятой колонны»…

1943 год. Год величайших событий на фронтах Великой Отечественной войны — Сталинград, Курская дуга, форсирование Днепра и освобождение Киева. Реверс Второй мировой войны был переведен и стоял на отметке движения на Запад. Наработанный опыт, помощь союзников, развернутая мощь отечественного производства — все это говорило о том, что красные лавы,

идущие вперед, уже не остановить. Они сомнут любую силу на своем пути. И действительно, такой силы в Европе не существовало.

Прошло всего два года с того дня, когда Реза-шах бежал из Тегерана. В стране несомненно на фоне побед русского оружия происходил небывалый подъем общественной жизни. Иран бурлил страстями. Политические сходки, манифестации, митинги и демонстрации то и дело сотрясали города, деревни и аулы. Эти процессы становились общественным явлением.

Крепли профсоюзные организации. Волнами накатывались на периферии крестьянские восстания. Все эти события заставили правительство встать на путь поиска радикальных реформ. Но оно, иранское руководство, шло на некоторые уступки с одной целью — ввести простых людей в заблуждение. Ставка «новых» верхов делалась теперь не столько на немцев, сколько на американцев, а через них — на усиление карательного аппарата.

Руководитель МВД Ирана Хосров Хавар вспомнил о своем недавнем консультанте и друге мистере Джоне Бентоне и с согласия премьер-министра Али-Форуги пригласил американского специалиста по полицейским и жандармским делам приехать в Тегеран. «Ястреба» американской внешней политики не надо было звать — он рвался в Иран, где уже в его понимании «вовсю хозяйничали англичане и русские». Он «продуктивно» консультировал полицейских и жандармов еще при старой персидской власти.

Вскоре он прибыл в Тегеран. На следующий день Бентон встретился с посланником США в Иране Луисом Дрейфусом. Говорили о положении на фронтах германо-советской войны, о взаимоотношениях союзников, положении в Иране, что особенно интересовало его. Но дипломат по последнему вопросу был явно сдержан. Однако Джон теребил его именно по этому вопросу.

— Мистер Бентон, скоро вы все узнаете. Ваша помощь как полицейского специалиста, может, и не понадобится, — заметил посол. — Раскрою вам один небольшой секрет: симпатии местного населения на стороне русских. Удивительные люди! Сколько пережили! А как воюют, знает весь мир. Сталинград и Курская дуга — эти две дубины оглушили фашистов.

— Что, они и здесь так же успешно воюют?

— Успешно? Гм… — посол сцепил руки в замок и развернул их на сто восемьдесят градусов. Послышался характерный хруст: — Я тоже считал, что демонстрации и митинги — это дело русских, но потом разубедил сам себя.

— Я давно утверждал, что президент ошибается в заигрывании с русскими. Скоро он поймет свою ошибку. А как

ведет себя сосед русских сэр Креппс?

— У британского посла хорошие отношения с советскими дипломатами. Можно признаться — добрососедские. Россияне ведь живут же через дорогу.

Бентон понял, что расколоть и развернуть посланника против президента ему не удастся. Уж сильно он оказался ангажированным президентом Рузвельтом…

На следующий день он встретился с главным полицейским Ирана Хосров Хаваром. Старые приятели обнялись, похлопали друг друга ладонями по спинам, дипломатично расцеловались щеками, а не губами, как это любил делать Подгорный, целуя Брежнева при очередном его награждении.

— Нуты и даешь! Остановил процесс бега времени, совсем не изменился. Наверное, жены хорошо греют молодыми телами, не иначе…

— Ты прав, Джон, красавицы они у меня, работящие, заботливые, — после этих слов он взял приятеля под руки и потащил в женскую половину дома: — А вот ты сдал… постарел.

— Дела, дела! Они собаками все время гонятся, но я не убегаю от них, а борюсь с ними, нередко бросаясь в схватку. Дела позорного нет, и только бездействие позорно.

Скоро они оказалисьу заранее предупрежденных жен хозяина, хотя этим поступком он нарушил обычаи мусульманской семейной жизни. Там строгие правила: мужчине по Корану позволительно иметь четырех жен, женщине — только одного мужа. Запрещено жене выходить из дому без разрешения мужа даже для посещения родных или магазина, пусть и находящегося в шаговой доступности.

— Я привел вам дорогого гостя из далекой Америки…

— О, Джон Бентон!

— Джонни!

— Мистер Бентон!

Все три жены иранца узнали старого знакомого и друга мужа — американца, который не раз бывал у них в доме и привозил им подарки. Не обошлось без них и на сей раз. Он раздал каждой по одинаковой безделушке. После обеда хозяин предложил американцу сыграть в бильярд. Они прошли в просторную бильярдную комнату, в середине которой стоял стол, обтянутый зеленым сукном.

— Разбивай ты, — предложил Хосров Ховар.

— Это будет мой первый удар по русским!

— Давай, давай бей…

Джон взял кий, прицелился и ударил по острию треугольника, собранного из шаров. Они с грохотом разбежались,

но ни один не угодил в лузу. Все присоседились, словно прилипли к бортам. После этого Джон кисло, по-змеиному заулыбался.

— Ха-ха-ха… А я ударю по британцам.

Хозяин прицелился и сразу клапштосом — ударом в центр битка, плотно прижавшего к борту недалеко от средней лузы, загнал его туда, куда намечал.

— Это мой первый удар по хищным англичанам, — громко засмеялся Хосров Ховар…

* * *

В первую декаду ноября в иранскую столицу из Нью-Йорка прибыл крупный акционер и один из членов правления фирмы «Денавар-компани» мистер Сейполл, который в тот день под вечер встретился с Бентоном.

Весь Тегеран притих после шумного дня, погруженный в звенящую тишину и полный мрак. Тихо и монотонно чеканил секунды потускневший от времени бронзовый диск длинного маятника напольного хронометра. Каждый час он отбивал громким колокольным низким звоном пришедшее, а скорее, уходящее в прошлое время. Два кожаных кресла, столик между ними, на нем кофейный прибор, коробка с пастилой, ваза с фруктами и недопитая или уже наполовину распитая бутылка коньяка. Разговор велся энергично и откровенно. И чем больше уменьшалось в бутылке пахучего крепкого напитка, тем сильнее развязывались языки…

— Ты встречался с Луисом? — спросил Сейполл у Бентона.

— Да, но его не разговоришь.

— Что он рассказал о русских?

— Ведут себя нормально. Симпатии иранцев на их стороне. Они плотно и крепко уже утвердились на севере страны. С англичанами дружат, — отрапортовал Джон.

— Ну теперь о мазандаранской нефти можно забыть. Концессии на северную нефть нам мог дать только шах. А как немцы? — неожиданно резко развернул тематику Сейполл.

— Мне кажется, они струсили. Советская контрразведка здесь представлена большими силами. Ее мощь чувствуется. Она плотно работает с британцами. Вообще я перестал понимать рузвельтовекую политику. Он заставляет нас больше раскошеливаться, — гневался Бентон.

— Ты о чем, Джон?

— О ленд-лизе, идущем через Иран.

— Да, я вижу ты не политик, а дубовый полицейский с заскорузлыми мозгами. Неужели ты не понимаешь, что идет война. Мы помогаем русским. А эта помощь не за спасибо, это прежде всего выгодный бизнес. Если у них не хватит наших долларов, расплатятся своим золотом — у них его много. А что касается оценки Дрейфуса о качестве драки на фронтах, то я согласен с дипломатом — русские дерутся неплохо, — неожиданно развернулся Сейполл.

— Вот что я вам скажу. Ну и пусть воюют. Пусть дерутся. Пусть перебьют друг друга. И не надо влезать в эту драку. Вот когда останется в Германии и в Советской России по одному солдату, тогда можно их взять голыми руками, не открывая никакого второго фронта в Европе, — злился Бентон.

— Что касается второго фронта — это пока миф. Никаких данных об его открытии пока нет. Деловые люди с Уоллстрит сделают все возможное, чтобы оттянуть его открытие. Мясорубка на фронтах превратит в перемол, в фарш не одну советскую дивизию. Вот тогда и посмотрим, кому достанутся нефтяные богатства северного Ирана.

— Кому?

— Кто выйдет из этой войны наиболее сильным. К нам, и только к нам потянутся руки за помощью. Вот увидишь со временем…

— Так вы думаете, что мы окажемся в этой роли?

— Непременно. У нас все есть для этого…

Итак «малая тройка» начала действовать против «Большой тройки».

* * *

Но взорвалась неожиданно бомба. Посланник США в Иране Луис Дрейфус пригласил Бентона и под большим секретом сообщил ему о намечающейся Тегеранской конференции представительных делегаций трех стран: США, СССР и Великобритании во главе с Рузвельтом, Сталиным и Черчиллем.

— Вам поручается разработать план мероприятий по обеспечению надежной охраны конференции высоких руководителей трех держав, — приказал руководитель посольства США полицейскому чиновнику.

Ничего более неприятного Бентон и представить себе не мог, потому что понимал, что все мероприятия он будет делать через силу и что в случае провала или какого-нибудь, не дай бог, чрезвычайного происшествия вся ответственность падет на его

голову. Вброшенный в кровь адреналин заставил его сначала поделиться неприятностью со своим шефом Сейполлом, а потом уже думать о планировании мероприятий. Они встретились на вилле шефа. Джон рассказал ему о полученной под большим секретом информации о проведении конференции «Большой тройки».

— Неужели больной Рузвельт захочет трясти свое непослушное тело через океан? — высказал сомнения Сейполл. — А ведь это опасно — мотаться по городу президентскому кортежу. Переговорный центр, видно, будет на территории посольства СССР, английское рядом, а потом про себя подумал: «Сомневаюсь, чтобы они стали обсуждать вопрос об открытии второго фронта».

И вдруг Бентон не удержался от колкого замечания:

— А вы меня уверяли, что второй фронт — это миф. Рузвельт с Черчиллем откроют второй фронт, а Сталин развернет здесь третий фронт. Таким образом, наивность Сейполла была осмеяна, хотя прицельных возражений против линии умозаключений своего шефа у Бентона не было. Вдруг Сейполл поднялся из-за стола, достал из коробки сигару, профессионально обрезал ее и прикурил. Клуб сизого дыма от первой глубокой затяжки при раскуривании, выпущенный из ноздрей и рта, окутал голову. Пространство наполнилось благородным запахом дорогого гаванского табака.

— Да неужели Рузвельт одурел, ему Америка этого шага не простит. Зачем, зачем сейчас нужна поддержка большевиков? С ума сходит старик — полиомиелит разбил его, а он пожелал прыгнуть через океан. Ему что, не жалко наших солдат?

— Вот видите, мы с вами и сошлись, — уже спокойно констатировал Бентон.

А вечером на тегеранском аэродроме совершил посадку личный самолет «бизнес-джет» генерального директора «Денавар-компани» сенатора Роя Лоринга. Удивительно было то, что никто мистера Лоринга на конференцию трех держав не приглашал. Он даже прибыл раньше самого президента.

На аэродроме Рой Лоринг обступившим его корреспондентам газет поспешил заявить, что прибыл в Тегеран исключительно по вопросам возглавляемой им нефтяной компании. Тем не менее к исходу следующего дня Лоринг пригласил к себе в резиденцию Сейполла и Бентона.

Начал беседу издалека.

— Америка была поражена чередой побед советского оружия, — зло и ворчливо, хмуро и недовольно пробурчал хозяин. — Победа под Сталинградом поразительным образом изменила соотношение сил на фронте. А потом провалы немцев

на Курской дуге и Северном Кавказе. Недавно Советы форсировали Днепр, освободили Киев и прут на Запад. Сейчас впору помогать Гитлеру, а не русским! И мы с вами, «конструктивная» оппозиция, должны сделать то, чего не смогут организовать продажные дипломаты. А наш президент и британский премьер торопят проведение здесь конференции. Сталин, конечно, будет рад. Надо ее сорвать!

— Как? — хором рявкнули гости.

— Хотя бы учинить драку, лучше с перестрелкой и жертвами, между советскими солдатами и нашими или британскими. Найдутся ли такие силы?

— Безусловно, они есть, — поспешил заверить знаток полицейских авантюр и жандармских провокаций Бентон.

— Где они могут быть? Через кого мы можем решить эту важную сегодня для Америки задачу?

— Через Хосрова Ховара. Он поднаторел в борьбе с демократической оппозицией.

— Например?

— Организовать пьяный дебош.

— Принимается. Это только начало. Готовьте эту акцию, — скомандовал низколобый, пучеглазый бизнесмен. Он встал из-за стола, протянул пухлые руки, заросшие черной шерстью, допил кофе и обратился к гостям: — А теперь оставьте меня одного, я хочу отдохнуть после такого марафонского перелета…

* * *

Сведения о драке, явно инспирированной противниками Тегеранской конференции, между англичанами и американцами при участии в локализации этого конфликта нашей патрульной службой, по негласным каналам, получил представитель Смерша подполковник Николай Григорьевич Кравченко, который проинформировал начальника 2-го управления НКГБ генерал-лейтенанта Петра Васильевича Федотова. По цепочке информация дошла и до Лаврентия Павловича Берии. Что и как он докладывал по этому поводу И.В. Сталину и какова его была реакция, нам, к сожалению, не дано знать.

Можно только предположить, что планы действий так называемой американской «конструктивной» оппозиции, или «малой тройки», были перехвачены в результате оперативно-технических мероприятий. А затем они гасились на начальных фазах их проявлений. Таких столкновений было зафиксировано немало. Американские «кроты» рыли под срыв конференции. Но

обрушить ее им не удалось. Естественно, как и сам президент США, так и его охрана были заранее проинформированы нашей стороной. В частности, о планах срыва конференции «пятой колонной», состоящей из деловых кругов Нью-Йорка и Вашингтона.

Этот жест доброй воли с нашей стороны был в дальнейшем высоко оценен Рузвельтом, который, конечно же, был в первую очередь настроен не пророссийски, а проамерикански. Он лучше этих пигмеев, далеких от политических горизонтов, знал, что могут получить США после окончания войны и от Германии, и от Советского Союза. Он глубоко просчитал дивиденды, которые приобретет его страна.

Министр финансов США Генри Моргентау сделал много чего для защиты своего президента от нападок оппозиции и планирования послевоенного устройства мира таким образом, что Соединенные Штаты могли выйти из войны с большими финансовыми наработками, а если проще — обогатиться за счет проигравшей Германии и выигравшей России, принеся деньги в казну государства и дополнительные очки авторитету президента.

Понимая свою несостоятельность и неспособность «замутить» обстановку вокруг конференции «Большой тройки», вскоре другая — «малая тройка» в лице Бентона, Сейполла и Лоринга убыла несолоно хлебавши и опростоволосившись за океан.

Теперь цель у них была одна, чтобы по прилете начать гнать волну очередных претензий к политике президента, начиная с факта остановки его на все время переговоров в советском посольстве — в «плену НКВД» и солидарности со Сталиным по ускорению открытия союзниками второго фронта…

БИТВА ЗА ПЕРЕДЕЛ ЕВРОПЫ

Лучше встреча в верхах, чем на краю пропасти…

Джон Кеннеди

Говорят, что всякая международная конференция — это встреча, на которой стороны приходят к согласию относительно даты следующей встречи. Тегеран-43 — не исключение. После нее последовали еще две встречи на тему послевоенного устройства Европы. Это были Ялтинская и Потсдамская конференции.

Сталин был уверен в том, что союзники согласятся на проведение конференции в Тегеране. Доводы у него были весомые. Поэтому осенью 1943 года для координации действий специальных служб в канун подготовки конференции глав стран-союзниц прошло совещание на Лубянке в доме № 2 начальников 1 — го управления НКГБ (внешняя разведка) П.М. Фитина и 4-го управления НКГБ (террор и диверсия) П.А. Судоплатова с представителями английской разведки МИ-6. Обсуждался главный вопрос — как эффективно обеспечить охрану «Большой тройки». Делились информацией о необходимости выявления и ликвидации немецкой агентуры, засланной для осуществления террористических и диверсионных актов против глав делегаций трех стран и других высокопоставленных лиц на разных международных встречах и совещаниях.

А с 19 по 30 октября в Москве для согласования между членами антигитлеровской коалиции назревших вопросов дальнейшего ведения войны, а также для выработки общей позиции по ряду международных проблем была созвана конференция министров иностранных дел СССР, США и Англии. Она явилась своеобразной репетицией созыва Тегеранской конференции.

Покидая Москву и высоко оценивая итоги встречи министров трех стран, руководитель английской делегации Энтони Иден высказался так:

«Пока мы трое вместе — нет ничего, что мы не могли бы осуществить. Если мы не будем вместе, то не будет ничего, что мы сможем осуществить».

Газета «Правда» в статье «К предстоящему совещанию трех держав» писала:

«Чем полнее и эффективнее будет военное, политическое и экономическое сотрудничество трех великих держав — СССР,

Англии и США, тем скорее будет разгромлена гитлеровская Германия, тем крепче будет фундамент будущего мира и тем успешнее будут разрешены проблемы послевоенного устройства в интересах всех союзных стран».

Теперь союзники сами торопились открыть второй фронт: спурт сталинской армии страшно напугал Запад, ведь этот «дядюшка Джо» мог войти теперь в Европу и без их помощи. И тогда провал — социалистической может стать вся Европа вплоть до Атлантики. И добрый кусок капиталистического бытия может испариться. И только Британия окажется в гордом одиночестве, но и до нее русский медведь может добраться. Немец не одолел англичан, русский легко стреножит мистера Буля!

И действительно, в 1943 году местом встречи глав трех великих держав, входящих в антигитлеровскую коалицию, была избрана столица Ирана, бывшей Персии, — Тегеран. Конкретные материалы для серьезного обсуждения вопросов охраны «Большой тройки» в Тегеране на этой встрече представителей спецслужб трех стран предоставили наши органы госбезопасности.

Дело в том, что еще в августе 1943 года в иранскую столицу выезжала группа руководящих работников НКВД — НКГБ СССР. В ее состав входили: заместитель наркома внутренних дел по войскам генерал-полковник А.Н. Аполлонов, начальник 2-го управления (контрразведывательного) НКГБ СССР генерал-лейтенант П.В. Федотов и заместитель начальника 6-го управления (охранного) НКГБ СССР генерал-майор Д.Н. Шадрин.

Сотрудники НКГБ осмотрели объекты, которые предназначались для встречи гостей и проведения конференции: аэродром, вокзал, территорию посольства СССР, а также ознакомились с общим порядком в городе. После этого совместно с представителями Наркомата иностранных дел СССР была разработана схема обеспечения безопасности. Конференцию решили провести на территории советского посольства. Это место оказалось наиболее подходящим для переговоров трех лидеров. От внешнего мира усадьбу отделяла каменная трехметровая стена. Ее территория представляла собой большой парк площадью свыше девяти гектаров: теннисные аллеи с чинарами и кустами вечнозеленого самшита здесь соседствовали с причудливыми фонтанами и каскадами прудов, в которых плавали золотые рыбки и лебеди…

Строители навели марафет: подкрасили, подштукатурили, подремонтировали объекты. В посольстве также пришлось принять меры, связанные с вопросами безопасности. К примеру, оказалось, что система его водоснабжения достаточно уязвима для возможных диверсий: вода двигалась с гор по водоводу,

имевшему 895 неохраняемых колодцев — кирязов. В связи с этим было принято решение о доставке питьевой воды с горных источников автоцистернами, которые заранее прибыли в Баку.

Перед конференцией территория посольства СССР была взята под охрану как с внешней, так и с внутренней стороны, превратившись в настоящую крепость. Переходная зона из английского посольства в советское дипломатическое представительство была ограждена высоким брезентовым забором для усложнения визуального наблюдения с обеих сторон улицы. Кроме того, круглосуточные посты были выставлены спецслужбами: американцами для охраны в резиденции Рузвельта, англичанами — Черчилля, советскими — возле дома посла, где размещались И.В. Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов и Л.П. Берия.

В целом на территории посольства в дни работы конференции находилось более ста пятидесяти сотрудников охраны и специальная рота красноармейцев-автоматчиков в количестве двухсот человек.

* * *

Интересна одиссея Франклина Рузвельта, направляющегося на конференцию. Вечером 11 ноября 1943 года американский президент покинул Белый дом и отправился с частью своей делегации на морскую базу «Куантико» в Виргинии. Здесь их ждала яхта «Потомак», на которой они прибыли в порт Хемптонроуд, где их ожидал новый линейный корабль «Айова». 13 ноября линкор, эскортируемый эсминцами, вышел в Атлантический океан, взяв курс к берегам Европы и Африки.

Утром 20 ноября линкор «Айова» пришвартовался в Большой гавани алжирского порта Оран. Здесь американского президента встретили его сыновья — полковник Э. Рузвельт, лейтенант Д. Рузвельт и генерал Д. Эйзенхауэр. В тот же день вечером президент прибыл на аэродром «Ла Синия». Транспортный самолет президента «Дуглас С-54», который называли еще «Священная корова», вылетел в Тунис. За сравнительно короткий период пребывания в стране он осмотрел развалины древнего Карфагена, знаменитый амфитеатр, акведук, интересовался пуническими войнами. Военные его свозили на недавние поля сражений. Он видел сожженные танки и самолеты, поверженного «лиса пустыни», любимца Гитлера генерал-фельдмаршала Ромеля. Побывал он и в части, где служил его старший сын. Затем Рузвельт вылетел в Египет.

Ранним утром 22 ноября самолет президента США мягко коснулся колесами шасси посадочной полосы каирского аэродрома английских ВВС. Руководство делегации разместилось на вилле американского посла Арчибальда Кэрка, в западном пригороде Каира под названием Телль-Неби-Менд, недалеко от пирамид.

В Каире предполагалось провести предварительную конференцию (операция «Секстант») с Черчиллем и Чан Кайши. И она прошла с 22 по 26 ноября за спиной третьего союзника — СССР.

Завершив сепаратную встречу в Каире, подтвердившую различие точек зрения США и Англии по ряду вопросов глобальной военной стратегии между американскими и английскими политиками, Рузвельт и Черчилль направились в Тегеран… Американская секретная служба обеспечила строжайшую секретность прилета главы государства — его почти никто не встречал, не был выстроен почетный караул. Ничто не напоминало о визите важного гостя в Тегеран. Без эскорта бронемашин Рузвельт проследовал в миссию США в Иране, став на короткое время гостем американского посланника Луиса Дрейфуса…

* * *

Конференция проходила с 28 ноября по 1 декабря 1943 года. На таком крупном совещании впервые встретились союзники по борьбе с гитлеровской Германией — председатель Совета народных комиссаров (СНК) СССР И. Сталин, президент США Ф. Рузвельт и премьер-министр Великобритании У. Черчилль.

Сталин сохранил совсем не наивную юношескую привычку Кобы — опаздывать. Нет, нет теперь она была скорее вызывающей. Он опоздал на конференцию на целые сутки. Пусть ждут — теперь он Хозяин — и в приеме у себя Рузвельта, и в месте проведения самой конференции в советском посольстве. Кстати, именно в Тегеране он впервые увидел Рузвельта.

И все-таки кто из них больше нравился Сталину — Рузвельт или Черчилль? На этот вопрос, возникший в разговоре сам по себе, он ответил Молотову так: «Хм, кто нравится? Странный вопрос задают. Они оба — империалисты! Вот вам и мой ответ».

Сталин поселился в особняке на территории посольства. Его кабинет находился на втором этаже. Здесь же располагались спальня, ванная, комната для охраны. На первом этаже обосновался небольшой узел связи во главе с начальником

оперативного управления ГШ генералом Штеменко, который имел прямую связь с генералом Антоновым. Сталин часто приходил сюда и по «вертушке» интересовался ходом событий на фронтах и, в частности, боевыми операциями на Украине.

Сейчас в этом особняке размещена резиденция российского посла. Сюда же на территорию нашего посольства из соображений личной безопасности с великим удовольствием переселился и Рузвельт. Ему был отведен тоже отдельный, даже больший по размерам, дом, чем у хозяина этой территории, как-никак, все же гость!

А еще Сталин по-человечески понимал, что ко всему прочему президент Рузвельт более шести часов «проболтался» в воздухе на своей «Священной корове», прилетев из Каира, где встречался с Черчиллем и Чан Кайши…

* * *

Нужно отметить, что на конференции между Рузвельтом и Сталиным установились теплые, доверительные и, по оценкам наших и зарубежных наблюдателей, даже дружеские отношения, которые, несомненно, повлияли на исход ее работы.

Г.А. Хидоятов в работе «Дипломатия XX века» писал:

«Сам факт остановки Рузвельта в здании советского посольства был, видимо, им запрограммирован. Ему хотелось иметь возможность встречаться со Сталиным в неформальной обстановке и без Черчилля. Токая встреча состоялось в первый же день конференции, 28 ноября по прибытии американского президента в советское посольство. Сталин, но правах хозяина, пришел но его виллу с визитом вежливости.

Черчилль с великой досадой узнал, что Сталин опередил его. Он хотел договориться с Рузвельтом еще до первого пленарного заседания о едином подходе к проблеме второго фронта. Рузвельт, прежде всего, предполагал видеть Сталина только в присутствии двух переводчиков. Президент имел все основания, пишет Гарриман, подозревать, что Черчилль будет оказывать на него давление поддержать его план захвата Родоса и открытия Дарданелл, даже если это приведет к отсрочке второго фронта.

Черчилль явно пытался отсрочить, а может, и вовсе отказаться от высадки союзных войск на севере Франции…»

За время проведения Тегеранской конференции Сталин и Рузвельт встречались несколько раз, в том числе и в неформальной обстановке. Вот как вспоминал эти встречи и свои впечатления о советском руководителе Рузвельт, записанные его

сыном Эллиотом:

«…У него густой низкий голос, он говорит не спеша, кажется очень уверенным в себе, нетороплив — в общем, производит сильное впечатление…

Мы говорили с ним все, что приходило на ум…

Этот человек умеет действовать, у него всегда цель перед глазами. Работать с ним одно удовольствие. Никаких околичностей. Он излагает вопрос, который хочет обсудить, и никуда не отклоняется…»

Черчилль прибыл в свое представительство, оно находилось через дорогу от советского посольства. Он вспоминал по этому поводу так:

«Я был не в восторге от того, как была организована моя встреча по прибытии на самолете в Тегеран. Английский посланник встретил меня на своей машине, и мы отправились с аэродрома в нашу дипломатическую миссию. По пути нашего следования в город на протяжении почти трех миль через каждые пятьдесят ярдов были расставлены персидские конные патрули.

Таким образом, каждый злоумышленник мог знать, какая важная особа приезжает и каким путем она проследует. Не было никакой защиты на случай, если бы нашлись два-три решительных человека, вооруженных пистолетами или бомбой.

Американская служба безопасности более умно обеспечивала защиту президента. Президентская машина проследовала в сопровождении усиленного эскорта бронемашин. В то же время самолет президента приземлился в неизвестном месте, и президент отправился без всякой охраны в американскую миссию по улицам и переулкам, где его никто не ждал».

1 декабря 1943 года в зале заседаний посольства СССР У. Черчилль вручил И.В. Сталину сувенир — почетный меч от короля Великобритании Георга VI защитникам Сталинграда, выкованный опытными английскими оружейниками. На церемонии был организован караул из солдат и офицеров советских, английских и американских войск. Передавал меч представитель английской армии, принимал подарок офицер Красной армии. Клинок меча украшала надпись: «Подарок короля Георга VI людям со стальными сердцами».

Во время церемонии с передачей меча Уинстон Черчилль вдруг высказался так, что его слова несколько смутили советского руководителя:

«Маршал Сталин может быть поставлен в ряд с крупнейшими фигурами русской истории и заслуживает звания «Сталин Великий».

«Дядюшка Джо» сконфуженно посмотрел на хитреца,

улыбнулся совсем не щедро, пригладил правой рукой усы и умно ответил: «Легко быть героем, если имеешь дело с такими людьми, как русские!»

Вопросы, поднимаемые на Тегеранской конференции, были животрепещущими. Инициатива полностью находилась в руках советского лидера. Практически он получил желаемые ответы на все вызовы тяжелого военного времени.

Вопросы на Тегеранской конференции решались и решились достаточно быстро:

— установлен точный срок открытия союзниками второго фронта во Франции;

— обсуждались вопросы о предоставлении независимости Ирану;

— положено начало решения польского вопроса;

— определились со сроками подключения СССР к войне с Японией — только после разгрома фашистской Германии;

— были намечены контуры послевоенного устройства мира;

— достигнуто единство взглядов по вопросам обеспечения международной безопасности и прочного мира.

Нелегко походил обмен мнениями по открытию второго фронта.

После долгих дебатов проблема англо-американского наступления под кодовым названием «Оверлорда» оказалась в тупике. Тогда Сталин поднялся с кресла и, обратившись к Ворошилову и Молотову, с неподдельным раздражением заметил:

— Товарищи, у нас слишком много дел дома, чтобы здесь тратить время. Ничего путного, как я вижу, не получается.

Наступил критический момент. Гости тяжело засопели. Черчилль, поняв тяжесть последствий для него в Лондоне из-за опасности срыва конференции, пошел на компромисс… Суть его — продолжить деловые переговоры, в которых был заинтересован его ближайший союзник Рузвельт.

Чтобы как-то скрасить монотонность переговорных будней конференции, развлекали делегатов «Большой тройки» артисты. Так, в начале декабря 1943 года Николай Кравченко не только обеспечивал безопасность прибывших знаменитостей артистического мира — Вадима Козина, Мориса Шевалье, Марлен Дитрих, Изы Кремер и других, но и, естественно, был свидетелем их выступлений на большом концерте. Особенно его поразили песни в исполнении Вадима Козина, когда тот запел «Осень» и поплыли слова в музыкальном обрамлении:

Осень, прозрачное утро,

Небо как будто в тумане.
Даль из тонов перламутра,
Солнце холодное, раннее.
Где наша первая встреча —
Яркая, острая, тайная.
В тот летний памятный вечер
Милая, словно случайная…

Николай Григорьевич Кравченко взглянул на Сталина. Вождь слушал советского исполнителя с таким вниманием, что казалось, он весь ушел в эту песню. Иосиф Виссарионович даже рукой прихорашивал свои усы, наверное, тоже вспоминал свою первую яркую, острую и тайную встречу. Довольны концертом остались Рузвельт и Черчилль…

Итоги 1943 года оказали ошеломляющее воздействие как на нашего главного противника — гитлеровскую Германию, так и на союзников СССР в лице США и Великобритании. Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом, победа советских войск на Курской дуге, форсирование Днепра и освобождение столицы советской Украины Киева — эти события заставили союзников стремительно менять стратегию дальнейшего использования, а если правильнее — применения своих войск в войне. Дивизии Красной армии упорно двигались на Запад.

К марту 1943 года на Восточном фронте уже нашли свою гибель 112 фашистских соединений. Кроме того, воспользовавшись наступательным порывом Советской армии, англо-американские войска высадились в Северной Африке и начали теснить германо-итальянский Африканский корпус фельдмаршала Эрвина Ромеля.

Конечно, потери в огненных сражениях у Красной армии были колоссальные по сравнению с другими войнами. Таких потерь доселе не видела никакая армия в мире. В незримых боях, особенно в начале войны, абвер и гестапо тоже нанесли разведывательным органам НКВД и НКО СССР серьезный урон.

Помимо гибели ценных агентов и оперативных работников в Западной Европе в 1941–1943 годах, как писал свидетель этих событий генерал-лейтенант в отставке Павел Анатольевич Судоплатов после отсидки пятнадцатилетнего срока в тюрьме по указке Хрущева, мы потеряли в результате действий немецкой контрразведки руководителей наших резидентур в Смоленске, Киеве, Одессе, Херсоне, Николаеве — основных крупнейших городах, оказавшихся в зоне оккупации.

Среди погибших были видные сотрудники советской разведки: Каминский — один из создателей «Красной капеллы» в Германии; Кудря — резидент в Смоленске и Киеве; Молодцов — в Одессе; Лягин (накануне войны заместитель начальника разведывательного управления НКВД) — в Херсоне и Николаеве, и другие.

Следует отметить, что Сталин был раздражен пока что голыми обещаниями союзников открыть второй фронт. Ленд-лиз действовал ответственно, хотя и в военно-экономической помощи недруги в стане союзников пытались вставлять палки в колеса этих договоренностей в виде недоукомплектования (например, моторы для самолетов направляли на одном корабле, а крылья и фюзеляжи — на другом, разносортица запасных частей, элементарный брак и так далее). Стоило одному плавсредству погибнуть, как тут же появлялась потеря плановости в поставках боевой техники на острые участки фронта.

Не обошлось без пикировки и на заключительном этапе переговоров. Так в беседе со Сталиным Черчилль заявил:

— Я полагаю, что Бог на нашей стороне. Во всяком случае я сделал все для того, чтобы он стал нашим верным союзником…

— Ну тогда наша победа обеспечена, ведь дьявол, разумеется, на моей стороне. Каждый знает, что дьявол — коммунист, — заметил с лукавой улыбкой Сталин, слегка покручивая указательным и большим пальцем левой руки кончик усов, как он это делал всегда, когда чувствовал победу над своим собеседником: — Два глаза, да и те за носом, а такие глаза слепы.

Рузвельт понимающе улыбался. Ему не хуже, чем Сталину, была знакома реплика Черчилля образца июня 1941 года: «Если Гитлер вторгнется в ад, я заключу союз с дьяволом».

Там же, в Тегеране, случился казус, в котором Черчилль опять выглядел забавно. Достоянием гласности это событие стало благодаря распоряжению Сталина, которого можно считать косвенным участником этого происшествия.

Во время острых дебатов по проблеме открытия второго фронта Иден передал Черчиллю записочку. Премьер, прочтя ее, что-то чиркнул и вернул Идену. Тот, пробежал глазами запись, скомкал листок и бросил в урну для бумаг. Когда заседание окончилось и все разошлись, Сталин поручил переводчику В.М. Бережкову извлечь записку и доложить, о чем она. По идее там могло быть нечто важное, относящееся к позиции Англии по обсуждаемому вопросу.

В записке оказалось всего несколько слов:

«Уинстон, у Вое расстегнута ширинка».

А дальше рукой Черчилля:

«Не волнуйтесь, старый орел не выпадет из гнезда».

Сталин и другие от души потешались над хозяином «орла».

Никто из «Большой тройки» не испытывал иллюзий в отношении других участников встречи. Сталин знал, что официальная позиция США в отношении германо-советской войны во многом определяется соображениями лидеров сената:

«Победа коммунизма будет более опасной для США, чем победа нацизма», — так заявлял сенатор-республиканец Р. Тафт. Другой сенатор-демократ Г. Трумэн цинично изрек: «Пусть они убивают друг друга как можно больше».

Знал он также, что для Черчилля ненавистна сама мысль о существовании сильной России, тем паче коммунистической и безбожной.

Так что встречались в Тегеране союзники, но не друзья и не по взаимной симпатии, а по большой нужде, исходя из оперативной и стратегической обстановки в страшной по жертвам войне. Тем более руководство Великобритании понимало, что будет означать победа гитлеровской Германии в войне с Советской Россией — непременно повторением второй попытки одолеть их страну — победители быстро восстанавливаются.

К 1943 году со всей очевидностью определилось, что ни в одиночку, ни вдвоем вытянуть победу в ближайшее время в войне на суше и на море против стран «оси» не сумеет ни СССР, ни Англия с Америкой, а у Германии может открыться второе дыхание за счет вероятного появления новых видов оружия. Разведки трех союзников знали о работах в Германии над созданием атомных фугасов, стратегических ракет и реактивных самолетов.

Все спешили не опоздать в Европу, быстрее разбить и поделить территорию Германии, нарезав новые границы для европейских стран и, конечно же, порыться в новых технологиях промышленности Третьего рейха.

Предварительными данными о том, что тройка руководителей СССР, США и Великобритании готовится собраться в Тегеране, немецкие спецслужбы располагали и к этой встрече готовились интенсивно.

* * *

Николай Григорьевич Кравченко прибыл в Тегеран, естественно, раньше основной делегации. Он сразу же встретился с теми людьми, на которых ему указал Абакумов. Изучив оперативную обстановку, он уже знал все слабые и сильные

стороны противника, способного своими диверсионно-террористическими группами осуществить задуманную, как потом станет известно, операцию «Длинный прыжок», разработанную нацистским диверсантом № 1, начальником секретной службы СС в VI отделе главного управления имперской безопасности (РСХА), оберштурмбанфюре-ром Отто Скорцени.

По данным резидента советской внешней разведки Ивана Ивановича Агаянца, в августе 1943 года немцы сбросили в районе Кумского озера близ города Кум, расположенного в семидесяти километрах от Тегерана, команду из шести радистов. Дней через десять они уже осели на конспиративных квартирах под иранской столицей. Отдышавшись и приведя себя в порядок, небесные пришельцы на машинах добрались до виллы, подготовленной им местной агентурой.

Эта группа тут же установила радиоконтакт с Берлином с тем, чтобы обговорить сроки и место плацдарма для высадки диверсантов второй группы во главе с Отто Скорцени. Однако этим амбициозным планам диверсантов не дано было свершиться. Все их радиосеансы пеленговались и расшифровывались советскими и английскими специалистами радиоперехвата из контрразведок союзников. Техническое оснащение специальных служб обеих стран, заброшенное в Тегеран, позволяло это сделать с оценкой отлично. Вскоре после длительных поисков радиопередатчика всю группу захватила наша контрразведка и заставила работать с Берлином под контролем союзных спецслужб.

Для того чтобы предотвратить высадку второй группы и избежать ненужных потерь с обеих сторон, немецкому радисту была дана установка — сообщить в разведцентр, что они раскрыты и захвачены. Узнав о провале, руководство РСХА отказалось от своих планов.

В этой радиоигре принимал активное участие и представитель Смерша подполковник Н.Г. Кравченко. И уже за несколько дней до начала конференции под руководством представителей двух центральных контрразведывательных ведомств: от НКВД СССР Берии — генерал-лейтенанта Павла Васильевича Федотова и от ГУКР Смерша НКО СССР Абакумова — подполковника Николая Григорьевича Кравченко были проведены массовые аресты немецкой агентуры, вычисленной в том числе и разведчиками нашей резидентуры совместно с англичанами и американцами.

Не без помощи источников нашей внешней разведки, и в первую очередь резидента И.И. Агаянца и разведчиков Г.А. Варданяна, Г.Л. Оганеса и других, советской и английской

контрразведкой было арестовано более 400 глубоко законспирированных немецких агентов. Со слов одного из свидетелей тех событий, не пожелавшего называть свою фамилию из-за продолжения династии разведчика его сыном и внуком, назовем его Евгений К., немецкую агентуру они «выбивали, как семечки из зрелой корзинки подсолнуха».

Последним из арестованных взяли руководителя немецкой резидентуры Франца Майера, ушедшего в глубокое подполье. Его вычислили на армянском кладбище, где он, яркий блондин до этого, отпустив бороду и искусно перекрасившись под чернобородого перса, работал могильщиком. Однако этот маскарад не спас его от разоблачения. Из огромной массы выявленной немецкой агентуры одна часть была осуждена, другие агенты Берлина перевербованы и работали «под колпаком», дезинформируя свое руководство. А третью часть поделили между собой спецслужбы СССР и Англии, отправив их в свои страны для детального «общипа»… И в этих операциях принимал деятельное участие наш герой.

Но вот исследуя судьбу немецкого резидента в Иране Франца Майера, у автора романа «Тегеран» армянского советского писателя Герегина Севунца (Григоряна), знатока событий в Иране периода войны, обнаружилась другая версия. Кстати, роман появился в печати в 1951 году. Писался он им на основании своей же повести «Проспект свободы», опубликованной в 1947 году. Вот как он описывает этот период:

«На четвертый день после того, как был отдан приказ о военных действиях против русских на севере, иранской армии уже не существовало. Кое-где еще оставались ее разрозненные, беспорядочно разбегающиеся части, которые и сами не знали, куда бегут. Не меньшей паникой были охвачены и многочисленные гитлеровские агенты, руководившие прокладкой дорог и строительством военных аэродромов для нападения на Советский Союз со стороны Ирана.

Многие из этих агентов предпочли бежать на юг, чтобы сдаться английским войскам, а некоторые другие гитлеровские советники вылетели на самолете в Турцию, где им не угрожало никакой опасности.

Дней десять спустя наступила очередь спасаться бегством и Реза-шаху- коронованному палачу демократических деятелей Ирана.

Это произошло 16 сентября 1941 года, в то время, когда части Красной армии уже подходили к Тегерану.

Реза-шах Пехлеви второпях подписал манифест о своем отречении в пользу одного из своих сыновей — Мохаммеду, а с

другим, открыто разделявшем его симпатии к Гитлеру, бежал на юг, в тот район страны, который должны были занять англичане».

С молодым шахом Сталин встречался в Тегеране трижды, выезжая к нему в резиденцию.

* * *

Справедливости ради нужно отметить, что основную тяжесть черновой работы по вычислению вражеской агентуры провел резидент внешней разведки в Иране, сотрудник НКВД Иван Иванович Агаянц, прибывший сюда в конце ноября 1941 года и впервые узнавший о существовании плана физического устранения глав трех держав-союзниц. Эта операция под кодовым названием «Длинный прыжок», как уже говорилось выше, разрабатывалась в недрах РСХА при активном участии идола германской расы и диверсанта Третьего рейха № 1 штурмбанфюрера Отто Скорцени.

За Иран шла драка не на жизнь, а на смерть, как сегодня за Сирию. В то время былая легендарная Персия занимала важнейшее положение в системе международных отношений. Там сталкивались и переплетались интересы многих крупных держав из-за сырьевых богатств, и в первую очередь нефти. Гитлер оказывал на руководство Ирана в лице правителя страны Реза-шаха сильнейшее давление, открыто требуя вступить в войну против СССР на стороне Германии. Шах колебался даже после разговора с ним Канариса, прилетавшего в Тегеран.

Видя назревание политического кризиса в Иране и преследуя свои геополитические интересы, СССР в сентябре 1941 года ввел в северные районы этой страны свои войска. Южные провинции Ирана еще раньше были заняты англичанами…

Исходя из тех материалов, с которыми довелось столкнуться автору, одним из агентов резидентуры Агаянца был владетель кондитерской фабрики Андрей Васильевич Вартанян, который в 1930 году якобы с согласия внешней разведки переселился в Тегеран с семьей. Он привлек к разведывательной деятельности и своего сына Геворка, которому было в то время 16 лет. В качестве агента его на связь взял сам Агаянц, который поручил Геворку (псевдоним Амир. — *Авт.)* возглавить спецгруппу по выявлению фашистской агентуры и немецких разведчиков в Тегеране и других иранских городах.

Он собрал своих сверстников, ненавидевших нацистов, и создал эффективную группу наблюдения. Группа передвигалась по улицам Тегерана и дорогам Ирана на велосипедах, поэтому за

ней закрепилось название «Семерка», или еще ее называли «Легкая кавалерия».

Вот как говорил о результатах своей деятельности в шестнадцатилетнем возрасте сам Геворк Андреевич Вартанян:

«За полтора года (с февраля 1940-го по август 1941-го) нашей группе, из семи разведчиков, удалось установить более 400 агентов фашистской Германии: министров, депутатов, высших сановников правительство, советников в спецслужбах, министерствах и шахском дворце. Когда ноши войско вошли в Иран, всех этих агентов мы арестовали…»

Результаты были ошеломляющими, им могло бы позавидовать любое контрразведывательное подразделение с сотней профессионалов и даже целый Смерш, у которого за войну в течение восьми месяцев 1943 года были более скромные успехи.

Но не будем иронизировать, поверим словам заслуженного разведчика, тем более доказавшего в последующие 20 лет свою преданность Отчизне и профессиональные навыки нелегала, который за кордоном так и не был разоблачен.

Потом о своей профессии он скажет:

«Разведка — это не только романтика, но прежде всего один из самых эффективных путей защиты Отечество… Это робота для подлинных патриотов, людей убежденных и самоотверженных. В такую роботу нельзя не влюбиться».

В 1984 году Г.А. Варданяну было присвоено звание Героя Советского Союза, а его жену Гоар Левоновну наградили орденом Красного Знамени.

Если награды были даны за Тегеран-43, тогда почему так поздно и почему при жизни Сталина они не были отмечены, ведь они спасли жизнь всей «Большой тройке», в том числе и советскому лидеру?

Пока ответа нет…

А вот военного контрразведчика Смерша подполковника Николая Григорьевича Кравченко поощрили сразу же очень высоко и явно достойно — присвоили через ступень звание генерал-майора и наградили орденом Красного Знамени.

Тут есть ответ. Причем конкретный. Кстати, Сталин был скуп на награды и звания, он ими не разбрасывался, еще раз подчеркну, ни воинскими званиями, ни правительственными наградами. Все из окружения вождя знали — он щепетильно подходит к вопросу награждения того или иного человека. А тут такая оценка деятельности военного контрразведчика в Тегеране! Видно, были конкретные заслуги, о которых почему-то до сих пор молчат наши власти, словно загипнотизированные хрущевской эпохой.

После окончания конференции Рузвельт направил Сталину телеграмму, в которой, в частности, писал:

«…Я спешу высказать Вам свою благодарность за Ваше внимание и гостеприимство, выразившиеся в предоставлении мне жилого помещения в Вашем посольстве в Тегеране.

Там мне было не только в высшей степени удобно, но я также вполне сознаю, насколько больше мы смогли сделать в короткий период времени благодаря тому, что мы были столь близкими соседями во время нашей встречи…»

* * *

О многих интересных моментах во взаимоотношениях «Большой тройки» мог рассказать Николай Кравченко — они у него были как на ладони. Но он молчал, а если и рассказывал кому-то, то еще не найдены эти люди или их воспоминания о герое нашего повествования. Конечно, к великому сожалению, многие уже ушли из жизни. Вот уж действительно, что имеем, не храним, потерявши — плачем!

Собиратель забавных историй Лаврентий Гурджиев в своей книге-кунсткамере под названием «Сталин шутит…» описывает такую историю.

Однажды на Тегеранской конференции Черчилль вызвал Сталина на соревнование по выпивке, и Сталин принял вызов. Очевидцы говорят, что это якобы случилось на дне рождения Черчилля — 30 ноября, который совпал с периодом проведения конференции и тогда же был отпразднован.

Члены британской делегации бросились к Молотову, умоляя его отговорить Сталина от соревнования. Черчилля невозможно перепить, уверяли они, с ним рядом спивались даже бывалые морские волки. Их опасения были понятны: Черчилль обязательно выиграет пари у Сталина, последний не стерпит унижения, и конференция провалится…

Но Молотов ответил, что Сталин еще больше оскорбится, если предложить ему отказаться от спора. Словом, на глазах волнующейся разношерстной компании началось своеобразное состязание. Судьей попросили быть Рузвельта, и тот бдительно следил, чтобы спорщики не жульничали: рюмку водки Черчилль — рюмку водки Сталин, бокал вина Черчилль — бокал вина Сталин, стакан виски Черчилль и так далее.

К вящему удовольствию русских и американцев, но к удивлению и, может, к облегчению англичан, их патрон упал, и его пришлось уносить, а Сталин ушел сам, лишь слегка

пошатываясь.

О правдоподобности этого случая говорят записи из дневника британского премьер-министра: «Вчера вечером пил с «дядюшкой Джо». Чуть не умер. Сегодня утром похмелился с «дядюшкой Джо». Лучше бы я умер вчера».

Uncle Joe — (Дядя Джо) — так англичане и американцы за глаза называли Сталина.

Все было по-честному, состязания проходили не только при одном арбитре — Рузвельте. В компании были и другие члены высоких делегаций. Тут ну никак не скажешь — напоролся плут на мошенника.

Есть и другой свидетель этой истории — маршал авиации А.Е. Голованов. Советский ас во время одного из застолий на Тегеранской конференции с беспокойством смотрел, как Черчилль хлещет спиртное, а Сталин его не останавливает. Наоборот, подливает, да и сам от британца не отстает, пьет с ним на равных.

Когда Черчилля на руках вынесли из-за стола, вождь подошел к Голованову:

«Что ты на меня так уставился? Не бойся, Россию не пропью, зато он у меня завтра будет вертеться, как карась на сковородке!»

Когда прижизненные мемуары маршала готовили к печати, эта фраза не прошла. На полях рукописи рукой редактора было написано:

«Сталин так сказать не мог».

Голованов, пересказывая эту историю писателю Феликсу Чуеву, восклицал: «Не мог? Да я же свидетель, да он же мне лично это говорил!»

Естественно, главный военный контрразведчик в Тегеране Николай Григорьевич Кравченко об этих состязаниях, конечно, мог знать.

ЛАМПАСНИК

Плох не тот генерал, который не был солдатом, а тот, кто не хотел бы снова стать им.

Андрей Лаврухин

После того как руководители контрразведывательных подразделений: от НКВД — Павел Васильевич Федотов и от Смерша — Николай Григорьевич Кравченко выполнили свои задачи в Тегеране по нейтрализации вражеской агентуры и надежной охране делегаций и их руководителей, они убыли в Москву. Но вот что интересно, о конкретной работе этих двух контрразведчиков до сих пор никто ничего не знает из-за завесы многолетнего молчания.

Действительно, об их работе в Иране в открытой исторической литературе нет практически никакой информации, никто не вспоминает о них, а ведь там они явно не отдыхали. Более того, во времена Хрущева оба эти контрразведчика были незаслуженно, пусть мягко, но репрессированы.

В то же время разведчики спустя некоторое время отрапортовали средствам массовой информацией о подвигах своего резидента в Тегеране Ивана Ивановича Агаянца и его помощника 16-летнего Геворка Андреевича Вартаняна и его будущей жены Гоар Левоновны, которые переловили чуть ли не полтысячи немецких агентов.

И возникает вопрос, может, советская территориальная и военная контрразведки там себя не показали с лучшей стороны?

Но, судя по наградам, этого не скажешь. Например, генерал-лейтенанта Федотова Сталин одарил правительственными орденами: два ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, полководческий орден Кутузова первой степени.

Подполковнику Кравченко досрочно присвоили генеральское звание. Он был также награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

Исходя из воспоминаний современников и соратников вождя, Сталин, как уже говорилось выше, был скуп на награды. За «пустяки» не давал ни орденов, ни должностей, ни званий. Значит, оба они заслужили чем-то, о чем мы до сих пор не знаем. Именно эти знаки высокого внимания со стороны Верховного Главнокомандующего — тому подтверждение.

По информации одного сотрудника КГБ, не пожелавшего

обнародовать свое имя и хорошо знавшего кухню кадровой работы, ему когда-то попадались архивные материалы по поводу присвоения звания генерал-майора подполковнику Н.Г. Кравченко. В них говорилось, что идея присвоить генеральское звание сотруднику Смерша впервые принадлежала Сталину за конкретные результаты работы армейского чекиста по разоблачению вражеской агентуры. Верховный ее и осуществил.

Однако удостоверения о присвоении генеральского звания кадровики длительное время не выдавали, почему-то тянули резину. Николай Григорьевич прибыл в Москву в генеральском облачении, но продолжительное время ходил с удостоверением подполковника. Только в начале 1944 года он получил необходимые документы.

В литературе факт досрочного присвоения звания обыгрывается в разных вариантах. Одни говорят, что Черчилль первым проявил интерес к неизвестному сотруднику госбезопасности, который спас руководителям «Тройки» жизнь. Но как спас, каким способом и когда конкретно — ни слова. Сталин вызвал Н.Г. Кравченко.

Он, естественно, отрапортовал:

— Товарищ Верховный главнокомандующий, подполковник Кравченко прибыл по вашему приказанию.

Черчилль и Рузвельт обратили внимание на высокого, статного, красивого, молодого офицера и удивились тому, что перед ними не генерал.

Бытует и другая версия, которую озвучил порученец Н.Г. Кравченко в бытность его службы в Туркестанском военном округе с майором Лосским:

«По предложению президента США Франклина Рузвельта за образцовое выполнение задания Сталин присвоил 32-летнему подполковнику Кравченко звание генерал-майора».

Однако, как пишет в своих мемуарах «На страже исторических перемен» бывший руководитель военной контрразведки КГБ при СМ СССР И.Л. Устинов, Кравченко никогда не упоминал об обстоятельствах этих событий и заполучить от него какие-либо материалы или воспоминания о Тегеранской конференции так и не удалось.

Существует также версия, что благодаря деятельности Н.Г. Кравченко удалось установить реальный источник проникновения еще не задержанных немецких диверсантов через водоводные каналы английского посольства, расположенного по соседству с нашим представительством, а эти каналы находились совсем рядышком.

Достоверную информацию он получил якобы от знакомого

хозяина таверны, которого использовал в качестве доверенного лица. Его заведение находилось по соседству с нашим посольством — а это на оперативном сленге — окружение, в среде которого надо было активно работать. Не секрет, что советская военная контрразведка обязана была иметь свои негласные позиции среди этой категории местных граждан. Не исключено, что Ардашир Бараз, назовем его так, был агентом немецкой разведки, но в силу проявленных симпатий к советскому военному контрразведчику и жизненных реалий он пошел на перевербовку. Сама логика быта заставила его принять условия новой власти и одного из его проводников — подполковника из Смерша Николая Кравченко.

Нельзя исключать, что именно Ардашир сообщил советскому офицеру-оперативнику о наличии плана гитлеровских спецслужб осуществить террористический акт, пробравшись к «Большой тройке» через водоводные каналы — акведуки. В общении с Баразом Кравченко уяснил, что персидские акведуки — эти уникальные ирригационные системы — водоводы, построенные без применения труб. Каналы прорывались прямо под землей под определенным наклоном. Вся система действовала таким образом, что вода подавалась из водоносных пластов естественным путем.

Нужно заметить, что персидская система водоводов, насчитывающая более трех тысяч лет, эффективно работает и сегодня. Семьдесят пять процентов от общего объема воды, необходимого для ирригации в современном Иране, поступает именно по акведукам.

Кравченко понял и без подсказки Ардашира, что такое положение создавало возможность быстрой атаки со стороны террористов на троицу, часто гулявшую по территории советского дипломатического представительства или сидевшую на лавочках, чтобы сфотографироваться или отдохнуть после полемических дискуссий на конференции.

После оперативной летучки были приняты соответствующие меры…

Думается, его доводы высоко оценил и сам Сталин.

Но вернемся к факту присвоения подполковнику Н.Г. Кравченко очередного звания. Как бы там ни было, по одним данным, за одну ночь подполковника переодели в генеральский мундир — то ли пошили, то ли подогнали по фигуре, по другим — доставили самолетом из Москвы через двое суток.

* * *

Николай Григорьевич был свидетелем завершения Тегеранской конференции. По натуре скромный, он даже казался несколько застенчивым на фоне высоких политических бонз.

В зале заседаний было много звездных генералов и маршалов, а он стоял, прислонившись к стене у входа.

«Мне еще тридцать два, а я уже лампасник, — искренне рассуждал новоиспеченный генерал, — друзья, старшие оперуполномоченные ходят капитанами, в лучшем случае — майорами. В основном для оперативника в массах — это потолок. Война не закончена, пожелаю же и им роста».

Он ощущал себя неуютно, каким-то свадебным генералом, приодетым только для показа «Тройке» сильных мира сего.

Он не присутствовал при оглашении двух деклараций, подписанных 1 декабря 1943 года, хотя со временем узнает об их содержании — работал на расстоянии, в массах, находясь у рычагов с напряжением работающей машины под названием Смерш. Даже в момент оглашения деклараций негласный аппарат Кравченко выкорчевывал остатки немецкой агентуры, намеревавшейся отчаянным броском по подземным ходам добраться до места проведения форума делегаций великих держав и уничтожить их руководителей.

В Декларации трех держав говорилось:

«Мы, Президент Соединенных Штатов, Премьер-министр Великобритании и Премьер Советского Союза, встречались в течение последних четырех дней в столице нашего союзника — Ирана и сформулировали и подтвердили нашу общую политику.

Мы выражаем нашу решимость в том, что наши страны будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время.

Что касается войны, представители наших военных штабов участвовали в наших переговорах за круглым столом, и мы согласовали наши планы уничтожения германских вооруженных сил. Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут приняты с востока, запада и юга.

Взаимопонимание, достигнутое нами здесь, гарантирует нам победу.

Что касается мирного времени, то мы уверены, что существующее между нами согласие обеспечит прочный мир. Мы полностью признаем высокую ответственность, лежащую на нас и всех Объединенных Нациях, за осуществление такого мира, который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара и который устранит бедствия и ужасы войны на многие поколения.

Совместно с нашими дипломатическими советниками мы рассмотрели проблемы будущего. Мы будем стремиться к сотрудничеству и активному участию всех стран, больших и малых, народы которых сердцем и разумом посвятили себя, подобно нашим народам, задаче устранения тирании, рабства, угнетения и нетерпимости. Мы будем приветствовать их вступление в мировую семью демократических стран, когда они пожелают это сделать.

Никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожать германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушать их военные заводы с воздуха.

Наше наступление будет беспощадным и нарастающим.

Закончив наши дружественные совещания, мы уверено ждем того дня, когда все народы мира будут жить свободно, не подвергаясь действиям тирании, и в соответствии со своими различными стремлениями и своей совестью.

Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели».

Рузвельт

Сталин

Черчилль»

После прочтения первой Декларации Николай Григорьевич подумал: «Все хорошо закончилось, а что же вы, союзники, так долго телились с открытием второго фронта? Россия провела три страшные битвы — Москва, Сталинград, Курск, деблокировали Ленинград, пролили столько крови, а вы, огражденные водной преградой, спокойно наблюдали, как из последних сил дерется ваш союзник, и подло ждали, когда обе стороны истощатся и можно будет разговаривать свысока с той и другой обескровленной страной. Понятно, сегодняшняя дипломатия есть искусство не только обуздывать чужую силу, но и сохранять свою. Но главное в том, что наконец мы договорились — фронт будет открыт на следующий год!»

Готовясь к командировке в Иран, общаясь с представителями нашей резидентуры и наблюдая за жизнью и поведением местных жителей в Тегеране, Николай пришел к выводу, что социально-политическая обстановка в стране еще далека от идеальной. И это, несмотря на бегство из страны пронацистски настроенного Реза-шаха после прошедших народных восстаний.

Почему-то волнами стали накатываться исторические события и «давно минувших дней», и недавних: гибель в Тегеране Александра Грибоедова; бегство армян в Персию после геноцида в Османской империи; планы Гитлера сделать из этой горной

страны плацдарм для нападения на Советский Союз и сентябрьский ввод в Иран наших войск.

«Сегодня наша миссия здесь защищена подразделениями своей армии, — рассуждал Николай. — Союзники — тоже не промах, — контингенты и у них приличные. Сегодня Гитлеру тут нечего делать. Остается только одно — пакостить. Но, после того что произошло на конференции, навряд ли у него откроется второе дыхание одолеть дипломатически и политически, не говоря уже о военном факторе, эту горную страну».

Он укрепился во мнении, что для Гитлера Иран — это перевернутая, в спешке прочитанная и не понятая им страница, когда ознакомился с Декларацией трех держав по Ирану. В ней говорилось:

«Президент Соединенных Штатов, Премьер СССР и Премьер-Министр Соединенного Королевства, посоветовавшись друг с другом и Премьер-министром Ирана, желают заявить об общем согласии их Правительств относительно их взаимоотношений с Ираном.

Правительства Соединенных Штатов, СССР и Соединенного Королевства признают помощь, которую оказал Иран в деле ведения войны против общего врага, в особенности облегчая транспортировку грузов из-за границы в Советский Союз.

Эти три Правительства сознают, что война вызвала специфические экономические трудности для Ирана, и они согласились, что они будут по-прежнему предоставлять Правительству Ирана такую экономическую помощь, какую возможно будет оказать, имея в виду те большие требования, которые налагают на них их военные операции по всему миру и существующий во всем мире недостаток транспортных средств, сырья и снабжения для гражданского потребления.

Имея в виду послевоенный период, Правительства Соединенных Штатов, СССР и Соединенного Королевства согласны с Правительством Ирана в том, что любые экономические проблемы, которые встанут перед Ираном после окончания военных действий, должны быть полностью рассмотрены наряду с экономическими проблемами, которые встанут перед другими членами Объединенных Наций, — конференциями или международными организациями, созванными или созданными для обсуждения международных экономических вопросов.

Правительства Соединенных Штатов, СССР и Соединенного Королевства едины с Правительством Ирана в своем желании сохранить полную независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность Ирана.

Они рассчитывают на участие Ирана совместно с другими миролюбивыми нациями в установлении международного мира, безопасности и прогресса после войны, в соответствии с принципами Атлантической хартии, которую подписали все четыре Правительства.

Черчиль

Сталин

Рузвельт»

Еще при первой встрече на высшем уровне в Тегеране лидеры «Большой тройки» задумались о будущем нацистской Германии. Хотя еще шла война, но никто уже не сомневался в ее исходе.

Вопрос о послевоенном территориальном устройстве Центральной Европы подняли в последний день конференции -1 декабря 1943 года.

Выступил первым по этому вопросу президент США Франклин Рузвельт. Он предложил поделить Германию на пять частей:

1. Государство в пределах значительно уменьшенной в размерах Пруссии.

2. Северо-западные территории Германии, включая Ганновер.

3. Саксония плюс район Лейпцига.

4. Гессен, Дармштадт, Кассель, Южный Рейн.

5. Бавария и Баден-Вюртемберг.

Районы Рура, Саара, Гамбурга передать под управление Лиги Наций. Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль тоже имел свой план раздела Германии. Согласно ему, от Германии следовало отделить южные земли (Баварию, Баден-Вюртемберг, Палатинат), создав из них «Дунайскую федерацию» наподобие Австро-Венгрии, и полностью изолировать Пруссию. Промышленный же Рур британцы хотели взять под свой контроль.

А вот Иосиф Сталин настаивал лишь на разделе Восточной Пруссии между Советским Союзом и Польшей, а также на передаче Польше Силезии и Померании.

Но если развивать эту тему дальше, после событий Тегеранской конференции, то уже в 1944 году Великобритания и США договорились о том, что Германию после окончания войны надо разделить на части, уничтожить тяжелую промышленность, а само население переориентировать исключительно на производство сельскохозяйственной продукции. Это был так называемый «план Моргентау» — тогдашнего министра финансов США Генри Моргентау. При выполнении этого плана население Германии должно будет сократиться до 25 миллионов человек в течение нескольких лет.

Рузвельт приветствовал предложения своего министра такими словами: *«Нам следует быть жесткими с Германией; я имею в виду немецкий народ, а не только нацистов. Нужно либо кастрировать немцев, либо обращаться с ними так, чтобы они не могли воспроизводить потомство, которое захочет вести себя так, как они вели себя в прошлом».*

Интересно, что «план Моргентау» скоро добыли наши разведчики. Сталин распорядился по дипломатическим каналам передать его в Берлин, чтобы в Третьем рейхе существенно сократить количество желающих идти на сепаратный мир с

Великобританией и США. Таким образом, варварский план англосаксов скоро оказался достоянием мировых СМИ.

— Караул, — закричал многодетный Геббельс, у которого в планах кроме шести детей было появление еще нескольких киндеров для арийской нации, — янки хотят превратить Германию в огромное картофельное поле, а нас кастрировать!..

Наверное, он соревновался с рейхслятером — личным секретарем Гитлера Мартином Борманом, жена которого Герда радовала супруга появлением почти ежегодно очередного киндера — у них их было девять.

Немецкая газета «Фелькишер Беобахтер» появилась вскоре с огромным заголовком:

«Рузвельт и Черчилль согласились с еврейским убийственным планом!»

Разгорелся скандал. Янки решили изменить некоторые жестокие пункты, слегка подрумянив их более или менее терпимыми мерами. Но все равно после сорок пятого года оккупационные власти США на территории Германии основные штрихи своей иезуитской программы сохранили.

Что же они сделали?

1. Провели децентрализацию банковской системы, создав одиннадцать отдельных банковских округов со своими центробанками.

2. Разрушили производственную систему, произвели демонтаж и вывоз многих промышленных предприятий. Они разрушили 918 немецких предприятий, причем из них военными были только 368.

3. Запретили внешнюю торговлю, ограничили импорт.

4. Немцам ввели вето на морское рыболовство, запретили производить азот для минеральных удобрений, в итоге производство удобрений упало на 82 %, а продовольствия — на 65 %.

5. Демонтировали и уничтожили 13 химических заводов.

6. Планировали вырубить все леса в Германии, но из-за

протеста союзников и ослабления (!) от недоедания немецкой рабочей силы отказались от этой идеи.

7. Ввели жесткую налоговую политику, изымая 58 % валового национального продукта.

Каков же итог?

Уровень жизни немцев, оказавшихся в зоне оккупации американских союзников, упал даже по сравнению с эрзацным военным временем нацистской Германии.

Канадский писатель и телевизионный продюсер Роберт Аллен в своей статье «Письмо из Берлина» ровно 70 лет назад — в феврале 1946 года нарисовал такую картину приезда беженцев на один из берлинских вокзалов:

«Все они были смертельно усталые, голодные, несчастные…

Полуживой ребенок…

Женщина в отчаянии, которого мне еще не приходилось наблюдать…

Даже если вы видите все это, невозможно поверить…

Бог ужасен».

А известный военный историк Вернер Хаупт таким образом запечатлел картину Берлина 1945 года:

«…Шагали колонны пленных немецких солдат. (Только в течение 2 мая 1945 года в районе Берлина было взято в плен около 135 000 солдат и офицеров вермахта. — *Авт.) Они понуро брели в своей грязной окровавленной форме, обессилившие от голода. Длинные очереди из женщин стояли перед немногими открытыми магазинами, чтобы раздобыть хоть какие-нибудь продукты. Группы горожан убирали с улиц груды мусора и разбирали баррикады. Вооруженные русские солдаты охраняли эти рабочие команды, Но то тут, то там уже можно было видеть, как советские офицеры прогуливались с немецкими девушками. И повсюду все еще лежали мертвые — мужчины, женщины и дети».*

Это настоящее лицо войны.

Немцы сегодня забыли, как советское командование прилагало огромные усилия, чтобы накормить мирное население. И кормило пищей из полевых кухонь. Нужно отметить, что напуганные геббельсовской пропагандой местные жители в ожидании свирепого «русского медведя», способного задрать любого немца, не ожидали, что Сталин проявит высокую человечность и гуманность в отношении мирного населения. Правительство Советского Союза сочло необходимым даже повысить нормы питания местным гражданам. По всей территории Германии, оккупированной советскими войсками, распространялись листовки соответствующего содержания. Ознакомившись с информацией о новшествах, католический

священник доктор Панге заявил: «О, это прекрасно! Таких норм Германия не знала даже в первый год войны».

И вот тут произошло ужасное — запад побежал на восток Германии. Спасаясь от «демократии», принесенной на штыках янки, западные немцы, естественно, направили стопы в советскую зону.

К сожалению, потом получился обратный ход. Почему такое случилось? Этот вопрос ждет дополнительного и большого исследования. Хотя уже много написано статей и книг на тему данной германской проблемы того времени, многие вопросы возникают вновь и вновь. Они так до конца и остались невыясненными. До сих пор! План Маршалла — это не весь полноценный ответ. Было что-то другое…

* * *

Будучи в Тегеране, Николаю Григорьевичу Кравченко довелось чуть ли не с налета изучить географические, экономические и политические особенности Ирана в основном по бумагам, в беседах с коллегами, а также по допросам прогерманской агентуры из числа иранцев и представителей немецких спецслужб.

О туристических поездках не могло быть и речи — он в бою на незримом фронте. Но кое-что отложилось в его памяти при поездках по городу. Он, наверное, вспоминал, как под стеной хлебопекарни сбились в клубок босые и полуголые нищие. Они казались изгнанниками, пришедшими сюда в поисках тепла, крова и пищи. Чтобы обезопасить себя от прохватывающего насквозь ледяного ветра, люди набрасывали на себя все, что попадалось под руку: грязные одеяла, обрывки циновок, замызганные халаты. Горели спасительные так называемые общественные костры, вокруг которых грелись, сидя, лежа и стоя, взрослые и дети, протягивая к языкам пламени руки.

«Наверное, невыносимо трудно им не смыкая глаз дожидаться утра, — подумал Николай, — не имея возможности прилечь и заснуть».

На широкой улице встретился носильщик — амбал. Немного приподнявшись на носках и встряхнув плечами, он поправил лямки палана — небольшой плоской подушечки, набитой шерстью, — и направился в сторону громкоголосого и рано встающего рынка, на котором торговали здоровые мужики, что было Николаю в диковинку. Именно таким он впервые увидел рынок Востока.

У банка стоял полицейский, похожий на жирафа, с длинной тонкой шеей. Он внимательно смотрел в сторону пляшущих у разожженного костра подростков. К ним подошел тощий человек с почерневшим лицом, какое обычно бывает у курильщиков опия. Он о чем-то с ними заговорил и отошел в сторону. Полицейский тут же направился к костру…

Рядом с мечетью сидел на коврике не странствующий, а живущий при обители дервиш. Подогнув под себя ноги, он задумчиво перебирал четки. Рядом валялись фруктовые огрызки и остатки какой-то сладости, вокруг которой вился мушиный рой.

Пронеслись по широкой улице каурые, светло-гнедые кони, громко цокая подковами об асфальт и торцы булыжной мостовой. Они встряхивали головами и отфыркивались. Сидевший в пролетке возница обругал чуть не попавшего под колеса нищего, обнажив бронзовые, как пули в обойме, зубы. Нищий уже давно остался позади, а хозяин лошадей все еще выговаривал какие-то бранные слова, пережевывая их, как сытый верблюд или корова, наслаждающаяся жвачкой. Рядом с рынком тощий продавец бил толстого воришку, вытряхивая из его рубашек, как из мешка, какую-то зелень…

Николай вспоминал, очевидно, и о концерте, устроенном для членов делегации, когда под мягкие звуки сазов — местных струнных музыкальных инструментов на невысокий деревянный помост, застеленный красно-зеленым ковром, взошли стройные девушки, и начался плавный целомудренный танец.

Не раз он наблюдал и пьяные драки между янки и английскими военнослужащими, в которые пришлось вмешиваться и нашим патрульным службам. Однажды драка завязалась на улице вблизи небольшой чайханы. Именно о ней докладывалось руководству советской делегации. Потасовки случались нередко. Заводные под градусом парни страны Туманного Альбиона колошматили американцев. В основном попадались нетрезвые и агрессивные негроидные посланцы США. Случались порой и победы янки над британцами.

На этот раз, как и в предыдущих подобных ситуациях, мимо проносились машины разных иностранных марок. Водители сердито сигналили куча-мале. Шарахались в стороны крестьяне в огромных папахах, погонщики маленьких караванов ишаков, мулов и верблюдов, нагруженных дровами из сухих веток, мешков с углем и тюками с шерстью. Не обращали внимания на драку только мелкие торговцы, громко зазывающие покупателей, а также выкрикивающие разносчики, продававшие с лотков халву, сигареты, фрукты, игрушки и всякую мелочь.

Вспомнился Центральный рынок с его бесчисленными

лавками, мастерскими ремесленников, цирюльнями, чайными, вереницами ишаков и верблюдов, шагающих по пыльным грунтовым проходам. Рынок был так похож на маленький город со своим постоянным населением, но с одним-единственным отличием — он находился под общей крышей с лабиринтом крытых улиц.

Увидел Николай и чайный дом — чайхану. У входа дымил огромных размеров, словно столитровая бочка, самовар. Посетители пили чай из маленьких стеклянных стаканчиков, то и дело вытирая стекающий со лба пот.

Кроме того, Николай Кравченко был ознакомлен с подробностями бегства шаха из страны в 1941 году…

Все эти рассказы коллег и визуальные картинки, по всей вероятности, прокручивались в памяти, когда он возвращался в Баку на самолете и на поезде в Москву.

Будучи по природе скромным человеком, Николай чувствовал определенную неловкость от внезапно обрушившегося на него генеральского чина. Однажды, когда у него было время оценить положение своего нового статуса, он карандашом набросал размашистым почерком на листочке блокнота:

«Нежданная лампасность,
Сплошное золото погон…
И влезло зависти опасность,
Моей душе оно — огонь…»

Нет, он не стеснялся звания, он гордился им, его страшило сразу же изменившееся к нему отношение со стороны коллег. Когда он надел непривычную еще ему форму с лампасами и золотыми «без просветов» погонами, то заметил, что по-другому стали на него смотреть те немногие друзья, которыми он обзавелся в Тегеране. Ему уступали место, ему явно завидовали, его иногда сторонились.

Он понимал чисто интуитивно, что скромность — это способ услышать от других все то хорошее, что мы думаем о себе. Но он ничего не услышал. А только ощутил холодную лесть, в которой пряталась коварная черная зависть — самая искренняя форма лести.

Но это было только начало…

НАДУМАННЫЕ СОМНЕНИЯ

Сомневаться во всем и всему верить — две одинаково удобные позиции, которые равно избавляют от необходимости думать.

Анри Пуанкаре

События в конце ноября 1943 года в Тегеране — одно из самых загадочных явлений в истории немецкой, английской и советской разведок, но еще большее для отечественной контрразведки, в том числе легендарного Смерша.

До сих пор об этом феномене говорят и пишут, слагают саги и ставят фильмы, но с явными недоговорками, словно стесняются сказать правду. Доступ к тегеранским архивам закрыт. Однако анализируя то, что просочилось из государственных тайников трех союзных стран, а также двух — побежденного Третьего рейха и победителя — Советского Союза, уже не существующих, и усеченной, оставшейся без колоний Великобритании, а также из воспоминаний свидетелей тех событий, можно моделировать выводы и строить версии.

Как писал Д.С. Липатов, в центре всех споров стоит вопрос: готовился ли террористический акт или нависла угроза над главами государств? А может, это не более чем сталинский политический маневр?

При этом главная задача маневра — заманить Рузвельта в резиденцию советского посла в Тегеране, что, собственно, и было сделано. Американский президент на несколько дней стал гостем советского руководителя.

Известно, что сам Рузвельт по возвращении из Тегерана своим сослуживцам, а потом и на пресс-конференции в Вашингтоне искренне заявил, что немцы замышляли убить Сталина, Черчилля и его самого. Президент уточнил, что спастись им удалось только благодаря специальным службам Сталина, которые вовремя узнали о готовящемся покушении.

Американский президент рассказал журналистам, что оказался в своем большом, но плохо защищенном посольстве, находившемся в полутора милях от города — на окраине Тегерана. Каждый раз ездить даже с эскортом по городу, кишащему бандитами и немецкой агентурой, хорошо обученной навыкам террора, к месту проведения конференции было опасно. Такого же мнения была и охрана — достаточно было смертнику

кинуть гранату или подорваться у проезжающей машины с президентом, и США потеряли бы своего руководителя.

Именно сразу же после прилета в Тегеран Рузвельт получил срочное письмо от Сталина. Он сообщал коварных замыслах фашисткой разведки и приглашал расположиться в своем представительстве. Что президент и сделал на следующее утро.

И тут на страницах некоторых желтых газет и журналов недоброжелатели и враги президента, в том числе и представители уже упоминаемой «малой тройки», стали гнать волны грязных инсинуаций. Обобщая статьи этой прессы, видно, что шаги Рузвельта в сторону советского посольства называли «похищением президента» ГПУ, ОГПУ, НКГБ, НКВД. Публикации были в разных вариациях, кто и какими знаниями располагал о названиях правоохранительных органов СССР.

Вот вам уже два взгляда на одно событие, кстати, появившиеся сразу после окончания конференции в декабре 1943 года. Сегодня повторилось почти то же самое с президентом Трампом — «ястребы» не простили ему победы и его добрых слов о необходимости установления деловых отношений с Россией.

Рузвельт умер или помогли ему умереть. Трамп испугался судеб Рузвельта и Кеннеди, агрессивного антироссийского настроя сената и Конгресса и перестроился «в правую сторону», поддержав необходимость обстрела России экономическими санкциями.

Но вернемся к теме. Есть документальные данные, опубликованные в прессе, о встрече наркома иностранных дел СССР Молотова и посла США Гарримана. Последний писал:

«Молотов сообщает, что в последний момент получены неблагоприятные сведения. Дело в том, что со стороны прогерманских элементов в Тегеране готовятся враждебные акты в отношении руководителей наших государств. Эти акты могут вызвать серьезные инциденты, которых мы хотели бы избежать.

Поэтому с точки зрения лучшей организации совещания и для того, чтобы избежать поездок по улицам, было бы безопаснее, если бы президент Рузвельт остановился в здании советского посольства».

Гарриман не сомневается в серьезности дела, но, ввиду того, что речь идет о безопасности руководителей трех государств, он хотел бы получить более подробную информацию.

Молотов отвечает, что речь идет о лицах, связанных с германским резидентом в Иране Майером. В отношении группы Майера новое иранское правительство приняло соответствующие меры и выслало некоторых подозрительных лиц из Ирана. Однако агенты Майера все еще остаются в Тегеране, и от них можно

ожидать актов, которые способны вызвать нежелательные инциденты.

Гарриман говорит, что немедленно сообщит президенту об информации, переданной Молотовым.

А вот воспоминания Черчилля:

«Я всячески поддерживал просьбу Молотова к президенту переехать в здание советского посольства, которое было в три или четыре раза больше, чем остальные, и занимало большую территорию, окруженную теперь советскими войсками и полицией.

Мы уговорили Рузвельта принять этот разумный совет…»

* * *

Между тем лично у самого Сталина были все основания полагать, что фашистская разведка постарается использовать столь уникальный момент, как сбор «Большой тройки», и попытается организовать покушение на лидеров антигитлеровской коалиции. Во всяком случае Берия постарался, чтобы эта мысль прочно засела в голове отца народов. Он ее постоянно подпитывал «нужной» прямой и косвенной информацией.

Сталину вообще регулярно докладывали о разоблачаемых террористах, которые готовили его физическое устранение. Достаточно вспомнить зловещую историю 1935 года, когда была вскрыта целая «сеть заговорщиков», в которую входило более ста человек, в числе которых оказался даже секретарь Президиума ЦИК Авель Енукидзе и другие правительственные чиновники. А заговор военных во главе с М.Н. Тухачевским разве не был направлен на физическое устранение Сталина?

«С этими отщепенцами расправился Ежов, — вспоминал Сталин, *— но и сам сгорел в пламени репрессий. Моей вины тут нет — они нападали».*

Здесь же информация о подготовке убийства глав союзнических стран, поступившая опять от того же Берии, и выглядела она значительно убедительнее.

А что же говорила об этом противоположная сторона, в частности, руководитель школы в замке Фриденталь Отто Скорцени, где убийство являлось учебным предметом? Так, в середине шестидесятых годов прошлого века в газете «Правда» появилось сообщение со ссылкой на интервью любимца Гитлера ежедневной французской утренней газете «Экспресс». В это время «человек со шрамом» проживал в Мадриде.

Вот его признание:

«Из всех забавных историй, которые рассказывают обо мне, самые забавные — это те, что написаны историками. Они утверждают, что я должен был со своей командой похитить Рузвельта во время Ялтинской конференции. Это глупость: никогда мне Гитлер не приказывал этого.

Сейчас я вам скажу правду по поводу этой истории: в действительности Гитлер приказал мне похитить Рузвельта во время предыдущей конференции — той, что происходила в Тегеране…

Но бац! *(Смеется)*…из-за различных причин это дело не удалось обделать с достаточным успехом…»

Что же это за причины?

Ясно — противодействие советских и английских разведчиков и контрразведчиков, предотвративших физическое устранение глав «Большой тройки». А оно было, по всей видимости, реальным.

Резидент германской разведки Майер, имевший широчайшие связи в иранских политических, деловых и военных кругах, в совершенстве владеющий персидским языком, многое сделал для создания мощного, исключительно на Берлин ориентированного националистического движения в Иране. Целью этого движения должен был захват власти в стране и превращение Ирана в союзника Германии.

На помощь Майеру Берлин посылает матерого разведчика — абверовца Юлиуса Шульце-Хольтуса под «крышу» германского консула в Тавризе. Он становится резидентом абвера в Иране.

А что касается планов оппозиции, то во многом им свои идеи удавалось осуществить. По данным нашей разведки, в Иране в то время действовало более двадцати прогерманских антисоюзнических организаций. Крупнейшей из них была так называемая «Голубая партия», получившая свое название от голубых бюллетеней депутатов иранского меджлиса, которые голосовали против ратификации Договора о союзе между Ираном, СССР и Великобританией, подписанном в январе 1942 года.

Возглавил «Голубую партию» депутат иранского парламента, литератор и общественный деятель Хабибулла Новбахт. В молодости он учился в Германии, овладел немецким языком. В середине тридцатых годов перевел на персидский язык книгу Гитлера «Майн кампф». На знаменах этой и других оппозиционных партий были такие лозунги И призывы:

— «Все на борьбу с англо-советской оккупацией!»

— «Захватим власть!»

— «Ударим в тыл союзников совместно с германскими войсками!»

— «Мусульмане, наступил момент! Англичане и русские отбирают у нас все то, что еще осталось в стране! Наступил момент!»

— «Вперед на врага, иначе нас ждет смерть!» и т. д. и т. п.

Создавались и другие подобного толка организации. Одной из них была тоже мощная организация под названием «Иране миллиюн».

Организаторы ее начали проводить массовые вербовки высших офицеров иранского генерального штаба. Наша разведка тут же стала предпринимать все меры для глубокого проникновения в структуры «Голубой партии» и других организаций аналогичной идеологической направленности.

В это время английские разведчики передали советскому резиденту Ивану Ивановичу Агаянцу перехваченный документ. Там были такие слова:

«Может настать время, когда «пятая колонна» окажется сильнее персидского правительства, если она, в самом деле, не стала сильнее».

Дальнейшие события показали правильность прогнозов англичан. Вождь племени кашкайцев на юге Ирана Насыр-Хан поднял антиправительственный мятеж. Его племя напало на Самерунский военный гарнизон, захватило оружие и боеприпасы, повстанцы казнили командира — полковника Шикаки.

Советскими разведчиками и контрразведчиками были получены данные, что в разных местах Ирана десантировалось несколько крупных групп немецких парашютистов. На страну, готовящуюся к Большой конференции, надвигался острый политический кризис.

17 августа 1943 года нарком госбезопасности Меркулов сообщает заместителю наркома иностранных дел Деканозову, что НКГБ согласен совместно с англичанами на арест иранских антисоюзных деятелей.

29 августа британский посланник Р. Баллард делает официальное представление премьер-министру Ирана Сохейли о необходимости пресечения прогерманских сил. Через час такое же представление делает советский посол Михаил Алексеевич Максимов.

Перед спецслужбами Советского Союза и Великобритании встала важнейшая задача быстрого разгрома гитлеровской агентуры и прогерманского националистического подполья. Руководители трех стран — СССР, Великобритании и Ирана санкционируют аресты. Был составлен список людей, подлежащих

задержанию. В него вошли 162 человека — активисты «Голубой партии», «Иране миллиюн» и других враждебных союзникам организаций.

И аресты начались… Как они проходили, знают только архивы и некоторые откровения разведчиков в публикациях. К сожалению, рассказов о том героическом периоде борьбы наших контрразведчиков, в том числе и оперативников Смерша нет, а ведь они там действовали во главе с подполковником Николаем Григорьевичем Кравченко. Их результаты высоко оценил Верховный главнокомандующий.

Не следы ли тут мщения Хрущева после смерти Сталина? Вполне можно предположить! Говорят, военных контрразведчиков партийный функционер, ставший по форме, но не по созидательному содержанию партийным преемником Сталина в качестве хозяина Кремля, не особо жаловал. Даже судя по отношению к руководителю Смерша Виктору Семеновичу Абакумову, которого приказал казнить 19 декабря 1954 года — в день рождения армейской контрразведки, все делал, чтобы опорочить работников, посвятивших себя этой нелегкой службе.

Британские власти, в том числе разведка МИ-6, обещала раскрыть секретные документы периода Тегеранской конференции после 2017 года и даже раньше. Но пока никакой информации из страны Туманного Альбиона в СМИ не просачивалось.

Может быть, мы с вами, дорогие читатели, много чего интересного еще узнаем о Второй мировой войне и степени участия там, в Тегеране, в сорок третьем году, не только наших разведчиков, но и контрразведчиков…

Разоблачение вражеской агентуры никогда ни в одной стране не проходило без участия контрразведывательных органов — это правило, а не исключение из него.

ВТОРОЙ ФРОНТ

Открытие второго фронта
искренне приветствовали в Москве…

Георгий Жуков

Конференция в Тегеране дала ответ на мучительный вопрос как наших воинов, так и всех советских граждан, участвующих в тяжелейших баталиях на полях сражений и не менее сложных делах в промышленности и сельском хозяйстве, работающих не покладая рук для фронта. Всем было тяжело.

Вопрос задавался многими военными и политиками совсем не риторический, а конкретный: страна воюет вместе с союзниками третий год, а прямого участия в боевых действиях с их стороны не видно.

Союзники обещали открыть его уже на второй год войны. Но за двухлетний период откладывания высадки в Северной Франции — с мая 1942 до июня 1944 годов — только безвозвратные потери советских вооруженных сил (убитыми, пленными и пропавшими без вести) составили более 5 миллионов человек.

Почему? Может, боятся немцев? Тогда мы и сами справимся с германскими пришельцами!

И вот пришел час ответить на этот злободневный вопрос трем руководителям стран, участвующих в войне против Гитлера.

К концу 1943 года, несмотря на огромные потери Красной армии, Советскому Союзу удалось почти немыслимое: не только устоять в тяжелейших сражениях, но и нанести гитлеровцам сокрушительные удары. Становились все более реальными перспективы форсирования Вислы, Одера и Рейна, а может быть, даже Сены!

Газеты на Западе зашумели о том, что «полчища большевиков» в лице Красной армии могут пройти по всей Западной Европе и остановиться на берегах Атлантики. В этих условиях бросок через Ла-Манш, с которым тянули англичане и американцы, мог оказаться запоздавшим. Высказывалось даже мнение, что этот бросок могут осуществить, только в обратном направлении, советские воины.

Такое положение вещей наконец осознали все участники коалиции. Правда, Черчилль по-прежнему настаивал на балканском варианте, но Рузвельт склонялся к целесообразности, конечно же, в интересах США, удовлетворить настояния Сталина.

Речь шла прежде всего о необходимости застолбить за собой Западную Европу и заручиться весомой поддержкой СССР в битвах за Тихий океан.

То ли гений Сталина, то ли мудрость и решительность его оруженосцев подсказали ему, что настал момент истины — использовать элементы, сотканные из противоречий и взаимопониманий между союзниками. Ему предстояло убедить Рузвельта: Советский Союз — не просто надежный союзник в войне, но и полезный партнер «на период после победы» в качестве противовеса британским глобальным колониальным амбициям…

События, связанные с открытием второго фронта в Европе, начались весьма трагично. В мае 1943 года американский генерал Эндрюс и его начальник штаба пролетали над южной оконечностью Исландии, которую окутал густой туман. Автор был в этой стране и четко представляет, что такое исландские молочно-дымчатые туманы, когда не видно ни зги в десяти метрах. Машины не едут, а медленно ползут, как огромные черепахи, с золотистым маревом света спереди и кровавым — сзади.

Американский пилот ошибся в ориентации, и самолет, врезавшись в неожиданно возникшую перед ним скалу, разбился. В лице генерала Эндрюса и его начальника штаба погибло верховное командование вооруженных сил США на европейском театре военных действий. Как писал американский журналист Ральф Ингерсолл, это случилось ровно за восемь дней до того, как в Вашингтоне на совещании с начальниками английского и американского генеральных штабов Черчилль и Рузвельт окончательно решили, что вторжение для соприкосновения с германскими войсками через северо-западную Европу будет происходить с Британских островов. После чего английскому и американскому командованию был отдан приказ — составить план и провести подготовку к этой операции, срок которой был намечен на весну 1944 года.

Название плана «Оверлорд» — *(англ.* — «сюзерен», «верховный властитель». — *Авт.)* дал Уинстон Черчилль. Но даже и этот горячий по срокам проект вторжения оговаривался определенными условиями, при которых, как считали авторы плана операции, вторжение могло быть осуществлено. В число этих условий входили следующие моменты:

— если ветер не будет слишком сильным;

— если прилив будет как раз такой, какой нужно;

— если луна будет именно в той фазе, какая требуется;

— если немецкая оборона за это время — между написанием

плана и его выполнением — не будет усовершенствована;

— если у немцев к тому времени окажется в северо-западной Европе не более двенадцати подвижных дивизий резерва — и при условии, что немцы не смогут перебросить с русского фронта более пятнадцати дивизий за первые два месяца, и так далее.

Реализация плана кроме этих условий зависела, разумеется, и от наличия войск, десантных судов и необходимого снаряжения, которые долгое время поступали не в Англию, откуда должно было начаться вторжение, а на второстепенные фронты.

Как известно, второй фронт был открыт лишь тогда, когда Советская армия вступила на территорию вражеских государств и когда стало ясно, что она одна способна оккупировать всю Германию и освободить Западную Европу от фашистских захватчиков.

Таким образом, основной причиной, задержавшей открытие второго фронта, была политика, которую проводили Черчилль и его единомышленники в Англии и Соединенных Штатах.

Как писал упоминаемый выше Ральф Ингерсолл в своей книге «Совершенно секретно», кампания, начавшаяся прорывом на Брестский полуостров, была достаточно сумбурна — то есть отличалась непоследовательностью, резкими разногласиями между верховными главнокомандующими относительно дальнейших действий и быстрой сменой крупных событий.

Война одинакова для любой армии. О просчетах в Красной армии мы читали и читаем сегодня особенно часто в связи с открытием многих архивов, но аналогичные случаи были и у американцев, и у британцев.

Начиная с того момента, когда во время перехода из Америки в Африку в ноябре 1943 года по линкору «Айова», на котором находился президент США Ф. Рузвельт, направляющемуся в Тегеран на конференцию, эсминцем эскорта была случайно выпущена торпеда, прошедшая в двухстах метрах от флагманского корабля. Можно только представить, что могло случиться, если бы произошло это трагическое недоразумение.

А что касается десантирования и проведения операций на территории Франции, отмечались случаи, когда офицеры, игнорируя режим секретности в переговорах, матерились, послав к черту коды и военную фразеологию, на терпком и едком американском языке. Вот несколько примеров:

«Нет ни бензина, ни боеприпасов, ни продовольствия! Последнее можем достать на месте, (ясно, путем мародерства. — *Авт.*), но просим дать указания, как нам наладить здесь производство бензина и боеприпасов»

Или такой пассаж:

«Нахожусь в предместье, имея перед собой целую немецкую армию, которую нечем обстреливать. До сих пор совершал невозможное. Но как быть дальше?»

Разногласие между английским и американским командованием возникло из-за того, что для смыкания армейских клещей англичанам надо было пройти только тридцать миль, тогда как американцы, наступавшие с юга, должны были преодолеть огромную дугу, примерно в 125–150 миль длиною, волоча за собою тыловые обозы.

Но в конце концов американцы вышли туда, куда должны были выйти, и обрушились на то, что недавно было тылом германских оборонительных позиций, тогда как наступление англичан выдохлось в пункте к северу от населенного пункта Фалез.

Оба командующих Монтгомери и Патон действовали несогласованно, однако вслед за беспощадным истреблением немцев в фалезской горловине, за падением Парижа и форсированием Сены последовало стремительное продвижение к границам Германии. Англичане устремились вдоль побережья, цепляясь за свои коммуникации через Ла-Манш. Американцы обошли Париж с двух сторон. Когда их первая армия прорвалась через Сену на восток, резерв германских войск оказался под угрозой быть отрезанным.

До этого еще его можно было бросить против янки, чтобы сделать последнюю попытку — помешать американцам форсировать Сену. Но получилось так, что германский командующий Западным фронтом фельдмаршал Герд фон Рундштедт упустил момент и оказался вынужденным отдать приказ о поспешном отступлении. До этого германская 15-я армия, о которой идет речь, не сделала ни одного выстрела. Путь ее отступления проходил через город Моне на бельгийской территории, у самой французской границы.

Захваченные в плен у Монса немецкие офицеры были уверены, что война закончена. Даже некоторые генералы и полковники тоже так считали. Командир одного артиллерийского полка в звании полковника обратился к захватившему его американскому офицеру с просьбой отвезти письмо его жене в Берлин: «Вы будете там через неделю».

Гитлеровские генералы заявляли американцам, что германская армия просто перестала существовать, что они уже много дней не получали никаких приказов из штаба и что им известно только о решении отвести всю армию на территорию рейха и там оказать сопротивление, в первую очередь русским.

Они же сообщили заокеанским «гостям», что Западный вал, достаточно оснащенный бетонными дотами и другими сооружениями, совершенно лишен защитников и что, насколько им известно, Германия не имеет резервов, чтобы занять эти сооружения боеспособными гарнизонами.

А еще надо иметь в виду, что германское командование — и это было важным фактором в тогдашних обстоятельствах — все еще находилось в состоянии крайней подавленности в связи с карами, которые посыпались на головы высшего офицерства после покушения на фюрера 20 июля 1944 года.

Как известно в ставке «Волчье логово» возле Растенбур-га, полковник Клаус Шенк фон Штауффенберг мог уничтожить Гитлера, но судьба опять проявила благоволение к фюреру. По одним данным, девяносто раз Гитлер был на волоске от гибели. Его спас сверстник в детском возрасте на реке Инн. По другим сведениям, сорок один раз судьба спасала его от смерти во время покушений, и только на сорок второй раз она вложила ему в руки пистолет, чтобы он мог выстрелить себе в голову и покинуть разгромленный вермахт, Берлин и Третий рейх, которому пророчил тысячелетнее существование.

Следует отметить, что Штауффенберг, этот смелый, мужественный, высокообразованный офицер был, по сути, не интернационалистом, а нацистом. Так, в 1939 году он писал своей жене из Польши:

«Население — невероятный сброд. Много евреев и полукровок. Этим людям хорошо, когда ими управляешь кнутом. Тысячи заключенных пригодятся для сельского хозяйство Германии. Они трудолюбивы, послушны и не требовательны».

Теперь немецкий генералитет и старшее офицерство варились в обстановке всеобщего недоверия друг к другу и доносительства. А еще они спешили поскорее убраться с французской чужбины в фатерлянд — на родину. Они ждали возвращения в родные места.

А в 1944 году Советская армия, преодолевая жесточайшее сопротивление немцев, теряя сотни тысяч солдат и офицеров, неумолимо приближалась к Берлину, освобождая города и села Западной Европы. О битве за Берлин сказано уже много очевидцами этого эпохального события. А пока американцы, встретившиеся с россиянами на Эльбе, отмечали этапы своего одиннадцатимесячного наступления: высадка в Нормандии, освобождение Франции, штурм Западного вала, а затем Рейна и наконец — расчленение нацистского государства.

Американцы считали, что в войне действительно полезный опыт был у них только с англичанами. С русскими не было

настоящего сотрудничества. Это был сговор, по их пониманию, с целью обуздать немцев. Президент Рузвельт только дважды за время войны встречался с главой Советского государства. Так они оценивали взаимодействие с нами.

А в конце своей книги американский журналист, все тот же Ральф Ингерсолл, с присущей янки уверенностью подчеркнул:

«Непобедимость американского оружия — это детище всего американского народа, его мускулов, его мозга, его души».

Так было и в Советском Союзе в 1945 году. Мы тоже слагали песни нашим непобедимым героям, нашему великолепному оружию, нашим великим полководцам и становому хребту Победы — Рядовому Советскому Солдату!

Сегодня мы другие. Сорные семена общества массового потребления, залетевшие к нам с Запада и высаженные в нашу почву ловкачами от халявного бизнеса, сделали нас юзерами — user (англ, «потреблять». *-Авт.),* которые считают, что нужно такое состояние России, где внешнее стимулирование потребления товаров становится главным условием жизненного существования.

А ведь каждая цивилизованная страна с думающими венценосцами делает все, чтобы дома наладить свои производства — от самолетов и машин, до яблок и морковки. Сегодня, еще недавно говорили чиновники, которые и нынче при власти, нам выгодно все это покупать на Западе — дешевле получается за деньги, вырученные от продажи нефти и газа. Прошло немного времени, и россияне поняли, что их пичкают то «просроком», то «генетически модифицированными» продуктами. Дешевизна импорта вылезла нам боком. Особенно отразился этот процесс на здоровье молодого поколения.

Но нефть и газ — это кровь нашей земли. Может наступить и малокровие! Как тогда содержать будем народ?! За какие деньги — валюты не будет! И это малокровие наступило — цены на нефть грохнулись. Замаячили инфляции, дефолты, рецессии и другие бяки. Выходит, за четверть с лишним века нас кто-то разучил производить свое, чем можно было гордиться и торговать внутри и вне государства. Вступили ведь в ВТО, а торговать чем будем, кроме нефти и газа? Сетуют на то, что деньги в бюджете отсутствуют на инвестиции в отечественное производство, зато лежали полтриллиона «зеленых» в США в виде двух фондов. Они работали за океаном — на экономику дяди Сэма. Сколько там осталось от усушек и утрусок мирового кризиса, одному богу только известно. Нам не дано об этом знать, хотя народ должен знать, куда уходит каждая копейка.

Неспособность рубля зацепиться за развитие собственного

производства толкает шустрых бойцов рыночной экономики вкупе с вороватым чиновничеством переплавлять «деревянные» в инвалюту и вывозить ее мешками из России, а там покупать недвижимость в виде островов, вилл, особняков, яхт, футбольных клубов, обучать своих чад, открывать счета в банках, рожать детей и внуков и прочее. С чем мы останемся, если вдруг сланцевый газ окажется правдой и станет выгодным конкурентом нашему «Газпрому», который боится раскошелиться на ренту отдельному гражданину России. А ведь это делают смело в других странах, добывающих углеводородное сырье. Наши жмоты утверждают, что при дележе ренты это составит чуть ли не по три рубля на брата.

Вранье! Почитайте книгу высокого профессионала в этом деле академика Дмитрия Львова «Вернуть народу ренту. Резерв для бедных». Там найдете конкретные ответы на этот злободневный вопрос современности.

Молодому поколению банковское чиновничество бросило конфетку — жить в кредит и упорно убеждает его в том, что цивилизованный мир уже давно живет в ипотеке, а мы, как последние крохоборы, высчитываем, сколько же будет переплаты, и ужасаемся, когда видим, какие деньги дополнительно у нас забрал банк.

Наши предки боялись долговых отношений. Берешь чужие деньги, а отдавать приходится свои. Но их надо еще где-то заработать. А если нет развитого производства, значит, покупающий что-то в кредит потом чешет репу, как расплатиться, если источники поступления денег из реки превращаются в ручеек, который в определенный момент и вовсе пересыхает. Вот она, причина суицидов, воровства, грабежей, разбоев и коррупции.

Не будет своего производства, а основным товаром останется «труба» с нефтью и газом; может, и останется усеченная и патриархальная Россия, но Отечество мы потеряем!

Без современного оружия нам не удержать Отчизну в окружении бурно развивающихся соседей, а для его производства, простите за тавтологию, тоже нужно производство. Да такое, чтобы могло конкурировать с соседями. И опять концы проблемы замкнулись в круг — нужны быстрые темпы индустриализации — коренное переустройство экономики с развитием новых технологий, иначе конец, Россию будут членить соседи. Пока мы держимся за то, что осталось от Советского Союза, дочерпаем до донышка, а оно уже видно, а дальше что?! Так можно и пробить его, и утопить страну…

Когда союзники собирались в Тегеране, была иная картина:

СССР, несущий на своих могучих плечах все тяготы войны, смотрелся вместе с Верховным главнокомандующим солидным. Лидер нации был не соломенный, а стальной, победоносный, к тому же уважаемый и чтимый за гигантские стратегические успехи на фронтах и в тылу.

БЕРИЯ И АБАКУМОВ

Почему завистники всегда чем-то огорчены? Потому что их снедают не только собственные неудачи, но и успехи других.

Абу-ль-Фородж

У двух коллег, длительное время ходивших в рангах начальника и подчиненного, вдруг с 19 апреля 1943 года, когда молодой заместитель Лаврентия Павловича Берии по НКВД СССР Виктор Семенович Абакумов стал главой самостоятельного контрразведывательного органа, нацеленного на оперативное обслуживание войск, — Главного управления контрразведки (ГУКР) Смерш НКО СССР, появились частые расхождения во мнениях. Бывший начальник ревновал к росту, причем стремительному, своего молодого подчиненного.

Берия оставался наркомом внутренних дел, а 35-летний Абакумов вдруг обрел пост заместителя наркома обороны. А как известно, вооруженными силами, тем более в военное время, заведовал сам Сталин. Он взял на себя функции наркома обороны страны — главного ведомства в государстве военного времени.

Шла война. Армия воевала. Оперативное обслуживание войск было, естественно, поручено армейской контрразведке.

Это позволяло ее руководителю часто и, может, чаще других чиновников и генералов и даже маршалов бывать с докладами у Верховного главнокомандующего, что многих завистников при больших партийных, военных и чекистских чинах и должностях сводило с ума. Такова уж природа человека.

Скажите — как говорил великий бразилец Жоржи Амаду, — кто в этом мире может уберечься от завистников? Чем выше стоит человек во мнении своих сограждан, чем важнее и почетнее пост, который он занимает, тем быстрее он становится мишенью для злобной зависти: на него изливаются целые потоки грязи, реки напраслин и океаны клеветы.

Оба были слепыми приверженцами авторитаризма вождя, его клевретами — приспешниками, подкаблучниками, не брезгующими ничем, чтобы угодить своему покровителю. Старший спал и видел себя преемником увядающего вождя, а младший свято верил в него, он был его совестью и тенью. У обоих немало осталось невинно пролитой крови на обшлагах их мундиров и пиджаков. И оба завершили свой путь трагично —

оказались расстреляны в период правления Никиты Хрущева, который тоже приложился к той крови, что не течет по жилам, а вытекает из них — и на Украине, и в Москве. Это он умудрился накануне войны, буквально за несколько дней до ее начала, приволочь Сталину длиннющий список командного состава Красной армии из Киевского особого военного округа для расстрела как врагов народа. Даже Сталина, отца тезиса о разворачивании классовой борьбы в период строительства социализма, такой жест Хрущева поверг в шок, а потом бросил в ярость.

— Кто хозяин на Украине? — буквально взревел Сталин, видя очередную глупость партийного блюдолиза. — Посмотрите на часы!

Первый секретарь компартии Украины не понял сталинский подтекст, бросил взгляд на часы и только потом уразумел, что имел в виду вождь, — война стучится в дверь страны, а он с расстрелами врагов народа.

И опять же это он потом, придя к власти в результате подковерной возни, через интриги и коварства, распорядился, как мясник, расправиться со своим еще недавним другом

Лаврентием Берией в подвале штаба Московского военного округа, а генеральному прокурору Роману Руденко, поддерживавшему обвинение против Виктора Абакумова, на его вопрос — «Что делать? Как дальше быть с осужденным — суд ведь завершился?» — гаркнул в телефонную трубку: «Кончайте его!» То есть застрелите, как скотину, как зверя. Это был не суд, а судилище. Тем более смертная казнь была в то время отменена.

А начальника 4-го Управления НКГБ СССР, занимающегося разведкой, заброской в тыл к немцам нашей агентуры и диверсионными актами, генерал-лейтенанта Павла Анатольевича Судоплатова только за то, что работал в «эпоху» Берии и часто бывал у Сталина на докладах, упек на 15 (!!!) лет во Владимирскую тюрьму. Лучший руководитель разведки и диверсант Страны Советов просидел в казематах весь отведенный срок — от звонка до звонка. Там он ослеп и дважды заработал обширные инфаркты. Он словно забыл тургеневскую притчу: «Идите вперед, пока можете, а подкосятся ноги — сядьте близ дороги да глядите на прохожих без досады и зависти: ведь они недалеко уйдут».

Недалеко ушел и Хрущев, заклеймивший тирана, но и сам оказался проклинаемый родственниками тех, у кого обманом и местью забрал жизнь. Таких людей было много, очень много, хоть он и пытался очиститься от скверны, от греха путем уничтожения своих и чужих архивов. Но, увы, — архивы не горят! Во всяком

случае — не все!

* * *

А вот еще один пример конфронтации Берии с Абакумовым.

Сталинградским фронтом в июле-августе 1942 года командовал генерал-полковник Василий Николаевич Гордов, который в общении с подчиненными был груб и порою даже жесток. Кроме всего прочего от командиров разных степеней во фронтовое управление особых отделов, которым руководил генерал Николай Николаевич Селивановский, поступали жалобы об ошибках и некомпетентных решениях командующего, могущих привести к тяжелым последствиям для войск. Не раз военный контрразведчик обсуждал этот вопрос с членом Военного совета фронта Н.С. Хрущевым, но тот держал нос по ветру, уходя от обсуждения кадрового вопроса.

— Николай Николаевич, Гордов, конечно, вспыльчивый, даже злой человек и никудышный командир, но вы же должны меня понять, я его подчиненный. Мне как-то неудобно «капать» на командующего, — хитрил Никита, понимая, что командующий назначен с одобрения Сталина.

— Но, Никита Сергеевич, понятия «Гордов и боеспособность», «Гордов и жизни тысяч наших солдат и офицеров» туго связаны между собой. Судьбы людей и должность — это разные категории, — пытался втемяшить это в крупную голову члена Военного совета фронта генерал Селивановский. — Судьбы людей в настоящее время в руках командующего.

— Я понимаю, каждый бой, каждое сражение приносят нам ужасающие потери, мои политработники тоже ропщут, — крутился Хрущев, как карась на сковородке.

С другой стороны, он как бы подталкивал главного особиста фронта к судьбоносному решению — взять на себя смелость доложить в Москву самому назначенцу командующего. И вдруг 25 июля 1942 года эта смелость конкретно реализовалась. Николай Николаевич, понимая всю опасность сложившейся обстановки и боясь потерять дорогое время, совершил поступок. Он решился отправить в Москву телеграмму… самому Сталину, через головы членов Военного совета фронта, непосредственного начальника Управления особых отделов Виктора Абакумова и наркома НКВД Лаврентия Берии. Этот документ спасал Сталинград от падения, которое произошло бы в первой декаде августа, максимум — в конце месяца — обстановка способствовала тому.

Шифровку в Москву готовил его подчиненный капитан М.А.

Белоусов. Михаил Александрович, впоследствии ставший генерал-майором, руководителем окружного масштаба, вспоминал, что в подготовленной шифрованной телеграмме излагалась сложившаяся критическая обстановка на фронте, давалась отрицательная характеристика Гордову как военачальнику и человеку. Сообщалось также о негативной реакции в войсках на его назначение и командование. В конце указывалось соображение, что при назначении Гордова рекомендовавшими его товарищами на высокую должность допущена серьезная ошибка, которую необходимо как можно скорее исправить.

Селивановский знал, какой опасности он себя подвергает, на какой риск идет. В кругу же своих сотрудников, посвященных в содержание шифровки, был откровенен:

«Не важно, что будет со мной, что станет с нами. Главная сегодня задача — спасти Сталинград. Спасти страну. С Гордовым мы ее не спасем, мы проиграем битву и потеряем Сталинград! А с потерей Сталинграда можем потерять и Россию. Отступать дальше некуда! После возможного падения города-твердыни на Волге японцы осмелеют на Дальнем Востоке. Это очень и очень опасно для армии и государства».

На следующий день из Москвы пришла телеграмма. Николая Селивановского вызывал нарком внутренних дел.

«В Москве, — вспоминал Селивановский, — Берия долго меня ругал, заявляя, что я сую нос не в свое дело, что назначение командующих фронтами — прерогатива Ставки и Верховного главнокомандующего».

Начальник Особого отдела фронта держался стойко и достойно. Он еще раз высказал свою озабоченность такой обстановкой и подчеркнул, что действовал не столько как чекист или коммунист, а как человек, совсем не безразличный к тому, что происходит на фронте.

— Идите, будем разбираться, — буркнул Берия и схватился за звонящую телефонную трубку…

В отличие от Берии Абакумов воспринял информацию своего подчиненного спокойно. Берия же после встречи с Селивановским вызвал Виктора Семеновича и начал орать:

— Какого хрена твой Селивановский лезет в ж…пу, суется не в свои дела? Ты что, всем своим подчиненным так разрешаешь работать? Это же настоящий бардак! Нашелся полководец! — кипятился раскрасневшийся Лаврентий Павлович, меряя быстрыми шажками коротких ног красную дорожку кабинета.

— Нет, это наши общие дела, они касаются судьбы страны, а насчет ж…пы это вы слишком неосмотрительно указали на

Кремль, — последовал дерзкий ответ набиравшего силу и авторитет начальника военной контрразведки.

Берия понял свою роковую оплошность.

— Что ты мне хреновину несешь, патриоты дешевые нашлись, как сговорились, — продолжал злиться Берия из-за того, что Селивановский вышел на Верховного напрямую. Гремел словами он недолго, а потом стал сдавать. Он действительно перепугался вылетевшего невзначай язвительно-опасного слова.

— Разрешите идти? — обратился к наркому Абакумов.

— Идите, — торопливо проговорил Берия и стал размышлять, одновременно пугая и успокаивая себя: «Вот будет выволочка, если Абакумов заложит меня Иосифу. Думаю, Хозяин не поверит ему. А может, Виктор и не скажет. Надо признаться, он порядочный в этих вещах. Так что, спокойно, Лаврентий, спокойно, не подавай вида этому молодому начальнику, что испугался. Он же еще мой заместитель в НКВД».

Абакумов знал, что Гордова назначил сам Сталин по рекомендации Тимошенко, а поэтому поначалу осторожно относился к информации своего подчиненного. И все же в конце июля 1942 года намеревался доложить о взрывоопасной обстановке в войсках. Но случилось то, что случилось. Телеграмма попала в цель. Уже на следующий день после доклада Селивановского в Ставке был издан приказ № 227 под названием «Ни шагу назад», содержание которого приведено ниже.

Сталин среагировал в своей манере:

— Товарищ Абакумов, в таком случае поезжайте с комиссией от моего имени в Сталинград и разберитесь там. Переговорите с командирами и политработниками, подключите свои возможности, хотя то, что нам доложил Селивановский, очень меня насторожило. Ставке нужна правда и только правда. Сами понимаете, как говорят, душой измерь, умом проверь, тогда и верь. Вам я поручаю установить истинную причину фронтовой грызни и есть ли опасность разрушения принципа единоначалия?

Сталин замолчал, попыхтел притушенной трубкой. Потом стал раскуривать ее, пока не показались две струйки сизого дыма из ноздрей, и добавил:

— Имейте в виду, товарищ Абакумов, операция секретная. Особенно не афишируйте, возможно, мою с Тимошенко ошибку.

— Ясно, товарищ Сталин, — отчеканил Абакумов…

Но Сталин не был бы Сталиным, если бы не перепроверял информацию. Он считал, что во всех делах полезно разумное недоверие. И в то же время вождь хорошо знал наказ Демокрита — «не относись ко всем с недоверием, но будь со всеми

осторожен и тверд».

Параллельно комиссии Абакумова 12 августа 1942 года он послал на Сталинградский фронт и группу военных во главе с начальником Генштаба А.М. Василевским. И вот когда по возвращении их в Москву он свел информацию, стало ясно, — Василия Николаевича Гордова надо непременно снимать с должности, менять обстановку. От напряженной многодневной работы под огнем и недосыпаний у командующего фронтом возник нервный срыв. А в Сталинграде нужно было иметь стальные нервы или не иметь никаких. Его назначили заместителем командующего фронтом.

Новым командующим Сталинградским фронтом стал генерал-полковник А.И. Еременко при старом члене Военного совета фронта Н.С. Хрущеве. Они вызвали на беседу Чуйкова. Вспоминает В.И. Чуйков:

«Мне объявили, что меня назначают командующим 62-й армией и поставили задачи. Смысл установок сводился к следующему. Немцы решили любой ценой взять город. Отдать Сталинград фашистам невозможно, отступать дальше нельзя и некуда. Командарм 62-й армии генерал Лопатин считает, что его армия город не удержит.

Наконец командующий фронтом спросил:

— Как вы, товарищ Чуйков, понимаете задачу?

Я не ожидал, что мне придется отвечать на такой вопрос, но и раздумывать долго не приходилось: все было ясно, понятно само собой. И тут же ответил:

— Гэрод мы отдать врагу не можем, он нам, всему советскому народу, очень дорог; сдача его подорвала бы моральный дух народа. Будут приняты все меры, чтобы город не сдать…

Я приму все меры к удержанию города и клянусь, оттуда не уйду. Мы отстоим город или там погибнем.

Командующий и член Военного совета сказали, что задачу я понимаю правильно».

Это все общеизвестные факты, но мне хочется остановиться на роли Абакумова в этой поездке и беседе со многими военными — офицерами и генералами. В том числе и с генералом Гордовым. Нашлось время пообщаться и со своими подчиненными. Был разговор также и с Чуйковым, который в своей беседе привел ряд фактов, свидетельствующих о бестактности и упрямстве Гордова, а также о его частых непродуманных решениях, которые могли обернуться поражением наших войск и большой кровью.

Заглянул он, естественно, и в Особый отдел фронта. Начальник отдела Николай Николаевич Селивановский доложил

Виктору Семеновичу о проделанной работе за месяц. Результаты были впечатляющими. Эту справку Абакумов забрал с собой для доклада Сталину.

* * *

После образования 19 апреля 1943 года Главного Управления контрразведки — ГУКР Смерш НКО СССР во главе с генерал-лейтенантом Виктором Семеновичем Абакумовым и подразделений Главка на местах (фронтах, округах, армиях и дивизиях) армейская контрразведка стала выходить на просторы большей самостоятельности. Командиры разных степеней заговорили о том, что без разведки армия слепа, а без контрразведки — беззащитна. Виктор Абакумов стал чаще бывать на докладах у Сталина как истый и первый защитник армии. Лаврентия Берию это злило. Он часто рассуждал примерно так: «Теперь все «сливки» с фронтов будут миновать его и через молодого руководителя, выпестованного им, станут ложиться на стол Хозяину первыми. Ничего, ничего, я на него управу найду. По глиняной жиже бегает, занесет на повороте и шлепнется».

Что ж, в этих раздумьях Лаврентия Павловича были пророчества Кассандры «в штанах». Не без его «помощи» эти пророчества нашли дорогу, с которой взошел на эшафот Виктор Семенович Абакумов.

После 1943 года Берия уже не приказывал Абакумову зайти к нему в кабинет, а унизительно для своей чванливой натуры просил сделать шаги в сторону его канцелярии. Это изменение в поведении бывшего шефа Виктор Семенович почувствовал, когда перед и в период проведения Тегеранской конференцией группа сотрудников Смерш, проинформировав свое руководство, предложила командованию 131-го мотострелкового полка пограничных войск НКВД, который был задействован в охране наших объектов в иранской столице, откомандировать в СССР ряд военнослужащих по оперативным соображениям. Берия курировал этот полк, а поэтому болезненно отнесся к операции смершевцев. В беседе с Меркуловым он не раз поднимал вопрос о зазнавшемся Абакумове. Меркулов холуйски кивал в знак согласия.

Когда в 1946 году генерал-полковник В.С. Абакумов согласился возглавить Министерство государственной безопасности (МГБ), то первое, что он сделал в новом своем ведомстве, — начал глубокую и широкую чистку центрального аппарата от соглядатаев главного эмвэдэшника. Он стал изгонять

бериевцев. Абакумов даже умудрился завербовать начальника личной охраны Берии полковника госбезопасности Рафаэля Семеновича Саркисова, который использовался своим шефом кроме основных функций также в качестве сводника, поставлявшего ему слабый пол для утех. А потом занимался и организацией помощи жертвам насилия своего шефа — устраивал их в клиники для проведения анонимных абортов.

У Абакумова собралась уже целая картотека женщин, изнасилованных сталинским паладином. Саркисов во второй половине 1953 года был арестован. Находясь в тюрьме, сошел с ума, но тем не менее в 1959 году по указке Хрущева был осужден на 10 лет лишения свободы по обвинению в измене Родине.

Берия, практически второе и самое приближенное лицо в государстве к телу вождя, не раз жаловался Сталину, что Абакумов не управляем. Но Сталин исповедовал одну из максим римского сената, приписываемых итальянскому мыслителю Никколо Макиавелли, — «разделяй и властвуй». Он понимал, что стратегия поддержания власти путем разделения большой концентрации той самой власти или дробления на группы, которые индивидуально имеют меньше власти, приносит успех.

Сталин хорошо усвоил типичные элементы техники такого руководства. Оно заключалось в создании или в непредотвращении мелкой вражды и ссоры среди меньших игроков. Такие отношения в его понимании, как неприязнь, взаимная ненависть, недоброжелательные отношения, истощают ресурсы и предотвращают союзы, способные бросить ему вызов. Он считал, что надо помогать тем, кто желает сотрудничать с ним, за счет непослушных чиновников и создавать обстановку недоверия и вражды между подкаблучниками, стремящимися объединиться, и т. д.

Таким оружием политического шарлатанства владели практически все великие правители и в первую очередь-диктаторы. Сталин был одним из мастеров стравливания своих подчиненных. Когда после ареста своей жены Молотов обратился к Сталину с вопросом — кто и за что ее посадил и не может ли он посодействовать ее освобождению, вождь ухмыльнулся и сначала кивком, а потом и перстом показал в сторону Лубянки, намекая, что это сделал Абакумов.

Скажите, после этого мог бы быть союз, дружба или товарищеские отношения между Вячеславом Михайловичем и Виктором Семеновичем? Хотя команду «фас» на арест Полины Жемчужиной, жены недавнего второго лица в государстве, естественно, дал хозяин Кремля. То же самое делал со своими подчиненными в своем аппарате НКВД и верный последователь

Сталина Лаврентий Берия: стравливал, сталкивал, снимал, арестовывал, сажал и расстреливал своих же коллег.

Абакумов при всей порой жесткости своего руководства этих экспериментов не проводил. Он, как правило, защищал своих подчиненных. А подвели его опять партбояре, которые боролись за теплое место под кремлевским солнцем. Не без влияния Лаврентия Берии писались пасквили-справки его выдвиженцами, заместителями в разное время — Всеволодом Меркуловым и Иваном Серовым на быстрорастущего своего коллегу Виктора Абакумова.

Но и по Берии вскоре ударил Сталин. После казни главных обвиняемых «по ленинградскому делу» в октябре 1950 года начались новые перестановки сил в органах госбезопасности и Министерстве внутренних дел. Не доверяя больше Берии, Сталин сфабриковал дело о новом «националистическом заговоре», целью которого якобы было присоединение Мингрелии, одного из районов Грузии, где родился Берия, к Турции. Берия вынужден был «принять меры» к своим землякам. Он начал «чистку» грузинской компартии: снимал, сажал, расстреливал свидетелей.

12 июля 1951 года арестовывается Абакумов как лидер и «мозговой трест» якобы еврейского националистического заговора в органах МГБ в маленковско-рюминской трактовке.

В октябре того же года Сталин нанес еще один удар по Берии, заставив его арестовать старых сотрудников прокуратуры и госбезопасности еврейской национальности. Начались аресты… Вот только несколько имен: Наум Эйтингон, Леонид Райхман, Лев Шварцман, Лев Шейнин, Иван Майский…

Со смертью Сталина прекратилось пополнение списка его жертв. Продолжил этот список уже «дорогой и любимый» Никита Сергеевич Хрущев, но это уже другая тема из другой истории, а может, и другая книга.

И все же главная причина немилости Сталина к начальнику генерала Кравченко Абакумову завязана скорее не на обвинениях Рюмина, а в неожиданно появившейся трусости министра госбезопасности войти в клинч с Берией. Как известно, в начале 50-х Сталин понимал, что могильщиком его может быть только один человек — Берия, ведь предают и продают только близкие, а поэтому дал указание Абакумову произвести аресты среди земляков Берии — выходцев из Мингрелии.

Существует версия, что во время инструктажа он намекнул однозначно на Берию, заявив:

— Ищите в заговоре «большого мингрела».

Абакумов должен был и сам понять, кого подразумевал вождь в образе «большого мингрела».

Сталин ждал, проходили дни-недели, но результатов-никаких. Дело продвигалось слишком медленно, что объясняло боязнь или жалость Виктора Семеновича подводить под расстрельную статью Лаврентия Павловича, с которым в последнее время он постоянно конфликтовал.

Когда Сталин это понял, Абакумов был обречен. Он уже не доверял и ему, несмотря на то что для Виктора Семеновича Иосиф Виссарионович был не только вождем, но и самой совестью.

«Не хочешь мне помочь, — мог так подумать вождь, — сам сядешь. Струсил, а еще министр госбезопасности! Ну тогда пеняй на себя».

Так и получилось!

Вот такой был начальник на Лубянке у Николая Григорьевича Кравченко. Конечно, многого, что сегодня нам известно о деятельности Абакумова, молодой генерал не знал…

КЕНИГСБЕРГ

«Нам говорили: «Куда вы едете — на неметчину?»
А нам что? Мы пацаны, нам интересно:
«В Кенигсберг едем! В Кенигсберг!»

Владимир Шмелев

Закончилась Тегеранская конференция. Судя по датам прохождения службы, новоиспеченного генерала Николая Григорьевича Кравченко снова отправляют на войну, но на войну в глубоком тылу. Словно прячут заслуженного человека, боевого воина, неожиданным образом нашедшего генеральское звание.

Сначала его направляют начальником управления контрразведки Смерш по Среднеазиатскому военному округу, кстати, там находилась малоизвестная современникам школа Смерш, которую он как начальник окружной военной контрразведки курировал и опекал. Потом генерал Кравченко становится начальником Управления контрразведки Смерш НКО СССР по Туркестанскому военному округу. А с 1 октября 1945 года по 4 февраля 1946 года он проходит службу в должности начальника управления контрразведки Особого военного округа Кенигсберг.

Небольшая историческая справка.

После окончания Второй мировой войны были ликвидированы фронтовые управления, а на территории Кенигсберга и прилегающих к нему районов создается Особый военный округ Кенигсберг с восьмью периферийными и одной центральной военными комендатурами. Когда наши наступающие части ушли вперед, сразу встал вопрос о границах, которые поначалу существовали условно, а также режиме проживания гражданского населения.

Командующим Особым военным округом был назначен генерал-полковник Кузьма Никитович Галицкий. Кстати, боевой генерал закончил войну взятием важной военно-морской базы Пиллау и пленением крупной группировки противника на косе Фрише-Нерунг.

Первой советской властью на территории бывшей Восточной Пруссии, отошедшей к СССР, стали военные в лице уже упоминаемых военных комендатур, которые были вынуждены

заниматься и гражданскими вопросами. Им нарезался широкий диапазон действий — от охраны находящегося здесь имущества до приведения города в порядок с учетом огромного количества баррикад и завалов.

Вначале советского цивильного населения в городе не было. Но время требовало рабочих рук, поэтому при комендатурах стали создаваться так называемые гражданские управления. И потекли люди из российской глубинки. Одним из героев этого переселения был и Владимир Шмелев, фрагмент воспоминаний которого вынесен автором в эпиграф.

Генерал-майор Николай Григорьевич Кравченко прибыл к новому месту службы в качестве начальника управления контрразведки Смерш НКО СССР Особого военного округа Кенигсберг 1 октября 1945 года. Управление находилось в стадии формирования и размещалось в здании по нынешнему проспекту Победы в доме № 124. Следует отметить, что местные жители называют до сих пор это здание чекистским термином — Смерш.

Потом Николай, естественно, представился командующему. Кузьма Никитович Галицкий принял его с подчеркнутым вниманием, уже до встречи узнав от сослуживцев, кто такой Кравченко.

— Николай Григорьевич, я знаю, вы прибыли с теплых краев, не потревоженных войной, здесь, сами видите, в каком состоянии город, — пояснял генерал-полковник. — Думаю, вам тут надо начинать с устройства гнезда. Жилой фонд разрушили до основания снаряды и бомбы — и наши, и фашистские. Тяжело нам достался штурм этой прусской твердыни. Выкуривали немчуру луженными глотками тысяч орудий. Так что присматривайте подходящее помещение под свой штаб, но, если будет тесновато, можно разместиться в старом. Вам поможет начальник Временного гражданского управления Виктор Герасимович Гузий. Пожалуйста, обращайтесь к нему…

— Да, Кузьма Никитович, то, что я увидел, — потрясло, но война закончилась, и надо переходить на мирные рельсы, но здесь, в Кенигсберге, последствия войны еще долго придется разгребать в прямом и переносном смысле, — согласился Кравченко.

— И для вашей службы работы тут по горло, — командующий указательным пальцем руки как бы прочертил линию ниже подбородка. — Немцев, в том числе враждебно настроенных, осталось в городе и окрестностях немало. Да и отряды польской Армии Краевой дают о себе знать. Стреляют в спины нашим людям, особенно военным.

— Что ж, будем противопоставлять им наше оружие. Наведем

порядок, — бодро заявил молодой генерал из Смерша.

— Надо, надо скорее очищаться от скверны бандитизма. Гражданский народ прибывает потихоньку, строительные специальности нужны в первую очередь…

После этой встречи Кравченко познакомился с генерал-майором интендантской службы Гузием Виктором Герасимовичем. Он принял гостя как-то торопливо, видна была на его изможденном лице явная усталость от навалившихся проблем. Воспаленные глаза выдавали признаки интенсивной работы с бумагами.

— Вы уж извините меня за несобранность, двое суток не спал, — признался Гузий.

— Виктор Герасимович, то, что я имею, меня вполне пока устраивает: и здание управления, и квартира. Единственная проблема может возникнуть тогда, когда будут прибывать новые сотрудники. Им нужно будет жилье, — откровенничал Николай Григорьевич.

— Думаю, все эти дела решаемые. Скоро тут будет цветущий город, — с оптимизмом заявил военный комендант города.

* * *

А задач — политических, экономических, финансовых, заготовительных, строительных и оперативных — в этом Особом военном округе было невпроворот. Тут и установление твердого режима, обеспечивающего спокойствие для жизни и работы населения; и регистрация и учет прибывающих и местных граждан и их трудоустройство; и подготовка к пуску предприятий местного значения для обслуживания нужд и потребностей населения. Нужно было заниматься заготовкой сельхозпродуктов и производством предметов ширпотреба, постройкой, восстановлением дорог и мостов, контролируя их состояние и прочее.

Большинство населения в Восточной Пруссии и Кенигсберге составляли немецкие граждане, которые по решениям международных конференций подлежали переселению в Германию. Потсдамская конференция 1945 года по вопросу Восточной Пруссии приняла решение о ликвидации веками складывающегося оплота немецкого милитаризма и агрессии и вывода этих земель из состава Германии. Одна третья часть территории Восточной Пруссии — город Кенигсберг и прилегающий район — передавался СССР, остальные две трети — Польше.

Не надо забывать о времени, в котором велась оперативная работа в Кенигсберге в период нахождения здесь Николая Кравченко, с 1945 по 1946 год. Каждый день приходилось сталкиваться и разбираться с бесконечной цепью притеснений населения, грабежей, разбоев, убийств, изнасилований и лишений — холодом и голодом.

К солдатам правопорядка, которые стояли у истоков образования правоохранительных органов и системы общественной безопасности на южном берегу Балтийского моря, относился и генерал-майор Николай Григорьевич Кравченко.

Армейские чекисты вместе с территориальными органами и сотрудниками милиции плечом к плечу осуществляли зачистки территории области — бывшей Восточной Пруссии. Все понимали: здесь зарождались войны, это был главный источник германской военной экспансии наряду с землями Баварии и Рура. Поэтому неслучайно здесь долго действовали преступные элементы из недобитых полицаев, абверовцев, «вервольфовцев», «бранденбургцев», дезертиров и отдельных групп фашистов-уголовников, не сложивших оружия и продолжавших бандитские нападения на продуктовые магазины, продовольственные склады и даже небольшие воинские гарнизоны и отдельных военнослужащих.

Немного истории о связи этих земель с Россией.

В период Семилетней войны (1756–1763) Восточная Пруссия была захвачена войсками Русской армии, и бывшие подданные прусского суверена приняли присягу на верность русской короне, вследствие чего с 1758 по 1762 год городскую власть в Кенигсберге возглавляли русские генерал-губернаторы, в том числе и Василий Суворов — отец великого русского полководца Александра Суворова.

Главной причиной того, что власть русского императора закончилась на территории Восточной Пруссии в 1762 году, стала смена власти в самой России. Это случилось в момент, когда на престол в Петербурге вступил горячий поклонник Фридриха Петр III, прекративший военные действия с Пруссией и вернувший ей все прежде захваченные русскими солдатами территории, в том числе и Восточную Пруссию.

И все же русские полки еще раз побывали у древних 15 фортов Кенигсберга в 1813 году, преследуя отступающую армию Наполеона.

А потом в 1871 году образовалась Германская империя, и вскоре Восточная Пруссия стала самостоятельной провинцией Германии. Со времен появления Тевтонского ордена на этих землях и вплоть до Второй мировой войны Восточной Пруссии

принадлежала важная роль антироссийского барабанщика под мелодию известного лозунга Drang nah Osten — «движение (поход) на Восток». Поэтому неслучайно здесь, после прихода к власти Гитлера, прочно обосновались фашистские спецслужбы в лице подразделений абвера. Кроме того, Кенигсберг — родина гестапо.

Гестапо — тайная государственная полиция Третьего рейха была создана 26 апреля 1933 года Германом Герингом, министром внутренних дел Пруссии. Основная задача ее сначала заключалась в наблюдении и борьбе с политическим противником.

В этом городе, незадолго до вторжения в СССР, появилась 8-я рота 2-го батальона полка «Бранденбург», которая в 1941 году отсюда на трех юнкерсах с десантными планерами и диверсантами на борту высадилась на советский остров Эзель и захватила его.

Во второй половине 1942 года в местечке Летцене была организована школа по подготовке офицеров для частей власовской РОА, а в конце 1943 года открывается филиал варшавской разведшколы, готовивший радистов-женщин для разведывательно-диверсионной деятельности в тылу советских войск.

В конце 1944 года перед штурмом города-крепости войсками 2-го и 3-го Белорусских фронтов по приказу Гитлера форты да и сам город буквально фаршируются дополнительными силами: диверсантами элитного разведывательно-диверсионного полка «Бранденбург-800», двухсоттысячным ополчением «фольксштурмистами» и отрядами новой диверсионной структуры «Вервольф» («Оборотень») под общим руководством рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера.

* * *

Неслучайно накануне начала восточно-прусской стратегической наступательной операции, начавшейся 11 января 1945 года, Л.П. Берия подписал приказ об учреждении уполномоченных НКВД на фронтах. На эти посты назначались руководители органов госбезопасности и внутренних дел. Уполномоченным НКВД 3-го Белорусского фронта был назначен начальник ГУКР Смерш НКО СССР В.С. Абакумов.

Так что после взятия Кенигсберга советскими войсками оперативная обстановка в городе долго оставалась сложной. Среди гражданского населения скрывалось немало гитлеровских

агентов и военных преступников, а также участников формирований РОА. Они всячески пытались легализоваться. В глухих районах действовали остатки эсэсовских диверсионных групп. На территории соседней Литвы всякий раз напоминали о себе диверсиями и террором банды националистов.

Учитывая эти обстоятельства, иностранные спецслужбы, прежде всего Великобритания и США, развернули активную разведывательно-подрывную деятельность на освобожденной советскими войсками территории бывшей Восточной Пруссии.

Военные власти, сотрудники Смерш, оперативники территориальных органов и другие советские граждане всегда проводили грань между нацистами и трудящимися Германии. У них не было чувства мести к немецкому населению. Все германские граждане, лишенные крова и средств к существованию, получали жилье, пищу, медицинскую помощь. Те, кто мог трудиться, имели работу, зарплату и продовольственный паек наравне с советскими рабочими. Для детей-сирот были открыты детские дома.

В этот период, а точнее, в декабре 1945 года, в Кенигсберг к брату приехала сестра Николая Григорьевича Ольга. В 1946 года она вышла замуж за водителя Кравченко — Веревкина Ивана Гавриловича. Молодожены получили отдельное жилье.

После свадьбы Ольги и Ивана генерала Н.Г. Кравченко перевели на новое место службы в Москву на должность начальника отдела «2-А» Второго главного управления МГБ СССР. Потом он учился на курсах переподготовки руководящего состава при Высшей школе МГБ и до ноября 1948 года находился в резерве МГБ СССР, после чего убыл на должность заместителя начальника управления контрразведки МГБ Группы советских оккупационных войск в Германии.

Начальником управления в тот период был широко известный в чекистской среде генерал-лейтенант Николай Иванович Железников. Некоторое время Н.Г. Кравченко, а именно до января 1954 года, являлся заместителем начальника сначала Управления контрразведки МГБ СССР, а затем Особого отдела МВД СССР Белорусского военного округа.

ГОСБЕЗОПАСНОСТЬ В МВД

У амбиции всегда одна награда: немного власти, немного преходящей славы, могила для успокоения и стирающееся в памяти имя.

Уильям Уинтер

Смена власти в любом государстве — болезненна, в России это явление опасно и непредсказуемо. После смерти Сталина, а по другим данным, имеющимся в современных литературе и публицистике, — физического его устранения «верными сталинцами» с целью захвата власти, Берия, Маленков и Хрущев стали срочно делить эту самую власть.

5 марта 1953 года, когда тело вождя, лежащее на диване, еще металось в предсмертных конвульсиях, а потом после агонии остывало на Ближней даче, эта троица, прибывшая скорее не помочь больному, а зафиксировать точку его невозврата к жизни, помчалась на автомашинах в Кремль, бросив своего хозяина на произвол судьбы. Пока тело покойника лежало на даче, Берия в тот же день провел посредством постановления правительства один приказ, воспользовавшись своей должностью заместителя председателя Совета министров СССР. Это была своеобразная акция в своих интересах: он подписал приказ о слиянии МГБ и МВД в единый правоохранительный орган — в МВД СССР.

Теперь у Берии была мощная дубина в лице усиленного Министерства внутренних дел за счет чекистских органов. Госбезопасность поглощалась структурой объединенного МВД СССР. В системе Совета министров Министерство внутренних дел образца 1953 года было самым мощным ведомством, поэтому неслучайно Лаврентий Берия заявил, что правительство должно возглавлять государственную машину, как это происходит в других цивилизованных странах.

На сессии Верховного Совета СССР этот «демократ» прямо высказался, и, надо сказать, резонно и смело:

«Что ЦК? Пусть Совет министров все и решает, а ЦК занимается подарками и пропагандой».

Лукавый царедворец и напористый политикан понимал, что в данном случае у него, для того чтобы взойти на высший государственный трон, будет только один противник — Григорий Маленков, которого не так уж и сложно отодвинуть, задвинуть или вовсе устранить.

Итак, Берия выходил на первые роли в государстве за счет сосредоточения трех могучих должностей:

— объединенного, мощного министра внутренних дел СССР;

— заместителя председателя Совета министров СССР, которым являлся Г.М. Маленков;

— членства в Президиуме ЦК КПСС.

Он предвкушает победу. Хрущев станет Первым секретарем ЦК КПСС только в сентябре 1953 года. Выходило, что основным претендентом на лидерство в стране являлся действительно только Л.П. Берия. Видя такой расклад сил, претендент на пост кремлевского хозяина решил еще подстраховаться. Он освобождает из тюрем половину арестованных бывшим министром госбезопасности Игнатьевым сотрудников упраздненного Берией с санкции Сталина МГБ. Конечно, освобождает только тех, которым доверял, в надежде их использовать при возникновении чрезвычайных ситуаций.

Фактически было выпущено на свободу свыше миллиона человек и прекращено производство около 400 тысяч уголовных дел. Эти люди пошли за своим благодетелем, если бы он бросил клич о своей поддержке. Из бывшего Министерства госбезопасности СССР он предусмотрительно убрал всех тех, кто работал при Абакумове и Игнатьеве, то есть был их креатурой.

Сосредоточив в своих руках внушительный рычаг власти, Берия планировал отправить на нары бывшего министра госбезопасности Игнатьева, рассчитывая, что он и арестованный его заместитель Рюмин дадут на Маленкова и Хрущева показания о соучастии в кровавых репрессиях, что было не так уж и трудно подтвердить. Архивы еще не были прополоты в нужном направлении. А потом по стандартной, накатанной за годы своей службы в правоохранительной системе колее — санкции на арест, судилище и пули каждому «изменнику» или «врагу народа» в затылок.

Абакумов в это время томился в тюрьме. Виктор Семенович был бы расстрелян Берией, — нет человека, нет проблемы. Но для него нашелся другой палач в лице Никиты Хрущева. Вот уж действительно не осуждайте тех, кто вас не понимает. Лучше постарайтесь понять тех, кто вас осуждает. Берия сделал ошибку и просчитался.

Однако напуганные политическим спуртом своего «дружка» по Президиуму ЦК, Хрущев и Маленков опередили медленно разворачивающийся властный дредноут главного своего соперника. Они торпедировали надвигающееся на них чудовище, используя для этой цели авторитетных генералов во главе с любимцем народа, Героем войны маршалом Г.К. Жуковым,

которого таким же иезуитским путем тот же самый Никита Сергеевич уберет с дороги. Он очень боялся полководца в качестве соперника в политической сшибке. Как и боялся Сталин военных — Жукова, Рокоссовского и Конева, распихивая их по углам большого Союза. Народ ясно кому отдал бы предпочтение, — он бы проголосовал за первого военного.

Сталин убирал членов Политбюро ЦК ВКП(б) постепенно. Собирал на них показания компрометирующего характера, знакомил с материалами других членов партийного ареопага, спрашивал мнение, точно по теории персонажа Ф.М. Достоевского Родиона Раскольникова, только спрашивал, немного перефразируя у «твари дрожащей», которая «права не имела». Потом вопрос выносился на пленум Центрального комитета ВКП(б). Жертву подводили на Политбюро, освобождали от всех должностей, исключали из партии, вызывали к следователю и арестовывали.

Но с Берией было совсем по-другому. Соратники не чувствовали себя уверенно. Им нечего было предъявить своему другу. А точнее, его можно было обвинить в том, к чему и они все до единого были причастны.

Хрущев на заседании ЦК после ареста Берии уже не в качестве «твари дрожащей», а с реальным правом на восклицание — «право имею!» смело заявит:

«Товарищи, с таким вероломным человеком только так и надо было поступить. Если бы мы ему сказали хоть немного раньше что он — негодяй, то я убежден, что он расправился бы с нами.

Он это умел…

Он способен подлить отраву, он способен и на все гнусности…

Мы считали, что если он узнает о том, что на заседании будет обсуждаться о нем вопрос, то может получиться так: мы на это заседание придем, а он поднимет своих головорезов, и черт его знает, что сделает».

И опять действия вне правовых рамок. Произошел силовой захват.

Хрущев, Маленков и другие в 1953 году поступили так, как привыкли действовать при Сталине — без предъявления обвинений, без ордера на арест. Это был не заговор Берии, а заговор против Берии — арест, скоротечное судилище и расстрел, хотя в сегодняшней публицистике и исторической литературе встречаются данные об инсценировке этого действа: Берия погиб при штурме его квартиры, а на суде был всего лишь раз показан его хорошо загримированный двойник. Это подтверждает и сын Берии Серго в своей книге «Мой отец — Лаврентий Берия».

Переход органов госбезопасности в МВД и во власть Берии

чекистами на местах был воспринят неоднозначно. Одни в принципе соглашались с принятием закона «об амнистии» и мерах реабилитации арестованных по делу «врачей-убийц», «ленинградскому делу», «сионистскому заговору в МГБ», об аресте великого комбинатора Рюмина, о необходимости расследования дела народного артиста СССР Михоэлса и прочее.

Вместе с тем возникали сомнения — явные попытки Лаврентия Берии быстро перекрашиваться и отмежевываться от своих злодеяний с попыткой переноса всех грехов на Сталина и «стрелочников» репрессий — рядовых исполнителей приказов сверху, оставляя себя в стороне за скобками трагических событий.

Теперь он выставлял себя демократическим преобразователем перестройки страны по своему плану. Так что первым архитектором перестройки был не Михаил Горбачев, а Лаврентий Берия. Интересно то, что оба они приглашались вождями в Москву с южных окраин страны. Берия — Сталиным, Горбачев — Андроповым.

* * *

Нужно сказать, что оперативная обстановка на территории Белорусси характеризовалась своими особенностями. Шла война после войны. Правда, не такая, как в Западной Украине, но тоже было неспокойно. Эта война выражалась борьбой правоохранительных органов с подпольными структурами польской Армии Крайовой, которые противодействовали утверждению советской власти, особенно в западных областях Белоруссии. Такая борьба приобретала порой затяжной и жестокий характер.

В декабре 1944 года сотрудниками Смерша совместно с территориальными органами и войсками поддержки и охраны тыла завершился разгром соединения «Юг» Новогрудского округа Армии Крайовой. Эту, по существу, дивизию возглавлял поручик Зайнчковский по кличке Рагнер. В его банде все еще оставалось более 600 хорошо вооруженных человек. Свою известность главарь соединения приобрел в 1944 году, когда в городе Лиде заключил соглашение с германскими оккупационными войсками о совместных действиях против советских партизан.

До начала 50-х годов действовали осколки разбитых банд бульбашей, ауновцев, бандеровцев и уповцев, особенно на территориях, граничащих с Украиной. В заслугу белорусским коллегам можно поставить такие результаты — в ходе чекистско-войсковых операций были ликвидированы банды: Миклашевича

— «Фаля», Завтрыка — «Юранда», Борисевича — «Крыся», Нездинского — «Немана», Круповича — «Смока», Лебедя — «Чайки», Сосновского — «Язмирского», Олешковича — «Ивана», а также ошовская бандгруппа «Соловья», отряд из разгромленной УПА «Дениса» и другие.

Последняя операция чекистско-войсковой группой была проведена в районе г. Лида после обнаружения там замаскированного убежища и находившихся в нем бандитов во главе с неким Копачем. В бункере чекисты обнаружили оружие: пулемет, автоматы, снайперский карабин, пистолеты, гранаты и боеприпасы к стволам.

Николай Григорьевич именно в это время работал в Минске в должности заместителя начальника Управления военной контрразведки МГБ СССР по Белорусскому военному округу, а после мартовского постановления Берии управление стало называться Особым отделом МВД СССР по тому же военному округу.

В апреле в отдел поступил приказ, подписанный Берией, за № 0068 с грифом «Совершенно секретно»: «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия». Старшим оперативным начальником в тот период считался министр внутренних дел БССР генерал-майор Баскаков Михаил Иванович.

Начальник Особого отдела МВД по Белорусскому военному округу генерал-лейтенант Едунов Яков Афанасьевич поручил своему заместителю Николаю Григорьевичу Кравченко собрать сотрудников для ознакомления с этим документом, так как в это время он болел и находился в госпитале.

— Николай Григорьевич, доведите положения этого приказа до каждого под роспись, — приказал начальник. — Это надо сделать срочно.

Кравченко собрал офицеров центрального аппарата отдела и стал читать:

«Министерством внутренних дел СССР установлено, что в следственной работе органов МГБ имели место грубейшие извращения советских законов, аресты невинных советских граждан, разнузданная фальсификация следственных материалов, широкое применение различных способов пыток — жестокие избиения арестованных, круглосуточное применение наручников на вывернутые за спину руки, продолжавшееся в отдельных случаях в течение нескольких месяцев, длительное лишение сна, заключение арестованных в раздетом виде в холодный карцер и другие…»

Николай Григорьевич продолжал читать, изредка наблюдая

за реакцией своих подчиненных. Одни воспринимали эти слова с каменными физиономиями, по лицам других пробегала ухмылка, мол, что за открытие делает Лаврентий Павлович, когда сам же и был законодателем мордобоя в ходе проведения следственных действий. На этот счет, в смысле узаконивания практики физического воздействия, были десятки документов за его подписью. Кравченко и сам это хорошо знал. Но приказ есть приказ:

«…Подобные порочные методы ведения следствия направляли усилия оперативного состава на ложный путь, а внимание органов государственной безопасности отвлекалось от борьбы с действительными врагами Советского государства.

Приказываю:

1. Категорически запретить в органах МВД применение к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия; в производстве следствия строго соблюдать нормы Уголовно-процессуального кодекса.

2. Ликвидировать в Лефортовской и внутренней тюрьмах организованные руководством (бывшего) МГБ СССР помещения для применения к арестованным физических мер воздействия, а все орудия, посредством которых осуществлялись пытки, — уничтожить.

3. С настоящим приказом ознакомить весь оперативный состав органов МВД и предупредить, что впредь за нарушение советской законности будут привлекаться к строжайшей ответственности вплоть до предания суду не только непосредственные виновники, но и их руководители.

Министр внутренних дел Союза ССР Л. Берия»

— Какие у кого будут вопросы? — как положено в таких случаях, обратился Кравченко к подчиненным.

Все молчали. Потом появилась «простыня», на которой все слушавшие положения приказа Берии № 0068 аккуратно расписались напротив своих фамилий. Николай Григорьевич отдал документ секретарю, а сам прошел в свой кабинет, обуреваемый раздумьями: «Каким же мстительным лицемером выставляет себя Лаврентий Павлович. Пинает ногами лежачего Абакумова, а сам что вытворял в годы ревностного служения Хозяину. Не иначе, как возжелал захватить власть в стране. Снова Москва будет оккупирована земляками. Но Берия — не Сталин. Напор есть, а умишком явно проигрывает Иосифу Виссарионовичу. Вообще жажда власти может проявляться по-разному. Простейший путь-это политика, поскольку ей, как говорится в народе, не требуется много разума, а нужно робкое послушание перед сюзереном. Все, что требуется, идя к власти

или ее защищая, — это делать невыполнимые обещания и создавать ложные надежды в массах. И уметь, конечно, трепаться. Но этому мастерству учат трибуны — писателями рождаются, ораторами становятся. Такие люди в своей основе, глубоко внутри, просто душевно — импотенты, а потому такая сумасшедшая у них тяга к власти».

* * *

Если бы Николай Григорьевич дожил до наших дней, он, наверное, высказался бы по-другому, что-то в этом роде: «жажда власти заложена на генетическом уровне. В человеке есть некая предрасположенность поруководить людьми. Причина ее лежит в особом психическом аспекте — вампиризме вкупе с болезненной манией величия».

Вообще внезапный и быстрый переход Смерша в МГБ ничего приятного не сулил, как покажет будущее, ни новому министру госбезопасности В.С. Абакумову, ни личному составу МГБ. Реформаторский зуд Сталина, основанный на его болезненной подозрительности и появлении некоторых признаков старческого маразма, тасовал и тасовал карты спецслужб, наверное, из-за некоторого недоверия к ним.

Вот примеры его метания.

По его указанию приказом НКГБ СССР № 00107 от 22 марта 1946 года в соответствии с постановлением Верховного Совета СССР от 15 марта 1946 года НКГБ СССР был переименован в МГБ СССР.

Существенное расширение и изменение структуры МГБ СССР произошло 4 мая 1946 года, когда решением Политбюро ЦК ВКП(б) вместо В.Н. Меркулова министром госбезопасности был назначен В.С. Абакумов.

В основном эта структура сохранялась до марта 1953 года. Однако в деталях она постоянно менялась по прихоти вождя и нового министра. Проводилось укрупнение и разукрупнение оперативных управлений и отделов, менялся их профиль работы, и происходила организация новых структурных единиц.

Это объяснялось растущим влиянием Абакумова и его стремлением подчинить себе даже часть аппарата МВД и охлаждением самого Сталина к деятельности Берии, в котором вождь видел проблески хорошо завуалированного коварства.

21 января 1947 года внутренние войска МВД были переданы МГБ. С другой стороны, усиливая влияние МГБ в делах внутри страны, Сталин лишил министерство госбезопасности функций

ведения внешней разведки.

30 мая 1947 года Совет министров СССР объединил все добывающие разведывательную информацию ведомства и службы СССР в Комитет информации (КИ) при СМ СССР. Возглавлять разведку КИ поручил В.М. Молотову.

4 июля 1951 года В.С. Абакумов был отстранен от должности. Поводом для его снятия послужило письмо старшего следователя Следственной части МГБ по особо важным делам подполковника М.Д. Рюмина и несколько раз редактированное Г.М. Маленковым о неблагополучном положении в министерстве. Сталин приказывает разобраться.

Создается комиссия в составе «лучших друзей» Виктора Семеновича Абакумова: Г.М. Маленкова, Л.П. Берии,

М.Ф. Шкирятова и С.Д. Игнатьева. Разобралась быстро и как того хотел Хозяин — глава МГБ во многих вещах виновен. Вердикт: снять с должности, завести дело и результаты расследования передать в суд.

9 августа 1951 года главой МГБ СССР становится Семен Денисович Игнатьев.

В октябре-ноябре того же года с согласия Сталина были арестованы многие видные сотрудники органов госбезопасности: Е.П. Питовранов, Г.В. Утехин, Ф.Г. Шубняков, Н.Н. Селивановский, Н.А. Королев, Л.Ф. Райхман, А.М. Палкин, Н.И. Эйтингон, И.А. Чернов, М.К. Кочегаров и другие.

В 1951 году внешняя разведка вновь перешла в ведение МГБ СССР. Хозяин Советского Союза никому полностью не доверял. Достаточно сказать, что после 1945 года Сталин не присвоил ни одного генеральского звания из числа сотрудников МГБ СССР.

* * *

Начальник Особого отдела Белорусского военного округа генерал-лейтенант Я.А. Едунов встал в строй через неделю после тяжело перенесенного гриппа. Уставший и явно чем-то озабоченный, он позвонил своему заместителю.

— Николай Григорьевич, зайди, — проговорил он в телефонную трубку.

Кравченко, появившись в кабинете, увидел побледневшего, с запавшими воспаленными глазами начальника. Морщины, эти видимые складки кожи, еще больше прорезались на лбу. Он изредка покашливал.

— Яков Афанасьевич, что же вы так, надо было еще хотя бы пару деньков полежать. Грипп — коварная штука, —

посочувствовал Кравченко.

— Работа лучше лечит, чем кровать. А тем более в такое насыщенное событиями время.

— Согласен, — это уже привычное и проверенное средство, а что касается событий, то день от дня не слаще, — ответил Николай Григорьевич.

— Как реагировали мужики на приказ?

— Молча.

— Новых заявлений на увольнения нет?

— Пока нет, но я уверен — будут. Страсти нешуточные кипят. Не хотят военные контрразведчики идти под знамена МВД.

— Надо переубеждать людей, доказывать, что мы служим не МВД, а советской стране, Родине, ее народу, а функции обеспечения государственной безопасности с нас никто пока не снимал и не снимет…

Они еще долго обсуждали болезненные явления, происходящие в стране, — менялась власть и ее приоритеты, хотя простой народ жил так, как и жил до этого. Большая политика его не интересовала.

Богатый на политические события внутри страны 1953 год уходил в небытие прожорливой Леты.

По случаю наступающего Нового 1954 года руководство Особого отдела МВД СССР по Белорусскому военному округу получило приветственную телеграмму от министра внутренних дел БССР как старшего оперативного начальника в республике генерал-майора Баскакова Михаила Ивановича. В ней он стандартно поздравлял армейских чекистов с наступающим Новым годом и желал здоровья и успехов в службе.

А из Управления особых отделов МВД СССР в январе 1954 года пришла шифровка. Ведомственная депеша оказалась приятной для заместителя начальника Особого отдела округа. В ней указывалось, что генерал-майор Кравченко Николай Григорьевич назначается начальником Особого отдела МВД СССР по Прикарпатскому военному округу с предписанием до 23 января убыть для прохождения дальнейшей службы в город Львов.

Не знал Николай Григорьевич, что это будет его последняя должность в роли руководителя Особого отдела округа и его, как человека-злодея начнут шпынять прокурорские мракобесы по заданию новых хозяев истерзанной страны. Под видом поиска виновников в репрессиях начнется «охота на ведьм». Показать мокрую спину власти хотели все: и следователи, и прокуроры, и судьи. Власть науськивала, подстрекала, натравливала их на тех, кто работал со Сталиным, Берией, Абакумовым и другими

выброшенными руководителями чекистских коллективов за борт событий нового времени, хотя сама же эта власть, вернее, ее тогдашние «наперстники разврата» в одинаковой степени отметились в лакейском сотрудничестве с высокотронными личностями, ставшими очередными врагами народа.

В России народ привык жить молча, власть столетиями учила его безмолвствовать перед открытым, показным злом, творимым верхами, ползать на карачках перед власть имущими и через глупую толпу громить и слабых, и сильных, только низвергнутых. И каждая новая власть привыкла топтаться на могилах отверженных или выбрасывать останки их из склепов, в том числе и исторических.

О, эти человечки, пообтершиеся в окружении «великих», намагничиваются почему-то только отрицательной энергией вождизма! Переняв пороки своих предшественников, они пытаются им подражать, а потому способны только на малые дела, обманом загипнотизировать толпу. Вещь, даже не постыдная, становится постыдной, когда ее прославляет толпа. Подражатель обрекает себя на безнадежную посредственность.

Так было, так есть и так будет.

ЛЬВОВСКИЙ ПЕРИОД

Сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда не видывал: черные, неестественной величины! Пришли, понюхали и пошли прочь.

Николай Гоголь

В январе 1954 года на должность начальника Особого отдела МВД СССР по Прикарпатскому военному округу прибыл из Минска генерал-майор Николай Григорьевич Кравченко. Он сменил на этом посту генерал-лейтенанта Владимира Ивановича Бударева, взявшего, по утверждению его сослуживцев, на себя вину следственного отдела за арест нескольких сионистов — антисоветски настроенных офицеров еврейской национальности.

— Да, я санкционировал их арест, потому что они подрывали боеготовность армии, — смело заявил он прокурору. — Они призывали к непослушанию, невыполнению приказов командования. Это даже не националисты, а анархисты — это буйные парни, которые хотят непременно начальствовать под предлогом того, что они неспособны повиноваться настоящим командирам. В армии анархии не должно быть. Она порождает хаос…

С учетом того что Хрущев со смертью Сталина открыл охоту на сотрудников госбезопасности, работавших при старом режиме, стало ясно, что толковому генералу, высокому профессионалу, участнику войны бессмысленно защищаться — не отстанут, пока не заклюют.

Он оказался прав.

Вскоре новые органы госбезопасности в лице созданного КГБ при СМ СССР, усиленные партийными назначенцами, стали работать выполняя желания мстительного и недалекого партократа. Видя возникшую ситуацию, Владимир Иванович Бударев поспешно ретировался, поняв, что защитить себя от напраслин сверху у него не получится. Он написал рапорт и достойно ушел со службы, устроившись в областном Совете депутатов трудящихся руководить отделом, занимающимся коммунальным хозяйством.

По воспоминаниям генерал-майора В.Е. Грачева, длительное время прослужившего во Львове, бывший главный военный чекист ПрикВО показал себя с лучшей стороны и на гражданке.

Он с энтузиазмом взялся за новое, неизвестное порученное ему дело. Но талантливые люди талантливы во всем, и главный признак таланта — это когда человек знает, чего он хочет, и добивается реализации задуманного.

Владимир Иванович знал, чего хотел! А хотел он не разворовывать, не пилить, не присваивать выделяемые государством деньги, а честно, все до копеечки, вложить и потратить на благоустройство города.

И он завоевал такое уважение, улучшив коммунальные услуги населению, обеспечив чистоту дворов и улиц, восстановив разрушенные здания, в первую очередь жилищный фонд и культурные объекты, поэтому местные жители считали его чуть ли не выше секретаря обкома партии.

Когда спустя много лет проходил многолюдный митинг по случаю его похорон, то в слезных прощальных речах львовяне его называли отцом города. Не первый секретарь обкома партии, не председатель Горсовета, а он — Владимир Иванович Бударев — военный контрразведчик был назван таким почетным именем!

Это было время так называемой хрущевской оттепели, как вспоминал ветеран-контрразведчик, участник Великой Отечественной войны генерал-майор Вадим Николаевич Удилов, когда партийная элита решила покрепче привязать к себе этот грозный орган. На руководящие посты теперь уже КГБ назначались видные партийные и комсомольские деятели: Шелепин, Семичастный, Андропов, Чебриков, Крючков. За ними тянулись десятки партийных и комсомольских работников рангом пониже на должности заместителей или начальников управлений: Пирожков, Агеев, Гоцеридзе, Цинев, Волков, Алидин, Карпещенко, Светличный, Тупченко, Лаптев…

Они создавали угодный партийной верхушке режим и в конце концов добились того, что в положении об органах государственной безопасности говорилось: «КГБ — это инструмент КПСС».

Во времена Брежнева вместо подбора кадров по деловым качествам возобладали родственные связи или действовал принцип личной преданности. Видимо, так было надежнее! А то, не дай бог, вновь возникнет антипартийная группа, как в 1957 году, или неуправляемые лидеры типа Горбачева, Ельцина.

В правоохранительные органы были направлены личные друзья Брежнева. В КГБ — Цвигун и Цинев, в МВД — Щелоков и зять Брежнева Чурбанов…

И так везде! В органах КГБ, особенно во внешней разведке, собралось видимо-невидимо сынков именитых отцов. Появились клановость и своеобразное соперничество между ними. Что же

делили в это время руководители и сотрудники КГБ — чистые профессионалы? Тех, кто критически оценивал обстановку и имел свое собственное мнение, под различными предлогами, подчас надуманными, увольняли с работы.

С приходом Ельцина все повторилось снова…

* * *

Однако вернемся к новому назначенцу во Львов Н.Г. Кравченко.

Со слов Грачева, личный состав воспринял нового назначенца с интересом и неподдельным трепетом. Все каким-то образом узнали, что пришел «…почетный чекист высшего, профессионального уровня», отмеченный И.В. Сталиным, как уже ранее указывалось, присвоением подполковнику в тридцать два года звания генерал-майора за раскрытие намечавшейся немецкой разведкой террористической акции на Тегеранской конференции.

Последние четыре года он результативно использовал и проявлял свой богатый опыт, унаследованный от чекистов первого поколения, в должности заместителя начальника Управления особых отделов МГБ СССР Группы советских войск в Германии, обеспечивая организацию и развитие деловых контактов с МГБ ГДР».

Во время руководства Особым отделом МВД СССР, а вскоре и Особым отделом КГБ при СМ СССР по ПрикВО с Николаем Григорьевичем Кравченко произошел ряд знаменательных событий. Они, несомненно, накладывали отпечаток в выстраивании соответствующих векторов и ориентиров в служебной деятельности:

— 19 февраля 1954 года по инициативе Н.С. Хрущева при праздновании 300-летия Переяславской Рады полуостров Крым (Крымская область) передан из состава России в состав Украины в знак вечной дружбы русского и украинского народов. Кто мог знать в тот период, что этим самым волюнтарист Никита заложил мину замедленного действия под Севастополь — «город русских моряков» с главной Военно-морской базой Черноморского флота. Не говоря о Крыме, поголовное население которого было русское. Но тогда только особо внимательные люди видели в этом шаге политического головотяпства болезненный в будущем подвох. Вообще перекраивание федеральных границ в едином государстве — дело неблагодарное и порой даже опасное. Советские лидеры и до Хрущева так искусственно нарезали границы в России, что до

сих пор взрываются мины глубокого залегания.

— 21 апреля 1954 года — вступление СССР в ЮНЕСКО;

— 17 сентября 1954 года создан советский ядерный полигон на архипелаге Новая Земля;

— 25 января 1955 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией»;

— 14 мая 1955 года подписан Варшавский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР, Албанией, Болгарией, Чехословакией, Восточной Германией, Венгрией, Польшей и Румынией, который был разрушен и потерян действиями недалеких партократов Горбачева и Ельцина;

— 25 февраля 1956 года на закрытом заседании XX съезда КПСС Первый секретарь ЦК КПСС Хрущев делает сенсационные разоблачения политики Сталина о культе личности и преодолении его последствий, что явилось ударом не столько по бывшему Хозяину Кремля, сколько по Советскому Союзу. Это был первый серьезный подрыв фундамента Большой страны;

— 23 октября 1956 года начинаются политические волнения в Венгрии;

— 4 ноября 1956 года советские войска штурмуют Будапешт;

— 2 декабря 1956 года Фидель Кастро со своими сторонниками высаживается на Кубе;

— 4 июля 1957 года в СССР Молотов, Шепилов и Маленков исключены из членов Президиума ЦК КПСС;

— 4 октября 1957 года СССР запускает в космос первый в мире искусственный спутник Земли;

— 26 октября 1957 года освобожден от своих обязанностей министр обороны маршал Жуков;

— 31 марта 1958 года СССР временно прекращает испытание ядерного оружия;

— 2 сентября 1958 года американский военный самолет С-130 вторгся в воздушное пространство СССР и был сбит;

— 7 сентября 1958 года Хрущев заявляет о том, что любая агрессия США против Китая будет расцениваться как нападение на СССР;

— 30 сентября 1958 года СССР возобновляет ядерные испытания;

— 7 октября 1958 года бомбардировщик ВВС США вторгся в пределы воздушного пространства СССР в районе Балтийского моря и был атакован истребителями-перехватчиками;

— 16 июня 1959 года самолеты ВВС США нарушали воздушное пространство СССР в районе Мурманска;

— 18 сентября 1959 года Хрущев обращается к Генеральной

Ассамблее ООН с предложением о разоружении.

Все эти политические события складывались в своеобразный калейдоскоп, трансформировавший привычную среду в череду неповторимых, ярких орнаментов оперативной обстановки, которая накладывала отпечаток на конкретные действия военных контрразведчиков.

Знаменательным для Николая Григорьевича был и 1956 год. Он подготовился и сдал успешно экзамены за среднюю школу. Хотя у него за плечами и был техникум, но он туда поступал после седьмого класса. Генерал Кравченко не стеснялся брать школьные учебники за восьмой — десятый классы и упорно штудировал их. Конечно же, помогали в учебе и на экзаменах жизненный опыт, хорошая память, смекалка и знания.

Нужно отметить, что с уровнем ЦПШ, четырехлеток и семилеток в то время было немало руководителей, которые так и уходили на пенсию, не удосуживаясь поднять образовательную планку. А вот Николаю Григорьевичу было стыдно оставаться по образованности на уровне 30-х годов. И он заставил себя сделать то, что сделал…

* * *

И все же главным событием для командования войск ПрикВО и руководства Особого отдела КГБ в 1956 году явился контрреволюционный мятеж в Венгрии. Автору этой книги довелось служить, правда, несколько позже, и во Львове — в Прикарпатском военном округе, и в гарнизонах Венгрии — в Южной группе войск. Поэтому в коллективах обреталось еще много сослуживцев — участников тех событий. Их повествования укладывались на полки памяти, чтобы со временем воскреснуть и заявить о себе во весь голос.

Контрреволюционный мятеж в Венгрии, именно так он тогда назывался, подготовленный ревизионистской группой Имре Надя, спекулирующей на ряде серьезных ошибок, допущенных руководством Венгерской партии труда, и 24 октября вторично ставшего во главе правительства, начался с мирной демонстрации студентов. Они приветствовали объявленные новой властью реформы, явно поддержанные и финансируемые Западом. Вскоре митинг перерос в массовые беспорядки, а потом — в невиданную по жестокости вооруженную резню. Это был настоящий ад в духе американских триллеров с поножовщиной и стрельбой в упор.

Мятежники разоружали отделы и отделения милиции, госбезопасности, отдельные небольшие местные гарнизоны,

захватывали арсеналы с оружием и боеприпасами. Убивали в первую очередь коммунистов, сотрудников органов внутренних дел, госбезопасности, активистов и приверженцев старой власти. Деревья и столбы стали виселицами для этой категории граждан.

Вешали изощренно — за ноги со связанными за спиной руками. Поначалу охотились за «желтыми ботинками» — такого цвета обувь полагалась к униформе сотрудникам государственной безопасности Венгерской Народной Республики — ВНР. Так именовалась официально Венгрия с 20 августа 1949 года.

На советско-венгерской границе скопились толпы беженцев. Люди в страхе убегали от кошмара, творимого в стране. Среди них на одном из пограничных КПП обнаружился и Янош Кадар, будущий глава ВНР.

Как выяснила оперативная группа военных контрразведчиков Особого отдела КГБ округа, которую быстро сформировал и направил туда генерал Кравченко, Яношу Кадару во время казни удалось выскользнуть из сапог, освободиться от шпагата, связывающего кисти рук, незаметно скрыться под покровом темноты и бежать от места казни. Естественно было уходить в сторону советской границы. Таким образом, он прибыл к нашим пограничникам.

В основе мятежа лежал план, разработанный спецслужбами США под кодовым названием «Фокус». Согласно плану, по всей Западной Европе в срочном порядке разворачивались школы по подготовке пропагандистов, диверсантов и террористов для участия в уличных боях Будапешта и других городов ВНР. Переброска их шла главным образом через Австрию. С пограничных венгерских городов Шопрон, Капувар, Кесег и других эти мутные потоки контрреволюции растекались по мадьярской территории.

1 ноября 1956 года Имре Надь объявил по радио о выходе Венгрии из военной организации стран — участниц Организации Варшавского договора.

* * *

Обстоятельства, как рассказывал позже участник тех событий генерал-майор В.Е. Грачев, диктовали необходимость срочного принятия самых решительных мер. С этой целью под руководством Главнокомандующего Объединенными вооруженными силами государств Организации Варшавского договора (ОВД) маршала Советского Союза И.С. Конева была разработана операция «Вихрь», по плану которой началась

активная фаза подготовки некоторых частей и подразделений из состава войск Прикарпатского военного округа для ввода их на территорию Венгрии.

Начальник Особого отдела КГБ генерал-майор Н.Г. Кравченко, как говорится, дневал и ночевал в рабочем кабинете. Часто он вместе с командующим округом генерал-полковником Батовым Павлом Ивановичем (затем генералом армии. — *Авт.)* или начальником штаба генерал-лейтенантом Костылевым Владимиром Ивановичем выезжали в сосредотачивающиеся на границе войска.

По замыслу командования в Венгрию вводились в полном составе 11-я гвардейская механизированная Ровненская дивизия, 128-я Гвардейская стрелковая дивизия, со штабом и управлением, расположенными в городе Мукачево Закарпатской области, и другие воинские подразделения 13-й и 38-й армий. Все эти части по линии военной контрразведки надо было обеспечить надежным оперативным прикрытием.

Николай Григорьевич проводил одно совещание за другим, инструктируя офицеров, заточенных на выполнение важной государственной миссии.

Получив указания из Москвы и информацию от пограничников, Н.Г. Кравченко позвонил своему заместителю полковнику Горбушину.

— Василий Иванович, зайди, есть один разговор, — интригующе проговорил генерал. Через несколько минут Горбушин уже сидел в кабинете начальника. Мягко пробили десять ударов старинные напольные часы, стоящие в кабинете начальника. Тогда существовала мода иметь в резиденциях больших начальников такие хронометры. Интенданты каким-то образом их находили и доставляли своим шефам.

— Я буду говорить без преамбул. Вот какое дело. Сто двадцать восьмая вместе с другими частями включена для броска на Будапешт. Как мне докладывают оперативные работники, в Мукачево создалась сложная обстановка. Там сосредоточилось много войск. Поезжайте туда и берите руководство этой войсковой группой на себя, — попыхивая трубкой, сказал генерал. Он всегда так делал, когда создавался рабочий цейтнот. Затем положил на стол какие-то схемы и таблицы, полученные в штабе округа, чтобы поработать с ними.

— Мы люди военные, отвечаю — есть! — отреагировал на приказ-предложение Василий Иванович, опытный армейский чекист, фронтовик и сотрудник в 1945 году Контрольного совета глав оккупационных зон в Германии. Это ему было поручено задание — захватить Гитлера. Тогда считалось, что фюрер

скрылся. И в то же время ему и Андрею Севастьяновичу Мирошниченко советский патологоанатом полковник Ф.И. Шкаравский передал золотой мост верхней челюсти с девятью зубами и сильно обгоревшую нижнюю челюсть с пятнадцатью зубами. Военным контрразведчикам приказали установить их принадлежность и результат задокументировать. То есть разыскать стоматологов, лечивших Гитлера, найти историю болезни, рентгеновские снимки. И это надо было сделать в короткие сроки в разрушенном городе. И все же наши опытные офицеры Смерша выполнили приказ быстро и точно. Поставленная задача «зубной» идентификации была успешно выполнена. Но это уже другая история…

* * *

Выбор генерала Кравченко оказался правильным. Горбушин по-фронтовому быстро и продуманно организовал контрразведывательный процесс, что высоко оценило и военное командование. Его деятельность не осталась незамеченной руководством военной контрразведки страны, он вскоре стал генералом и возглавил Особый отдел КГБ только что сформированной Южной группы войск. А пока шла интенсивная подготовка частей и подразделений для ввода их в страну с бушующей кровавой анархией и мракобесием.

4 ноября советские войска начали операцию под кодовым названием «Вихрь». Армейскими транспортными самолетами были переброшены в Венгрию части 31-й воздушно-десантной дивизии. Для взаимодействия с ними двинулись на венгерскую столицу 11-я гвардейская механизированная и 128-я гвардейская стрелковые дивизии.

Как отмечал участник тех событий генерал-майор в отставке Василий Грачев, друг Николая Кравченко, прохождение наших частей по Венгрии сопровождалось громкоговорящими передачами во всех населенных пунктах. В них излагались программы Яноша Кадара по ликвидации враждебных для венгерского народа последствий контрреволюционного мятежа и преодолению вооруженного сопротивления, хорошо подготовленного натовцами по плану «Фокус». Но фокус западным политическим и военным циркачам-иллюзионистам не удался.

То, что увидели наши воины на улицах и во дворах Будапешта, а также других городов, называлось не иначе, как кровавый кошмар. Самое страшное в таких событиях — это

действие толпы. Это обыватели, которые со спокойной совестью выполняют свою кровавую работу так же старательно, как если бы они рубили дрова или подстригали газоны. Горькая истина в том, что большая часть зла совершается людьми, которые никогда не стремились ни к тому, чтобы стать добрыми, ни к тому, чтобы стать злыми. Это была интеллектуальная жестокость обманутых людей, облученных идеологией.

Нечто подобное ельцинская власть привила части общества в 1993 году, когда расстреливала из танковых орудий свой же парламент в центре Москвы. То же самое происходило на украинском майдане в 2014 году, где полегла так называемая «небесная сотня». Думается, эти цифры любая новая власть, уличенная в подобных преступлениях, всегда занижает.

Как не вспомнить по этому поводу слова Клода Гельвеция:

«Для некоторых людей единственное доступное удовольствие — мучить людей и наслаждаться их несчастьем».

Приведу только один пример, когда пьяный «всенародно избранный» первый президент России выбросил «могучей трехпалой дланью» за борт теплохода в осенние воды реки своего пресс-секретаря Вячеслава Костикова. Он наслаждался несчастьем своего подчиненного. Хихикала и его многочисленная челядь — шептуны, которые примазались и к новой власти. Результат этой шутки печален — Костиков чуть было не утонул — спасли. Но заработал воспаление легких. Долго лечился. После чего был отправлен послом в Ватикан, а затем и вовсе уволен без выходного пособия.

Как этот эпизод в действии правителя России не охарактеризовать так, как таких людей называл великий французский философ Ларошфуко:

«…пример заразителен, поэтому все благодетели рода человеческого и все злодеи находят подражателей».

Николай Григорьевич получал от Горбушина на день десятки шифровок и в обобщенном виде отправлял руководству в Москву.

Когда наши бронетранспортеры (БТР-152) с открытым верхом втягивались в узкие улицы Будапешта, с верхних этажей в кузова машин полетели гранаты, головые шашки, взрыв-пакеты, «коктейли Молотова» и началось уничтожение личного состава.

По этому поводу военные контрразведчики информировали командование о недопустимости такого головотяпства. Реакция на информацию была молниеносной и правильной, что помогло спасти сотни, если не тысячи наших воинов. Подробную обобщенную справку об этом Кравченко отослал на Лубянку.

Такую же роковую ошибку допустил и министр обороны России Павел Грачев во время штурма Грозного в Первой

чеченской войне 31 декабря 1994 года, когда в узкие улицы втягивалась бронетехника — танки и бэтээры. По рассказам покойного сына автора Олега, участника тех событий, уничтожение головной машины делало пробку, и с домов на спешившихся наших ребят обрушивался шквал огня. Потери для федеральных войск в тот период были ужасными. До сих пор этот позор поражения российских войск в Грозном по вине Ельцина и Грачева всячески замалчивается.

Скрываются тысячные потери восемнадцатилетних парней, брошенных в пекло малой гражданской войны, с большими неприятными последствиями для России. Заслуга последующего руководства страны в установлении порядка на Северном Кавказе, особенно в Чечне, — очевидна.

* * *

Автору, отдавшему службе в ЮГВ почти шесть лет, приходилось знакомиться через своих венгерских коллег Алексея Липтака, Иштвана Ковача, Шандора Ференци, Шипоша Имре, Ласло Хегедюша, Ференца Шаванью и других с обилием фотоматериалов о тех днях. В этом кровавом шабаше есть один ключевой момент, о котором нельзя говорить, не стиснув зубы и не сжав кулаки.

Даже сейчас, когда автор мысленно возвращается к тем альбомам, а визуально к некоторым подаренным ему снимкам, у него сердце начинает частить, а порой и пробивается слеза, скупая мужская влага, и он ее не стыдится. Потому что это слезы печальной гордости за простых людей, принявших лютую смерть, но не сдавшихся.

Они, эти незнакомые, зверски изуродованные прозападными адептами развития «демократического» общества наши венгерские коллеги предпочли смерть воинов позорной гибели пленников, поставленных на колени. Горькие воспоминания — это дань памяти героям, отдавшим жизнь за свои убеждения.

Советская сторона тоже понесла невосполнимые потери среди солдат и офицеров. Было убито и умерло от ран, только по официальным данным, 669 человек, еще 51 воина недосчитались по другому мотиву: они пропали без вести.

Наши потери в Чечне были намного больше.

— Отец, от этого пушечного мяса стыдно, — говорил мне сын, участник тех боев, которого из-за войны уже нет на этом свете. Честные и смелые журналисты и историки со временем разберутся и назовут точную цифру погибших «наших умирающих

с улыбкой мальчиков».

Это их, солдат и офицеров, живых при бездарном и грубом гражданском министре обороны России Сердюкове, его заместителей из «слабого» пола, попавших на высокие арбатские должности, издевательски и с пренебрежением называли не воинами, а «зелеными человечками». Заметьте, еще до крымских событий. Солдаты и офицеры для них были словно кузнечики. Разве не знали и не слышали об этом верхи?

Если нет, то грош цена таким поводырям, назначившим бывшего то ли продавца мебели, то ли директора мебельного магазина руководить всей Российской армией. Говорят, что назначили его из добрых экономических побуждений, как лучшего сборщика налогов. Но приличная доля налоговых денег от реализованного имущества Министерства обороны почему-то попадала в личные карманы его «сотоварищей», особенно красавиц слабого пола — родственниц большого начальства и тех, кто их «крышевал».

Нужд армии он не знал и не хотел знать, поэтому подчас вел себя неадекватно. Неслучайно в частях и гарнизонах офицеры и солдаты его пренебрежительно называли то «табуреткиным», то «продавцом», но никак не военным министром. Для подтверждения его хамства есть смысл привести один пример.

30 сентября 2010 года министр обороны Анатолий Сердюков при инспектировании учебного центра (УЦ) «Сельцы» Рязанского воздушно-десантного училища обматерил Героя России, начальника этого училища полковника Андрея Красова без главного свидетеля — командующего ВДВ Героя России генерал-полковника Владимира Шаманова. Сердюков в грубой форме приказал ему оставаться в училище и не взял в свой вертолет.

Прилетев на место инспекции, министр обороны велел убрать с территории УЦ православную церковь — деревянный храм Ильи-пророка, построенный на собранные деньги, «шапкой по кругу».

По словам Героя Советского Союза генерал-майора ВДВ Александра Солуянова, выйдя из вертолета, министр принялся нецензурно оскорблять начальника УЦ. Полковник Красов попытался тому объяснить, что храм построен на деньги спонсоров, ветеранов ВДВ и Рязанской епархии. Но горе-министр не внял объяснениям подчиненного и пытался всячески беспочвенно придираться к руководителю училища.

Союз десантников пожаловался на министра тогда еще президенту Медведеву и патриарху Кириллу. Чтобы погасить нашумевший конфликт, окружение господина Сердюкова сразу выступило инициатором его встречи с руководством Союза

ветеранских организаций ВДВ. Сердюков оказался, по существу, трусом и от встречи отказался. Объясняться отправил своих заместителей Панкова и Макарова.

Президентом России и Патриархом всея Руси было принято решение оставить храм Ильи-пророка на его нынешнем месте.

Автору этих строк довелось встречаться и разговаривать с полковником Андреем Леонидовичем Красовым летом 2010 года в Пскове, где он в то время служил заместителем командира одного из самых боеспособных соединений в Российской армии — 76-й гвардейской десантно-штурмовой дивизии. О Герое России сложилось самое положительное впечатление — тактичен, немногословен, порядочен. Он тогда и поведал о личном участии в боевых действиях в Южной Осетии против грузинских агрессоров. Таких бы офицеров больше в Российской армии!

Сердюков и подобранные им его дамы, по мнению многих профессионалов и специалистов, уничтожали с прожорливостью термитов своими действиями, сами того не замечая, не только авторитет армии, но и саму армию, разорвав традиционную сетку военных округов и запихнув армейцев в четыре географические угла.

Четыре военных округа с бригадной структурой взамен армий и дивизий, и это при таких территориальных просторах России! Один из ветеранов-военачальников в разговоре с автором заметил: в случае военного лихолетья будет очень трудно будущим верховным главнокомандующим дирижировать боевыми действиями.

Значит, «реформатор» Сердюков и его «дамские заместители» убаюкали тех, кто должен был контролировать их деятельность, в том числе и коммерческую. Понятно, война будет другой, но просторы, просторы, просторы! Последняя война высветила много кривд и правд…

Осмеянные предки — мстят. Кто не помнит своего прошлого, обречен пережить его снова, а Джордж Оруэлл высказался более прицельно: «кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым».

Как не вспомнить в связи с этим фрагмент басни Ивана Андреевича Крылова «Гуси»:

Оставьте предков вы в покое,
Им по делам было и честь,
А вы, друзья, лишь годны но жаркое.

Вот поэтому ими и занимались следователи Военно-следственного комитета и суд. От нар Сердюкова спасли амнистия как «участника» боевых действий с Грузией в 2008 году и высокие связи. Сегодня он снова при службе.

Это уже другая история…

Но вернемся к 1956 году. Служа во Львове, десять лет спустя, автору доводилось встречаться с фото- и другими материалами венгерских событий, еще хранящимися в литерных делах.

Конечно же, все эти события прошли и через сердце Николая Григорьевича Кравченко, который не один раз бывал в Венгрии и созерцал тяжелые следы внутри венгерского мятежа, подготовленного Западом.

* * *

Говоря о конкретных конечных результатах и личном участии в руководстве серьезными контрразведывательными операциями за период руководства Особым отделом КГБ при СМ СССР по ПрикВО генерал-майора Н.Г. Кравченко, есть смысл остановиться на блестяще проведенной совместно с Первым главным управлением КГБ при СМ СССР (ПГУ) одной операции. Это было дело оперативной разработки (ДОР) с участием агента-женщины в 1957 году.

Агент «Светлана» была завербована посредством компрометирующих материалов о скрываемой при поступлении в консерваторию судимости матери за пособничество немецким оккупантам, а также своем пребывании в английской зоне оккупации в Германии. Она находилась на связи у заместителя начальника Особого отдела КГБ по 24-й Железной дивизии капитана В.Е. Грачева.

Как потом писал он в своей книге «Через годы через расстояния»:

«…оно было одно из тех чарующих красавиц, которая попала в мое поле зрения… — литовская полячка, обладавшая стопроцентной женственностью, с искусным кокетством, мягкостью и обворожительной обаятельностью, быстрой сообразительностью и предельно взвешенной театральностью в поведении».

При проверке ее связей по пребыванию в английской зоне оккупации в Германии был установлен ее страстный поклонник, некий Акименко, который, будучи отвергнутым, пытался покончить жизнь самоубийством. Из-за жалости к его любовным страданиям она, уезжая из лагеря на родину, дала согласие

восстановить с ним связь и взяла адрес его матери, проживавшей в Хабаровском крае.

Прибыв в Литву и узнав от сестры подробности ареста матери, Светлана не встала там на учет, а быстро выехала и обосновалась во Львове, где упорным трудом и симпатиями у влиятельных чиновников пробилась в известные деятели культуры, вышла замуж за офицера и о своей любовной жертве напрочь забыла.

Проверкой по материалам фильтрации репатриантов из английской зоны было установлено, что Акименко оттуда сбежал и затем спустя много лет появился в бельгийском городе Льеже, где неоднократно пытался установить связи с дипломатическими сотрудниками Министерства иностранных дел СССР, находившимися там в качестве официальных наблюдателей при штаб-квартире НАТО, в связи с чем нашей разведкой — ПГУ КГБ — подозревался в контактах с английской спецслужбой.

Исходя из совокупности этих данных, на Акименко было заведено ДОР с задачей: вывести его через «Светлану» на советскую территорию, в частности, во Львов.

Потом Василий Ефимович Грачев скажет, что «именно это дело и нашло следующее упоминание в наградном листе на представление его Знаком почетного сотрудника госбезопасности, подписанном генерал-майором Кравченко 16 декабря 1957 года. В нем были такие строчки:

«В настоящее время т. Грачев ведет дело на вывод изменника Родины из-за кордона. Проводил ряд других квалифицированных мероприятий по делом, что способствовало активизации агентурной разработки».

Но вернемся к оперативному делу.

Военные контрразведчики смоделировали ситуацию на объективных обстоятельствах — якобы снова возникших искренних чувствах «Светланы» к Акименко. Матери Акименко было направлено письмо, как, «к великому сожалению», оказалась утерянной связь с ее сыном, и вот спустя много лет «Светлана» навестила сестру в Литве и среди вещей, оставшихся после ареста матери, нашла ее адрес, переданный ей в свое время Акименко.

Последовала длительная пауза, но проявленное терпение оправдалось. Ответ поступил с почтовым адресом Акименко в Льеже, и передано через мать его согласие восстановить связь…

Но произошла небольшая осечка, чуть не приведшая к провалу операции. Дело в том, что Грачев убыл в отпуск, а явку со «Светланой» с написанием ею очередного письма провел его начальник отдела подполковник В.В. Воронин. Прошло уже порядочно времени, однако ответа от Акименко не последовало.

Возникло подозрение, что Акименко усмотрел различия в стиле изложения. Неожиданно после двухмесячного молчания пришло послание, в котором украинец задал прямой вопрос: «Под чью диктовку ты мне пишешь?»

Вот так обернулась попытка начальника, причем хорошего начальника, как потом скажет Василий Ефимович, поучаствовать в конкретном перспективном деле. Пришлось потратить немало усилий, чтобы развеять подозрения, которые косвенно подтверждали связь Акименко с английской разведкой. В конце концов, он успокоился и прибыл в Брест, откуда позвонил «Светлане», спросив разрешения на встречу с ней во Львове. Досмотр в Бресте его багажа — большого ящика с двойным дном — выявил улики, явно доказывающие его принадлежность к английской разведке.

Добро на эту операцию со стороны руководства было получено с условием провести встречу так, чтобы полностью вывести «Светлану» из претенденток на совместную семейную жизнь, предоставив ему возможность как-то самостоятельно и достойно определиться в новых условиях.

«Светлана» эту роль сыграла классически, записи ее бесед с Акименко в номере гостиницы, со слов Грачева, явились документальным шедевром того, как мудрая женщина может крутить мозги попавшему под ее власть мужчине: разочаровывать, сопереживать, плакать, обнадеживать!

Акименко убыл к матери в Хабаровский край, где был и задержан…

В отчете работы Особого отдела КГБ по ПрикВО за 1957 год был выведен одной строкой результат: «Выведен из-за кордона один изменник Родины».

Результат огромной работы с использованием десятков людей разных профессий и оперативной техники уместился всего лишь в одну строчку. В оперативной разработке Акименко принимал активнейшее участие и генерал-майор Николай Кравченко…

* * *

Со слов свидетелей тех лет по службе во Львове, большая работа в Особом отделе КГБ по ПрикВО, исходя из особенностей его географического расположения в середине 50-х годов, проводилась по двум направлениям — реабилитации незаслуженно осужденных в тридцатых годах и борьбы с остатками оуновского подполья, которое продолжало проявлять себя терактами и диверсиями.

Посмотреть качество этой работы в окружной отдел 2 февраля 1956 года прибыла инспекторская комиссия КГБ при СМ СССР. В ее состав входил и начальник отдела кадров генерал-майор А.Н. Малыгин, бывший работник ЦК КПСС, которого те, с кем он встречался, назовут «самым человечным человеком». Он многим тогда помог и в квартирных делах, и в проблемах со сроками присвоения очередных званий, и в других кадровых вопросах.

Конечно, основной упор в проверке комиссией делался на выполнение решения ЦК КПСС о задачах КГБ и указаний Первого секретаря партии Н.С. Хрущева, данных в июне 1954 года на Всесоюзном совещании руководящих работников, в частности, по пересмотру уголовных дел осужденных за преступления, входившие в компетенцию органов государственной безопасности.

Наряду с этим вопросом комиссия изучала, как в Особом отделе округа ведется работа по упрочению правовой основы дальнейшей деятельности сотрудников его подразделений на местах. Генерал Н.Г. Кравченко лояльно отнесся к работе членов комиссии. Помогал им, создавая благоприятные условия для объективной оценки деятельности отдела в этом направлении. Следователи отдела перелопатили сотни тысяч страниц реабилитационных дел. Это их заслуга в возвращении доброго имени каждого, кто пострадал в периоды довоенной ежовщины и послевоенной бериевщины.

Потом Лаврентий Павлович «очнется» и станет заигрывать с сидевшими узниками в местах «не столь отдаленных». Он начнет переводить реверс своего репрессивного катка, потому что с болезнью Хозяина страны, а потом и его смертью, естественной или насильственной, замаячили перспективы получить Российский Трон. Но лукавый друг Никита Сергеевич перехитрил упреждающим расстрелом реального претендента, обвинив его чуть ли не во всех смертных грехах, только для того, чтобы захватить главную рубку корабля под названием Советский Союз.

Теперь репрессии посыпались на сотрудников органов государственной безопасности — гонения «хрущевского засола». Еще бы — обстановка позволяла — он Главарь, он Хозяин и ему теперь лучше было выбирать виновных, чем их разыскивать, а если виновных не было, виновных назначали. Благо было из кого выбрать и назначить новых жертв после смерти Сталина.

И получалось так, если нам есть в чем себя упрекнуть, мы всегда отыщем виновных. Этот гнусный принцип новый хозяин Кремля хорошо усвоил. По его приказу арестовывались и расстреливались в том числе и невинные люди, правда, не в тех

масштабах, что было раньше. Время диктовало другую линию поведения.

Но вернемся к работе ревизоров Лубянки.

Как итог — инспекторская комиссия, копавшая глубоко и широко, покинула Львов, в целом положительно оценив работу коллектива Особого отдела КГБ по Прикарпатскому военному округу и его начальника генерал-майора Николая Григорьевича Кравченко.

* * *

С учетом местности войска Прикарпатского военного округа дислоцировались на территориях, или, как их называли местные, — теренах Галиции — Западной Украины, где прошумели кровавые баталии с участием воинствующего радикального украинского национализма в виде бандеровщины, уповщины и бульбовщины против местного населения, поддерживающего послевоенные перемены в обществе и новую власть.

Львов являлся столицей Галиции. Это были годы, когда в городе местные националисты к советским военным относились как к оккупантам. Автор, служа в этом городе срочнослужащим в начале 60-х и офицером военной контрразведки в их конце, застал многих свидетелей акций, притаившихся в подполье вояк ОУН-УПА десятилетней давности.

В 50-60-е годы отмечались случаи, когда убивали одиночных офицеров выстрелами в спину; бросали с верхних этажей чугунные утюги и гири на наших военнослужащих; нападали на арсеналы с оружием и склады с обмундированием и продуктами питания; вырезали советский актив по хуторам, деревням и селам.

Работу по противодействию диверсионно-террористической деятельности бандеровских отморозков сотрудники Особого отдела КГБ по ПрикВО проводили в тесном взаимодействии с территориальными органами Управления КГБ УССР по Львовской области, начальником которого в то время был опытный чекист полковник Владимир Григорьевич Шевченко.

Николай Григорьевич Кравченко, будучи украинцем, часто в беседах с подчиненными аргументированно доказывал пагубную суть любого национализма. Со слов сослуживцев того периода в своих докладах на эту тему он вставлял довольно хлесткие оценки уродливо-воинствующего национализма:

«Национализм может быть огромным. Но великим —

никогда… Когда у оппонента кончаются аргументы, он начинает уточнять национальность… люблю народность кок чувство, но не признает ее кок систему… убогий человек, не имеющий ничего, чем бы он мог гордиться, хватается зо единственно возможное и гордится нацией, к которой он принадлежит, ничего не сделавший для этой сомой нации…патриотизм и национализм — это не одно и то же, война — тому подтверждение. Мы все были вместе солдатами Великой Страны, потому и победили…»

В ответ на жестокость бандеровских бандитов, рассказал друг Николая Григорьевича Кравченко Василий Ефимович Грачев, мы проводили чекистско-войсковые операции. Вот один из примеров.

Сразу же, когда наши войска в 1944 году вошли в небольшой город Рава-Русская Львовской области, они столкнулись с фактами массового кровопролития. Большую кровь местного населения и наших воинов тыловых частей пролили и проливали здесь два куреня УПА. По данным контрразведки Смерш 1-го Украинского фронта, этими куренями руководили ярые националисты под кличками «Эмма» и «Железняк». Кроме того, агентура армейской контрразведки выдала точные места, где обретались эти две банды.

И вот тогда 250-й Кубанско-Черноморский казачий кавалерийский полк был снят с боевых позиций. Он совершил стремительный рейд в наш тыл, и в районе Рава-Рус-ской провел в период с 22 по 29 августа ряд боевых операций по уничтожению активно действовавшего здесь подполья ОУН-УПА. Две сотни бандитов из этих куреней были ликвидированы. При этом деревня Суньковице, в которой находилось значительное сосредоточение вояк УПА, взлетела на воздух и таким образом была уничтожена, сгорев дотла. Она элементарно детонировала. Оказалось, в каждом доме имелись чуть ли не «пороховые погреба». Как раз при пожаре и рвались боеприпасы. После этого в Раве-Русской людям надолго была завоевана и обеспечена мирная жизнь.

В борьбе с радикальными проявлениями украинского национализма Николай Григорьевич Кравченко был непримирим, хотя культурную сторону его всегда приветствовал. Он читал в подлиннике произведения Шевченко и Франко, Коцюбинского и Котляревского, особенно любил Гоголя и Грибоедова и других классиков украинской и русской литературы.

Работа Особого отдела КГБ, руководимого Кравченко, по борьбе с националистическими проявлениями, — это большая тема и требует отдельного рассмотрения.

* * *

Конец пятидесятых — это пик властного волюнтаризма Никиты Сергеевича Хрущева. Он теперь вождь государства, хозяин Кремля, Главнокомандующий вооруженными силами, Первый секретарь ЦК КПСС, председатель Совета министров Союза ССР, обвешанный геройскими звездами. Одним словом, по взятым на себя должностям — Чемпион нации.

Теперь он не боялся ни прежних партийных соратников, ни военных из числа полководцев, ни тем более раздавленную им госбезопасность — всех неугодных ему он оттер, вывел, уволил, разжаловал, выбросил из обоймы, арестовал, расстрелял.

Живи, рули и наслаждайся!

Прокуроры и прокурорские следователи находились у нового вождя в фаворе. Они помогали выискивать людей, запятнанных разными степенями грехопадения в период ежовщины и бериевщины. Это было время, когда компрометирующие материалы на сотрудников органов госбезопасности уже выскребались со дна. Доставали даже незначительный материал, доводили его до нужной кондиции — до состава «законченного преступления» и предъявляли обвинение. Наверху такая работа приветствовалась. Жертвы подобного разбирательства объявлялись чуть ли не пособниками Сталина.

По рассказу одного следователя прокуратуры того времени, ставшего потом видным армейским контрразведчиком, он мог вызвать на допрос любого человека, невзирая на заслуги в прошлом.

— Были такие, — говорил он, — которые посылали нас на три буквы, убеждая в своей непричастности к событиям двадцатилетней давности, но большинство покорно соглашалось с нашими доводами, нередко притянутыми за уши. Помню, кто-то написал донос на одного известного полковника, воевавшего в отряде Героя Советского Союза Дмитрия Николаевича Медведева «Победители» о том, что он тоже «замазан» в репрессиях тридцать седьмого. Я его вызвал, он пришел и стал рассказывать все, как было. А были незначительные отступления от закона.

— И что, можно было усилить материалы и завести дело по вновь открывшимся обстоятельствам? — задал ему вопрос автор.

— Можно. Время играло не в пользу таких людей. Все зависело и от взаимоотношений следователя или прокурора с объектом заинтересованности.

Во Львове у Николая Григорьевича Кравченко были натянутые отношения с военным прокурором Прикарпатского военного округа. Они друг друга не переваривали. Причина — прокурор часто пытался вмешиваться в оперативную деятельность. Генерал Н.Г. Кравченко его несколько раз

осаживал, ставя на место. И как результат — прокурор сразу где-то «достал» нужный материал на боевого генерала.

Как видите, были и такие перегибы хрущевские в период поиска перегибов сталинских… Это была еще одна грань хрущевской оттепели, которую назовут со временем острословы хрущевским «насморком».

Со слов настоящего друга начальника Особого отдела Василия Ефимовича Грачева, после очередной встречи со следователем военной прокуратуры Николай Кравченко признался, что его по ночам во снах часто посещают черные крысы. Они приходят, понюхают, а потом уходят прочь!

— Так это чистый «Ревизор» Гоголя. Гоните в шею их, Николай Григорьевич.

— Гоняю, гоняю, а они наглые все возвращаются…

К сожалению, эти черные крысы не посещали людей толстокожих, каким был и Никита Сергеевич. Говорят, у него был всегда крепкий сон, а потому спал спокойно.

ЦЕСАРСКАЯ НЕ ЦАРСКАЯ

Коварство женщине дано с рожденья
Для компенсации мужских обид,
В ее руках вне всякого сомненья, —
Оружие сильней, чем динамит!

Евгений Степанов

Личная жизнь у Николая Григорьевича никак не складывалась, так как состояла главным образом из выживания в окаянные тридцатые и овеянные военным лихолетьем сороковые — роковые. У военных в общем-то было мало частной жизни, они полностью отдавались службе. В чекистских рядах уровень корпоративной замкнутости еще был большим, чем у военных. Как говорится, варились в собственном соку, хотя связь с общественностью была «глубокой».

Это в настоящее время многие люди начали воспринимать свою личную жизнь как что-то отдельное от работы. Работа отделила от себя отдых, и он стал частицей, а иногда и довольно большим куском современной жизни. Нынешнее поколение деловых людей делает все, чтобы карьера не мешала личной жизни, чтобы сама жизнь была залогом гармонии. Они считают, что очень важно находить баланс между работой и жизнью за пределами служебного кабинета или офиса. Надо признать — это веление настоящего времени для немногих, позволяющих тратить большие деньги на красивый отдых. Для большинства населения такой отдых не по карману.

Чтобы как-то скрасить гарнизонную жизнь, командование и власти часто в то время, да и сейчас эта традиция соблюдается, приглашали артистов и организовывали концерты. Приезжали исполнители разных филармоний и творческих союзов.

Во время службы в Германии Николай Григорьевич познакомился с «залетной» артисткой из Театра-студии киноактера красавицей Эммой Владимировной Цесарской. После концерта был устроен прощальный ужин. Они сидели рядом за праздничным столом. Разговорились, выяснилось-земляки.

— Вот какая оказалась у меня знатная землячка, — улыбаясь,

громко заявил генерал.

— А разве мало для знатности генеральских погон у моего земляка? — парировала артистка, не знающая, как и где он получил это высокое звание.

В скоротечном застолье, конечно, немногое можно было узнать друг о друге. Но зачем узнавать, когда фильмы с ее участием много чего рассказывали о ней как о глубокой творческой личности. Главное — диалог получился, она не могла не понравиться Николаю. Да и вдовствующая артистка поняла, что кавалер и ухажер с достатком. Как говорится, мужчины ведут игру, а женщины знают счет. Настоящий мужчина всегда добьется того, что хочет женщина, но в любви женщина — профессионал, а мужчина всего лишь любитель. Николай Григорьевич был устоявшимся любителем, у которого, увы, профессиональный опыт отсутствовал.

Несколько слов о появившейся пассии.

Эмма родилась в интеллигентной еврейской семье в Екатеринославе, еще вчера Днепропетровск, а после майдановских событий на Украине его назвали Днепром. В шестнадцатилетнем возрасте она поступила в местную киношколу, а в восемнадцать уже дебютировала на экране в роли Василисы в фильме «Бабы рязанские». Потом сыграла главную роль в кинокартине «Ее путь».

В конце 20-х годов Михаил Шолохов завершил написание первых трех томов романа «Тихий Дон». На главную женскую роль Аксиньи была практически без проб утверждена Эмма Владимировна Цесарская. Выбор оправдался в полной мере. В восторге от игры актрисы был и сам автор экранизированной книги Михаил Шолохов.

В тридцатые годы артистка снялась еще в ряде фильмов: «Одна радость», «Восстание рыбаков», «Любовь и ненависть», «Вражьи тропы» и других. Это был пик ее популярности. В 1934 году кинопродюсеры трех стран — Германии, Франции и Англии официально пригласили Эмму Цесарскую на роль Грушеньки в совместной постановке «Братьев Карамазовых». Обещали огромный гонорар, но актрисе пришлось отказаться от удачного предложения — вмешались власти.

А скоро произошла трагедия в семье: 23 марта 1937 года арестовали мужа, капитана госбезопасности Макса Оскаровича Станиславского. Она в это время была в гостях. Вдруг туда позвонил супруг:

— Эмма, поезжай домой к сыну, а меня срочно вызывают на доклад к Николаю Ивановичу Ежову.

— Что случилось?

— Не знаю. Говорят — на доклад.

— Может, предложат новую должность?

— Может, все может. Я спешу!

С работы он не вернулся. Ордер на арест подписал заместитель Николая Ежова Михаил Фриновский — командарм 1-го ранга, первый заместитель наркома НКВД и начальник Главного управления госбезопасности.

Маленький штрих о личности этого большого начальника.

С приходом в НКВД Ежова его первым заместителем был назначен Михаил Петрович Фриновский, который с энтузиазмом стал проводить в жизнь ежовскую линию истребления «врагов народа».

Характерен факт, о котором знали все чекисты того времени. Когда Ежов получил указание свыше об аресте Ягоды и надо было направить кого-нибудь для выполнения этого приказа, первым вызвался бывший ягодовский холуй — верзила с пудовыми кулаками Фриновский, с готовностью выкрикнувший: «Я пойду!»

Запомнился автору повтор сюжета в 1991 году, когда вместе с Иваненко и Ерининым Явлинский предложил себя и подался арестовывать, говорят с оружием, нового «врага народа» в облике участника ГКЧП министра внутренних дел СССР Бориса Карловича Пуго, но получился облом. Патриот СССР латыш Пуго с женой ушли из жизни до их ареста.

Фриновский не только возглавил группу работников, направленных для ареста Ягоды и обыска в его квартире, но рассказывали, что он первым бросился избивать своего бывшего покровителя. В кровавый период ежовского всевластия, как говорил один из свидетелей того времени — старый чекист, полковник в отставке Андрей Трофимович Мельник, «полностью раскрылась сущность этого крупнейшего негодяя».

Правда, его энтузиазма в выполнении инквизиторских заданий не оценил Лаврентий Берия, в конце 1938 года сменивший Николая Ежова. Теперь новый нарком стал «чистить» свое ведомство под себя. Одним из первых из НКВД он убрал Фриновского, незадолго перед арестом назначенного наркомом ВМФ СССР. Вскоре он предстал перед судом и был тут же расстрелян.

После ареста мужа Цесарскую выселили из квартиры. Имущество практически все конфисковали. О работе в кино актрисе пришлось забыть. В этот тяжелый момент Эмму Цесарскую поддержал классик и флагман советской литературы Михаил Шолохов. Он вышел прямо на Сталина, а потом смело поговорил и с Ежовым — наркомом с незаконченным средним образованием. Вторую жену Николая Ежова Евгению (Суламифь)

Соломоновну Ежову Михаил Шолохов… хо-ро-шо знал.

Благодаря заступничеству писателя актрисе вернули жилье и дали возможность работать в кино. Но время, как известно, приближается медленно, а уходит быстро, и чем красивее женщина, тем быстрее с нею пролетают время и деньги. Она хотела сыграть еще что-нибудь великое, памятное, значительное. Когда в конце пятидесятых Цесарская узнала, что кинорежиссер Сергей Герасимов собирается экранизировать «Тихий Дон», она пришла к нему в надежде вновь сыграть Аксинью.

— Сергей Аполлинариевич, я бы сочла за честь участвовать в вашем фильме в знакомой мне роли Аксиньи. Уверена — не подведу. У меня все есть для этого: опыт, данные, время, — настойчиво клянчила вчерашняя кинодива.

Герасимов смерил ее жестким взглядом. Ничего не ответил. Он неохотно, со скрипом в больных коленях поднялся из-за стола и, взяв за руку артистку, подвел к огромному зеркалу.

Она без слов все поняла…

* * *

А пока шел 1948 год.

Цесарская покидает Германию в надежде, что у нее появился друг в генеральском чине с определенной известностью, ну и конечно, с денежной мошной.

Ай, разудалый богатырь,
Плечи — три аршина вширь,
А на поясе мошна
Звонким золотом полна.

Именно таким «разудалым богатырем» виделся ей в будущем одинокий генерал. Завязалась переписка. Потом Николай Григорьевич стал передавать в Москву подарки, как правило, дорогие — редкие трофейные сувениры. Цесарская, хотя особо и не нуждалась материально в то время — накопленного разного барахла хватало в квартире, — однако приятно было что-то получить свеженькое и с удовольствием распаковывать коробку или пакет. Она как образованная женщина понимала, на маленьких подарках держится дружба, а на больших — любовь. Большие подарки стали приходить все чаще и чаще. Так зарождалась основа отношений. Явно нездоровая!

Он, как и все военные, менял места своей службы, перемещаясь по Союзу. Она не меняла Москву, а прилетала к нему в гости, так и существовал их «конфедеративный союз», только напоминающий гражданский брак, который оказался в конечном счете явно бракованным.

Когда Николая Григорьевича Кравченко незаслуженно унизили, практически вышвырнув со службы, которой отдал все свои лучшие годы, в том числе на войне, он поехал к своей любимой Эммочке за советом, а может, и приютом. Ведь особняк, в котором он жил во Львове, попросили освободить для его преемника. Он вкратце рассказал Цесарской о том, что с ним случилось. И ждал от нее совета или предложения.

— А какая теперь будет твоя пенсия?

— Пенсия? — Сокращенная… Пятьдесят процентов дали…

— А квартира львовская?

— Заберут…

— Как «заберут»? Кто посмеет?

— Власти.

— Значит, голым вышвырнули?

— Выходит…

— Знаешь, Коля, у меня сегодня другие планы, — ответила практичная женщина, подарками друга забившая многие комнаты и углы своей дачи. — Я тебе ничем, к сожалению, помочь не смогу…

Расстроенный женской изменой и коварством, он сел в поезд «Москва — Львов» и укатил собирать оставшиеся вещи. Сидя в купе, его раздирали раздумья о прожитой жизни, о женском коварстве, о погибшей в войну в Белоруссии своей первой любви, о жестоких сердцах властных людей, о неопределенности планов на явно мрачное будущее.

«Вот как интересно, мы, мужчины, считаем себя знатоками женской психологии, — рассуждал он, — почему-то решили, что видим их насквозь и немало не задумываемся, что они даже думают иначе и другим местом, чем мы.

А уж на что способен изощренный женский ум, если задастся целью, — тут нормальному человеку не додуматься ни за что! С Эммой пример достаточно красноречивый. Кокетки умеют нравиться, но не умеют любить, вот почему их так любят мужчины».

Он вышел в тамбур, вынул из кармана пачку «Казбека», достал папироску, помял ее табачную часть и, смяв в двух местах белый мундштук папиросы, прихватил его кончик зубами. Чиркнул спичкой и закурил. Не по привычке из-за переживания и волнения, глубоко затянулся. Закашлялся…

* * *

О последних днях пребывания Николая Кравченко во Львове после приезда из Москвы и переезда в Калининград вспоминал его подчиненный и оказавшийся настоящим другом Василий Грачев — тогда он был офицером, сейчас — генерал-майор в отставке:

«Прибыв к нему на квартиру с двумя автомашинами и группой солдат, я помог отгрузить все его имущество и вещи. При этом мне запомнились следующее слова в адрес бросившей его актрисы Цесарской: «Эмма забыла прихватить приготовленный к отправке в Москву вот этот огромный ящик с посудой и оставила мне для дальнейших выступлений в домашних условиях (сказано было с сарказмом. — В.Г.). Это настоящая трибуна из красного дерева. Постарайся погрузить его так, чтобы не повредить содержимое».

Он был верен своему слову, обещал, как говорится, — выполнил. Невыполнимых обещаний он не давал. Жил по принципу: «сделай, если не можешь пообещать».

После отъезда в Калининград между Грачевым и Кравченко до конца пребывания последнего на бренной земле продолжалась переписка. Они были настоящими друзьями, а Цесарская оказалась такой, какой она была на самом деле: Цесарской — не царской. Она происходила явно не из тех женщин, какими были декабристки!

В сегодняшнюю окаянную жизнь, где доллар заменил совесть, а сама совесть стала товаром, эта дама могла бы лихо вписаться в атмосферу денег, наживы и безнравственности тех немногих, которые делают многое для унижения России…

БЕГСТВО ИЗ ПРОШЛОГО

Никогда не возвращайтесь туда,
где вы были счастливы, если хотите,
чтобы все пережитое там
оставалось в вашей памяти живым.

Агата Кристи

1953 год. Смерть прежнего Хозяина Кремля И.В. Сталина — участника революционных событий 1917 года, Гражданской войны и соратника Ленина — всколыхнуло общество. Еще бы, он — победитель коллективизации и индустриализации страны. Мотор репрессий тридцатых и сороковых годов против врагов народа и в кавычках и без оных. Верховный главнокомандующий Красной армии, одолевший вместе со своим народом опаснейшего агрессора в лице гитлеровской Германии, поднявший на небывалую высоту авторитет СССР, положивший конец атомной монополии США и сделавший государство сверхдержавой.

После ухода из жизни вождя люди, естественно, не все сначала поплакали, а потом стали задумываться: что же мы и как строили? Кто мы и откуда? Почему десятилетиями были безропотны?

Ответы на эти вопросы вывели из состояния молчания и заставили заговорить людей, пусть сначала робко, но все чаще и чаще, выражая стержневую мысль: так, как жили, жить больше нельзя! Люди понимали, что успехи на нивах и заводах — это огромная самоотдача тружеников в ходе нещадной эксплуатации крестьянства, составляющего основную массу населения страны в те годы. А что касается успехов на полях сражений, то и здесь победы появились не столько из-за гения вождя, сколько в результате вынужденно правильных действий его полководцев, больших и малых. Они в критических ситуациях действовали выверенно. В таких ситуациях организаторские способности вождя и его помощников усиливаются и лучше понимаются и принимаются воинами и в целом народом-тружеником, прежде всего в плане единения и собранности в годину испытаний.

Русский народ еще на заре своей истории создал идеал богатыря, отображенный в былинном эпосе. Илья Муромец — разве это не синтез беззаветной любви к Отчизне, мужества, решительности, волевого пафоса, беспощадного отношения к поработителям и сердечной мягкости к своим соплеменникам и

правителям.

Прошлое России богато историческими личностями — вождями и полководцами, поднимавшими в годину тяжелых испытаний своими боевыми подвигами и словесными призывами на высоту Славу государства Российского. Достаточно вспомнить такие исторические личности, как Александр Невский, Дмитрий Донской, князь Пожарский, генералиссимус Суворов, фельдмаршал Кутузов.

Великая Отечественная война выдвинула во главу армии Сталина, народ тоже обожествил и признал его гениальным Верховным главнокомандующим нашего воинства в борьбе с фашистскими насильниками.

Неслучайно глава Русской православной церкви митрополит Сергий в своей телеграмме на имя И.В. Сталина ко дню 25-летия Советского государства — 7 ноября 1942 года — так выразился в отношении Сталина от имени всех православных русских людей:

«Сердечно и молитвенно приветствую в Вашем лице богоизбранного вождя наших воинских и культурных сил, ведущего нас к победе над варварским нашествием, к мирному процветанию нашей страны и к светлому будущему ее народов».

Таким во время кровавой сечи с нацистами советским людям казалась личность Иосифа Виссарионовича Сталина. Были ли у него промахи и ошибки при решении таких грандиозных, таких опасных, таких непредсказуемых задач?

«Были, — отвечал сам себе Николай Григорьевич, служа уже с 1954 года начальником Особого отдела КГБ СССР по Прикарпатскому военному округу, — но то, что было им сделано для страны за сравнительно короткий исторический отрезок, перевешивает все и вся. Главное — спасена страна. Цена — это другой разговор. На войну народную бросались даже без оружия: с палками, ножами и вилами. Не телами и трупами мы завалили противника и достигли Победы, а умелыми действиями полководцев, своим оружием и стойкостью нашего рядового Советского Солдата и народа — безропотного труженика.

В такой войне большие жертвы неизбежны. Противник в техническом плане был сильнее нас. Побеждает не обязательно правое дело, но дело, за которое лучше боролись. Мы боролись лучше. А несправедливость победителей заслоняет вину побежденных. Вообще отечественные войны, где бы они ни проходили, всегда консолидируют, цементируют народы. То же самое получилось и с народами Советского Союза даже после тяжелейших ежовских репрессий, проливших много невинной крови…»

После работы он заехал в магазин, купил яйца и кусок сала

— захотелось яичницы со шкварками, и направился домой. Быстро приготовив нехитрый ужин, он взял свежие газеты и улегся в постель.

«Новые власти после смерти Сталина, — размышлял Николай Григорьевич, лежа на кровати один в никак не согревающейся постели, — с лихорадочным метанием занялись отбеливанием себя и срочной стиркой своих обшлагов на мундирах и пиджаках от запекшейся крови. Для того чтобы сделать из себя этаких «белых пушистых зверьков», они начали с маниакальной настойчивостью искать «темных зверей», в том числе и среди тех, которые по природе таковыми не являлись.

Перед XX съездом партии нужно было как можно рельефнее и масштабнее показать массовость сталинских злодеяний. Но в этой массе задающим генератором, мотором репрессий были в первую очередь они — партийные подпевалы, сегодняшние вожди во главе с Никитой Хрущевым.

В «Правде» в эти захватывающие годы борьбы с прошлым редко гостила правда о пережитом страной, а, как известно, любая захватывающая история редко бывает правдивой. Такая правда бывает удивительнее вымысла, зато вымысел правдивее. Вот и вымыслы обо мне прикарпатскому военному прокурору показались правдивее. Я понес незаслуженное наказание и сладкую месть недоброжелателей и завистников. А чему завидовать было — ишачил, как и все. А что генерал? Это всего навсего вмешался господин случай. В жизни у меня было мало счастливых дней, а если и были, то они развеялись в воспоминаниях, как дым. А вообще не стоит возвращаться в прошлое — там уже никого нет. Как писал Пушкин, «мечтам и годам нет возврата». Вертеть назад можно шарманку, но не мелодию…»

На прошлое он не злился, надо было заботиться о настоящем, потому-то будущего у него тоже не намечалось.

Поначалу Николай Григорьевич Кравченко ютился у сестры Ольги. Затем получил комнату в коммуналке. Жил скромно, пенсию ему наполовину урезали — как «провинившемуся». Значительную часть своего небогатого бюджета тратил на книги. Особенно любил «Старика и море» Хемингуэя. Потом он получит крохотную двухкомнатную квартиру, где и встретит в одиночестве мир за вычетом себя, когда завтра уже никогда не наступит. Как утверждал Григорий Ландау, длится только вечное сегодня. Не будущее замыкается смертью, а длящееся настоящее. Не завтра будет смерть, а когда-нибудь сегодня.

* * *

Это было в конце лета 1960 года, сразу же после переезда из Львова в Калининград. Настроение было препаршивое не только из-за достаточно продолжительного эмоционального процесса, связанного с переживаниями внезапно и «порочно» завершенной службы, но и жизненной неустроенности. Николаю Григорьевичу в этот день нездоровилось. То не хватало воздуха, и он вскакивал с кровати и бежал к окну, чтобы открыть настежь форточку, то погребной, подвальный хлад внезапно сковывал тело, мерзли нижние конечности, и он снова повторял путь к окну, но теперь, чтобы закрыть форточку, которую он образно называл «лючок в природу». Ныли полученные на войне ранения в области правой лопатки и левой голени.

В начале августа дни стояли пасмурные и дождливые, влажности тут хватало и без божьих струй. Прохладные воды Балтийского моря омывали северо-западную часть бывшей Восточной Пруссии. А в один из таких дней с утра, где-то к часам десяти, лучи солнца наконец прожгли полог свинцовых туч. Настроение улучшилось «светлостью природной», какой он называл погожие, солнечные дни.

Это был субботний день. Сходив в магазин за продуктами и приготовив любимую с детства яичницу с ломтиками тонко нарезанного сала — шкварками, он перекусил. Из термоса налил с вечера заваренного чая и, с удовольствием отхлебывая из чашки, привезенной еще из Германии, хотя любил пить из стакана в серебряном подстаканнике, подошел к письменному столу, на котором стопкой лежали чистые бумажные листы, вырванные из исписанных блокнотов. Допив чай, он с удовольствием уселся на стул, взял блокнот, вырвал двойной листок бумаги и размашисто-убористым почерком в правом верхнем углу поставил дату — 6.VIII.60. Он решил написать своему подчиненному, которого уважал и любил за трудолюбие, — Василию Ефимовичу Грачеву.

«Василий Ефимович!

С 20/ VII с.г. я житель г. Калининграда.

Мой адрес г. Калининград (областной) ул. Чайковского дом 38/40 кв. 5.

Тяжело мне было прощаться с тобой и товарищами — больно, что я уехал от вас с позорным клеймом.

Утешает меня одно — время покажет, что я не был подлецом и никогда им не буду.

Мое отношение к тебе известно — ценил и любил тебя за твой ум, за твердость и за то, что в работе ты никогда себя не щадил.

Если будешь в прибалтийских краях, загляни ко мне, буду

рад тебя повидать.

Жму твою руку, желаю всего хорошего в твоей жизни и работе.

Н.Г.»

Письмо получилось на двух блокнотных листах. Прочитал еще раз, свернул пополам и вложил в конверт, на котором чернильной ручкой разборчиво вывел адреса отправителя и получателя. Оделся, чтобы отправить послание, — благо синий почтовый ящик с гербом СССР висел на стене соседнего дома. Тогда их было много в любом городе и селе — люди активно общались друг с другом — переписывались.

С окончанием горбачевской перестройки и началом ельцинского «реформаторства», когда единой страны не стало, переписка пошла на убыль. Синие ящики теперь выгорали на свету, облущивались от краски и висели как ненужные скворечники. А скоро они и вовсе испарились. Людей власть приучала быть индивидуалистами, обосабливаться, держаться за частную собственность, не доверяя даже родственникам свои дела, успехи, провалы и саму жизнь. Так индивидуализм становился подчеркнутой слабостью граждан. Постепенно стал угасать процесс общения с соседями по лестничным клеткам.

Никогда счастье не ставило человека на такую высоту, чтобы он не нуждался в других. Тень сельской общины, где крестьяне друг другу помогали, долго тянулась за нашей ментальностью и в городах. Она и сегодня присутствует, только ее глушат и ослепляют софиты того же самого индивидуализма. Мы привыкли жить открыто. В коллективах воспитывалось наше поколение, а потому все и все было на виду. Коллектив был большой частью человеческого общения. В конечном счете человек становится человеком только среди людей.

Сегодня неолибералы и лжедемократы в СМИ и особенно из ТВ пытаются вбить в наше сознание «мудрость» английского историка Томаса Карлейля, который утверждал, что он не верит в коллективную мудрость невежественных индивидов.

Но, господа, все зависит от того, кого хотят и с какой целью желают собрать в коллектив. Собрать стадо из баранов легко, трудно собрать стадо из кошек. Но, даже чтобы бороться за права личности, необходимо создать коллектив. Это неоспоримый факт. Он распространяется и на государство, оно или тугая метла, или развязанный веник.

* * *

Противно проползали первые месяцы и годы одиночества, пока не предложили работу в парткомиссии Центрального района города. Нет, не время ползло черепашьими шажками, а Николай проходил отведенный им судьбой кусок этого самого «ленивого» времени.

Редко кто ему звонил из бывших коллег, кроме настоящих друзей. Но он не обижался на вчерашних своих сослуживцев, считая, что и у них самих забот полон рот. Шла сумасшедшая чистка органов госбезопасности, затеянная Хрущевым.

А вообще Николай Григорьевич как-то высказался так на ехидный вопрос одного партработника о друзьях-то-варищах по службе, которые, видно было, что они «закавыченные».

Он резко ответил:

— Петрович, меня всегда окружали хорошие люди. — Знаешь почему?

— ???

— Все потому, что я не искал плохих!

— Где они?

— Они во мне, — ответил Николай Григорьевич.

Местное начальство его тоже не особенно привечало. В областное управление КГБ пришло много начальников из партийных органов, да и из старых работников он никого не знал.

Поначалу работа в райкоме партии Центрального района Калининграда его не очень удовлетворяла, работал только из-за рублевого пополнения скудной пенсии, которой не хватало не только на приобретение одежды и обуви, но даже на покупку калорийных и витаминных продуктов питания, не говоря уже о книгах, которые он любил покупать и читать их. Хотя со временем эта работа в парткомиссии стала его отдушиной — жизнь при людях. Вместе с тем он считал, что жизнь похожа на трамвай — с вагоновожатым не поговоришь. Они его уважали за доброту, принципиальность, трудолюбие. Жил по принципу — ни одного дня без доброго дела! В коллективе это заметно. А еще он знал то, что кто делает то, что может, делает то, что должен. По-другому поступить не мог, когда предложили этот участок активного и самое главное — живого общения с людьми.

Однажды, это было где-то в начале шестидесятых, к нему за помощью обратилась соседка сестры Ольги по поводу ареста ее сына, студента местного вуза, которого милиционеры арестовали за то, что во время работы на овощной базе он положил в рюкзак десяток картофелин. Хотя в то время воровство приобрело характер эпидемии. Кража, как явление, называлось тогда кратким словом — «Достал!» А как, где и когда, никого не должно было интересовать.

«Что же мы за люди, — возмущался Николай Григорьевич, — за рубль простого гражданина готовы упрятать за решетку, а чиновника, умыкнувшего у государства тысячи, прощаем, потому что тут же срабатывают и телефонное право, и отцовский лифт, и партийная корпоративность».

Как же он радовался, что удалось отстоять парня. Его только профилактировали органы ОБХСС. Юноша потом успешно закончил институт. И в последующем стал крупным инженером. Он всегда с теплотой вспоминал встречи с Николаем Григорьевичем, потому что путевку в большую жизнь ему помог приобрести «заслуженный чекист». Так он представлял своего защитника друзьям и товарищам.

* * *

Бесцветно проходили годы беспросветного, отчаянного одиночества, когда Николаю Григорьевичу не с кем было поговорить по душам, кроме как с самим с собой в комнате.

Хотя он и считал, что это самая распространенная болезнь в современном мире, но болеть ею не хотелось, поэтому жизненный вакуум он заполнял чтением. Он много читал, книги брал их из районной и райкомовской библиотек. Да и дома у него была солидная «книжная лавка».

На одной из полок стояла в рамочке черно-белая фотография красивой девушки, видно, переснятая с оригинала и увеличенная, с признаками крупной зернистости. Широко открытые глаза всегда смотрели на него. Это была его невеста, погибшая в годы войны. Ее образ жил в нем постоянно, потому что приятное, дорогое, светлое прошлое, хранящееся в памяти, есть часть настоящего. Он был художником в памяти, постоянно творя в воспоминаниях ту, что любил.

Выписывал газеты и журналы, но они только на время отрывали от одиночества — матери беспокойства. И хотя ему иногда казалось, что такая форма существования приносит и свои вкусные плоды, как он полагал, это касалось творческого процесса. В такие минуты он брал карандаш или ручку и записывал нахлынувшие, как ему казалось, удачные мысли и обобщения. Иногда эти мысли возникали внезапно, и он их фиксировал тут же на полях газет или журналов, чтобы не забыть, а потом записать в свой блокнот.

Но и эти минуты счастья проходили, вызывая дальше противоположный полюс эмоционального состояния под названием — депрессии… О, как они надоедали! Он хорошо

понимал, как тяжело сознавать себя одиноким, находясь среди людей и где-то далеко-далеко от своих друзей по контрразведывательному ремеслу, которые его уважали и прислушивались к мнению ветерана.

«Человек велик и красив, только если думать о нем, сидя на месте, — размышлял Николай Григорьевич. — Стоит выйти на улицу, и мысли о величии уступают мыслям сострадания за грехи и другие огорчительные поступки этого самого человека. Он ругается и сорит, ворует и грабит, обманывает и издевается, в том числе и над братьями нашими меньшими. Вчера видел, как возница остервенело, до крови бил по крупу лошаденку, тащившую под гору тяжелейший воз с сырыми дровами. Она еле переставляла ноги, а он хлестал и хлестал ее горячим кнутом, да так, что рубцы тут же вспучивались, словно подкожные змеи гуляли по крупу.

Что это, как не деформация человека? А может, это его настоящий портрет в определенных условиях? Нет, все зависит от человеческих морали и нравственности, за которыми стоят конкретные поступки личности».

Волны воспоминаний наплывали одна за другой, когда хотелось прислониться к красивой стене прошлого, связанного с честной и чистой службой, которой он отдал около тридцати лет. Но за этой красивой стеной, за приятным фасадом лежало теперь, увы, мертвое прошлое. Оно больше не вернется, в него никогда нельзя будет окунуться. Прошлое для него теперь было не чем иным, как ведром праха.

В красивости человеческого бытия он видел загруженность субъекта конкретной и нужной для народа и страны работой. Это был не дешевый популизм по неволе трибунного партократа, а мысль настоящего патриота своей Родины, которого нечистоплотные люди из новой власти вытолкнули с большака славы и уважения, желания честно трудиться на обочину забвения и одиночества.

И как бы в оправдание несогласия со своим прозябанием он пытается засесть за написание кое-каких воспоминаний. Партийные чиновники из Центрального райкома партии не раз просили написать мемуары. Вспомнить о встречах с «Большой тройкой» — Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем, работе в послевоенной Германии. Он отнекивался, ссылаясь на недостаток времени, усидчивости и главное, что эпохальные события превратились в мелкотемье по вине некоторых высоких начальников. Поднимаемые вопросы он считал многим неинтересными. И все же он лукавил. Знал Николай Григорьевич о Тегеранской конференции 1943 года очень много, но обет

молчания, очевидно, данный тогда Сталину или Абакумову, сопровождал его всю жизнь, до той последней точки, которая была поставлена болезнью на закончившейся биологической программе бытия опального генерала.

Сопровождает нас этот обет молчания, к сожалению, до сих пор. Но мы же живые люди и хотим знать правду о человеке, который не был ни врагом, ни грешным для Родины, а являлся долгие годы ее защитником и нераскрытым героем.

* * *

Две крохотные комнаты в квартире Николая Григорьевича Кравченко с каждым годом становились все меньше и меньше. Так ему казалось. Квартира, как шагреневая кожа, сжималась стенами, потолком и полом, уменьшаясь в объеме, пока не превратилась в одну пыточную камеру-одиночку, в которой было холодно, неуютно, одиноко. Он много курил. Баловался сигаретами и папиросами в разное время, но предпочтение отдавал трубкам, которых у него было несколько. Так он превратился в профессионального трубокура. В последнее время курил исключительно «Казбек».

Когда сестра Ольга приходила к нему хозяйничать, она упрекала его в том, что он много чадит, что здоровье не железное — годы берут свое. Пора остановиться — уже «не молодой хлопец».

— Коля, бросай это грязное дело для легких, — предупреждала она. — Побереги себя и для себя, и для нас.

— А ты знаешь, что я не затягиваюсь и почти не глотаю дым. Это при курении сигарет и папирос курильщики втягивают большие порции дыма. А трубка в этом смысле экономна.

— Все равно, ты пассивно куришь даже тогда, когда не куришь, вдыхая повышенную «накуренность» помещения.

— Как?

— Посмотри, в комнате стоит дым коромыслом. И до кухни он добрался, — сердилась Ольга, готовя ему его любимые картофельные оладья — деруны.

Он знал правила и смысл трубочного курения — прежде всего делалась оценка вкусовых качеств табака и только потом определялся объем в насыщении организма никотином. Любил он табак английской марки «Captain Black», который доставал на рынке. Его спекулянты привозили из Польши.

Попытка начать писать ограничивалась коротенькими записями своих раздумий о культуре и науке, литературе и

религии, друзьях и врагах. Он, например, считал, что культура — это судьба. Каждый народ живет в соответствии с собственными традициями, привычками и чаяниями. Будущее для него было явлением, когда люди будут умирать не за партию, а просто потому, что они — люди. Потом он стал читать свои блокноты с записями, сделанными в разные годы и в разных местах службы на темы одиночества и национальной индивидуальности и идентичности:

«Это участь всех людей, каждый человек для себя — один-единственный на свете. Один-единственный сам по себе среди великого множества других людей и всегда боится… Жизнь — это одиночество»…

«Почему люди, как правило, избегают одиночества? Потому что наедине с собой лишь немногие наслаждаются приятным обществом»…

«Каждый из нас одинок в этом мире. Каждый заключен в медной башне и может общаться со своими собратьями лишь посредством знаков. Но знаки не одни для всех, а потому их смысл темен и неверен. Мы отчаянно стремимся поделиться с другими сокровищами нашего сердца, но они не знают, как принять их, и потому мы одиноко бредем по жизни, бок о бок со своими спутниками, но не заодно с ними, не понимая их и не понятые ими»…

«Для очень одинокого и шум оказывается утешением»…

«Одиночество придает нам большую черствость по отношению к самим себе и большую ностальгию по людям. В обоих случаях оно улучшает характер»…

«Лишь теперь я одинок: я жаждал людей, я домогался людей, а находил всего лишь себя самого — и больше не жажду себя»…

«Что нужно для русской национальной индивидуальности? Это нужды для каждого конкретного человека: свобода труда и творчества и устойчивость свободы труда и творчества. Нам нужна какая-то страховка от вооруженных нашествий иноземцев извне и внутренних революций…»

И он больше не жаждал себя. Все потому, что в свои неполные шестьдесят пять лет организм его был изношен до предела самой госпожой Жизнью, переживаниями и одиночеством. Цеплялись разные болезни…

По воспоминаниям сестры Ольги, в середине семидесятых он заболел и слег. Она носила ему корреспонденцию и еду, но чаще готовила первые и вторые блюда у него на кухне. Ему только оставалась разогреть пищу в кастрюле или сковородке.

Накануне его смерти, видя как брату плохо, как от болей он чуть ли не скрипит зубами, чтобы не выдавить стона, сестра

предложила остаться у него переночевать. Но он отправил ее домой.

— Ну что ты, Олюшка! У меня все в порядке. Иди домой, дорогая. Прошу, иди домой! У тебя ведь тоже большое хозяйство — мужики. Я сам как-нибудь справлюсь. Спасибо за заботу!

Наутро, когда Ольга принесла ему еду, она нашла его уже холодным, вытянувшимся вдоль кровати и с неестественно бледным лицом на фоне темных с появившимися проседями волос. Он был мертв.

Она вскрикнула:

— Коля! Как же это так? Мы вчера еще говорили…

Это была смерть или тот мир за вычетом ушедшего от нас человека. Так смерть превратила жизнь Николая Григорьевича Кравченко в его судьбу.

Это сучилось 13 апреля 1977 года.

На третий день после смерти его похоронили на «старом» кладбище. Предали земле по-христианскому обычаю. Потом поставили дешевый бетонный «надолб» с короткой эпитафией:

Генерал-майор
КРАВЧЕНКО
Николай Григорьевич
12XII 1912–1977 IV 13

По признанию сестры, сразу же после похорон в комнату Николая Григорьевича Кравченко пришли сотрудники органов госбезопасности и забрали с собой все его записи.

Но, мне кажется, их интересовали не столько записи, сколько дарственное оружие: именная шашка, а может, и пистолеты, которыми фронтовики сполна одаривались на фронтах.

Генеральскую форму — шинель, мундир и фуражку брата сестра Ольга отдала своей хорошей знакомой, которая работала костюмером в областном драматическом театре. Получается, военная форма Николая Григорьевича Кравченко продолжала нести патриотическую службу еще многие годы на подмостках и подиумах областной, а значит, и всей советской культуры.

Вот так опустился жизненный занавес интересного по-своему человека, которому не дали возможность рассказать, как же все-таки было там, в далеком горном Тегеране в ноябре-декабре 1943 года, и за какие заслуги он получил досрочное генеральское звание и боевые награды, и почему так громко и обидно уволили? Почему мы, его потомки, до сих пор упорно молчим?

Время со временем, да простите меня, читатели, за тавтологию, откроет причину столь долгого молчания о герое. А все, о чем нам стало известно, — спасибо объективке.

Генерал-майор Кравченко Николай Григорьевич

Кравченко Николай Григорьевич родился в 1912 году в селе Котовка Екатеринославской губернии в семье крестьянина-бедняка. Украинец.

Член ВКП(б) с сентября 1937 года. Кандидатский стаж проходил с мая 1932 года.

Образование: школа-семилетка в селе Котовка Днепропетровского округа — 1928 года, два курса землеустроительного техникума в Днепропетровске с января 1929 по сентябрь 1930 года, средняя школа № 8 в городе Львове, 1956 год.

Работал вначале в хозяйстве родителей в селе Котовка с мая 1929 по сентябрь 1930 года.

Землеустроительный практикант окружного земельного отделения Верхнеднепропетровска в поселке Соленое УССР с сентября 1930 по май 1931 года.

С мая по октябрь 1931 года трудился грузчиком завода им. Ворошилова в городе Днепропетровске.

Служба в РККА — рядовой 1 — го кавалерийского полка 1 — й кавалерийской дивизии красного казачества, Киевского военного округа (КВО) с октября 1931 по октябрь 1933 года.

В органах ОГПУ-НКВД-СМЕРШ-МГБ-МВД-КГБ:

1. Помощник оперуполномоченного, оперуполномоченный СПО Краснокутского райотдела ГПУ-НКВД Харьковской области с октября 1933 по октябрь 1936 года.

2. Слушатель спецкурсов НКВД УССР в городе Харькове с октября 1936 по май 1938 года.

3. Начальник отделения 4-го отдела УГБ УНКВД по Харьковской области с 1 мая 1938 по июнь 1938 года.

4. Оперуполномоченный, помощник начальника 9-го отделения, начальник отделения Особого отдела (ОО) Харьковского военного округа с июня 1938 по июль 1939 года.

5. Начальник ОО НКВД Одесского гарнизона с июля по ноябрь 1939 года.

6. Начальник 1-го отделения, секретарь партбюро ОО НКВД Одесского военного округа с ноября 1939 по июнь 1941 года.

7. Заместитель начальника ОО НКВД 34-й армии Северо-Западного фронта со 2 ноября 1941 по май 1943 года.

8. Помощник начальника ГУКР Смерш по Брянскому фронту с 26 мая 1943 по июль 1944 года.

9. Начальник Отдела контрразведки Смерш НКО СССР по Среднеазиатскому военному округу с 8 июля 1944 по 9 июля 1945 года.

10. Начальник Отдела контрразведки Смерш НКО СССР по

Туркестанскому военному округу с 9 июля 1945 по 1 октября 1945 года.

11. Начальник Управления контрразведки Смерш Особого военного округа Кенигсберг с 1 октября 1945 по 4 февраля 1946 года.

12. Начальник отдела «2-А» Второго главного управления МГБ СССР с 15 июня 1946 по 5 августа 1947 года.

13. На курсах переподготовки руководящего состава при Высшей школе МГБ СССР, Москва, с августа 1947 по июль 1948 года.

14. В резерве МГБ СССР с июля 1948 по ноябрь 1948 года.

15. Заместитель начальника Управления контрразведки МГБ Группы советских оккупационных войск в Германии с ноября 1948 по декабрь 1952 года.

16. Заместитель начальника Управления контрразведки МГБ, а потом — Особого отдела МВД СССР по Белорусскому военному округу с декабря 1952 по 23 января 1954 года.

17. Начальник Особого отдела МВД-КГБ Прикарпатского военного округа с 23 января по 1954 по август 1959 года.

Звания:

— лейтенант госбезопасности (ГБ) — 2 ноября 1941 г.;

— старший лейтенант ГБ;

— капитан ГБ — 15 мая 1942 г.;

— подполковник ГБ — 11 февраля 1943 г.;

— генерал-майор — 21 февраля 1944 г.

Награды:

— Три ордена Боевого Красного Знамени — 28 октября 1943, 13 сентября 1945 и 23 мая 1952 гг.;

— Орден Отечественной войны 1-й степени 25 марта 1945 г.

— Два ордена Красной Звезды 12 июня 1942 и 21 мая 1947 гг.;

— Девять медалей;

— Знак «Почетный работник ВЧК — ГПУ (XV) 14 августа 1938 г.

Скончался 13 апреля 1977 года в Калининграде, где и предан земле.

ВОСПОМИНАНИЯ СОСЛУЖИВЦЕВ

Воспоминание — это единственный рай, из которого мы не можем быть изгнаны.

Иоганн Рихтер

Годы жизни в Советском Союзе — это было порой очень тяжелое время для нашего поколения. Но сейчас люди сошли с ума по этим временам и требуют: «Не очерняйте ту жизнь! В ней было много чего хорошего, которое затоптано нашим беспамятством!»

В поиске живых свидетелей, знавших Николая Григорьевича Кравченко, автору удалось найти некоторых из них, которые существенно дополнили штрихи к портрету интересного человека, патриота Отчизны и великого молчуна о своей главной работе в Тегеране.

Генерал-лейтенант в отставке, участник Великой Отечественной войны Устинов Иван Лаврентьевич

— Иван Лаврентьевич, служа в Германии, вы были свидетелем эпохальных событий 1953 года. В это время начальником управления военной контрразведки МГБ СССР по ГСВГ был генерал-лейтенант Железников Николай Иванович, с которым мне довелось общаться во время учебы в Высшей школе КГБ при СМ СССР в начале шестидесятых. Он был начальником 7 — го факультета. У нас, слушателей того периода, создалось о нем впечатление как о высоком профессионале и добром человеке. Как известно, это было время гонения на органы со стороны нового руководства страны в лице И. С. Хрущева. Что случилось с руководством управления?

— Да, время вы правильно охарактеризовали — время гонений. Не разбирались, кто прав, кто виноват. Генерал-лейтенант Николай Иванович Железников судебных преследований избежал, но был уволен в отставку. В годы войны он был опытным руководителем больших коллективов военных контрразведчиков — армий и фронтов. Он обладал качествами доброго и внимательного человека, смелого в принятии сложных решений. В целом это был достойный и преданный делу руководитель. Жаль, что с ним в то время обошлись так грубо и незаслуженно.

— А кто был его заместителем?

— Первым его заместителем некоторое время был генерал-майор Николай Григорьевич Кравченко, который во время войны

принимал непосредственное участие в предотвращении террористической акции в Тегеране против тройки глав государств антигитлеровской коалиции СССР, США и Великобритании — Иосифа Сталина, Франклина Рузвельта и Уинстона Черчилля. Планировалось физическое устранение так называемой «Большой тройки» немецкими спецслужбами.

Именно за это, как стало потом известно, по предложению президента США Франклина Рузвельта нашему военному контрразведчику, сотруднику Смерша НКО СССР Николаю Григорьевичу Кравченко, тридцатидвухлетнему подполковнику, было присвоено генеральское звание. Однако он никогда не упоминал об обстоятельствах этого события, вел замкнутый, одинокий образ жизни.

Генерал Кравченко завершил службу на должности руководителя Особого отдела КГБ при СМ СССР по Прикарпатскому военному округу. Он был уволен без полной пенсии за якобы участие в допросах во время массовых репрессий 1937 года.

Позднее с моим участием дело было пересмотрено, и его восстановили в правах. Как оказалось, в допросах польских террористов, сбитых в резидентуры на территории крупных советских городов, он участвовал в качестве стажера, исполняя практически роль писаря. Так нелепо складывались иногда судьбы людей в то непростое время.

Заполучить у генерала Кравченко какие-либо материалы или воспоминания об участии в событиях Тегеранской конференции так и не удалось…

Генерал-майор в отставке Иванов Леонид Георгиевич, участник Великой Отечественной войны, служивший с нашим героем в ГСОВГ

— Леонид Георгиевич, вы нош гуру по многим вопросом истории военной контрразведки и, в частности, периода, когда она называлась хлестким, как выстрел, именем — Смерш. Знаю, вы служили с Николаем Григорьевичем Кравченко в Группе советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ). Не могли бы вы вспомнить что-либо об этом человеке?

— Да, я имел счастье служить с этим изумительным человеком, каким был заместитель начальника Управления особых отделов МГБ СССР по Группе советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ) — так она тогда называлась, — генерал-майором Кравченко Николаем Григорьевичем. Мы знали, что он принимал активное участие по разоблачению немецкой агентуры в Тегеране при проведении международной конференции, за что досрочно через звание получил звание

генерал-майора.

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны И.В. Сталин дал высокую оценку деятельности органов Смерш и высказал благодарность всему личному составу военной контрразведки за проделанную титаническую работу в годы войны.

Но война закончилась. Шел процесс широкого сокращения Вооруженных сил СССР. За ненадобностью ликвидировались и многие отделы Смерша, ставшие потом отделами МГБ после образования 15 марта 1946 года Министерства государственной безопасности СССР во главе с Виктором Семеновичем Абакумовым.

Под сокращение попали сотни оперативных работников. Я же под увольнение не угодил: напротив, меня перевели с повышением из отдела контрразведки Смерш армии в управление МГБ СССР ГСОВГ. Там был назначен начальником отделения, которое занималось оперативным обслуживанием всех частей группового подчинения.

В начале 1949 года меня руководство выдвинуло начальником Особого отдела 28-го гвардейского стрелкового корпуса, штаб которого дислоцировался в городе Гере — земля Тюрингия. Курировал корпус заместитель начальника Управления особых отделов МГБ СССР группы войск генерал-майор Николай Григорьевич Кравченко.

— Какое впечатление сложилось у вас при рабочих встречах с ним?

— Скажу кратко, он был профессионал, как говорится, высокой ковки. Дело наше знал глубоко. Часто бывал в гарнизонах. Чувствовалось сразу — опытный был контрразведчик. При планировании тех или иных агентурно-оперативных мероприятий мог подсказать и посоветовать недостающие детали, дельные пункты. Писал документы грамотно и быстро. Ростом был примерно, как я, — высокий. Стройная фигура, крепкое телосложение, копна черных, как смоль, рассыпающихся волос, лицо с карими глазами вызывали умиление. Его женщины так и называли — красавец. Бегали за ним много дам. Мне тогда казалось, что он мог легко убедить в своей правоте любого. Это был оперативник-агентурист, что называется, от бога!

— Что вы знаете о личной жизни Николая Григорьевича?

— Знал, что он был холостяком. Но на одном из концертов он приглянулся известной тогда киноактрисе, фамилию, к сожалению, забыл, сколько воды уже утекло. Лицо ее по фильмам представляю, а вот как величали артистку, не смогу вспомнить. Она первой сыграла роль Аксиньи в фильме по роману Шолохова

«Тихий Дон»… Мне скоро сто лет.

— *Не Цесарская?*

— Да-да, она.

— *Так они жили вместе?*

— Нет, она нередко приезжала к нему. Наберет подарки — тряпки и другое барахло, и в Москву. А он ее опекал, видно, любил, что ли…

— *Можете вспомнить, что-либо интересное в оперативной работе, где участвовал генерал Кравченко?*

— Почти все оперативные операции, проводимые личным составом особого отдела МГБ 28-го гвардейского корпуса, он курировал лично. Вот несколько характерных для того времени примеров.

Офицер-артиллерист в городе Гере, майор, установил близкую связь с одной из немок, которая, по нашим данным, была связана с иностранной разведкой. Она стала потихоньку обрабатывать майора и склонять его к уходу на Запад. Имея такие сведения, я вызвал к себе офицера для профилактической беседы, в которой потребовал от него прекращения контактов с немкой. Указав, что в противном случае он может быть отправлен в Советский Союз. Он в принципе согласился с моими доводами.

Через некоторое время поступили данные, что офицер не является на службу. Мы, естественно, встревожились, думая о том, что он, возможно, бежал с пассией на Запад.

— *Наверх, наверное, докладывали?*

— Конечно, сразу же доложил генерал-майору Кравченко. Он, скажу вам, довольно спокойно отреагировал на мою «неприятность» и порекомендовал провести серию конкретных мероприятий.

Незамедлительно пошли на квартиру к немке. Дверь оказалась закрыта. На стук и звонки никто не отвечал. Ну, думаю, вот будет взбучка мне — проворонил перебежчика. Уволят из органов, а я на взлете…

Взломав дверь, мы нашли несчастную хозяйку и нашего майора, молодых и красивых, лежавших на кровати валетом мертвыми. Она погибла от выстрела в сердце, а он — от пули в висок.

— *Записки никакой не оставил?*

— Оставил. На клочке бумаги майор просил никого не винить в произошедшем. Офицер писал, что он и Габриэль любят друг друга, но от него требуют прекратить связь, что выше его сил. Уйти на Запад, как советский офицер, он не может, и потому они избрали единственный оставшийся им путь, решив по взаимному согласию покончить жизнь самоубийством.

До сих пор вижу перед собой мужественное лицо того боевого майора с множеством орденских планок на кителе, вижу и который раз спрашиваю себя, так ли я все ему сказал при профилактической беседе, все ли нужные слова тогда нашел?

Похоронили их в одном гробу…

А вот другой пример.

Молоденький лейтенант изнасиловал словоохотливую немку. В этом не было необходимости, эта немка свободно и с большим желанием шла на интимную связь с нашими офицерами. Лейтенант был очередной ее жертвой. Его арестовали. Узнав об этом, к командиру части пришел отец потерпевшей женщины.

Он задал вопрос:

«Зачем и за что арестован герр офицер?»

«Подумаешь, изнасиловал дочь! Что здесь такого? Раньше в Германии с того, кто совершит изнасилование, брали штраф в 50 марок и все. А вы — сразу арест! И потом, имейте в виду, — продолжал ходатай, — девочка ведь тоже получила удовольствие».

Вот такая мораль.

Во всяком случае военные контрразведчики продолжали заниматься выявлением связей армейских офицеров с немками, так как через эти связи могла идти обработка офицеров на вербовку или склонение к измене Родине.

— Как вел себя Николой Григорьевич с подчиненными?

— Я не знал другого такого начальника, который так бы спокойно чувствовал себя в любой стрессовой ситуации. Он умел сдерживать эмоции даже тогда, когда подчиненный был неправ или совершал ошибку.

Неправого субъекта пытался убедить в неправоте, а ошибающемуся доказать в корректной форме суть ошибки и как ее исправить. В оценках деятельности того или иного работника он был беспристрастен, объективен и честен. Ценил работников по их деловым качествам и конкретным результатам. Взвешивая чужие промахи, мало кто из нас не положит руку на чашу весов. Он никогда не клал ее для лишнего веса.

Убыл генерал Кравченко из Германии где-то в начале пятидесятых годов… Больше я с ним не встречался, хотя знал, что в последнее время он служил в Белорусском, а потом в Прикарпатском военных округах. Из Львова он и был уволен…

Генерал-майор в отставке, прослуживший с героем повествования Н.Г Кравченко в Особом отделе КГБ при СМ СССР по ПрикВО четыре года, — Кириллов Василий Афанасьевич

— Василий Афанасьевич, мы с вами служили в 1-м секторе Особого отдела КГБ при СМ СССР по Прикарпатскому военному

округу, только вы ровно на десять лет раньше покинули Львов, убыв в 1959 году в ГСВГ, а я в 1969-м — в ЮГВ. К сожалению, мне не посчастливилось застать Николая Григорьевича Кравченко, а вы с ним проработали не один год. Расскажите о совместной службе с ним и, конечно, об этой интересной личности.

— Летом 1954 года после окончания 311-й школы военных контрразведчиков в Новосибирске я был направлен в распоряжение кадров Особого отдела КГБ по Прикарпатскому военному округу.

Выпуск наш был необычным и, по-моему, единственным, по двухгодичной программе. Ранее обучение продолжалось один год. В 1953 году обстановка в органах госбезопасности была сложной: смерть И.В. Сталина, арест Л.П. Берии, в тюрьме сидел и бывший руководитель СМЕРШа Виктор Семенович Абакумов, начался пересмотр дел на ранее репрессированных советских граждан и увольнений многих виновных и невиновных сотрудников.

Поэтому в школе после прохождения плановой программы решили продлить срок учебы еще на один год, с тем чтобы более качественно подготовить нас.

В Особом отделе округа, который размещался во Львове на улице Гвардейской, приняли меня тепло. Жили мы с женой в гостинице «Варшавской», и, после того когда кончились наши подъемные деньги, нам дали комнату в центре города с подселением к семье пожилых поляков. Как имеющего неполное высшее образование и успешно завершившего учебу на курсах ВКР в Новосибирске, меня оставили работать в 1 — м секторе Особого отдела КГБ при СМ СССР по Прикарпатскому военному округу.

В оперативное обслуживание дали Львовское пехотное училище, отдельную часть «ОСНАЗ», занимающуюся радиоперехватом и подчиненную непосредственно ГРУ Генштаба; несколько отдельных складов, хозяйственных и ремонтно-строительных организаций, обеспечивающих штаб и части округа. Одним словом, нагрузили по полной программе.

Сотрудники отдела отнеслись ко мне доброжелательно. Многие из них были участниками Великой Отечественной войны, имели большой опыт, но не всегда высокие звания. Должность старшего оперуполномоченного в то время была капитанской. Моим первым наставником был майор Кабанов Иван Яковлевич, от которого я и принял часть перечисленных выше объектов. На первых порах он учил меня чекистскому мастерству, и всю работу сначала делали вдвоем. Помогали мне и другие оперативные работники. Коллектив был очень дружный и во всем

поддерживали друг друга.

Начальником 1 — го сектора в то время был полковник Катков Н.А., который хорошо разбирался в специфике нашей работы, очень грамотно составлял оперативные документы.

— Когда вы первый раз встретились с Николаем Григорьевичем?

— После принятия перечисленных объектов, а также документации по ним я был вызван на ознакомительную беседу к начальнику Особого отдела округа генерал-майору Кравченко Николаю Григорьевичу.

Это было первое близкое знакомство с ним, хотя от ветеранов отдела мне было известно, что звание генерала он получил лично от товарища И.В. Сталина за участие в предотвращении террористического акта в 1943 году, когда главы нашего государства, США и Англии собрались для международной встречи в Тегеране. Кравченко в тот период было чуть больше тридцати.

Со смешанным чувством шел я на встречу со столь легендарной личностью, предварительно хорошо подготовившись к докладу по обстановке на объектах и по делам оперативного учета. Вместе со мной на беседе был и мой начальник полковник Н.А. Катков.

Однако мои тревоги оказались напрасными. Состоялся обстоятельный разговор руководителя с начинающим оперативником, который запомнился мне на долгие годы. Внимательно, ни разу не перебив, генерал выслушал мой доклад, а затем стал говорить о сложной послевоенной обстановке в западных областях Украины. Особый упор он сделал на возможные подрывные действия украинских националистов, приведя пример гибели от рук бандеровцев легендарного разведчика Николая Кузнецова и прогрессивного украинского писателя Ярослава Галана. Кстати, последний жил на той же улице Гвардейской в доме между Особым отделом и Управлением КГБ по Львовской области.

Высказывая практические советы по организации работы на обслуживаемых мною объектах, он подчеркнул, что во всяких мелких строительно-ремонтных организациях, где работают в основном гражданские лица, может быть самый разный контингент, заслуживающий нашего внимания.

При рассмотрении находящихся у меня в производстве дел и сигналов он обратил внимание на одного служащего квартирно-эксплуатационной части гарнизона, который во время одной из командировок в войска проявил интерес к режимному объекту, имел переписку с лицами, проживающими за границей, а его

дальние родственники якобы поддерживали связь с местными националистами.

Это дело он оставил у себя, пригласив меня одного на следующий день для продолжения разговора. В назначенное время я прибыл к нему в кабинет с рабочей тетрадью и был готов записать все его указания. Вместо этого он сразу же предложил составить по делу конкретный план и стал диктовать готовые пункты. В этом документе, как подчеркнул он, должны быть предусмотрены меры по использованию нашего негласного аппарата и территориальных органов, оперативно-технические и другие проверочные мероприятия. Так незаметно над документами мы проработали полдня.

В период работы над планом я не только писал, но и наблюдал, как Николай Григорьевич Кравченко ведет себя. А он, сняв мундир и повесив его на спинку стула, широкими шагами ходил по кабинету и все время курил трубку. Когда она гасла, он вновь набивал ее табаком и продолжал курить. Не знаю, было ли это его постоянной привычкой или подражанием И.В. Сталину, но так было то, что я зафиксировал и помню до сих пор.

План был составлен и утвержден им, а мне предстояло трудиться над его выполнением. О результатах работы по делу можно сказать коротко. Оно было прекращено, так как ничего серьезного из первоначальных материалов не было подтверждено.

Интерес к режимной части объект проявил только один раз, спросив у нашего источника, почему его не приглашают для контроля в указанный гарнизон. Ему было сказано, что это объект центрального подчинения и их офицеры сами занимаются организацией работ на нем.

Больше ни разу к разговорам на эту тему он не возвращался. В процессе общения с нашим источником было установлено, что никакого интереса к другим военным объектам он не проявлял, вел нормальный образ жизни, неоднократно подчеркивал, что люди в городе и селах стали жить лучше и он вполне доволен своим служебным положением.

Что касается его связи с заграницей, он не скрывал, что в Канаде проживают его дальние родственники, выехавшие туда до войны, в период массовой эмиграции украинцев в поисках лучшей жизни. Занимаются они там фермерством, живут скромно, два раза прислали жене посылки с поношенными вещами. Не было получено никаких серьезных данных и о контактах с националистами. По месту рождения его жены некоторые родственники действительно привлекались за совершенные ранее преступления, но все они, отбыв положенные сроки, вернулись из лагерей, и связи с ними семья проверяемого

не поддерживала.

Утверждая постановление о прекращении дела, генерал-майор Н.Г. Кравченко заметил, что работа проделана большая в короткие сроки, а негласная проверка этого гражданина позволила нам самим разобраться в существе дела и не допустить никакой натяжки в материалах.

Практически нам пришлось исправлять ошибки работника, который заводил дело. Но это тоже был результат — снималось подозрения с честного, невиновного человека. Ну а для меня это был наглядный урок по оценке материалов, и я получил первые навыки работы по конкретным делам. Все последующие годы работы в военной контрразведке я помнил об этом, старался строго соблюдать принципы законности, а став руководителем, передавал эти навыки своим подчиненным.

— Были ли еще чисто деловые контакты у вас с начальником Особого отдела КГБ округа?

— Кроме указанного примера за пять лет пребывания в Особом отделе округа был еще ряд случаев, которые докладывались лично генералу Н.Г. Кравченко.

Так, однажды ночью меня поднял телефонный звонок дежурного пехотного училища. Он сообщил, что совершено нападение на часовых, один из которых получил ранение. Все это произошло на хозяйственной территории, где находились склады с оружием, ГСМ, учебная техника и автотранспорт. Склад охранялся только в ночное время. Он находился в стороне от учебных корпусов и вплотную примыкал к Лычаковскому кладбищу.

Прибыв на место, я начал разбираться в обстоятельствах. Пострадавший курсант, который впервые нес службу с боевым оружием, был страшно напуган. Он утверждал, что его забросали камнями, одним из которых был ранен в голову. Когда он открыл стрельбу, со стороны кладбища тоже начали стрелять, и отчетливо были видны вспышки выстрелов. На его выстрелы прибежал начальник караула, который подтвердил, что со стороны кладбища велась ответная стрельба и он тоже зафиксировал выстрелы. Общий опрос часовых ничего нового не дал, и я начал беседовать с каждым в отдельности, подробно расспрашивая их о службе и о том, как они готовились к наряду, не было ли каких подозрительных моментов.

Один из них неожиданно рассказал, что днем он лично видел, как курсант, который готовился в наряд, встречался с девушкой и договаривался о встрече в ночное время. Этот курсант первым отстоял свою смену и сейчас отдыхает. Его немедленно подняли и после некоторого запирательства он рассказал, что во

время нахождения на посту он в течение двух часов говорил со своей знакомой через забор, а потом ушел спать. Он назвал имя девушки и ее адрес. Она рассказала, что действительно приходила на свидание к знакомому курсанту, но, поскольку ночью одной ходить опасно, то пригласила свою подругу. После смены часового девушки остались около забора, чтобы познакомиться с другим курсантом. Для привлечения его внимания они первоначально стали бросать в его сторону маленькие камушки, а затем и более крупные. Но этот «псих», как они выразились, не понял их добрых намерений и открыл стрельбу. Они спрятались за памятником, а потом уползли с кладбища.

Никаких посторонних лиц они не видели. Было сделано предположение, что попадание пуль в каменные памятники вызывало искры от ударов и часовые в темноте могли их принять за ответные выстрелы. При осмотре эта версия нашла свое подтверждение, так как на многих памятниках были обнаружены свежие следы от пуль.

По этому факту я докладывал лично Н.Г. Кравченко, а тот имел разговор с начальником штаба округа. После этого случая командование училища по всем нарушениям караульной службы приняло самые строгие меры.

Еще один пример, когда мне пришлось принимать активное участие в разбирательстве конкретного факта. К дежурному по Особому отделу пришел прапорщик, который принес бумажник, обнаруженный им в туалете на станции Львов.

В бумажнике находились три листовки, написанные от руки на обрывках газет с призывом: «бей москалей» и подпись — «сичовый стрилець запорожец».

Автора искать не надо было. Кроме листовок там же лежал его паспорт и на клочке бумаги записан адрес КЭЧ (квартирно-эксплуатационная часть) Львовского гарнизона, которую обслуживал я. Однако в списках работников этого заведения он не значился, и пришлось потратить немало сил и времени, чтобы найти его. Первоначально было принято решение направить меня в село Пустомыты, расположенное недалеко от города Львова, в котором объект оперативной разработки был прописан.

Приехав рано утром в это село на пригородной электричке, я обратил внимание на какую-то чрезмерную оживленность его жителей. Они собирались группами, переходили из дома в дом и о чем-то негромко переговаривались. Некоторые из них, увидев меня в военной форме, низко кланялись и говорили: «День добрый, пан офицер». Один из подростков даже вызвался проводить меня до здания, где размещался районный отдел

госбезопасности.

Там во дворе тоже было много оперативных сотрудников и автомашин. Начальник райотдела, узнав о цели моего приезда, удивился, почему я без оружия, и повел в каменный сарай, где находились задержанные ночью трое бандитов. Он добавил, что всех бандеровцев они переловили, а эти — последние, около десяти лет скрывались в бункере, построенном в лесу.

Стало известно, что они в эту ночь придут за продуктами. Задержанными были двое мужчин с обросшими бородами, с лицами землистого цвета, и молодая девушка привлекательной внешности, которая являлась связной надрайонного провода ОУН. Как сказал начальник райотдела, их дальнейшую судьбу будут определять следствие и суд, а пока мы их отправляем во Львов — в следственный изолятор.

Во время этой поездки об интересующем меня человеке удалось узнать немного. Он — постоянный житель этого села, никакой активной националистической деятельностью ранее не занимался, малограмотный, в основном проводит время на приусадебном хозяйстве. Часто выпивает, иногда как печник выезжает во Львов, чтобы заработать дополнительно денег на содержание семьи и выпивку. К сожалению, где он работает, они не знали.

После возвращения во Львов мы пригласили коменданта нашего отдела подполковника Королева и попросили его оказать помощь в розыске. Когда ему показали паспорт и фотокарточку, он тут же сказал: «А что его искать, он работает у нас в хозяйственном взводе, вместе с солдатом переводит печное отопление на газовое». Этого человека ему рекомендовали в КЭЧ, а работал он по разовому соглашению.

Дальнейшая работа по «печнику» больших затруднений не вызывала. Был добыт образец его почерка, и графическая экспертиза подтвердила его авторство в изготовлении листовок. Через территориальные органы было установлено, что нигде аналогичных листовок не обнаружено, а сам автор был малограмотным человеком, никакой враждебной деятельностью не занимался. Поэтому генерал-майор Кравченко дал указание переслать материалы по месту жительства.

В ходе профилактической беседы «печник» сначала отрицал свое авторство в изготовлении листовок, но после заключения графической экспертизы сознался, что действительно изготовил их в количестве трех штук, но долго не решался где-либо разбросать. Мотивом к их написанию послужило то, что он длительное время искал работу по специальности, но везде ему отказывали, в том числе и на военных объектах. Сделал он это

после «хорошей пьянки».

Ремонт печей во взводе охраны продолжал уже другой печник, а коменданту отдела Королеву генерал Кравченко сделал серьезное внушение за допущенное нарушение в поборе специалистов из гражданских лиц.

— В Киеве проживает ветеран военной контрразведки генерал-майор Василий Ефимович Грачев. Говорят, он тоже был знаком с Николаем Григорьевичем. Это соответствует действительности?

— Действительно, в конце 2010 года в Киеве вышла книга ветерана военной контрразведки генерал-майора Грачева Василия Ефимовича «Через годы, через расстояния». Издание является подарочным и предназначено для ветеранов и родственников, поскольку тираж его всего шестьдесят экземпляров.

В этой книге наряду с личными воспоминаниями Грачев довольно подробно делится своими впечатлениями о генерале Кравченко, у которого он пользовался особым доверием. В частности, во время одной из поездок в подчиненные органы он услышал рассказ Кравченко о его пребывании в Тегеране и обстоятельствах получения генеральского звания. Грачев В.Е. описывает это следующим образом:

«…И вдруг Н.Г. Кравченко получает команду немедленно явиться к И.В. Сталину, который в этот момент находился в посольском парке вместе с Рузвельтом. Американец сидел в кресле, а Сталин прохаживался возле него. Подполковник Кравченко по воинским правилам и уставу доложил Сталину о своем прибытии по его указанию. Он взял Н.Г. Кравченко под руку и сказал Рузвельту:

— Вы хотели видеть своего спасителя? Вот, пожалуйста.

Рузвельт подал руку Кравченко и, пожимая, долго продолжал держать ее. Он выразил ему слова благодарности за важную победу над врагом. А обращаясь к Сталину, сказал:

— Я хотел бы видеть его генералом.

Сталин мигом ответил:

— С вами встречается генерал Кравченко.

Так на тридцать втором году жизни этот замечательный, внешне очень красивый, высокого роста и плотного телосложения, скромный человек, о котором я еще не раз буду вспоминать, получил звание генерала фактически от Рузвельта.

Обрадованного этой встречей Николая Григорьевича не покидало сомнение — не являлось ли услышанное от двух великих мира сего вождей вынужденным эпизодом дипломатического приличия? Но всякие сомнения рассеялись, когда через два дня из Москвы ему был доставлен полный комплект генеральского обмундирования. Официально оформлено это было в феврале 1944

года».

Грачев В.Е. уже после увольнения Н.Г. Кравченко старался морально его поддерживать. До последних дней между ними сохранялась почтовая связь, из которой видно, как было ему трудно переносить свое падение. В августе 1960 года Кравченко писал:

«Я уехал от Вас с позорным клеймом, утешает меня одно — время покажет, что я не был подлецом и никогда им не буду».

В другом письме он признавался:

«Я горько страдаю, хочу забыть все, но не в силах — много отдано жизни и здоровья… Жестоко со мной обошлись руководители — одним махом уничтожили мою жизнь, плюнули в лицо».

Считаю необходимым заметить, что Грачев В.Е. во время руководства Н.Г. Кравченко Особым отделом КГБ по ПрикВО прошел ступени оперуполномоченного, старшего оперуполномоченного, заместителя начальника второго сектора, заместителя и начальника 24-й Железной мотострелковой дивизии. На последнюю должность он был назначен в звании капитана.

Н.Г. Кравченко хорошо разбирался в людях, ценил их упорство и трудолюбие. И пример с Грачевым не единственный. В отношении достойных сотрудников он смело принимал решения о их дальнейшем росте.

Николая Григорьевича я знал в течение пяти лет и, наблюдая за его поведением в повседневной жизни, могу сказать, что он никогда не подчеркивал и не выпячивал свои заслуги. Держал себя скромно, но с достоинством.

Ходил в военной форме, всегда подтянут, ухожен, опрятен. Жил рядом с Особым отделом округа в особняке. Всегда на службу ходил пешком. Машиной пользовался только при поездках в штаб округа или в подчиненные органы. Оперативные совещания проводил грамотно, задачи ставил предельно четко. На партийных собраниях присутствовал, но выступал крайне редко, объясняя это тем, что надо больше работать и меньше говорить.

Кравченко не боялся черновой работы, знал хорошо обстановку во всех органах, лично участвовал в некоторых сложных оперативных разработках. Во время его нахождения в указанной должности Особый отдел Прикарпатского военного округа проверялся комиссией 3-го управления КГБ при СМ СССР. Округу в целом была дана положительная оценка.

Он постоянно поддерживал деловой контакт с территориальными органами ряда областей, где размещались

войска округа. Также хорошие отношения у него были с командованием и Военным советом округа. В то же время предвзято относился к нему военный прокурор, который ссылался на Указ Президиума Верховного Совета об усилении контроля за правоохранительными органами, пытался вмешиваться и в служебную деятельность Особого отдела. На этой почве отношения у них были натянутыми.

За время прохождения службы в Прикарпатском военном округе я прошел хорошую школу. В этом немалая заслуга генерала Кравченко. Он был для меня, молодого сотрудника, не только начальником, но и учителем, наставником, уважаемым человеком, на которого можно было равняться.

В этом округе я получил очередное звание и в 1959 году был рекомендован для прохождения службы в Группе советских войск в Германии. Помню, как, подписывая мою аттестацию, он не забыл поблагодарить меня за службу в округе и высказал ряд практических рекомендаций. Ему это было сделать легко, так как до прибытия во Львов он некоторое время был заместителем начальника Особого отдела КГБ по ГСОВГ и Белорусскому военному округу.

Во время этого разговора я обратил внимание, что он чувствовал себя как-то подавленно, возможно, предвидел, что тучи над ним сгущаются и он может стать очередной жертвой своего времени.

В октябре 1959 года, уже будучи в Германии, я узнал, что Н.Г. Кравченко в числе двух других генералов разжалован в рядовые и уволен из органов. С большим сожалением воспринял я это сообщение.

По моему глубокому убеждению, ставить точку в деле Н.Г. Кравченко рано, к 75-летию образования Смерш, пусть с большим опозданием, но надо восстановить его доброе имя.

Считаю необходимым рассмотреть вопрос о его реабилитации и переносе останков с малоизвестного погоста на Центральное кладбище Калининграда, где покоятся останки погибших воинов в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Это нужно не только ветеранам, которые работали вместе с ним, но и всем военным контрразведчикам, продолжающим сегодня нести свою нелегкую службу.

Полковник в отставке, участник Великой Отечественной войны Капранов Дмитрий Федорович

— В конце пятидесятых вы служили в Особом отделе КГБ при СМ СССР по Прикарпатскому военному округу, обслуживая авиационные подразделения. Руководителем органа военной контрразведки в этот период был генерал-майор Кравченко

Николай Григорьевич. Что вы знаете о нем?

— Да, все точно, я служил в это время во Львове. Обслуживал подразделения и части, а также штаб 14-й воздушной армии. Часто приходилось бывать на совещаниях и дежурить в Особом отделе КГБ округа, в том числе и во время руководства им генерал-майором Николаем Григорьевичем Кравченко.

— Каким он был чисто внешне?

— Что могу сказать, он тогда мне виделся высоким, плечистым, черноволосым человеком, а может, и с темно-русыми волосами, сколько времени уже прошло!.. У него были доверчивые большие карие глаза, всегда открытые и смотрящие при разговорах в глаза собеседнику, а еще неторопливая походка. Хотя ходил он «по-маяковски», делая широкие шаги — ноги-то длинные. Пряди волос у него постоянно спадали на лоб, и тогда он одной рукой, а то и двумя заглаживал, нет скорее закидывал их назад. Форма военная, как и гражданские костюмы, всегда была наглажена и вписывалась в богатырскую фигуру, идеально подогнана.

Говорить особо не любил, но если о чем-то и высказывался, то всегда по делу. На разборах и при подведении итогов говорил неторопливо, умно, подмечая реальные недостатки и указывая пути и направления их устранения. Не было ни одного случая, чтобы он повысил на кого-то голос. С собеседником говорил на равных, выслушивая до конца и никогда не перебивая. Одним словом, умел слушать и слышать беседующего с ним сотрудника.

Жил он в доме — особняке, как и все руководящие работники Особого отдела, недалеко от места службы. Командование военным округом тоже обитало в аналогичных условиях. Много вилл, коттеджей и шикарных особняков оставили поляки и евреи соответственно в 1939 и 1941 годах. Одни убыли в Польшу, других расстреляли немцы.

Поэтому часто, даже в выходные дни, он приходил на работу. К нему нередко приезжала из Москвы то ли гражданская жена, то ли любовница, то ли хорошая знакомая — статуса ее до сих пор не знаю. Говорили, что это была артистка, с которой он познакомился во время службы в Германии. Из Львова и он иногда летал к ней в Москву. Но это было редко, и неизвестно, к ней ли он летал или по делам.

Однажды во время моего дежурства в выходной, как сейчас помню, это было под вечер, Кравченко пришел в отдел. Я доложился по уставу, что никаких происшествий за время моего дежурства в Особом отделе и его подразделениях на местах не произошло.

— Если все в порядке, то и хорошо. Я немного поработаю, —

сказал он и прошел в кабинет.

Примерно часа через два он покинул помещение. В руке генерал держал конверт с письмом.

— Передайте его завтра с утра коменданту, он знает, как сделать, чтобы оно дошло быстрее до адресата.

Письмо положил на стол.

— Есть, — ответил я ему.

Когда генерал покинул дежурную комнату, я взглянул на конверт. Письмо адресовалось в Москву женщине по фамилии Цесарская. Естественно, адрес и имени ее я не запомнил. Да и не знал, кто она есть.

И только спустя годы, я узнал, что это была его подруга — артистка кино и Московской филармонии, которая в конечном счете предала его в трудные минуты жизни. Об этом мне рассказывали мои сослуживцы…

Генерал-майор в отставке, участник афганских событий Казимир Георгий Максимович

— *Григорий Максимович, в период своей службы в Особом отделе КГБ по ПрикВО в середине пятидесятых вы имели отношение к следственной работе. Руководил отделом в то время генерал-майор Николай Григорьевич Кравченко. Что вы можете рассказать о нем как о человеке и чекисте?*

— Получив высшее юридическое образование, я был определен в органы военной контрразведки на следовательский участок службы. Попал во Львов, в Особый отдел округа. Это был период, когда Хрущев лихорадочно «пересматривал» дела на репрессированных и их обидчиков. Он заставлял прокуроров и следователей разных уровней и степеней искать материалы для показа делегатам XX съезда партии о преступлениях Сталина.

— *Но в этих преступлениях он и сам участвовал. Он тоже ведь был в партийной обойме ВКП(б). Не так ли?*

— Все так, но об этом он тогда не думал, «в зобу дыханье сперло…» от радости получения главного портфеля страны, действовал на упреждение и опережение. Главное для него в тот период было — найти как можно больше доказательств «виновности» конкретных лиц.

— *Пересматривая дела, общались с Николаем Григорьевичем?*

— Конечно.

— *Расскажите, как это было и каким он вам тогда представлялся?*

— Помню, наш отдел располагался на улице Гвардейской. Двухоконный кабинет начальника отдела располагался на втором этаже здания. Обстановка в кабинете была привычная для того времени с казенной мебелью: письменный стол, приставной стол,

стулья и старинные напольные часы.

Дверцы книжного шкафа почему-то были застеклены матовыми стеклами, поэтому трудно было разобрать, какие книги в нем стояли. Но книг было много. Как говорили сослуживцы, он книги любил, и покупал, и читал. К кабинету примыкала небольшая комната отдыха с одним окошком и кушеткой с тумбочкой.

В ходе разбирательства с фактом его «участия» в репрессиях мне доводилось не раз беседовать с Николаем Григорьевичем. Вел он себя достойнейшим образом.

Что касается внешности его: высок, чернобров, волосы темно-русые, даже скорее черные, зачесанные назад. Ходил медленно, говорил правильно и тихо. Не любил спешки. Фразы в разговорах выдавал отточенные, а потому меткие. В оперативных вопросах разбирался как профессионал — глубоко и масштабно.

Я никогда не слышал, чтобы он в разговорах или на совещаниях срывался на крик или ругань. В нем угадывалось какое-то данное от природы благородство. Когда входил к нему любого уровня сотрудник, он обязательно вставал из-за стола и, подходя к нему, здоровался за руку.

К рассматриваемым делам по реабилитации всегда относился с вниманием и пониманием, замечая, что «невиновных надо вытаскивать из темноты того страшного времени». Следователей Особого отдела округа считал элитой, поэтому относился к ним с пиететом.

— Говорил ли он сам о степени своего участия в Тегеранской конференции?

— Мы знали только то, что Николай Григорьевич получил досрочно генеральское звание в тридцать два года по указанию Сталина за спасение жизни «Большой тройки» от готовящегося на них покушения со стороны немецких террористов и диверсантов.

О своей конкретной деятельности иранского периода 1943 года он никогда и ничего не говорил то ли из-за скромности, то ли по каким-то другим причинам.

И еще хочется отметить, что у него были натянутые отношения с окружным военным прокурором, который якобы «копал» под него за участие в делах тридцать седьмого года. А с другой стороны, этот прокурор пытался вмешиваться в деятельность отдела, что, естественно, не нравилось генералу Кравченко.

Для объяснений он ездил в Москву и встречался с председателем КГБ при СМ СССР генералом Иваном Серовым, который якобы заверил его об отсутствии у руководства комитета претензий к его прошлой предвоенной деятельности. Однако

окружной прокурор не унимался и всякий раз третировал контрразведчика. Он знал, что его поддерживает генеральный прокурор Руденко, который, в свою очередь, был близок к Первому секретарю ЦК КПСС Хрущеву и часто выполнял его волю.

Последний год перед снятием с должности генерал Николай Григорьевич ходил усталым, чувствовалось, что переживал за нападки на него и на органы госбезопасности со стороны нового хозяина страны…

Генерал-лейтенант в отставке, участник Великой Отечественной войны Федор Иванович Рыбинцев

— Федор Иванович, в середине пятидесятых вы служили в Особом отделе КГБ по ПрикВО вместе с генерал-майором Кравченко Николаем Григорьевичем, какое впечатление он произвел на вас?

— Да, я пришел в органы контрразведки уже в зрелом возрасте, сначала заместителем начальника 1-го сектора отдела, а потом — его начальником.

Особый отдел по Прикарпатскому военному округу располагался на улице Гвардейской и занимал два здания. Основные подразделения находились в пятиэтажном доме квартирного типа, а остальные, в том числе и подразделения охраны, в двухэтажном казарменном здании. Обосновался на этом месте Особый отдел с момента освобождения города Львова частями Советской армии в 1944 году.

Прибыв к месту назначения, я, как положено, направился в кадровый аппарат и оказался в кабинете его начальника — полковника Вячеслава Петровича Адоевцева. Он приветливо меня встретил и тут же повел представляться начальнику Особого отдела округа генерал-майору Николаю Григорьевичу Кравченко. В общем, это был руководитель со стажем, хотя ему тогда было всего сорок четыре года.

Беседовал он со мною при первой встрече недолго, а закончил словами: «Работать будем в одном доме, так что будет время не только ближе познакомиться, но и узнать друг друга».

На том и распрощались.

Я отправился принимать объект — сейф с делами заместителя начальника первого сектора, предварительно представившись теперь уже непосредственному начальнику полковнику Николаю Алексеевичу Каткову.

Как известно, первый сектор являлся штабным подразделением в системе окружной армейской контрразведки. Поэтому очень часто приходилось по служебным вопросам заходить в кабинет генерала Кравченко.

Сотрудники знали, что Сталин ему досрочно присвоил звание

генерала за предотвращение теракта в Тегеране в 1943 году.

Он был красив. Волосы темные, густые, зачесанные назад и часто рассыпающиеся, поэтому он их всякий раз поправлял; глаза карие, добрые и большие под ярко-выраженными темными бровями; лицо круглое, смуглое.

Когда бы я ни заходил к нему в кабинет, у него на столе всегда лежали небольших размеров блокноты. Что он туда записывал, не знаю. Говорили, что он был книгочеем и мог, наверное, фиксировать мудрые изречения или другие какие-то мысли авторов, а может, и свои.

По характеру генерал Кравченко был спокойным, никогда не опускался до разносов подчиненных во время совещаний. Был опытен в вопросах оперативной деятельности. Часто, как высокий профессионал, помогал подчиненным в отработке планов той или иной операции. Садился рядом и «чистил неудачные шедевры» подчиненных.

Очень хорошие отношение у него были с командующим — генералом армии Павлом Ивановичем Батовым, который командовал округом с 1955 по 1958 год.

Штаб и управление округа как таковые для меня не были чем-то неведомым. Я сам в свое время шесть лет проработал в штабе Московского военного округа, поэтому достаточно было посмотреть, где кто в штабе ПрикВО находится и чем занимается, я знал как никто другой из моих коллег. Армии отдал почти 17 лет, окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе, до предложения перейти на службу в военную контрразведку.

Поэтому у меня довольно быстро установились деловые отношения с руководящим составом управлений и отделов, что способствовало успешному разрешению возникающих вопросов, а они случались как с одной, так и с другой стороны.

Как правило, с командованием округа деловые контакты поддерживает прежде всего сам начальник Особого отдела округа. Он присутствует на заседаниях Военного совета, совещаниях, бывает с личными докладами и прочее. Я говорю — как правило.

Николай Григорьевич Кравченко почему-то это правило не соблюдал. Когда и как он общался с командованием округа, я не знаю, а поручения давал нам — мне и полковнику Каткову. Однако еще раз подчеркну, с командующим и начальником штаба округа у него были очень хорошие отношения.

Генерал Кравченко принимал активное участие в организации процесса оперативного обеспечения войск, в частности, 11-й гвардейской механизированной Ровненской и 128-й гвардейской стрелковой Мукачевской дивизий,

направляющихся на подавление контрреволюционного мятежа в Будапеште осенью 1956 года. Все венгерские события в деле обеспечения государственной безопасности войск прошли через его душу.

Знали мы и о его гражданской жене актрисе Цесарской, редко приезжавшей из Москвы во Львов. Он к ней летал в столицу периодически. О дальнейшей их судьбе знаю одно — она покинула генерала, как только узнала об его увольнении.

— Федор Иванович, скажите, почему его деятельность по периоду Тегерана-43 нигде до сих пор не афишируется, тогда как разведчики пишут саги о своих победах на незримом фронте — именно по этой конференции?

— Наверное, не пришло еще время обнародовать то, что скрывают архивисты. А по-моему мнению, уже давно надо было людям сказать правду о деятельности Смерш в Тегеране. Там был огромный кусок именно нашей контрразведывательной работы. Прерогативой Абакумова являлась борьба с диверсантами и террористами, он бы своего не упустил, как и забрал у Берии и Меркулова работу практически по всем оперативным играм в эфире, за исключением нескольких, кажется, «Монастырь», «Березино» и «Курьеры». Думаю, военные контрразведчики попали под хрущевский пресс из-за Абакумова, которого не Сталин, а Хрущев приказал расстрелять. Виктор Семенович очень много знал о кровавых проделках Никиты Сергеевича, в частности, о его личном участии в репрессиях. За ним тысячи подписей под расстрельными списками. Вот одна из причин немилости к нам. И это молчание катилось под гору десятилетиями. Сейчас только стали оценивать то, что сделал Смерш в годы войны. Он переиграл в невидимой войне хваленые спецслужбы фашистской Германии — и абвер, и РСХА, и Гестапо.

— А как вы попали на курсы в Москву?

— Однажды, помнится, в июне 1957 года меня вызвал к себе начальник Особого отдела Николай Григорьевич Кравченко и прямо ошарашил предложением пойти поучиться.

Вот ОН И говорит:

— Федор Иванович, во второй половине года в Москве открываются курсы усовершенствования подготовки руководящего состава военной контрразведки. Вы тоже включены в группу. Так что собирайтесь на учебу. Учиться всегда и всем полезно. Знаете, кто знает все, тому еще многому нужно учиться. Нужно много учиться, чтобы немногое знать. Так говорили умные люди.

Мне осталось взять под козырек и сказать по-военному — есть!..

После возвращения с учебы я представился Николаю Григорьевичу. Он улыбнулся и загадочно произнес:

— Продолжай руководить.

Через некоторое время он мне поручил возглавить 1 — й сектор Особого отдела ПрикВО…

Полковник в отставке, бывший начальник 1 — го отдела Управления делами КГБ СССР Василий Николаевич Кузнецов

— Василий Николаевич, мы с вами знакомы более тридцати лет, и я совершенно случайно узнал, что вы встречались с генерал-майором Николаем Григорьевичем Кравченко. Это правда? При каких обстоятельствах произошла встреча?

— Да, правда. Я видел Николая Григорьевича, как говорится, в действии — и в роли оперативника, и в качестве проверяющего.

— Как и где?

— Это было в середине пятидесятых годов. В то время я служил в должности оперуполномоченного по обслуживанию большого военного гарнизона на Волыни в городе Ковеле. Имел тогда звание старшего лейтенанта. Работа спорилась. Удалось завести несколько интересных разыскных дел на военных преступников — пособников немецких захватчиков из числа местного населения — оуновцев, имеющих отношение к воинским частям.

— Примерно в это время и я бывал в Ковеле — приезжал на отдых в пионерский лагерь. Он располагался в одной из школ возле парка с прудом. Да и отец участвовал в освобождении этого города, — подметил автор.

— Тогда легче будет нам с вами говорить и объяснять некоторые детали, коль город вам известен.

Итак, мною был заведен сначала сигнал, который потом перерос в интересное дело оперативной разработки — ДОР. Суть ее заключалась в том, что мне удалось выйти через родственные связи одного офицера на предателя, который был причастен к выдаче немцам информации о деятельности в Краснодоне подпольной организации «Молодая гвардия». Он первым назвал фашистам некоторых ее членов.

Дело было на контроле у большого начальства.

И вот однажды утром, это было, если память мне не изменяет, летом 1954 года, мне позвонил дежурный по части и сообщил, что приехал генерал Кравченко и интересуется мной. Я выбежал на улицу. Смотрю у штаба, где был и мой кабинет, остановилась черная машина — ЗИМ. Открылась дверца, и из автомобиля вышел генерал-майор Николай Григорьевич Кравченко — начальник Особого отдела нашего военного округа. Я представился ему, а он протянул руку и просто поздоровался:

— Здравствуйте, Василий Николаевич! В этом гарнизоне я еще ни разу не был. Решил познакомиться с вами и вашими наработками на чекистской ниве. Слышал о них от направленцев второго отдела.

И мы прошли в кабинет.

— *Вы с ним впервые встречались?*

— Нет, на учениях я его видел. Только издалека.

— *Какое чисто внешне впечатление он произвел на вас?*

— Высокий, симпатичный мужик, ходил неторопливой походкой, отмеривая ходьбу широкими шагами. Густая копна черных волос украшала круглое лицо генерала. В разговорах был неторопливый, фразы строил грамотно. Запомнилась не по годам моложавость лица.

— *И с чего он начал инспекцию вашей работы?*

— С бытовых разговоров — откуда родом, как семья, здоровье, удовлетворен ли я жилищными условиями, а потом постепенно перешел на служебные темы, как-то легко, непринужденно, с тактом. Через полчаса, как мне показалось, он знал обо мне все.

— Ну а теперь давайте посмотрим дела, может, найдем какие-то варианты ускорения их реализации, — спокойно проговорил генерал.

Я достал три дела в бежевых плотных корочках. Он внимательно прочитал их, а потом и говорит:

— Пометьте конкретные пункты…

И под его диктовку по каждому из материалов он сделал дельные подсказки. Я был благодарен ему за такой характер учебы.

Я предоставил ему некоторые свежие данные, полученные по делу оперативной проверки (ОП) на изменников Родины, предавших «Молодую гвардию», и алиби в отношении Третьякевича, Выриковой и Лядской. Он посмотрел на меня и с сожалением ответил:

— Видать, и маститые писатели могут заблуждаться. Фадеев спешил написать книгу, которую пришлось переделывать и издавать в другой редакции в 1950 году. А то, что вы отскабливаете честных людей от напраслины и клеветы, — это хорошо. Как я знаю, троих настоящих предателей поймали наши с вами коллеги еще в 1943 году после освобождения Краснодона: Почепцова, Громова и Кулешова. Военный трибунал их приговорил высшей мере наказания. Поиск продолжается, как вижу по вашему делу…

После обеда в столовой, где он расплатился сам, что меня удивило, обычно проверяющих офицеров из вышестоящих

штабов, а тут целый генерал, командование баловало бесплатной кормежкой со спиртными напитками вдобавок. Сразу же после обеда, попрощавшись с командованием, он засобирался в дорогу.

— Какие планы у вас на сегодня? — спросил он меня.

— Собираюсь ехать в Луковский гарнизон — там у меня две встречи, — ответил я.

— Подождите, Луков, Луков… так это же по пути. Собирайтесь и поедем вместе — я вас подброшу.

Я был поражен таким вниманием большого начальника к рядовому оперативнику…

Свидетель Нюрнбергского процесса с первого его дня до последнего, сослуживец Н.Г Кравченко по ГСОВГ полковник в отставке Леонтий Иванович Козловцев

Автор встретился с ветераном Л.И. Козловцевым накануне Дня Победы в его крохотной однокомнатной квартире, в которой он живет с женой. «Дети выросли, разбежались, — сетовал он. — У их детей свои дети появились. Правнуки у меня уже взрослые».

— Леонтий Иванович, как вам живется в этом высоко расположенном скворечнике — многоэтажке?

— Трудно бывает, когда лифты портятся. В последнее время это часто бывает. Старые — менять уже давно надо. И вот тогда с больными ногами тяжело подниматься с ношей из магазина.

— Здоровье, быт?

— Здоровье — по паспорту. Живу, как живу, всего хватает. Много ли нам старикам надо? Одни копят, словно должны жить вечно, другие тратят, словно тотчас умрут. Я придерживался золотой середины, — улыбнулся ветеран, — поэтому и достиг таких возрастных высот. К сотенке подбираюсь. Никогда не жадничал, считал и считаю — старая штука смерть, а каждому внове… богатый ты или бедный. Сегодня некоторые думают только о деньгах, мы думали об Отчизне…

— Расскажите подробнее, как вы поучаствовали на Нюрнбергском процессе и о ваших впечатлениях при встречах с нацистскими бонзами, ставшими фигурантами международного трибунала. Какова реакция была у них на конкретные обвинения в суде?

— С санкции начальника 2-го отдела ГУКР НКО Смерш полковника С.Н. Карташова нас троих офицеров-контрразведчиков УКР фронта: меня, Красильникова и Хелипского направили на этот международный процесс. Я недавно прочел книгу бывшего руководителя разведки ГДР «Штази» Маркуса Вольфа. У него слова о Нюрнберге полностью совпали с моими впечатлениями. Я их даже записал:

«Было ощущение какой-то призрачности, когда я, идя по

совершенно разрушенному Нюрнбергу, городу, который когда-то называли шкатулкой для драгоценностей Германии, думал о том, что люди, сегодня сидящие на скамье подсудимых, именно здесь, в Нюрнберге, принимали расовые законы и торжествовали, пребывая в зените своего могущества».

С первого дня — 20 ноября 1945 года и до последнего -1 октября 1946 года я присутствовал на заседаниях и каждый день видел стаю притихших и опустошенных нелюдей, набравшихся наглости оправдываться, косить под дурачков, требовать к себе отношения как к военнопленным.

Когда я зашел в зал, первое впечатление было таково: а где же остальные бонзы?

Первым сидел Геринг — черная душа нацистского заговора… Он сильно исхудал, поэтому мешки под глазами казались еще больше. Френч на экс-рейхсмаршале без погон болтался, как на чучеле пиджак. А когда-то его грудь и живот, увешенные орденами, сравнивали с витриной ювелирного магазина.

Он играл теперь после Гитлера роль наци № 1, к чему он и стремился. Гитлер сделал его своим преемником. В его лице было много ипостасей: провокатор и убийца, грабитель и вор, трус и хам… Он пытался играть «верного паладина» тому, кому присягал и кого предал в тяжелую минуту. Старался искусственно держаться, иногда ерничать. Часто он постоянно неуклюже выгораживал себя.

Особенно запомнился день объявления приговоров. Первого в зал заседания трибунала ввели Геринга. Лорд юстиции Лоуренс объявил:

«Герман Вильгельм Геринг, Международный военный трибунал признает вас виновным по всем четырем разделам «Обвинительного заключения» и приговаривает…

Герман сорвал наушники и стал размахивать руками. Оказалось, испортилась система перевода. Специалисты быстро устранили поломку. Когда «великий знаток живописи» стал вслушиваться дальше, судья проговорил:…и приговаривает к смертной казни через повешение».

Геринг пошатнулся, как мне показалось, мгновенно побледнел, однако устоял на ногах.

Неприятно было слушать еще одного палача, верзилу со шрамами на костистом лице, с тяжелой квадратной челюстью, шефа безопасности СС Кальтенбруннера. Он занял свое место на скамье только 10 декабря, говорили, что все эти дни болел. Как только эсэсовец присел, то соседи, Кейтель справа и Розенберг слева, демонстративно повернулись к нему спинами. Как же, со смертью Гиммлера он теперь стоял на первом месте, если

говорить о представительстве карательных органов рейха на нюрнбергской скамье подсудимых.

Обуреваемый страхом, он отвечал односложно: типа «не знал», «приказали», «только здесь ознакомился с ужасными фактами», «верил в фюрера», «подвели рьяные подчиненные», «я всего лишь передаточное звено» и прочее.

Он даже просил поверить ему трибунал, что как только узнал о кровавых делах гестапо, то решил покинуть свой пост, но Гитлер не удовлетворил его просьбу. Припертый свидетельскими показаниями к стенке, он то бледнел, то краснел, то покрывался испаринами предательски холодного пота…

Будучи адвокатом, он пытался разыграть карту человека, случайно оказавшегося на вершине РСХА. Создалось впечатление, что это была трусливая личность.

— А как вели себя другие военные преступники? Бытует мнение, что некоторые пытались переложить всю вину на четырех «гэ» — Гитлера, Гиммлера, Гейдриха и Гесса. Правда ли, что по-разному реагировали подсудимые на показы фильмов-доказательств?

— Да! Вели себя они неодинаково, но все гадко по-своему. Запомнился момент, когда показывали фильмы «Фабрики смерти» и «Варшавское гетто». Погас свет в зале, но над 22 бандитами он горел. Я имел возможность наблюдать за их лицами с относительно близкого расстояния.

Геринг и Гесс ни разу не взглянули на экран.

Шахт, скрестив руки на груди, демонстративно повернулся к экрану спиной, показывая тем самым, что к зверствам он отношения не имел.

Палач Польши Франк и главный рабовладелец Заукель разрыдались…

Единственный, кто смотрел на экран с удовольствием и злорадством, был Штрейхер — один из идеологов нацизма и главный редактор газеты «Дер Штюрмер» — «Штурмовик». Он первый из нацистских бонз начал публичную проповедь поголовного уничтожения евреев. Ему на процессе напомнили его газетные слова, обращенные к нации. Я их выписал из недавно прочитанной книги «Семь узников Шпандау» Фишмана, а потому и вспомнил. Вот они:

«Вы должны сознавать, что евреи хотят погубить наш народ… На протяжении тысяч лет евреи уничтожали другие народы; давайте начнем сегодня дело уничтожения евреев… Евреи всегда жили кровью других народов, им нужны были убийства и жертвы… Полная и окончательная победа будет достигнута, когда весь мир освободится от евреев».

Беспардонному Штрейхеру нечем было крыть, поэтому он стремился сделать хорошую мину при плохой игре…

Кейтель пытался позиционировать себя ярым сторонником исполнительного пруссачества. Запомнилось мне его оправдание своего «послушания» о том, что традиции и особенно склонность немцев сделали, мол, нас милитаристской нацией.

Свидетель генерал Винтер на процессе напомнил «исполнительному» Кейтелю слова о том, что если он так пекся о чести, то надо было выбрать неповиновение, коль повиновение не приносило чести. Вообще он держался по-военному. Стоял всегда прямо, словно кол проглотил. В последнем слове подсудимый высокопарно изрек, что он заблуждался и потому не был в состоянии предотвратить те глупости, какие необходимо было предотвратить.

— В этом моя вина! — вскрикнул фельдмаршал.

Так и хотелось мне тогда напомнить слова его земляка Отто фон Бисмарка, что глупость — дар Божий, но злоупотреблять им не следует.

Генерал-полковник Иодль куражился. Он, подражая Герингу, пытался вести себя в рамках «армейца, крепкого духом».

Был бы я помоложе, — заметил ветеран, — можно было написать целую книгу воспоминаний. Жаль, что не сделал этого.

— Леонтий Иванович, вам судьба подарила интересную и долгую жизнь. Через два года мы обязательно отметим вам столетний юбилей.

— Дожить бы, дорогой коллега.

— Надо дожить! Судя по тому, как мы встречались с вами несколько лет назад, время не властно над вами. Залог долголетия — не только гены, но и крепкая память. Она у вас, несмотря на преклонный возраст, светлая. Вон сколько эпизодов держите в памяти. Когда я смотрел и слушал ваше интервью сценаристу, продюсеру и режиссеру Людмиле Васильевне Цветковой, понял — с вами надо поговорить о генерале Кравченко.

— Николае Григорьевиче?

— Да! Вы с ним служили?

— А как же, он был заместителем начальника управления МГБ СССР по ГСОВГ. Я, после того как закончилась война и по указанию руководства военной контрразведки, «отработал» на Нюрнбергском суде, был оставлен в Германии на должности заместителя начальника отделения. Начальником у меня был Иванов Леонид Георгиевич.

— Мне хотелось бы узнать от вас о личности Николая Григорьевича Кравченко. Как вы можете его характеризовать?

— Помню, как сейчас, высокого, симпатичного, ладно

скроенного, с копной черных, как смоль, волос. Их было так много, что даже при идеальной стрижке они пытались вылезти из-под околыша фуражки. В нем что-то было казацкое, крепкое, сильное, мужественное.

— Каков он был как профессионал?

— Генерал-майор Кравченко принимал самое активное участие в работе по делам и сигналам. Всегда мыслил реально и выверенно. Много помогал нам при составлении планов тех или иных контрразведывательных операций. Помню, мы получили сигнал, что в Восточном Берлине проживает немка, муж которой азербайджанец по фамилии Самедов, обитает в ФРГ. Проверили его по учетам. Выяснилось, что с 1941 года он числился как пропавший без вести. В конце рабочего дня все собранные материалы на проверяемую пару по сигналу взял у нас Николай Григорьевич. Утром возвратил с конкретными рекомендациями и дополнительными пунктами к плану.

Стали глубже проверять обстоятельства исчезновения его с передовой с учетом рекомендаций Кравченко. Оказался он перебежчиком — изменил Родине в бою. Кроме того, через немецкую агентуру узнали, что он периодически нелегально навещает пассию. В один из приходов к ней его задержали.

— Какой по характеру был Николай Григорьевич?

— Порядочный! Никогда не врал, обещания всегда выполнял. Он не гнушался черновой работы. Мог сидеть над документом допоздна, буквально «вылизывая» его. В общении с начальством не ломался, у него позвоночник всегда был прямой. С подчиненными был ровен, тактичен, справедлив, но требователен. От него не могла исходить подлость. Он был из той категории порядочных начальников, которые поровну делят заслугу с тем, кто сделал всю работу. А вообще я при общении с ним понял, что он имел всегда свое мнение и с достоинством отстаивал его. Входя в кабинет начальника, — часто он так нам говорил, — старайтесь не задеть носом порог.

— Чем живете сейчас? Бываете на малой родине? Я знаю, вы из Тульской области?

— Последний раз был с сыном. Ездили на автомашине, поездом уже не езжу, старость не радость. Приехал и оказался раздосадован диким случаем…

— Что же случилось?

— Понимаете, в соседнем селе Голощапово стояла небольшая изумительная по красоте церквушка. Сколько раз мимо нее я проезжал и любовался ее золотыми куполами. Советские богоборцы не разрушили, немцы были — не подняли на нее руки, а вот пришли «новые русские», и очень им понравились, видно,

купола. За ночь, как говорили мне местные жители, вывезли церквушку, остался только один фундамент. Местная власть тоже «не знает», кто совершил этот вандализм и когда. А поэтому на душе от того дня кисло и противно. До чего может довести ориентация людей на наживу. Делается страшно за детей и внуков, которым чиновники от власти через СМИ прививают не патриотизм, а любовь к деньгам. Деньги сегодня стали идеологией…

Мы сидели еще долго на небольшой кухоньке с отставным полковником. Он говорил и говорил. Показывал свои фронтовые фотографии и блокнотные заметки. Потом словно встрепенулся и вымолвил:

— Понимаешь, мой молодой коллега, время идет, нет, стремительно несется, а проклятых вопросов не становится меньше.

— *Каких же?*

— До сих пор ни в одной лаборатории не получено противоядия от фашизма — этой безусловной чумы двадцатого века. Перекочевала она уже в двадцать первый век только под другими лозунгами, программами, идеями…

— *Я думаю, одолеем ее.*

— Надеюсь!

— *Какую проблему вы видите сегодня в толковании истории прошедшей войны?*

— Скажу откровенно, ни один период в истории XX века не подвергался такому форсированному искажению, как начальный период Великой Отечественной войны. Именно по этому периоду высказано столько выдумок, что приходится напоминать снова и снова то, что было на самом деле, а не высосано из пальца.

Так, в период правлений Хрущева и Ельцина наша пресса усилено внедряла миф о страшных репрессиях в армии в 1937 году, в ходе которых было якобы уничтожено 37 тысяч офицеров. Я был не слепой свидетель, а зрячий исследователь этого времени. Дело в том, что 37 тысяч — это не число уничтоженных, а число уволенных из армии по всем мотивам: 8 тысяч — по смерти, болезням, здоровью и моральному разложению и 29 тысяч — по политическим соображениям. К 1 января 1941 года их этих 29 тысяч 13 тысяч были восстановлены в кадрах РККА, а из оставшихся 16 тысяч уволенных арестовано было около 6 тысяч. Из них расстреляно — около 3 тысяч. На 1 января 1941 года в Красной армии насчитывалось 580 тысяч офицеров, так что количество репрессированных составляло не более 1–1,5 %, то есть не превышало естественной убыли.

— *Где вы почерпнули эти сведения?*

— Опыт — прожил вон сколько лет, черпал знания из бесед со старшими товарищами и прочтения честных СМИ. А нам талдычат до сих пор, что неудачи первых месяцев войны были связаны с репрессиями против комсостава Красной армии. Глупости все это. Давайте всмотримся в историю войны. Гитлер планировал покорить Союз и взять Москву, чтобы потом ее уничтожить, стереть с лица земли за девять недель. Вера его на успех основывалась на результатах покорения европейских стран. Вы посмотрите, Данию он оккупировал за сутки, Голландию — за пять суток, Бельгию — за двенадцать, Францию — за сорок четыре.

А с чем немец встретился в России — одна Брестская крепость, где я тогда служил, сопротивлялась полчищам вермахта почти месяц. Гарнизон на Моонзундских островах держался шесть недель — сколько вся Франция, а Севастополь — свыше восьми месяцев — дольше, чем подвергшаяся агрессии вся Западная Европа! Враг под Севастополем потерял более 300 тысяч своих вояк — больше, чем во всей Западной Европе с 1 сентября 1939-го по 22 июня 1941 года! И это при том, что Франция и Великобритания вместе со своими союзниками накануне войны превосходили Германию как по численности своих вооруженных сил, так и по оружию.

Поневоле задумаешься, что чистка коснулась в основном военной оппозиции и тех командиров, которые были недостойны носить это высокое звание в силу разных негативных проступков и преступлений. А то, что зарвавшиеся отдельные высокие военные чины с претензиями на Наполеоны вредили делу консолидации командного состава РККА, — это факт. Пришедшая на смену им «молодежь» продемонстрировала свою волю к победе самым лучшим образом и одолела коварного врага. Поэтому в истории человечества нет подвига, равного подвигу нашего народа во Второй мировой войне.

Сегодня мы славим тех, «кто командовал ротами, горло, сжимая врагу», а не тех политических авантюристов, которых больше всего интересовали высокие посты в армии. Фамилии их я не буду называть, они известны…

В конце беседы автор поздравил ветерана с Днем Великой Победы и пожелал ему и его супруге Анне Ивановной главного — крепкого здоровья и семейного счастья…

Участник Великой Отечественной войны, начальник районного отдела УКГВ при СМ СССР по Ровненской области полковник в отставке Петр Филиппович Лубенников

Знакомство автора с полковником П.Ф. Лубенниковым состоялось в конце 60-х годов, когда молодой лейтенант приехал

со Львова на побывку в родной город Сарны, что на Полесье. Райотделом УКГВ УССР по Ровненской области руководил участник Великой Отечественной войны, орденоносец, сибиряк, «Почетный сотрудник госбезопасности» полковник Петр Филиппович Лубенников.

Каждый год я, приезжая в родной город, навещал родителей, школу и встречался с ветераном — старшим коллегой по профессии. Когда стал писать, привозил и дарил ему, уже отставнику, свои книги…

Однажды, это было несколько лет назад, в праздник Дня Победы в 2013 году, мы встретились вновь. Я остановился у брата, родители к тому времени покинули украинский «земной рай». На встречу в «блиндаж», организованный братом частный музей, посвященный героике минувшей войны, пригласили и Петра Филипповича.

Помянули павших в боях и ушедших родственников, а потом автор подарил старому чекисту несколько своих свежих книг. Среди них была и книга «СМЕРШ в Тегеране» о деятельности генерала Н.Г. Кравченко.

— А ведь я его видел… Встречался несколько раз, — заметил Петр Филиппович.

— ???

— Да-да! Я встречался с ним даже несколько раз на учениях на Тучинском полигоне и при подведении итогов коллектива Особого отдела КГБ 13-й армии, штаб которой находился в городе Ровно. На общее собрание приглашали и некоторых сотрудников УКГБ УССР по Ровненской области. Среди них был и я.

— *Как вы можете его охарактеризовать?*

— Чисто внешне — красавец! Моложавый, подтянутый, чернобровый. Говорили, он из казацкого рода. Приезжал со свитой. Сейчас уже не помню, кто-то из львовян в курилке рассказал, что он спас Сталина от готовящегося покушения со стороны немецких диверсантов-террористов.

— *Дорогой Петр Филиппович, пожалуйста вспомните, что еще рассказывал львовский контрразведчик?* — заинтересовано спросил автор.

— О, мил человек, сколько воды утекло в Случе (река в городе. — *Авт.)*. Многое по тем водам уплыло, размылось водами времени…

— *А может, есть за что еще зацепиться?*

— Говорил он о заслугах-подвигах Кравченко по разоблачению вражеской агентуры…

— *Каких?*

— Якобы он вышел чуть ли не на одного из абверовского

резидента. Им был хозяин тегеранской таверны. Персу Кравченко понравился, но еще больше его дочери. Именно она передала Николаю Григорьевичу список связей отца, среди которых было много прогерманских элементов и немецкой агентуры. После этого сотрудники Смерша стали арестовывать их «пачками». На допросах некоторые из них подтвердили планы покушения на «Большую тройку» — Сталина, Рузвельта и Черчилля.

Сталин дал высокую оценку проделанной работы военными контрразведчиками, и за это подполковнику Кравченко досрочно присвоили через ступень звание генерал-майора.

Автор пытался разговорить Лубенникова, копнуть глубже, узнать хотя бы имя этого львовянина, все было тщетно.

— Не могу, хоть убей вспомнить других подробностей, но эту амурно-деловую историю зафиксировал. Надо было тебе до написания книги со мной поговорить на эту тему. Сейчас, что год, память слабеет — сквозняки сдувают с ее полок воспоминания…

Вот такой разговор получился у меня с 95-летним полковником, как он выражался, «в глубокой отставке», на удивление крепким сибиряком…

ЗАГАДКИ МОЛЧАНИЯ

Легче быть скромным тому, кто что-то совершил, чем тому, кто никогда ничего не сделал.

Артуро Граф

Кто-то из великих сказал, что умением говорить выделяются люди из мира животных; умением молчать выделяется человек из мира людей. Молчание — один из наиболее трудно опровергаемых аргументов.

Почему Николай Григорьевич Кравченко молчал всю жизнь о своей проделанной работе в Тегеране, за что получил высокие правительственные награды и досрочно генеральское звание от самого Сталина, который, как известно, не очень разбрасывался орденами и воинскими званиями?

Почему же тогда разведчики спустя много лет раскрутили своих героев тегеранской незримой битвы до зримых очертаний в рассказах, статьях, в розданных интервью, художественных фильмах?

Почему сотрудник особых отделов, потом Смерша и МГБ безмолвствовал всю службу и приличный отрезок гражданской жизни после увольнения с непонятным, смазанным, нечитаемым клеймом — то ли в запас, то ли в отставку за нарушения социалистической законности? Какой конкретно? Его молчание — это скромность, долг или запрет?

Возникает ряд вопросов, на которые попробуем найти хотя бы приблизительные ответы на основании открытых источников и данных его сослуживцев из-за упорного молчания архивов по материалам этой конференции, которые засекречены до сих пор.

Запретить размышлять человеку никто не в силах. Подходя к поиску ответов, следует, наверное, исходить из двух посылов: во-первых, из особенностей того времени и, во-вторых, из характера нашего героя.

Попытаемся исследовать время, которое называлось сталинским. Режим секретности соблюдался тогда всем народом, кругом ведь враги: и внутренние, и внешние. Ну а чекистам сам бог велел заниматься режимными мерами, а тем более Вождь кремлевский потребовал блюсти эту самую секретность при проведении конференции. И тут все правильно — ремесло специальных органов во все времена и во всех странах было, есть и будет засекречено. Это их парадигма деятельности.

В конкретном случае речь шла о масштабной операции, связанной с конференцией международной значимости. Кто для молодого тридцатидвухлетнего подполковника были Сталин, Рузвельт и Черчилль? Конечно же, боги! Их надо было защитить от посягательства со стороны нацистских диверсантов. Чем? Надежной физической охраной и агентурными, оперативными и оперативно-техническими прикрытиями и мероприятиями в операциях по обезвреживанию местной прогерманской агентуры и немецких террористов и диверсантов.

Думается, в тех и других чекистских операциях Кравченко активно и продуктивно участвовал. В каком качестве? К сожалению, сегодня однозначный ответ на этот вопрос дать затруднительно. Потому что нет совершенно никаких материалов.

Но вот что интересно, не упоминается его имя ни в «Энциклопедии секретных служб России», ни в «Энциклопедии спецслужб Смерш», ни в однотомном издании «Смерш — 60 лет Победы в Великой Отечественной войне», ни в двухтомном издании «Военная контрразведка», ни в других источниках.

Что это, провинился он где-то и когда-то или получил генеральское звание незаслуженно? И еще один идущий следом вопрос — почему его, фронтовика, после Тегерана не направляют на поле брани, ведь продолжается кровавая сеча, а бросают на непродолжительные сроки руководить управлениями военной контрразведки не фронтов, а второразрядных в глубоком тылу — Среднеазиатского и Туркестанского военных округов? Может, берегли для истории? Может, так же как «уберегли» жизнь Гагарина для той же самой истории? Вряд ли!

А может, это след происков кадровиков с подачи Абакумова? За ним такой грешок водился — терпеть не мог молодых, грамотных и творчески мыслящих личностей возле себя, но терпел тех, кого назначал сам Кремль. Это можно проиллюстрировать на примере с генерал-лейтенантом Евгением Петровичем Питоврановым — умницей и порядочным человеком, который был знаком автору этой книги по Высшей школе КГБ.

С 1962 по 1965 год он руководил «кузницей чекистских кадров», или «чекистской Сорбонной». Когда ему исполнилось 50 лет, партийные церберы хрущевского развода, пришедшие на Лубянку большими руководителями со Старой площади, в качестве «юбилейного подарка» вручили заслуженному генералу «повестку на пенсию», объявив, что начавшийся для него учебный год будет последним, поскольку «возраст перевалил уйти в запас».

Помнятся до сих пор его усталые и грустные глаза при

прощании с преподавательским составом и слушателями в клубе «Вышки» на Ленинградском проспекте возле Белорусского вокзала… Автор присутствовал на этой прощальной встрече.

Но вернемся к теме.

Как известно, в марте 1946 года наркоматы преобразовали в министерства. Министром госбезопасности вместо протеже Берии Меркулова Сталин назначил хорошо ему известного Виктора Абакумова. Первым заместителем к новому министру Абакумову и по совместительству начальником Главного управления контрразведки (ГУКР) Сталин рекомендовал взять человека на пять лет моложе шефа ГБ — Евгения Петровича Питовранова. Вряд ли вождь не был осведомлен о том, что Абакумов очень ревниво наблюдает за стремительной карьерой своего молодого коллеги. Бывший хозяин Смерша всегда с подчеркнутой сдержанностью реагировал на его успехи, да и в личном плане старался удерживать его «на дистанции».

Это могло случиться и с молодым высоким красивым «казаком» Николаем Григорьевичем Кравченко. Хотя на конкуренцию в качестве кандидата в Центральный аппарат Смерша он не тянул. Там стояла длинная очередь из более заслуженных генералов. Но Сталин был магом в кадровых перестановках.

Загадка? — Да!

Зависть? — Может быть!

Злорадство? — Вполне возможно!

Здоровье? — Не известно, хотя признаков его отсутствия не было, за исключением двух ранений…

* * *

Есть еще одна загадка, ее озвучила сестра Николая Ольга в беседе с представителем Совета ветеранов Департамента военной контрразведки ФСБ РФ, а сейчас он — председатель совета ветеранов УФСБ по Калининградской области полковник в отставке С.И. Захаров.

Как известно, Николай Григорьевич Кравченко скончался в ночь с 12 на 13 апреля 1977 года. Похороны проходили по христианскому обычаю на третьи сутки. Тело предали земле 15 апреля. И сразу же после похорон, со слов сестры, наводившей порядок в квартире умершего брата, прибыло несколько оперативников — «пришли какие-то люди из КГБ, забрали все его записи». Были ли они из Управления КГБ СССР по Калининградской области или из Центра, сегодня нам не дано

узнать.

Выходит, они что-то искали, чем-то интересовались. С «записями» его могли быть блокноты, в которых он хранил выписки афоризмов, удачных выражений, воспоминаний. Могли их интересовать и письма от Цесарской, которая своей внешностью в 30-х годах XX века, на пике артистической славы, интересовала некоторых заграничных режиссеров и продюсеров. Кроме того, ее первый муж, как уже говорилось выше, тоже чекист, в звании капитана был расстрелян в 1937 году как агент иностранной разведки и, естественно, как «враг трудового народа».

Нельзя исключать и того, что Николай Григорьевич взялся написать мемуары — книгу своих воспоминаний. Об этом намерении мог поделиться на работе в райкоме партии Центрального района Калининграда. Да, этого творческого всплеска, очевидно, хотели и сами райкомовские чиновники, упрашивая что-либо «создать мемуарного», что стало бы достоянием органов госбезопасности, которые «пасли важного секретоносителя», наказанного самим новым хозяином КПСС и СССР — Никитой Хрущевым.

Вот поэтому сотрудники могли искать рукопись будущей книги. Ведь о деятельности сталинского фаворита, взятого из Брянского фронта и направленного в 1943 году в Тегеран, до сих пор ничего не известно, кроме общих фраз — «получил генерала досрочно за предотвращение покушения на «Большую тройку».

С другой стороны, продержав тайну своего участия в тегеранских событиях сорок третьего года всю жизнь, сомневаюсь, чтобы он взялся ее приоткрыть в конце своего пребывания на грешной земле. Тем более наверняка Николай Григорьевич — знаток выписывания афоризмов — знал кальдероновскую притчу о том, что «никогда не доверяйте ваших тайн бумаге, это все равно что бросить камень в воздух: если знаешь, кто бросил его, то не знаешь, куда он упадет».

Кроме вышеперечисленных причин проявленного интереса со стороны органов КГБ могли быть и другие. Например, данные о наличии у него дарственного холодного и огнестрельного оружия. Скажите, какой фронтовик, а тем более недавно действующий генерал, не имел тогда дома чего-то подобного? Тем более что жил он один. Неужели трагичное шелепинское эхо образца 1959 года гуляло и в период андроповского времени, вплоть до 1977 года, времени кончины нашего героя?

По всей видимости, если не бегало, то наверняка бродило! Но не все так однозначно, как хотелось бы видеть и знать. Думаю, время ответит на все эти вопросы и загадки…

* * *

Попробуем выстроить версии его подвига, исходя из того открытого материала, который удалось накопить в «зеленой папке». Сразу же хочу предостеречь скептиков — в Интернете нет совершенно никаких документов в отношении нашего героя. Версии верстались из обрывков фраз его сослуживцев, наработанного личного опыта и некоторых косвенных намеков самого Кравченко.

Подполковнику Николаю Григорьевичу Кравченко руководством ГУКР Смерш НКО СССР как представителю основного органа во время войны, который оперативно обслуживал войска воюющей армии, поручили обеспечить охрану и безопасность глав делегаций трех стран: СССР — Иосифа Сталина, США — Франклина Рузвельта и Великобритании — Уинстона Черчилля.

С этой задачей он справился с оценкой отлично, о чем свидетельствуют правительственные награды и внеочередное присвоение генеральского звания.

Так чем же он себя проявил?

ВЕРСИЯ № 1

Вместе с контрразведчиками из группы генерал-лейтенанта Петра Васильевича Федотова через свою агентуру и негласные средства советской внешней разведки Николай Григорьевич Кравченко вышел на агентурную сеть противника, которая непосредственно по заданию немецкой разведки планировала осуществить террористический акт против «Большой тройки». А сил, чтобы задержать этих агентов у немалого отряда контрразведчиков, прибывших в Тегеран из Москвы, было намного больше, чем у 16-летнего Варданяна с ее велосипедной «легкой кавалерией».

При допросах арестованной агентуры у начальника союзной контрразведки генерала-лейтенанта П.В. Федотова и представителя ГУКР Смерш НКО СССР Н.Г. Кравченко стали ясны планы противника. Расколоть задержанного любого агента московским чекистам труда не составляло.

ВЕРСИЯ № 2

Через агентуру, имевшуюся в 131-м пограничном полку, охранявшем здания нашего посольства в Тегеране и участников международной конференции, а также другие объекты Советской военной миссии, были получены данные об открытых люках в водоводных каналах, а их было несколько сот.

Контрразведкой Смерш, ведущей оперативную работу в полку, была подготовлена справка с информацией о вероятном

пути выхода диверсантов на территорию между английским и советским посольствами. Они располагались рядом. Эти подземные коммуникации были обследованы и там обнаружены следы готовящегося нападения. Об этом было доложено, возможно и вероятнее всего, Николаем Кравченко Лаврентию Берии, а может, и самому Сталину. Вождь это оценил по достоинству. Люки тут же заварили, а каналы взяли под усиленный контроль.

ВЕРСИЯ № 3

С учетом этих и других обстоятельств, как известно, американскому президенту Франклину Рузвельту было предложено Иосифом Сталиным через Вячеслава Молотова и Аверелла Гарримана переехать в советское посольство. Это диктовалось собственной безопасностью лидера, так как посольство США находилось на окраине города, и возможность обстрела его кортежа при перемещениях была весьма вероятна, так как иранская столица кишела нацисткой агентурой.

В это время Кравченко от агентуры получает сведения, что на участке дороги с определением точного места из посольства США в посольство СССР заложен фугас. Наши саперы его удачно и конспиративно разминировали.

Вот почему на похороны генерала Н.Г. Кравченко, по воспоминаниям бывшего майора УКГБ Тамарскго Г.С., «приехал сапер, которого Кравченко в 1943 году взял с собой в Тегеран».

Значит, такой человек был рядом с подполковником Смерша в Тегеране и приехал проводить своего старшего уважаемого товарища в последний путь. Он на поминках генерала кое-что рассказал интересного о своем пребывании в иранской столице.

С выступлением майора в отставке Г.С. Тамарского на траурном митинге читатель может ознакомиться чуть ниже.

ВЕРСИЯ № 4

Возможен элемент случайности. Нисколько не умаляя заслуг в проделанной колоссальной работе по оперативному обслуживанию подразделений охраны со стороны Николая Григорьевича Кравченко, автор считает, что Сталин симпатизировал высокому, плечистому, стройному красавцу с густой, как у него в молодости, шевелюрой. И когда встал вопрос о присвоении генеральского звания по просьбе Рузвельта, он остановился именно на подполковнике из Смерша. Это была им созданная и им названная контрразведывательная организация в Вооруженных силах СССР.

Вождь ведь был наркомом обороны Советского Союза, поэтому Главное управление контрразведки Смерш недаром было передано в НКО СССР. Виктор Семенович Абакумов состоял в его

заместителях по безопасности.

А авторитет у Абакумова к этому времени был достаточно высок, и Сталин доверял ему больше, чем Берии, которого стал подозревать в угодничестве, мздоимстве и моральном разложении, считая это признаком заявки на преемственность. Но Сталин, хотя и стар был, не собирался уходить с политического подиума. А назначенцев на свое место сам выбирал. В разное время у него в этом качестве ходили и Кузнецов, и Воскресенский, и Пономаренко, и многие другие. А вот инициативы у подчиненных и проявлений подобных негативных черт вождь не переносил.

ВЕРСИЯ № 5

Молчание о деятельности генерал-майора Н.Г. Кравченко со стороны его самого, органов и кремлевских властей, возможно, было связано с историей выхода смершевца на немалую часть немецкой агентуры через дочь хозяина тегеранской таверны. Несмотря на полученные конкретные положительные результаты по разоблачению вражеских террористов, его могли профилактировать за эту «порочащую» связь.

Ведь «шила в мешке не утаишь», если оно, конечно, там было. Поэтому некоторым из сотрудников советской резидентуры в Тегеране, возможно, могла стать достоянием связь Николая Григорьевича с персиянкой, этакой есенинской «Шаганэ». Помните:

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ…

Эти контакты с иностранкой могли навредить репутации самого Кравченко из-за боязни так называемой в разведке «медовой ловушки».

Наверное, Сталину донесли этот «прокол» подполковника, но он рассудил по-своему, повесив ему на плечи золотые погоны генерала. Может, поэтому после 1943 года его прятали по медвежьим углам России.

Если рассказ П.Ф. Лубенникова правда, значит, такая утечка информации где-то, когда-то и кем-то произошла. Вот отсюда, очевидно, и была заинтересованность органов госбезопасности периода Ю.В. Андропова «архивами» и, возможно, написанными

мемуарами отставного генерала — любимца Сталина…

* * *

Был Сталин и другим, глядя на утехи придворных. Придется немного углубиться в историю, чтобы показать степень реакции вождя на подобные «штучки».

Так, 2 января 1940 года к Сталину на ужин в Семеновское приехали Микоян, Андреев, Каганович и Ворошилов с Надей Тузовой — бывшей сотрудницей Коминтерна, его секретаршей, смазливой бабенкой, решившей тоже поздравить вождя. Сталин был в хорошем настроении. Он показал правительственную телеграмму от Гитлера, который накануне поздравил вождя с 60-летием.

— Ах, до чего же внимательный человек, вы смотрите, ведь вспомнил, — заикаясь, скороговоркой пролопотал Молотов, приехавший раньше других гостей.

А потом пошли «карачки», когда подменялась служба Отечеству службе «Вашему Превосходительству» — верноподданнические тосты, о которых когда-то впервые высказался художник Валентин Серов, рисуя портрет царя Николая II. Он тогда отметил льстивое окружение царя и россиян, никак не освободившихся от векового заискивания перед сильными мира сего.

Особенно старались в угодничестве Ворошилов и Микоян. И тут Сталин не выдержал:

— Фу, вы как псаломщики. За бутылку водки готовы продать все и вся. Даже отца родного и мать в придачу.

Наступила зловещая тишина, которая, как на фронте, в любую секунду могла взорваться открытием огня.

И стрельба началась:

— Вы все уже успели записаться в новые богатеи, в знатное сословие, стали вельможами. Каждый из вас превратился в барина, в боярина. Забыли, кем вы были, — скаламбурил хозяин. — Став наркомами, научились быстро воровать.

Эти слова бросили многих в жар. Учащенно забились сердца — грешки и грехи ведь имелись у каждого. Поэтому все притихли, понимая, что Сталин может погнать такую волну, что она превратится в цунами. И он, захмелевший от любимых двух вин, стоявших на столе — «Хванчкара» и «Чхавери», продолжил:

— Что вы съежились? Паучье племя испугалось возмездия? — Сталин повернул голову.

— Ворошилов, а ну-ка скажи, сколько государственных денег

ты списал на свою светлость за счет бюджета?

Клим Ефремович, точно провинившийся ученик, вскочил со стула и встал в позу «руки по швам».

Сталин обжег его колючим, подозрительным взглядом, упиваясь единоличной властью. Он здесь был Хозяин в прямом и переносном смысле, Хозяин над домом и душами гостей. Хозяин Большой страны.

— Иосиф Виссарионович! Дорогой товарищ Сталин. Мы верой и правдой служим Родине, — трясясь от страха быть вывернутым наизнанку прозорливым вождем, отвечал надтреснутым голосом нарком обороны: — Лишнего мы ничего не позволяем. Живем, как все трудящиеся нашей великой страны.

— Андреев, — неожиданно взревел, словно бык, раскрасневшийся Сталин, — скажи нам, здесь сидящим, скажи сейчас, какую сумму истратил на личную персону народ-ный комиссар обороны, — слово «народный» он умышленно растянул по слогам, как гармошку-трехрядку на свадьбах.

Андрей Андреевич каким-то сиплым, неестественным, даже глуховатым голосом, в котором чувствовался страх, но явно подготовленный заранее, произнес:

— Климент Ефремович Ворошилов ежемесячно безотчетно тратит на «семейные нужды» по семьдесят тысяч рублей.

— Сумма баснословная, — тихо, весь багровея, промолвил Сталин. — Когда-то нищий слесаришка из Луганска, а сегодня красный маршал преподнес секретарше Тузовой бриллиантовое ожерелье, оцененное специалистами-золотарями в двадцать тысяч рубликов. Ворошилов, можно ли тебе после этого верить?! Отвечаю — нет! Мы попросим финансистов подсчитать все твои долги, которые ты должен немедленно погасить. Человек с заляпанной репутацией не имеет морального права оставаться на посту наркома обороны страны.

Завтра утром сдашь дела Тимошенко!

— Есть! — голосом провинившегося школяра отчеканил маршал.

Создавалось впечатление, что это был мини-спектакль, написанный заранее, с артистами и аудиторией, режиссером и постановщиком которого был сам юбиляр…

Но так только казалось. На самом деле все обстояло гораздо серьезнее, чем думали гуляки. Досталось тут многим гостям.

По указанию Сталина из депутатов Верховного Совета СССР была создана контрольная комиссия, в которую вошли Андреев, Поскребышев, Маленков, Шкирятов, Мехлис и Давыдова — любимая оперная певица вождя и не только певица…

Хмель быстро улетучивался. Унылые и без настроения после

вечеринки «вожди» поплелись к своим прогревающимся машинам. Каждый думал о своих финансовых грехопадениях.

Комиссия работала почти месяц. Результат превзошел все ожидания. Выяснилось, что долг Ворошилова государству превысил семьсот тысяч рублей. Через неделю Андреев доложил Сталину, что Ворошилов рассчитался. Быстро наскреб «красный маршал» огромную по тем временам сумму и вернул ее в государственную казну, что спасло его от преждевременного увольнения, исключения из партии, а возможно, даже и гибели.

Комиссия нашла финансовые злоупотребления на большие суммы у Молотова, Кагановича, Калинина и других небожителей. Например, выяснилось, что «всенародный староста» беззастенчиво тратил на юных красоток-балерин десятки тысяч рублей. Из скромных «сбережений» ему пришлось внести в кассу 185 тысяч рублей.

После этого не только Клим Ворошилов лишился должности, но и Вячеслав Молотов был смещен с поста руководителя правительства. Сталин отобрал у него портфель председателя Совнаркома, совместив две должности: Первого секретаря ЦК ВКП(б) и председателя Совета народных комиссаров. «Пострадали» и другие зарвавшиеся партийные и государственные бояре.

«Что это такое? Понимаешь — из грязи в князи, — рассуждал Сталин после прочтения очередного акта комиссии. — Вместо скромного прикроватного коврика на стенах не ковры, а дорогие гобелены, горы хрусталя, полотна маститых художников. Откуда это все? На какие деньги куплено? Наверное, из музеев и дворцов бывших вельмож натаскано. Незаметно они, так называемые народные слуги, сегодня превратились в вельможей. Стыд и срам — козлы, и только…»

Ход мыслей прервал очередной звонок А.А. Андреева.

— Что, еще на кого-то накопал? — сердито буркнул вождь.

— Да, товарищ Сталин… готов доложить.

— Приезжайте…

Сталин и так мог неожиданно ударить. Но к каждому удару он готовился основательно.

ЗА ЧТО?

Так как ум нельзя унизить, ему
мстят, поднимая на него гонения.

Пьер Бомарше

В кабинете генерального прокурора СССР Руденко раздался телефонный звонок прямой связи — «кремлевка». Звонил Хрущев.

— Слушаю вас, Никита Сергеевич, — ответил внешне спокойно, правда, внутренне несколько волнуясь, генпрокурор — нечасто звонят вожди, — знающий, что по пустякам Первый секретарь ЦК партии обращаться не будет.

— Роман Андреевич, как дела, как жизнь? — начал он с банально простого вопроса.

— В основном работаем по главной линии — реабилитации. Есть много и уголовных дел… есть немало преступников без натяжек… за совершенные конкретные преступления посажены…

Не дав Руденко договорить, Никита Сергеевич неожиданно спросил:

— А скажи-ка мне, где служит «сталинский выкормыш?»

— ???

— Я имею в виду хохла тегеранского… Как его, кажется, Коробченко, Кириченко, Клименко, — вылетела совсем фамилия из головы.

— Наверное, вы говорите о Кравченко? — приосанился Руденко, ощутив, что помог хозяину в поиске точной фамилии заинтересованного лица.

— Да-да, это он, — орал в трубку Хрущев. — Надо его прощупать по тридцать седьмому или по периоду его службы в МГБ вместе с Абакумовым. Может, что и найдете. Не мог этот служака остаться незапятнанным и при Ежове. Они тогда много «наработали». Почти все занозы мы уже выдернули из «органов», а он, выходит, еще остался и продолжает служить. Такие чекисты мне не нужны.

— Я не помню, чтобы на него было что-либо серьезное, — с достоинством ответил Руденко. — Мне бы сразу же доложили.

— А вы со своими подчиненными поищите, поройтесь внимательнее. Дайте, в конце концов, команду военному прокурору.

— Узнаю обязательно все, что нужно, Никита Сергеевич, и сообщу вам.

— Перезвоните.

— Обязательно!

В тот же день генеральный прокурор СССР Руденко сообщил, что этот «сталинист» рулит армейскими контрразведчиками в Прикарпатском военном округе.

— Вот и хорошо. Пусть им серьезно займется твой товарищ, — приказал новый советский вождь.

— Никита Сергеевич, кстати, там у нас трудится толковый и цепкий генерал Лабутьев, военный прокурор округа, — четко ответил Роман Андреевич.

— Ну вот через него и действуйте. Надо этого «сталинского выкормыша», — опять повторился Никита Хрущев, — Кравченко убрать по компрометирующим материалам.

— А если их нет?

— Найти… Я вам приказываю… Вы что, прокурор или тряпка?

Руденко покраснел и тяжело задышал, услышав такую характеристику.

Пройдет несколько лет после этого звонка и произойдет еще один диалог Руденко с Хрущевым, только не телефонный, а живой. Дело будет касаться судьбы — жизни или смерти валютчиков.

Сын генерального прокурора Сергей Руденко вспоминал, показывая принципиальность своего отца Романа Руденко и волюнтаризм Никиты Хрущева:

«В 1961 году состоялся серьезный разговор отца с моей старшей сестрой Галиной. Отец сказал, что на состоявшемся заседании по делу валютчиков Рокотова и Файбышенко Хрущев потребовал применить к ним высшую меру наказания — расстрел.

Это означало придание закону обратной силы.

(Смертная казнь была в тот период отменена. — Авт.)

Отец в ответ заявил, что он с этим не согласен и лично не даст санкцию на такую меру, так как это противозаконно.

— А вы чью линию проводите, мою или чью-нибудь еще? — спросил Хрущев.

— Я провожу линию, направленную на соблюдение законности, — ответил отец.

— Вы свободны, — сказал Хрущев…»

В этом поступке весь новый вождь, который не считался ни с какими законами, не понимая, что право — исторический показатель, а не исторический фактор. И таких не поступков, а проступков и даже преступлений на своем веку было совершено Хрущевым немало…

* * *

Это было время «атушное» для органов госбезопасности. Кто их только не клевал и не топтал с разрешения Кремля! Только за два года нахождения в должности председателя КГБ лучший друг Хрущева по службе на Украине Иван Серов уволил из органов разведки, но в основном контрразведки, шестнадцать тысяч человек. К обреченным на увольнение подводилась статья «как не внушающих политического доверия, злостных нарушителей социалистической законности, морально неустойчивых, а также малограмотных и отсталых работников».

Но с «четырехлетними сельскими и городскими академиями» в тот период начальниками были и в Министерстве обороны, и в КГБ, и в Политбюро. Однако партийные чиновники почему-то считали себя совсем не малограмотными людьми.

Итак, генерал Серов только из центрального аппарата убрал более двух тысяч человек, из них сорок были лишены генеральского звания. Вместо уволенных Центральный комитет КПСС направил на руководящие должности в органы госбезопасности шестьдесят партийных работников.

Одновременно в угоду Хрущеву в КГБ Серов провел грандиозную чистку архивов в нужном новому вождю направлении. За эту «прополку» он получил звание генерал-полковника, а 25 августа 1955 года в честь пятидесятилетия был награжден еще и орденом Ленина. Так высоко было оценено исчезновение из архивов документов, свидетельствовавших о причастности Хрущева к репрессиям тридцатых и сороковых годов.

Поэтому уверовав в своей непотопляемости и непогрешимости, Никита Сергеевич решился подготовить и произнести знаменательную антисталинскую речь, прагматично сыгравшую ему роль подрывника позиций его соперников, чьи подписи на документах о расстрелах сохранились. Но, подрывая таким образом Сталина, он взорвал и страну, не думая о последствиях.

В связи с этим небольшая ремарка.

На очередном заседании палаты лордов 21 декабря 1959 года, возможно, случайно совпавшем с 80-летним юбилеем И.В. Сталина, выступал Уинстон Черчилль. Кроме экономических проблем обсуждались и внешнеполитические. Несмотря на некоторое потепление отношений между СССР и Великобританией после визита Хрущева и Булганина в Англию, Черчилль оставался самим собой. Он неожиданно вспомнил, в какой день проходит заседание палаты:

«Сегодня 80 лет со дня рождения Сталина…

Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелых

испытаний Россию возглавил гений и непоколебимый полководец Сталин. Он был выдающейся личностью, импонирующей жестокому времени того периода, в котором протекала вся его жизнь.

Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции и несгибаемой воли, резким, жестким, беспощадным как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в английском парламенте, не мог ничего противопоставить.

Сталин прежде всего обладал большим чувством сарказма и юмора, а также способностью точно выражать свои мысли. Сталин и речи писал только сам, и в его произведениях всегда звучала исполинская сила. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей всех времен и народов.

Сталин производил на нас величайшее впечатление. Его влияние на людей было неотразимо. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, встали и, странное дело, почему-то держали руки по швам.

Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логической и осмысленной мудростью. Сталин был непревзойденным мастером находить в трудные минуты пути выход из самого безвыходного положения. В самые трудные моменты, а также в моменты торжества он был одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзиям.

Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих и заставлял нас, которых открыто называл империалистами, восстать против империалистов.

Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире, диктатором. Он принял Россию с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием.

Нет! Что бы ни говорили о нем, таких история и народы не забывают…»

Эту дословную речь известного русофоба сегодня опровергают российские либералы. Но она осталась на бумаге и в записи на магнитофонной ленте. Поэтому не англичане лгали и лгут, а доморощенные российские «демократы».

Заседание закончилось. В кулуарах Черчилля обступили коллеги, продолжая осыпать его вопросами о Сталине. Значит, живой интерес к советскому лидеру, ушедшему в небытие, продолжался даже среди тех, кто люто ненавидел социализм, СССР и его руководителя.

На дне рождения Черчилля, сразу же после этого заседания, один из приглашенных предложил тост за хозяина торжества, как

за человека, который внес вклад больший, чем кто бы то ни было в дело борьбы с коммунизмом в СССР.

Черчилль прервал его и заявил:

— Есть на Земле человек, который сделал в этом направлении больше, чем я.

Зал затаил дыхание.

Черчилль завораживающим взглядом обвел собравшихся гостей и продолжил:

— Это Хрущев.

Черчилль считал себя свободным от заигрывания с кем бы то ни было, тем более с новым советским руководителем. Он его вождем не мог назвать по определению. Хотя он был и враг нашей страны на протяжении длительного времени, но не стеснялся черное называть черным, а белое — белым.

В настоящее время большая часть родни Хрущева вместе с его сыном Юрием проживает в США. Вот она, партийная принципиальность и советский патриотизм, к которому призывали нас партийные чиновники!

И возникает вопрос, а судьи кто? Главным судьей был сам новый хозяин великой страны, случайно оказавшийся на троне, который, не зная всех тонкостей и превратностей Фемиды, чисто интуитивно призывал действовать, как об этом гласит судейская поговорка — врать, как очевидец.

Заслуженный военный контрразведчик генерал-майор Василий Ефимович Грачев, сослуживец героя настоящего повествования по Прикарпатью, вспоминал «…что именно в этот период чистки органов от «сталинистов» нависла угроза увольнения с компрометацией прославленного чекиста, глубокоуважаемого моего учителя — начальника генерал-майора Николая Григорьевича Кравченко.

При массовом пересмотре следственных дел за прошлые годы генерал-майору юстиции Лабутьеву, военному прокурору ПрикВО, попало (есть предположение, что было специально прислано. — *Авт.)* следственное дело на группу лиц, участников польской войсковой организации (П.О.В. — «Польска организация войскова»). Некоторые из них были осуждены к ВМН — расстрелу за связь с польской разведкой (диверсии и конкретные факты проведения шпионажа против СССР. — *Авт.)*.

В допросах, проходивших по делу четырех лиц, принимал участие в качестве стажера Николай Кравченко, фактически исполняя роль писаря. Этого было достаточно для прокурора Лабутьева, чтобы составить заключение об его участии в незаконном аресте членов П.О.В., потом по суду расстрелянных по этому же делу…

Не считая себя ответственным за следствие по рассматриваемому делу, Кравченко полагал, что Лабутьев сфабриковал умышленное его обвинение. Поэтому между ними сложились натянутые отношения…»

* * *

Чтобы доказать свою невиновность, а он был уверен в этом, генерал Кравченко отправляет Грачева в Киев, где тот связывается с заместителем председателя КГБ Украины генералом Головненко И.Х., который дает санкцию на поднятие всех материалов дела оперативной разработки по П.О.В.

В этих документах было найдено указание Ежова № 00485 от 11 августа 1937 года, согласно которому подлежали аресту все лица польской национальности по обвинению в сотрудничестве с польской разведкой, шпионской, диверсионной и террористической деятельностью.

На борьбу с заблаговременно приготовленной поляками «пятой колонной» призывала ориентировка 3-го управления НКО СССР от 25 мая 1941 года. В ней отмечалось, что основным контингентом агентуры, используемой германскими разведывательными органами и забрасываемой к нам через западную границу, являются поляки — 52,4 %, украинские националисты — 30 %, три четверти которых имеют возраст до 30 лет. Среди них 10 % молодых женщин с красивой внешностью.

Такова была объективность.

*«Но при пересмотре дел на разоблаченных из этих категорий вражеских агентов такие прокуроры, как Лабутьев, без всякой предварительной проверки (*мода дня! — *Авт.) выносили реабилитационные заключения, — скажет со временем генерал-майор В.Е. Грачев, — в частности, по полякам как репрессированным в ходе этнической чистки».*

Какая этническая чистка?

Такими чистками против польского населения занимались в 1943–1945 годы бандеровцы на Западной Украине, а чекисты воевали против них. Вспомнить хотя бы резню ОУН бандеровского направления в селе Кортализы Ратновского района на Волыни. В наших партизанских отрядах вместе с русскими, украинцами и белорусами мужественно и стойко воевали поляки.

По собранным материалам, как вспоминал В.Е. Грачев, была составлена подробная обзорная справка с приложением перечня всех использованных при этом добытых источников. Об этом Николай Григорьевич Кравченко доложил лично Председателю

КГБ при СМ СССР И.А. Серову, и по его указанию приказал составить на его имя краткое отношение, отразив в нем только выводы, а справку и собранные материалы выслать в приложении по отдельной описи.

Настроение у Николая Григорьевича после разговора с Серовым было приподнято-радостным. А через несколько дней он сообщил капитану Грачеву, что звонил Серов и поблагодарил за добытые материалы по П.О.В., восстановившие ее прежнюю оценку.

Кравченко особо не распространялся, но в тот период Грачев понял, что Серов к Николаю Григорьевичу относится доброжелательно, помнит о его заслугах по Тегеранской конференции, признанных, по существу, на международном уровне лично президентом США Рузвельтом. Значение этих заслуг трудно переоценить. Если бы Гитлеру удалось осуществить подготовленный по его заданию… теракт, то уже в 1943 году президентом США мог стать Трумэн и исход Великой Отечественной войны был бы не столь успешным для Советского Союза, прежде всего по международным политическим результатам.

28 декабря 1958 года председателем КГБ стал Александр Николаевич Шелепин, бывший с 1947 года первым секретарем ЦК ВЛКСМ и членом ЦК КПСС. Это он летом 1957 года был в числе группы молодых партийных руководителей, не давшей старой гвардии — Молотову, Булганину, Маленкову и Кагановичу снять Хрущева.

Никита Сергеевич оценил поступок «смелого солдата партии» по достоинству, предложив ему возглавить органы государственной безопасности. После чего комитет и его подразделения на местах объявлялись политическими органами партии — «вооруженным отрядом партии и правительства» по защите от посягательства внешних и внутренних врагов, а также по охране государственной границы СССР.

И слон начал хозяйничать в посудной лавке. В контрразведке он понизил статус подразделений — ликвидировал управления, сделав их отделами, отделы — отделениями. Этот процесс ударил по званиям и денежному содержанию сотрудников.

Шелепин, прозванный в чекистской среде «железным Шуриком», много нанес вреда в кадровой политике комитета. Он убирал опытных разведчиков и контрразведчиков, заменяя руководителей молодыми функционерами из комсомола и партийных органов.

Автор книги, служа в тот период в Особом отделе Прикарпатского военного округа, был свидетелем бурной реакции

оперативного состава на назначение в должности заместителя руководителя военной контрразведки 13-й армии в городе Ровно обкомовского чиновника. Этот пришелец много наломал тогда дров, пришлось исправлять ошибку, сняв его с должности. Человек он был хорош сам по себе, а чекистским руководителем никудышным.

«Разгоняя кадры сталинского периода, — рассказывал Василий Ефимович Грачев, — «железный Шурик» добрался и до генерала Кравченко. В августе 1959 года по его указанию Николай Григорьевич был уволен из органов госбезопасности, но не лишен льгот почетного чекиста, поэтому сохранил право на ношение генеральской формы. Пенсионное обеспечение определилось в 50 %-ном размере. О состоявшемся увольнении, — продолжал Грачев, — я узнал от Николая Григорьевича при разговоре по телефону. На мое возмущение:

— Как же так? Мы же доказали вашу невиновность?!

Последовал ответ:

— Дело не в виновности, уволили и всех других, кто работал со Сталиным».

Вскоре Николай Григорьевич не обменял, а сдал квартиру во Львове и нашел жилплощадь в Калининграде, где жила его сестра… После отъезда в Калининград до конца дней его жизни между нами продолжалась переписка.

* * *

Небезынтересно послушать ранние речи борца с исполнителями репрессивных приказов Лубянки. Тогда он говорил по-другому, практически в поддержку тех, за кем охотился в середине пятидесятых.

Вот свидетельства политической лини Н.С. Хрущева тех времен. На XVII съезде ВКП(6) в феврале 1934 года:

«Мы провели в Московской партийной организации чистку, которая еще больше укрепит боеспособность наших рядов…»

На VIII съезде Советов в декабре 1936 года:

«Карающая рука пролетарского закона разгромила эту шайку убийц и при всеобщем одобрении всех трудящихся нашей страны стерла с лица земли эту нечисть».

Резолюция по докладу Хрущева на собрании Московского партийного и хозяйственного актива в августе 1936 года:

«Заслушав и обсудив доклад Н.С. Хрущева о террористической деятельности контрреволюционной агентуры внутри московской партийной организации, собрание актива

московской организации настаивает на безусловном выполнении требования большевиков и трудящихся Москвы и Московской области — расстрелять презренную банду убийц».

Выступление на массовом митинге — Красная площадь, 30 января 1937 года:

«Поднимая руку против товарища Сталина, они поднимали ее против всего лучшего, что имеет человечество, потому что Сталин — это надежда, это чаяние, это маяк всего передового и прогрессивного человечества.

Сталин — это наше знамя!

Сталин — это наша воля!

Сталин — это наша победа!»

Таких «карачек» было очень много, и не только у Хрущева. Но не прошло и десяти лет после смерти Сталина, как практически под его диктовку на первой странице газеты «Правда» от 31 октября 1961 года появляется постановление о Мавзолее Ленина.

Николай Григорьевич выписывал эту газету и, получив ее, стал с возмущением читать:

«Постановление XXII съезда КПСС «О Мавзолее Владимира Ильича ЛЕНИНА»

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза постановляет:

1. Мавзолей на Красной площади у Кремлевской стены, созданный для увековечения памяти В.И. Ленина — бессмертного основателя Коммунистической партии и Советского государства, вождя и учителя трудящихся всего мира, именовать впредь «Мавзолей В.И. Ленина».

2. Признать нецелесообразным дальнейшее сохранение в Мавзолее саркофага с гробом И.В. Сталина, так как серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в Мавзолее В.И. Ленина.

А на второй день, это был вторник, в той же газете от 1 ноября на шестой странице в разделе «Хроника» он прочел:

«Во исполнение постановления XXII съезда КПСС гроб с телом И.В. Сталина перенесен из Мавзолея Владимира Ильича Ленина к Кремлевской стене».

Николай Григорьевич брезгливо поморщился и подумал про себя: «Так как ум нельзя унизить, ему мстят, поднимая на него гонения. Нельзя унижать человека, не унижаясь вместе с ним. Он же, наше новое посмешище на вождя, заявил о себе как элементарный гробокопатель. По могиле прошелся своим башмаком. Бог ему судья! Эксгумировал покойника. Как же все

это мерзко. Кто не имеет достаточного мужества, чтобы отомстить за себя, тот никогда не найдет в себе достаточно великодушия, чтобы простить. Человеку, замышляющему мщение, приходится сохранять свои раны открытыми. Они будут со временем гноиться и приведут его к краху».

Что ж, политикан Никита Хрущев свел счеты со своим злейшим врагом, перед которым унижался, заискивал, лицемерил и которому еще недавно готов был лизать даже голенища его мягких грузинских сапог, правда, сшитых в советской столице.

Обидчиков отрадно обижать… Лицемерию нет границ!!!

ПРАВДА О П.О.В

Время обнаруживает, что
прячут складки коварства.

Уильям Шекспир

Чтобы читатель мог узнать о сути деятельности контрреволюционной польской организации, напомним некоторые исторические детали.

Сразу же после того как Польша благодаря историческим событиям 1917 года получила самостоятельность, ее руководители активизировали антироссийскую деятельность по различным направлениям. Одним из острейших фронтов в советско-польских отношениях был незримый фронт.

Замышляя явно фантастическую и коварную идею создания польской сверхдержавы в центре Европы, военно-политическому руководству новой молодой Польши потребовалась соответствующая информация. Ее можно было получить старым, как мир, способом — ведением разведывательной агентурной работы на территории двух мощных соседей: Германии и Советской России.

Однако главный вектор подрывной деятельности в создании «пятой колонны» был направлен в сторону «ненавистных россов». Польская охранка дефензива и военная разведка в лице 2-го отдела генштаба повели себя довольно агрессивно и жестоко.

Вот неполный перечень их «миротворчества», а по существу, польского коварного безумства против ненавистной Варшаве Советской России:

— убийства несогласных граждан с политикой «начальника государства», так назвал себя Пилсудский;

— военные провокации на границе;

— зафронтовые рейды лазутчиков и диверсантов, а в отдельных случаях и отрядов, в тылы наших ВОЙСК;

— вербовочные акции и глубокое внедрение агентуры, вплоть до создания в крупных городах резидентур и прочее.

Основную ставку польские спецслужбы делали на подбор ценных источников из числа советских военнослужащих и государственных чиновников в Москве, Петрограде, Киеве, Минске и других городах, где имелась, как они считали, прочная вербовочная база.

В 20-е годы прошлого столетия органами ВЧК в Советской России были обезврежены сотни вражеских агентов, в том числе

завербованных польской разведкой. Чекистской удачей называли оперативники моменты, когда удавалось не только выявлять шпионов, но и перевербовывать их, то есть методом убеждения перетаскивать недавних врагов на свою сторону, этих глубоко законспирированных специалистов «плаща и кинжала».

Заставляя таким образом работать на себя — играть на поле противника — чекисты завязывали оперативные игры, дурачили его дезинформацией, перекрывали установленные ими каналы проникновения новой агентуры на объекты оперативного внимания польской разведки.

Примером такой работы может служить операция чекистов, проведенная в начале двадцатых годов под руководством военного контрразведчика — оперуполномоченного Особого отдела ВЧК Артура Христиановича Артузова, которая перекинула мостик и в тридцатые годы. Это было время жесткой военной конфронтации Красной армии с польской военщиной.

Именно в ходе данной операции органы ВЧК пресекли подрывную деятельность польской разведки, которая использовала подпольные ячейки военизированной «Польской организации войсковой» (П.О.В.), как легальные, так и полулегальные ее прикрытия, а выражаясь оперативным сленгом, — «крыши» на территориях России, Украины и Белоруссии.

* * *

«Польская организация войскова» возникла еще в 1914 году по инициативе и под личным руководством Пилсудского. Появилась она как националистическая организация активных сторонников за независимость буржуазной Польши, вышколенных в боевых отрядах польской социалистической партии (ПСП), на которую, главным образом, опирался «начальник государства», и в специальных военных школах, создававшихся им для подготовки костяка будущей польской армии.

Еще до Первой мировой войны в распоряжении Пилсудского находился ряд офицеров австро-венгерской разведывательной службы, обучавших пилсудчиков технике разведки и диверсии с дальним прицелом — для работы на территории России.

Но обратимся все же к итогам этой конкретной чекистской деятельности. Налицо был разгром глубоко законспирированных двух главных резидентур польской разведки, действовавших в Москве и Петрограде. Работавшие на нее агенты оказались внедренными в важные военно-политические объекты Советской

России и черпали нужную информацию для своей армии.

В начале 1920 года в поле зрения оперативных работников ВЧК попал некий Игнатий Добржинский. Активная и динамичная проверочная работа чекистов дала возможность быстро выявить его интересные оперативные связи.

Так, в Белоруссии в городе Орша сотрудниками ВЧК удалось выйти на подозрительную гражданку по имени Мария Пиотух. Ее негласно задержали и допросили. Давая показания, она призналась, что является курьером московской резидентуры польской разведки. После беседы ее… отпустили.

Артузов решил незамедлительно установить за ней плотное негласное наблюдение. Прибыв в Москву, девица посетила один адрес, который был у чекистов на подозрении как конспиративная квартира польской разведки. Сразу же после ареста находившихся там неизвестных граждан, оказавшихся агентами польской разведки, многое стало ясным. В ходе предварительных опросов, а потом и допросов, они сразу же пошли «на сговор со следствием» и сдали ряд явочных квартир, на которых принималась и опрашивалась резидентом польская агентура. На одной из таких квартир был задержан Добржинский.

Он тут же признался, что является резидентом польской разведки и работает в Москве под псевдонимом Сверщ (Сверчок). Правда, при предварительном допросе на квартире, где он был задержан, ему удалось сбежать: он выпрыгнул в окно и скрылся в неизвестном направлении.

При анализе выданных арестованной агентурой вместе с Марией Пиотух адресов явочных квартир было установлено, что одна из них принадлежит ксендзу Греневскому. Его дома не оказалось, поэтому в его квартире чекисты устроили засаду…

Через несколько часов после укрытия в ней оперативных работников в дверь позвонили. Вошел неизвестный молодой человек высокого роста. Во время его задержания и ему… удалось убежать, но на сей раз недалеко. Во время погони он стал отстреливаться и был смертельно ранен. При личном осмотре трупа в кармане пиджака чекисты нашли удостоверение личности на имя Гржимало, согласно которому он являлся служащим броневых частей Московского военного округа (МВО).

Кроме военного удостоверения было обнаружено свидетельство о принадлежности его к Московскому охотничьему обществу. На отдельном листке имелся полный список его членов из числа охотников-любителей, среди которых значилась и фамилия… Добржинский.

Поиск сбежавшего резидента теперь стал более предметным. После получения таких данных задержание сбежавшего было

делом времени. Так и получилось, на квартире одного из членов правления охотничьего коллектива он был вторично задержан. На этот раз Добржинского, зная о его способности выходить через окна, охраняли более надежно, кроме того, для подстраховки на его запястья одели наручники. Вскоре поляка доставили на Лубянку во внутреннюю тюрьму…

На допросе выяснилось, что он служит политруком на курсах броневых частей и одновременно является членом Польской партии социалистов (ППС). Вместе с тем он рассказал, что углубленно изучает марксистскую теорию, посещает большевистские митинги и манифестации, знаком с некоторыми партийными функционерами из РКП(б). Потом поляк внезапно замкнулся и наотрез отказался давать какие бы то ни было показания.

После чего с Добржинским стал предметно «работать» сам Артузов. На допросах он больше говорил сам, чем допрашиваемый. Протоколов не вел. Создавалось впечатление, что он выстраивает отношения с ним на равных. Однако чекист, как тонкий психолог, методом убеждения постепенно склонял задержанного к даче откровенных сведений о своей преступной деятельности. Артузов обратил внимание на то, что Добржинский несколько раз негативно отзывался о руководителе страны — Пилсудском, критиковал установившийся в Польше тоталитарный политический режим, положительно оценивал реальные шаги, предпринимаемые Лениным по нормализации польско-советских отношений. Показания Добржинского позволили военному контрразведчику поверить в искренность мировоззренческих взглядов задержанного и осуществить в дальнейшем его перевербовку.

— Все это очень интересно, — перебил поляка Артузов, — но это все прошлые дела. Нас интересуют события здесь, в Москве, в частности, конкретные нелегальные резидентуры, наиболее ценные агенты, особенно из числа советских граждан, методы и пути вербовки осведомителей в столице, на территории России…

Артузов настолько убедительно построил свою беседу, что поляк медленно, как весенний тюльпан, стал раскрываться, согласившись перейти на сторону советской власти. Правда, Добржинский заявил чекисту, что готов принять его предложение, но с одним только условием.

— Каким же? — спросил удивленный такой неожиданной и откровенной наглостью Артузов.

— Прошу задержанных или оставшихся на свободе моих людей, работавших на резидентуру по идейным соображениям, не репрессировать, не расстреливать, несмотря на военное время.

Это мое главное и единственное условие.

— Вы сами понимаете, что такие гарантии сразу я вам дать не смогу. Это решается высшим руководством. Вы согласны с моим доводом?

— Согласен…

Артузов посмотрел на Добржинского и подумал: «Если люди терпят разговоры о своих пороках — это лучший признак того, что они исправляются, а забота о своих «заблудших овцах» характеризует их порядочными натурами».

Через несколько дней контрразведчик от имени руководства ВЧК гарантировал выполнение этой просьбы. Добржинский еще больше разоткровенничался. Он признался, что в действительности является главным резидентом польской разведки в Советской России, и назвал имя другого резидента, действовавшего в Петрограде, Виктора Стацкевича. По его мнению, он работает на 2-й отдел польского генштаба — военную разведку.

Под негласным сопровождением чекистов Артузов с Добржинским выехали в Петроград и вышли на коллегу последнего — второго польского резидента. В результате так же умно построенной беседы военным контрразведчиком и этот поляк повел себя сразу же откровенно и, исходя из идейных мотивов, согласился прекратить подрывную работу против Советской России.

Надо заметить, что весь ход операции находился на контроле у высшего руководства ВЧК. Проверочные мероприятия были настолько масштабные, что о ходе операции и путях ее возможной реализации Дзержинский докладывал Ленину. Председатель Совнаркома полностью одобрил ее замысел.

Арестованным разведчикам было обещано, что все их негласные помощники, сотрудничавшие с ними по патриотическим убеждениям, будут отпущены в Польшу, а платные агенты — преданы суду.

К концу июля 1920 года Особый отдел ВЧК арестовал более десяти тайных агентов польской разведки. Свое слово Дзержинский сдержал: после окончания следствия поляков доставили на Западный фронт и переправили на родину.

Как известно, в это время шли жаркие бои на польско-советском фронте. Красная армия отступала под натиском быстропополненных личным составом и хорошо вооруженных за счет средств США и других стран Антанты польских войск.

Именно в этот грозный час, наступивший для молодой Советской республики, Артузов еще раз решил рискнуть: Добржинского и Стацкевича он включил в оперативную группу,

которая направлялась на Западный фронт. Это был рискованный, хотя и оперативно оправданный шаг, потому что строился на психологически выверенных посылах и доверии.

Цель этой группы заключалась в следующем: оказать действенную помощь армейским контрразведчикам в ликвидации подпольных звеньев уже известной «Польской организации войсковой». Ее агентура подрывала войсковые эшелоны Красной армии, убивала командиров и политработников, доводила дезинформацию до нашего командования, вела разведку в полосе боевых действий фронта и прочее.

Интересно заметить, что в списках оперативной группы Добржинский значился в должности сотрудника для особых поручений Особого отдела ВЧК под фамилией Сосновский. Этот псевдоним, как партийная кличка у революционеров, закрепился за ним на всю последующую жизнь.

Прибыв на Западный фронт, Сосновский стал изучать контингент из числа польских военнопленных, находящихся в следственных изоляторах и фильтрационных лагерях. Наиболее лояльно настроенных к советской власти задержанных и пленных он отбирал.

Таким образом, он постепенно сколотил небольшую боевую группу, перед которой была поставлена задача — проникнуть в конкретную диверсионно-террористическую организацию. По данным разведки Красной армии, именно эта организация готовила покушение на жизнь командующего Западным фронтом Тухачевского.

Вместе с несколькими членами своей группы, в которую, кстати, входила девушка под фамилией Пшепилинская, они сумели внедриться в нужный объект — конкретную контрреволюционную организацию и сорвать план убийства командующего фронтом.

Сосновский и его группа обезвредила в полосе фронта не одну польскую диверсионно-террористическую группу. Они тем самым нанесли серьезный удар по планам Варшавы. О деятельности «коварного предателя» польская разведка доносила даже Пилсудскому, который поставил задачу своему генштабу любыми средствами и как можно скорее физически уничтожить Добржинского. Под эту цель 2-м отделом польского генштаба готовились специально террористы.

В то же время за конкретные оперативные результаты и заслуги перед Советской Республикой недавний польский резидент Сосновский был представлен к высокой правительственной награде. Его наградили орденом Красного Знамени. Вскоре Сосновского зачислили кадровым сотрудником в

штат центрального аппарата ВЧК, которой он отдал все свои лучшие годы.

* * *

Однако польская военная разведка не могла успокоиться, и охота на Сосновского продолжалась. Об этом свидетельствовало задержание некого Борейко, который направлялся в Москву для совершения террористического акта — «акта возмездия» в отношении нашего героя.

На следствии террорист признался, что он был послан 2-м отделом польского генштаба (военная разведка) для физического устранения чекиста — поляка. Бдительность и профессионализм сотрудников ВЧК предотвратили опасное преступление — спасли жизнь смелого оперативника.

Дальнейшая судьба Сосновского такова. Он стал одним из руководителей созданного в мае 1922 года специального подразделения органов государственной безопасности по борьбе со шпионажем — Контрразведывательного отдела секретно-оперативного управления ГПУ республики.

С 1927 по 1929 год проходил службу в должности секретаря Секретно-оперативного управления ОГПУ.

В 1929 году становится уже начальником КРО полномочного представительства по Белорусскому военному округу, затем по Центрально-Черноземной области. На этих должностях он проработал до 1931 года.

В 1931–1935 годах — соответственно начальник отделения, заместитель начальника Особого отдела ОГПУ — ГУГБ НКВД СССР.

С мая 1935 года его неожиданно отправляют на периферию и назначают с явным понижением — заместителем начальника управления НКВД по Саратовскому краю. Это был опасный в те годы признак…

Он и сам понимал, что его ставят в положение «козла отпущения». Так и случилось — в ноябре 1936 года контрразведчика арестовывают. По архивным данным, смелого и преданного чекиста расстреляли 15 ноября 1937 года. Реабилитирован Сосновский только в 1958 году по просьбе самих чекистов, пересматривающих в то время некоторые дела незаслуженно репрессированных своих коллег.

* * *

Интересно то, что в контрразведывательном подразделении по борьбе со шпионажем с 1922 года вместе с Сос-новским стал работать и Виктор Стацкевич под фамилией Кияковский.

Советской властью ему тоже было оказано полное доверие. Он стал оперативником, положительно зарекомендовавшим себя на этой небезопасной в то время работе. Он принимал участие в ряде конкретных чекистских операций.

В начале тридцатых годов его как опытного контрразведчика направляют в командировку в Монголию. По скудным данным, собранным автором о нем, Виктор Стацкевич — Кияковский «… геройски погиб при выполнении специального задания органов ВЧК». И все!

О благородстве и честности самого же Артузова красноречиво говорит выписка из протокола заседания Коллегии Особого отдела Западного фронта от 7.9.1920 года, в которой есть такой текст:

«Гр. (гражданка. *-Авт.) Пиотух Марию Александровну 17 лет признать виновной в принадлежности* к *Оршанской белопольской шпионской организации, — приговорить ее к высшей мере наказания — расстрелу, но, принимая во внимание добровольную явку и ее несовершеннолетие, чистосердечное признание, выдачу соучастников, о также ее заявление о том, что прежняя деятельность не соответствует ее истинным убеждениям, кок сочувствующей советской власти, и что ее деятельность является лишь следствием влияния на нее польских офицеров Квятковского и Борейко, освободить с представлением право искупить свою вину в роботе».*

Судьба же самого Артузова была сломана в период так называемой ежовщины. Это был период, когда Сталин руками «партийного карлика» Ежова освобождался от старой ленинской гвардии — большинства троцкистов и некоторых действительно легендарных личностей в ВЧК периода Дзержинского.

Артузов по сравнению с Ежовым был личностью.

В феврале 1917 года он с отличием окончил металлургический факультет Петроградского политехнического института. В совершенстве владел французским, английским, немецким и польским языками. В разное время находился на руководящих должностях в политической и военной разведках СССР.

13 мая 1937 года Артузова арестовали как «активного участника антисоветского заговора в НКВД».

Находясь в следственном изоляторе и узнав об аресте Сосновского, он 22 марта 1937 года направляет письмо наркому внутренних дел Н.И. Ежову, в котором практически берет под

защиту ошельмованного чекиста.

В частности, в письме есть такие слова:

«…дело Сосновского было не маленькое дело ВЧК. Я знаю, что Дзержинский советовался с Лениным по этому делу… Дзержинский разрешил обещать Сосновскому — не стрелять идейных пилсудчиков из его людей, а выпустить в Польшу под честное слово, — не заниматься больше шпионажем против нас.

На этом условии Сосновский дал свои показания. Мы сыграли на его революционном романтизме и сняли польскую сеть. Обещание приказано было выполнить. Несколько польских офицеров было выпущено в Польшу после политической обработки.

Тов. Фриновский мне сказал: русских стреляли, поляков выпускали по этому делу. Считаю такое утверждение клеветой на Дзержинского. В 1920 году это было политическое дело. Обращение Сосновского к польской молодежи разбрасывалось нашей авиацией над польскими войсками. За раскрытие плана польских диверсантов — помешать эвакуации штаба Тухачевского из Минска — Сосновскому был присужден орден Кр. Знамени.

Во время войны 1920 года Сосновский принес вред Пилсудскому. Дзержинский предложил и дальше использовать Сосновского (не на польских делах) и посадить в аппарат…»

Речь шла о предложении зачислить его на службу в центральный аппарат органов госбезопасности.

Несмотря ни на какие пояснения, ответа на письмо не последовало, и 21 августа 1937 года Артузов был приговорен «тройкой» НКВД СССР к высшей мере наказания как «шпион польской и других разведок». В обвинительном заключении прямо было записано: «виновным себя признал полностью». Но признавались таким образом тогда многие. Палачи спешили — в тот же день он был расстрелян.

Реабилитировали А.Х. Артузова только в 1956 году. Это был благородный акт возвращения честного имени потомкам, имени человека, который никогда не был «умеренным и аккуратным» Молчалиным, олицетворявшим карьеризм и подобострастие.

Он был верен долгу, присяге и Отчизне. Говорят, что, уходя из жизни, Артузов не рисовался продолжателем дела «великого» Сталина, как это делали другие осужденные из обоймы партийных деятелей, не преклонился перед палачом во время казни.

Он до сих пор остался у чекистов без рисовки — героической личностью, поэтому и нападок со стороны всякого рода лжедемократов и либералов в его адрес автор не слышал.

Вот по материалам какого дела допрашивал польского

фигуранта в 1937 году, будучи стажером, оперуполномоченный управления НКВД по Харьковской области, оформленный недавно в органы госбезопасности, Николай Григорьевич Кравченко.

Именно этот служебный эпизод оказался миной замедленного действия, запал в которую вставил военный прокурор Прикарпатского военного округа в 1959 году по отмашке сверху.

ПОД ПРИЦЕЛОМ-СТАЛИН

Великий, как бы он ни был велик,
Ничтожному кажется малым:
В маленьком зеркале даже слон
Становится меньше зеркала.

«Хитопадеша»

«На воре и шапка горит» — так говорит народная пословица о тех, кто пытается что-либо скрыть, отвести от себя подозрения, кто чувствует за собой какую-либо вину и тем самым словами и поступками выдает свою тайну. Она в первую очередь относится к шустрому политикану Хрущеву, под диктовку которого вольно или невольно жила и живет страна в оценке сталинских репрессий.

Слова индийской мудрости, вынесенные в эпиграф этой главы, призывали автора «Хитопадеши» к поучению молодых умов с целью взращивания сознательных взрослых.

Уже более полувека раздаются вопли про сталинские репрессии с ковырянием незаживающей раны на теле страны. С каждым годом растут цифры жертв репрессий тридцатых годов. Договорились уже некоторые ретивые писаки до умопомрачительной цифры уничтоженных якобы Сталиным — чуть ли 50 миллионов человек. Попадались и другие цифры.

Эту версию нам вбивали и вбивают в головы, начиная с хрущевской оттепели. Об этом твердят школьные учебники, написаны целые библиотеки, сняты фильмы и телесериалы. И все эти десятки миллионов либо полуправда, либо откровенная ложь!

Спрашивается, а кто строил заводы и фабрики в момент индустриализации? Кто воевал на фронтах тяжелейшей войны и победил? Кто поднимал и стремительно поднял страну из руин после военного лихолетья? Наконец, кто учился в школах, техникумах, фабрично-заводских училищах, институтах и академиях?

Расчеты злопыхателей таковы, что нас должно остаться миллионов двадцать или тридцать, не больше. А это уже ахинея. Но в мое поколение начиная с шестидесятых годов эту подлую цифру вбивали из года в год, как гвозди в доски, как костыли в шпалы.

1937 год как только не называют: «эпоха большого террора», «самый черный год в истории России», «время чудовищных преступлений», «следы кровавого сталинского режима»,

«истребление цвета нации», «обезглавливание армии», «уничтожение здорового генофонда», и все это только эмоциональные штампы вместе с солженицинскими ГУЛАГами. Сегодня лагерную тематику навязывают школьникам под видом «лучшего знания прошлого» за счет других авторов большой классической русской и советской литературы.

Часто, находясь в одиночестве и прочитав в газете или журнале ту или иную статью о сталинских репрессиях, Николай Григорьевич Кравченко с возмущением говорил про себе: «Отрицать, что не было репрессий, — глупо. Они были. Но как хрущевская пропаганда это все преподносит? Она словно радуется ранам, нанесенным народу. А кто сегодня у власти? Те, что были генераторами этих же репрессий и «охоты на ведьм». Не рядовые же плодили дела на будущих политических заключенных, а регионалы на местах — партийные секретари республик, обкомов и райкомов.

В угоду верхам верстали и спускали правоохранителям планы арестов, а потом в «тройках», «особых совещаниях» и других судилищах при главном своем участии выносили вердикты жертвам. Хрущев и его подручные быстро сами перевели стрелки, обвинив в преступной халатности стрелочников, и поезд обвинений полетел не на них, а в сторону».

В 1962 году Николай Григорьевич в ноябрьском номере журнала «Новый мир» прочел повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Она ему понравилась прежде всего тем, что лагерь показан глазами русского мужика — крестьянина и солдата Ивана Денисовича Шухова. Но как человек глубокий, он увидел в публикации повести руку Кремля. Без санкции Хрущева такая вещь бы не прошла. В стране ощущались экономическая неразбериха, дороговизна, недостаток продуктов питания, народ стал себя все чаще «проявлять».

Для запутавшегося правителя появился еще один повод обратиться к «сталинской теме». Теперь — в рамках очередной лагерной страшилки. Показ сталинских репрессий взамен устройства нормальной жизни советского народа стал коньком для обанкротившегося партийца.

Николай Григорьевич «на воле», когда другая работа не отвлекала, часто искал причины, географию и генераторы чисток и репрессий.

«Для утверждения того состояния общества, в котором мы тогда жили, — рассуждал отставной генерал, — нужны ответы на такие вопросы:

— Была ли гармония среди руководителей страны?

— Хватило бы авторитета Сталина справиться с оппозицией

одному, без соратников?

— Существовал ли реально антисоветский заговор?

— Зачем Сталину понадобилось уничтожать армейскую и партийную «элиту»?

— Кто на самом деле развязал «Большой террор»?

— Была ли необходимость в раскрутке репрессий необходимой мерой?

— Являлась ли «великая чистка» злом или благом для страны?

— Куда делись архивы по степени участия в репрессиях самого Хрущева?

— Зачем и по чьей команде в одну кучу валили уголовников и политических репрессированных? Для цифры, что ли?

К сожалению, эта цифра будет дутая. Во всяком случае объективных ответов не будет, пока у власти будет оставаться команда Хрущева, термитами пожирающая все доброе, положительное, великое о Сталине, и гадкое, греховное, преступное о себе в архивах. Главная причина политических репрессий вызвана острой внутрипартийной борьбой, достигшей к концу тридцатых годов апогея.

Три силы высекали искры в этой борьбе. Какие они? Это прежде всего «верные ленинцы» — Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин и другие. Гуляли по стране региональные бароны — Постышев, Чубарь, Косиор, Эйхе, Раскольников, Любченко, Хатаевич и еще десяток и, естественно, «сталинисты»— Сталин, Молотов, Ворошилов, Калинин, Каганович.

Но ответов на вопросы нет до сих пор».

* * *

Ни одна реабилитационная кампания в Советском Союзе, начиная от Хрущева и заканчивая Горбачевым, на эти вопросы так и не ответила. Почему? А потому, что не захотели отвечать на явные растиражированные ими же глупости, а тем более подсчитывать «многомиллионные жертвы».

Страдали ли в те годы невиновные? Да, как и страдают до сих пор в России и других странах. В благополучных США, например «ошибка правосудия» составляет около 5 % осужденных. Это официальные данные, основанные на признании самих американских судей. Это означает, что в тюрьмах самой «демократичной» страны в настоящее время на нарах безвинно валяется свыше ста тысяч человек.

Адвокаты и правозащитники называют цифру в три раза

больше. А сколько таких будет через десять, двадцать, тридцать лет? Значит ли это, что человечеству надо отказаться от правосудия? В любом обществе судебные ошибки — неизбежное зло, которого никак не удается избежать. Из того, что при хирургических операциях умирает определенный процент больных, не следует то, что операции надо вовсе отменить.

По сообщению одного из руководителей реабилитационной комиссии при Хрущеве, направленному 17 октября 1956 года в ЦК КПСС, рассмотрены дела на 176 325 человек, из которых 100 139 были освобождены, а 42 016 гражданам снижены сроки наказания. Из числа осужденных за политические преступления на свободу вышли 50 944 человека. В итоге получилось, что количество реабилитированных «политических» — 50 944 практически равно количеству реабилитированных уголовников: 100 139 — 50 944 = 49 195, то есть нет никакого перекоса в несправедливом осуждении политических преступников. Интересный факт, не правда ли?

И все это несмотря на неприкрытое давление хрущевского руководства. Следует отметить и интересное выражение «снижены сроки наказания», то есть выпущены люди виновные, но тем не менее несправедливо наказанные. Сейчас они тоже учитываются как «несправедливо пострадавшие при репрессиях».

Ельцинский генпрокурор Казанник, не без помощи которого Ельцин, или Эльцин, стал позором и дирижером окаянных девяностых России, рассматривавший дела осужденных, публично заявил, что «…во времена Сталина законность не нарушалась». Он имел в виду — в тех масштабах, о которых безумствуют либералы. Но это не говорит о том, что репрессий не было вовсе. Они были, но их цифры чудовищно преувеличены разношерстной компанией клеветников Советской России.

Личности Сталина посвящены многочисленные книги. Образ его растиражирован в картинах, фотографиях и кинофильмах. При жизни о нем писали в основном в восторженных тонах. Даже его идейные противники отзывались о нем с глубоким уважением. После его смерти многие из тех, кто безудержно и гласно его восхвалял, занимая высокие посты, столь же яростно принялся его хулить и поносить, обвиняя во многих тяжких преступлениях.

Выходит, они лицемерили, лгали ради собственной выгоды, ради своей карьеры? Но в таком случае можно ли верить таким людям? Не разумнее ли отбросить их мнение и в одном, и в другом случае? И искать не правду, потому что их две, а середину двух правд — истину.

* * *

Так уж заведено у политиков, а вернее, политиканов, когда что-то не получается с реализацией их программ и планов, они поднимают на дыбу грязное белье прошлого или обещают какие-то «грандиозные загоризонтные подвижки» на перспективу, завернутые в красивые фантики обещаний, четко понимая невозможность их осуществления.

Государственные люди, пусть ошибаясь, греша и спотыкаясь, вытягивают страну, оказавшуюся на краю пропасти, и дают людям спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. Не обязательно это российские цари и вожди.

И все же, коль заговорили мы о репрессиях, приведу рассуждения и слова Александра Елисеева из его книги «1937. Вся правда о «сталинских репрессиях». В частности, он писал:

«В свое время я сильно удивлялся тому, что наши либеральные и демократические обличители коммунизма основной огонь своей критики направляли и направляют именно против Сталина. Ленину, конечно, тоже достается, но не очень сильно. Главный демон — именно Сталин.

Помнится, как в середине 90-х годов ГА. Зюганов решил процитировать отрывок из сталинской речи на XIX съезде. Так гневу телеобозревателя Евгения Киселева не было предела. Дескать, вот наконец-то Зюганов окончательно показал свое тоталитарное лицо. Но всякие культовые ритуалы коммунистов, связанные с Лениным, Киселева и ему подобных не раздражали. А скорее забавляли.

Как же так?

Ведь именно Ленин был основателем «советской» большевистской системы. И он был гораздо жестче Сталина. При нем погибло намного больше людей. Почему же большая часть шишек достается Сталину?

Все очень просто.

Сталин выволок на своем хребте великую державу и сделал ее сверхдержавой. А либералам нужно, чтобы Россия стала всего лишь частью Запада, войдя туда на правах прилежной ученицы. Вот они и не могут простить Сталину изменения траектории России в конце двадцатых и середины тридцатых годов. Проживи

Ленин чуть подольше или приди к власти какой-нибудь действительно «верный ленинец», страна бы просто не выдержала груза коммунистической утопии. Она бы сломалась, а «добрые» дяденьки с Запада подобрали осколки и склеили что-нибудь нужное себе. Вроде ночного горшка…»

И вот, читая на даче старые журналы «Итоги», автор в номере

от 1 февраля 2005 года обратил внимание на интервью, взятое Андреем Ванденко у маститого режиссера либерального толка Павла Лунгина. Последний откровенно говорит, что Россия — особый организм, который с успехом переварил царизм, потом социализм с тоталитаризмом, а сейчас плотно занялся капитализмом. Дальше продолжая мысли о России, он утверждал, что Гоголь увидел в Чичикове лицо русского капитализма и… испугался. Николай Васильевич, должно быть, осознал: европейскость России с ее разговорами на французском, дамскими салонами и губернским устройством носит внешний характер.

В действительности же эта территория с оврагами, болотами и деревнями, населенными умершими мужиками и бабами, по-прежнему остается ничьей, а значит, ее вполне могут завоевать и черт, и дьявол…

А почему не положительные персонажи?

Сталин рассматривал и революцию, и государство, образованное после нее, сточки зрения диалектики, науки о развитии с коррективами дальнейшего курса и радикальными конституционными поправками.

В своей философской книге «Народная монархия» белоэмигрант Иван Солоневич (1891–1953), словно отвечая на вопрос виновности интеллигенции во внутрипартийной драке, писал, что «русская интеллигенция, традиционно *«оторванная от народа», предлагает этому народу программы, совершенно оторванные от веяной русской действительности — и прошлой, и настоящей.*

Эта же интеллигенция дала нам картину и прошлого, и настоящего России, совершенно оторванную от всякой реальности русской жизни, — и оптимистической, и пессимистической.

Именно поэтому русская общественная мысль шатается из стороны в сторону так, как не шатается никакая иная общественная мысль в мире: от утопических идей второго крепостного права до столь же утопических пережитков первого.

Коммунистическая революция в России является логическим результатом оторванности интеллигенции от народа, неумения интеллигенции найти с ним общий язык и общие интересы, нежелание интеллигенции рассматривать себя как слой, подчиненный основным линиям развития русской истории, а не как кооператив изобретателей, наперебой предлагающих русскому народу украденные у нерусской философии патенты полного переустройства и перевоспитания тысячелетней государственности».

В России, где только что свергли многовековую монархию, в

гуще народа была сильная тоска по царю. Россия всегда жила под предводителем, воеводой, князем, царем, генсеком, президентом… Если бы не было этой тяги, мы бы не выжили в сложнейших исторических условиях Средневековья, когда надо противостоять одновременно двум мощным боковым силам — шквальной Степи и западной Экспансии.

Поэтому, говоря о культе Сталина, он создавался не сверху — вождем, а снизу — народными массами.

Известный фельетонист и литератор 1950-1960-х годов Леонид Израилевич Лиходеев (Лидес) по этому поводу с юморком писал:

«И понадобился ватажный на всю державу, чтобы он был не велик и не мал, скорый на расправу и тороватый на ласку, чтобы был он родом посадский, прямодушный без лукавства, ученый в меру, без господской завиральности, чтобы не завирался гордостью, чтобы ел не от богатой хлеб-соли и чтоб охранял народ от скверны.

Понадобился вождь невзрачный, как пехотный солдат, без барского витийства, без заумного блудословия, без сокрытой кривды. Понадобился старшой на всю ватагу — свой в доску от корней до листьев, правильный по самому своему естеству, чтобы казнить — казнил, а миловать — миловал, чтобы разобрался, что к чему в державе, чтобы сказал заветное слово, как быть.

Понадобился вождь ликом рябоватый, ходом угловатый, десницей суховатый, словами небогатый, чуток убогий для верности, однако без юродства.

Понадобился великодержавный муж во многоязычной державе, но чтобы не иудей, не дай бог, ибо продаст за тридцать сребреников, да и не русак, ибо пропьет государство».

Все правильно сказал еврей Лидес о грузине Сталине. Только, думаю, ошибался он в одном, считая, что для такой должности не подходят ни еврей, ни русский.

Избежать культа личности в тех условиях после революции и Гражданской войны было невозможно. Даже невысокого плешивого Ленина батыром — богатырем рисовали казахи. А Сталина после побед на полях сражений и на экономических фронтах сам бог велел называть вождем. Но, по разумению Сталина, поклонение народ воздает не столько ему, сколько символу державы, государственной власти, великой стране. Поэтому говорил о себе он иногда в третьем лице.

Однажды, ругая своего сына Василия за пьянство и непутевую жизнь, Сталин спросил его:

— Ты думаешь, ты — Сталин? Ты думаешь, я — Сталин? Потом, немного повернувшись в сторону своего большого

портрета, висевшего на стене, он ответил:

— Сталин — это он!

* * *

Николай Григорьевич видел в Сталине прежде всего государственника и реформатора. Его поведение, манера вести себя и разговаривать, немногословность и адекватная реакция на задаваемые вопросы поражали Кравченко во время общения с ним в Тегеране 1943 года.

Вождь был категорическим противником марксистского положения об отмирании наций при коммунизме. Он провозглашал, что нация и язык связывали и связывают воедино поколения прошлого, настоящего и будущего. Поэтому нация и язык переживут классы и благополучно сохранятся в «бесклассовом обществе».

Выступая с Отчетным докладом на XVIII съезде, он открыто перед делегатами высказал стержневую идею, что убеждения Маркса и Ленина по поводу отмирания государства не имеет практически никакого отношения к Советскому Союзу. Постепенно Сталин все меньше и реже говорил о руководящей и направляющей роли коммунистической партии. Его приоритеты в сороковые годы жизни смещались в пользу государства как решающей силы, способной направлять все развитие советской державы.

Сталин был противником всяких экспериментов с обществом, его разных перестроек. Он использовал старые как мир технологии, но только манипулировал ими на новом, более жестком и продуманном уровне.

Как подчеркивал Александр Елисеев, «все это произошло потому, что вождь ставил на первый план не интересы общества, а цели государства, которое в конечном счете решает общественные проблемы».

Сталин рассматривал и социализм, и государство в качестве инструментов, которые должны были обеспечить главное — национальную независимость сильной России. Марксистские догмы он оставлял в стороне.

Сделать Россию еще более сильной и тем самым исключить возможность ее поражения от внешних врагов, а не заигрывать с ними, как это делали наши недавние поводыри, — вот в чем была главная задача сталинского социализма. Это была плата за безопасность страны и ее народов. А ведь внешнеполитическая обстановка была архисложной, может, даже опаснее, чем сегодня.

Еще 4 февраля 1931 года на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности он говорил:

«Задержать темпы — значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим остаться отсталыми. Нет, не хотим. История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беи. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную.

Били потому, что это доходно и сходило безнаказанно».

В этих обидных для России словах Сталина большая доля правды, которую надо признать и сегодняшним нашим «рулителям» обглоданной и униженной предательствами и вороватым чиновничеством страны.

С конца 30-х годов русские, а также родственные им украинцы и белорусы доминируют во власти. Чистка проводится постепенно. Сначала он укомплектовал новыми выдвиженцами нижние этажи партийного здания. Потом принялся за средние и верхние.

«Верные ленинцы», составлявшие основу оппозиции, были в своей основе оттеснены от высоких государственных постов. На первых ролях в государственной машине оказались молодые сталинские выдвиженцы — А.Н. Жданов, Г.М. Маленков, Н.А. Вознесенский, А.Н. Косыгин, В.В. Вахрушев, И.А. Венедиктов, Н.М. Рычков, А.П. Завенягин, М.Г. Первухин, А.Г. Зверев, Б.Л. Ванников…

Это были русские люди — славяне.

Такой кардинальный поворот в кадровой политике возник в результате большой и длительной пропагандистской подготовки и борьбой с внутрипартийной оппозицией, костяк которой составляли ленинские назначенцы — плоды борьбы Ленина с «великодержавным шовинизмом», который он считал гораздо более опасным, чем местный национализм, присущий отдельным представителям национальных меньшинств. Сталин на съездах, пленумах и совещаниях доказывал обратное, а после смерти Ленина стал соответственно действовать, собирая свою команду.

На одном из выступлений он прямо заявил:

«Говорят нам, что нельзя обижать националов. Это совершенно правильно…

Но создавать из этого новую теорию о том, что надо поставить великорусский пролетариат в положение неравноправного… — это, значит, сказать несообразность».

Здесь Сталин явно полемизирует с Лениным, который называл русских нацией, «великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда». Но оппозиция сдаваться не хотела. Они, «верные ленинцы», считали себя, несмотря на болезни и возраст, достойными руководить страной.

В Отчетном докладе на XVII съезде партии в марте 1934 года он, говоря о таких типах партийных чиновников, заявил:

«…Это люди с известными заслугами в прошлом, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков. Это те самые люди, которые не считают своей обязанностью исполнять решения партийных органов и которые разрушают таким образом основание партийно-государственной дисциплины.

На что они рассчитывают, нарушая партийные и советские законы? Они надеются на то, что советская власть не решится тронуть их из-за их старых заслуг. Эти зазнавшиеся вельможи думают, что они незаменимы и что они могут безнаказанно нарушать решения руководящих органов…»

Выступал на съезде и Киров. Он бичевал фашизм, русское черносотенство и национал-большевизм.

Напуганные сталинским намерением покончить с диктатурой вельмож, регионалы в республиках и областях попытались снять Сталина с должности и заменить его Кировым. Но тот испугался и таким образом подписал себе приговор. Кто его устранил — потемки до сих пор, хотя написано по этому поводу и изведено стволов дерев на бумагу очень много.

В своем политическом курсе Сталин исповедовал государственный патриотизм, состоящий из трех китов: централизм, сильная армия и активная роль на международной арене. Он пытался отделить государство в лице исполнительного аппарата от партии. В руки первого он намеревался дать чисто управленческие функции, в руки второго — идеологические и кадровые.

Прежде чем прийти к этой идеи, Сталину нужно было пройти долгий путь проб и ошибок, взлетов и падений, сражаться в лобовую и заходить с тыла, чтобы осознать весь вред и бред партократии.

Вот почему сразу после смерти Сталина Лаврентий Берия, видя себя на посту нового поводыря России, проталкивал эту идею, страшно напугав Хрущева, которому отводилась роль этакого партийного секретаришки.

* * *

Как вулканы зарождаются в недрах земли, а цунами — в океанских просторах, так репрессии в СССР нередко возникали в глубинках с одобрения карательного органа. Яркими примерами могут служить некоторые факты. Приведу два.

9 августа 1934 года народный комиссар внутренних дел СССР Генрих Ягода отправил на места циркуляр-шифровку, в которой приказал создать при каждом концлагере ведомственный суд — суд НКВД. В телеграмме сообщалось о запрещении обжалования приговоров этих судов и выдвигалось требование согласовывать данные приговоры лишь с краевыми прокурорами и судьями.

Политбюро и сам Сталин были в шоке от подобного сепаратного мероприятия, но это вовсе не привело к падению «верного сталинского сатрапа». С ним был заключен компромисс (внимание! Именно компромисс), как писал Елисеев, — лагерные суды оставались, но им разрешали право кассационного обжалования. Тогда Сталин заметил, что органы частенько идут впереди самой партийной верхушки в развязывании репрессий.

В сентябре 1934 года он инициировал создание комиссии в составе Л.М. Кагановича, В.В. Куйбышева и И.А. Акулова (прокурора СССР). Ее целью была проверка органов на основании жалоб в ЦК. В частности, жалобы касались дела о «вредительстве» в Наркомате земледелия (1933 год), по которому репрессировали около сотни ответственных работников. Комиссия выявила серьезные нарушения, допущенные в ходе расследования этого и других дел.

Сталин вообще хотел назначить Акулова главой тайной полиции вместо Ягоды, но тот упорно не хотел выпускать такой пост из своих рук. Довольно странно, если считать Сталина всесильным диктатором, а самого Ягоду бесхребетным подхалимом. Ведь если верить нашим тираноборцам, решение Сталина было законом, неукоснительно исполнявшимся.

В том же году были выявлены серьезнейшие нарушения законности со стороны ГПУ Таджикистана. Его местное руководство во главе с Солоницыным развернуло репрессии против ответственных работников. Только в 1933 году их было арестовано 662 человека. При этом первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана Гусейнов был во всем согласен с действиями органов.

Узнав о репрессиях, Сталин вызвал руководство республики и Солоницына в Москву на ковер. Бывший тогда членом ЦК Компартии Таджикистана и наркомом земледелия республики М. Урунходжаев так передает состоявшийся разговор между Сталиным и руководителем ГПУ Таджикистана:

«Сталин задает вопрос Солоницыну:

— Товарищ Солоницын, сколько человек вы арестовали?

— Пока шестьсот шестьдесят два. Пока…

— А где у вас было вооруженное восстание? — Сталин задает вопрос.

— Товарищ Сталин, вооруженного восстания в Таджикистане нигде не было, — отвечает Солоницын.

Потом Сталин опять спрашивает:

— А при наличии вооруженного восстания столько руководящих работников не арестуете же?

СОЛОНИЦЫН ГОВОРИТ:

— …Это наша ошибка».

После беседы было принято решение отозвать Солоницына и провести тщательную проверку ситуации, сложившейся в республике.

Что касается прославляемого Ежова, у него от важности по глупости «в зобу дыханье сперло». Николай Иванович хотел поставить во главу угла в государстве свое ведомство. Он хотел сделать тайную полицию, по существу, самостоятельной ветвью власти. Террор для него уже становился самоцелью с идеей планомерной борьбы с врагами народа.

Нарком НКВД даже решил замахнуться на членов сталинской команды.

По крайней мере в Харькове стали выбивать признательные показания на Кагановича. Арестованный директор Харьковского тракторного завода Бондаренко под зубодробительными ударами дал в НКВД показания на Кагановича как «контрреволюционера и врага народа».

Для объективности необходимо показать механизм решения вопроса жизни или смерти человека в тот период.

Списки для расстрелов — (первая категория) и 10 лет лагерей без права переписки (вторая категория) составлял сам Ежов. Вот только два примера.

«Товарищу Сталину.

Посылаю списки арестованных, подлежащих суду военной коллегии по первой категории.

Ежов».

Резолюция:

За расстрел всех 138 человек.

И. Сталин, В. Молотов.

«Товарищу Сталину.

Посылаю на утверждение 4 списка лиц, подлежащих суду: на 313, на 208, на 15 жен врагов народа, на военных работников-200 человек. Прошу санкции осудить всех к расстрелу.

20.08.38 г. Ежов».

Резолюция:

За

20.08. И. Сталин, В. Молотов»

После ареста Ежова в его сейфе нашли досье, составленное на Сталина и лиц из его ближнего окружения. А во время ремонтных работ в Кремле обнаружилось, что в кабинете вождя стояла прослушка. Ежов собирал компрометирующие материалы и на Шолохова, но Сталин цыкнул на «карлика», и он прекратил поползновения на писателя.

То, что обстановка в стране была накалена, — это факт.

* * *

Николай Григорьевич после увольнения, конечно же, был осведомлен о заговоре против Сталина со стороны так называемых «милитаристов» во главе с М.Н. Тухачевским. Он часто перетирал в воспоминаниях зерна этого материала в жерновах своего ума, чекистского опыта и политических знаний.

В существующую с середины 30-х годов специфическую военную группировку входили: заместитель наркома обороны М.Н. Тухачевский; командующий Московским военным округом А.И. Корк; командующий Киевским военным округом И.Э. Якир; командующий Белорусским военным округом И.П. Уборевич; начальник Главного политического управления РККА Я.Б. Гамарник; начальник Административного управления РККА Б.М. Фельдман; заместитель командующего Ленинградским военным округом комкор В.М. Примаков; военный атташе в Великобритании комкор В.К. Путна; комдив Д.А. Шмидт и ряд других военных руководителей.

О военных заговорщиках было немало рассказано различными деятелями Третьего рейха. Об этом уже после войны поведал личный переводчик Гитлера Пауль Шмидт, который писал свои книги под псевдонимом Пауль Карель.

В своей книге «Гитлер идет на Восток» Пауль Шмидт-Карель подробно описал, как Тухачевский, Якир и другие старались реанимировать те связи, которые были установлены с германскими военачальниками в период действия соглашения Радека — фон Секта. Об этом же писал в своих воспоминаниях и знаменитый руководитель внешней разведки Германии Вальтер Шелленберг.

Пауль Шмидт-Карель изложил сведения, известные верхам нацистской Германии о заговоре военных и политических деятелей СССР. Опорой заговора являлась Дальневосточная

армия, которой командовал В.Б. Блюхер, и где была, по существу, создана штаб-квартира заговора.

Как утверждал Пауль, когда в начале 1936 года Тухачевский, возглавлявший советскую делегацию на похоронах короля Георга V, по пути в Англию и обратно проезжал через Берлин, он имел встречи с «…ведущими германскими генералами. Он (Тухачевский. *-Авт.)* хотел получить заверения о том, что Германия не воспользуется какими-либо возможными революционными событиями в Советском Союзе в качестве предлога для похода на Восток. Для него главным было создание российско-германского союза после свержения Сталина».

В середине февраля 1937 года заместитель наркома внутренних дел Украины Зиновий Канцельсон сообщил своему родственнику А. Орлову (Фельдбину) о том, что руководители Красной армии находятся в состоянии «сбора сил».

Убийство Сталина готовилось на одной из конференций по военным проблемам, касающимся Украины, Московского военного округа и некоторых других регионов, командующие которых были посвящены в планы заговора. Потом этот вариант переиграли на 1 мая, так как «проведение первомайского военного парада позволило бы ввести военные части в Москву, не вызвав подозрений».

Однако и тут вмешались внешнеполитические обстоятельства. В конце апреля было объявлено, что 12 мая 1937 года состоится коронация Георга VI, вступившего пять месяцев назад на престол вместо отрекшегося от трона Эдуарда VIII. В Москве было решено, что советскую делегацию на этой королевской церемонии вновь возглавит Тухачевский.

По словам Кареля, узнав о своей командировке в Лондон, Тухачевский решил воспользоваться этим случаем для того, чтобы еще раз договориться с немецкими генералами о сотрудничестве во время и после переворота.

«Тухачевский отложил переворот на три недели, — скажет Пауль. — Это было его роковой ошибкой».

Английский журналист Фицрой Маклин, присутствовавший 1 мая 1937 года на Красной площади писал, что ему бросилось в глаза повышенное напряжение в поведении руководителей, стоявших на Мавзолее Ленина: «Члены Политбюро нервно ухмылялись, неловко переминались с ноги на ногу, забыв о параде и своем высоком положении».

Лишь Сталин был невозмутим, храня ледяное спокойствие.

Бежавший из СССР В. Кривицкий, в то время находившийся недалеко от Мавзолея, заметил, что Тухачевский «первым прибыл на трибуну, зарезервированную для военачальников… Потом

пришел Егоров, но он не ответил на его приветствие. Затем к ним молча присоединился Гамарник. Военные стояли, застыв в зловещем, мрачном молчании. После военного парада Тухачевский не стал ждать начала демонстрации и покинул Красную площадь».

Обращало на себя внимание странное поведение Тухачевского. На всем протяжении парада он стоял держа руки в карманах, что было ему несвойственно. По всей вероятности, в его карманах лежали небольшие пистолеты.

Ворошилов тоже отличился внешним видом. На Мавзолей он никогда не брал оружия с собой. Теперь на поясе висела кобура, навряд ли она была пустой. Поднявшийся на трибуну Мавзолея Сталин демонстративно отказался пожать руку Тухачевскому.

Что это было? Гнев или игра на нервах? Наверное, и то и другое, только в выдержанной форме.

Тухачевский готовился к отъезду в Лондон. 3 мая документы на него были направлены в посольство Великобритании в СССР, а уже на следующий день — 4 мая они были отозваны.

13 мая Тухачевского сняли с должности заместителя наркома обороны и назначили на пост командующим Приволжским военным округом.

В ночь на 14 мая был арестован начальник Военной академии имени Фрунзе командарм А.И. Корк.

15 мая арестовали заместителя командующего Московским военным округом Б.М. Фельдмана.

22 мая арестовали председателя центрального совета ОСОАВИАХИМ комкора Р.П. Эйдемана и М.Н. Тухачевского, а 24 мая — заместителя председателя Совнаркома Я.Э. Рудзутака и бывшего полпреда СССР в Турции Л.К. Карахана и других.

11 июня Тухачевский, Уборевич, Якир, Фельдман, Эйдеман, Корк, Путна и Примаков предстали перед судом Военной коллегии Верховного суда СССР В тот же день был вынесен приговор.

Все участники этого блока арестовывались в 1937 году со стандартным обвинением в «военно-фашистском заговоре» в пользу нацистской Германии. Нельзя исключать того, что пытливый ум генерала Кравченко заставил его после глубоких рассуждений прийти к определенным выводам.

«Почему Хрущеву и его пропагандистам быстро поверили? — задал сам себе вопрос Николай Григорьевич и тут же на него ответил: — Потому что абсурдность судебных формулировок была очевидна. Коммунисты, интернационалисты — и вдруг шпионы? Сегодня говорят о некоем противостоянии двух групп: «профессионалов» и «кавалеристов».

Сталин, мол, по глупости поддержал «сабельников» и репрессировал «мотористов», что привело к страшным поражениям в первые дни войны. Думается, это объяснение родили «мудрые» головы хрущевских идеологов. Тухачевский блистал больше революционной фразеологией, чем военными победами и жизненными теоретическими наработками.

Чтобы одержать победу над восставшими тамбовскими крестьянами и ликвидировать селянский мятеж, он использовал бронетехнику, авиацию, стрелковые полки красноармейцев, части особого назначения (ЧОН), а также газы для отравления тамбовских крестьян. Но он так и не разгромил «антоновщину». Отряды тамбовских повстанцев расползлась по другим губерниям, и их добивали другие воинские части.

В советско-польской войне 1920 года Тухачевский, будучи командующим Западным фронтом, крайне неумело использовал резервы и не согласовал свои действия с командующим Юго-Западным фронтом Егоровым. Результат — поражение и шестьдесят тысяч наших военнопленных, затем погибших в польских концлагерях. Вот его достижения.

Он недооценивал роль минометов, автоматов, ракет. Красный маршал заполонил армию «зажигалками» — дрянными многобашенными уродцами-танками Т-28 и Т-35, броня которых защищала только от пуль, которые горели на поле боя даже при попадании зажигательной пули крупного калибра, как соломенные скирды.

«Гений» военной мысли, оказывается, выступал против нарезной артиллерии. А ведь она была «богом войны» и сыграла одну из главных ролей в борьбе с немцами. Он же разработчик «ответного удара» и противостоял принципам «стратегической обороны». А ведь благодаря этой обороне мы выиграли на Курской дуге.

По его предложению убрали из армии нужных ей «спецов», а потом царских генералов и офицеров репрессировали. А прожектерство с предложением выпустить в двадцать седьмом году 50-100 тысяч новых танков, а в тридцатом произвести на свет 40 тысяч самолетов. Для этого надо было перевести всю страну на военные рельсы, а населению прозябать туземцами. Какой он, к черту, стратег, он был в данном случае как вредитель».

Эти мысли возникли у него после прочтения в газете очередного панегирика в честь красного маршала М.Н. Тухачевского. Доживи Николай Григорьевич Кравченко до нулевых годов нынешнего века, он бы полностью был бы удовлетворен своими выводами семидесятых годов прошлого

столетия, в котором ему пришлось навечно остаться.

* * *

Писатель Феликс Чуев рассказывал, когда они с главным маршалом авиации Александром Евгеньевичем Голованoвым ехали в электричке в гости к Молотову, то решил попытать его о событиях 1937 года. Вот что ответил он тогда писателю:

— А если о 37-м годе хотите узнать мое мнение, я считаю, что это было народное бедствие. Пострадали миллионы людей, но то, что Сталин на сто процентов виноват, сказать нельзя. Кто у него были главные помощники? В армии Мехлис, а по гражданским делам, по московской партийной организации — Никита Сергеевич Хрущев, пятьдесят четыре тысячи человек на Украине он на тот свет отправил, он же был председателем «тройки». Доказано, что, несмотря на архивный шмон с его стороны, Хрущев подписывал эти документы! Конечно, Сталин, как главный руководитель нашего государства, несет политическую ответственность за это, но сказать, что это творилось персонально, по каждому человеку с его санкции, такого мы сказать не можем.

Говорить о 37-м годе и не сказать о пятилетках, о политической борьбе внутри партии о террористических актах, которые творились кругом, не сказать о том, как прошла Великая Отечественная война, — такие вещи вещи нельзя допустить.

А по поводу 37-го года В.М. Молотов на очередной встрече 18 декабря 1970 года так сказал писателю: «1937 год был необходим. Если учесть, что мы после революции рубили направо-налево, одержали победу, но остатки врагов разных направлений существовали, и перед лицом грозящей опасности фашистской агрессии они могли объединиться. Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было «пятой колонны».

Ведь даже среди большевиков были и есть такие, которые хороши и преданны, когда все хорошо, когда стране и партии не грозит опасность. Но, если начнется что-нибудь, они дрогнут, переметнутся. Я не считаю, что реабилитация многих военных, репрессированных в 37-м, была правильной. Документы скрыты пока, со временем ясность будет внесена. Вряд ли эти люди были шпионами, но с разведками были связаны, а самое главное, что в решающий момент на них надежды не было…»

Когда писатель спросил политика о бытующем суждении, что если бы не погибли Тухачевский и Якир, у нас не было бы такого страшного начала войны? Молотов ответил:

— Это модная фальсификация.

Действительно, это была фальсификация исторических фактов, изготовленная по хрущевским технологиям.

Молотов, несокрушимо убежденный в наличии заговора, говорил Чуеву, что высшее руководство даже знало точную дату переворота. Он ее, правда, не назвал. Но можно с большой долей вероятности предполагать, что переворот планировали осуществить 1 мая 1937 года. Скорее всего, он должен был произойти во время военного парада.

На XXII съезде КПСС Н.С. Хрущев публично объявил о том, что советские военачальники во главе с М.Н. Тухачевским были арестованы по ложным обвинениям. По его словам, материалы, сфабрикованные в гестапо, германская разведка сумела передать президенту Чехословакии Э. Бенешу, который, в свою очередь, вручил их Сталину. Эту глуповатую версию повторял и Д.Д. Волкогонов.

Глубокий исследователь заговора военных Сергей Минаков подчеркивал:

«Всем своим поведением военная элита, сложившаяся в 1931 году, обнаруживала неповиновение, оказывала давление как на внутриполитические процессы, так в особенности на внешнеполитические, настаивая, по существу, на изменении политического курса».

Сложившаяся обстановка провоцировала поиск альтернативных Сталину лидеров, все внимательно присматриваясь в условиях надвигающейся войны к «старым» вождям и «военному» вождю, каким прежде всего был Тухачевский.

Теперь что касается направленности репрессий. Вот как по этому поводу говорил историк Александр Елисеев: *«Показательно, что эти страшные времена были страшными прежде всего для коммунистической партии, которая являлась своеобразной элитой, аристократией. Простой народ пострадал в гораздо меньшей степени».*

По стране ходил даже такой опасный для самих рассказчиков анекдот:

«Ночь. Раздается стук в дверь. Хозяин подходит и спрашивает:

— Кто там?

Ему отвечают:

— Вам телеграмма.

— А-а-а, — понимающе тянет хозяин, — вы ошиблись, коммунисты живут выше».

Как ни удивительно, но 1937 год был весьма благоприятным

для крестьянского большинства России. «Большой террор» сопровождался уступками крестьянству. Крестьянам позволили пускать на продажу излишки зерна — до того как они выполнят обязательные госпоставки. Даже известный американский историк, отличающийся жестокостью критики сталинизма Роберт Такер, вынужденно замечал:

«Выгодные крестьянам меры в сочетании с благоприятными погодными условиями, позволившие собрать в 1937 году небывалый урожай, способствовали возникновению в деревне атмосферы удовлетворенности. Многие могли с мрачным удовлетворением рассуждать о том, что те самые коммунисты, которые совсем недавно подвергали их суровым испытаниям коллективизации и голода, получили по заслугам».

* * *

Чтобы завершить вопрос о защите М.Н. Тухачевского адептами Н.С. Хрущева и М.С. Горбачева, позволю себе напомнить некоторые вехи этой защиты. Остановлюсь на двух материалах эпохи хрущевской оттепели и горбачевской перестройки.

1. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 31 января 1957 года был отменен приговор Специального судебного присутствия Верховного суда СССР от 11 июня 1937 года в отношении бывшего заместителя наркома обороны СССР маршала Советского Союза Тухачевского М.Н., осужденного к высшей мере наказания — расстрелу за измену Родине и другие контрреволюционные преступления. Дело на основании ст. 4 п. 5 УПК РСФСР прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

2. Определение Военной коллегии опубликовано в журнале «Известия ЦК КПСС» (№ 4, апрель 1989 г.). Там же опубликована обобщенная справка Комитета партконтроля при ЦК КПСС, КГБ СССР, Прокуратуры СССР и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в которой, как в ней указано, использованы документальные материалы из архивов этих учреждений, свидетельствующие о фальсификации уголовного дела, необоснованном осуждении Тухачевского и других участников «антисоветской троцкистской военной организации» в Красной армии и о применении в расследовании дела в отношении Тухачевского «жестоких мер физического воздействия».

О применении этих мер, согласно справке, свидетельствует заключение судебно-медицинской экспертизы от 28 июня 1956 г.: «В пятнах и мазках на листах 165, 166 дела № 967581 обнаружена

кровь…»

Возникает вопрос:

— Позволил ли бы следователь, находящийся в здравом рассудке и отдающий себе отчет в своих действиях, оставить против себя такие улики, как кровь на листе протокола, и подшить его затем в таком виде в дело? Все протоколы читались верхами, в том числе Сталиным. Он сразу бы среагировал на такой факт.

Кто же сфабриковал это доказательство?

Зачитывал явно сфабрикованный документ заместитель главного военного прокурора полковник юстиции Д.П. Терехов. Но почему же нигде в дальнейшем об этом вопиющем факте Хрущев не проронил ни слова? Не знал? — Наверняка знал! Боялся неграмотной фальшивки? Быстро «позабыл» об очередном, второпях подготовленном преступлении? Все он знал и всем руководил, чтобы как можно больше вылить грязи на своего бывшего патрона!

Сфальсифицировано не уголовное дело на Тухачевского, а материалы о его реабилитации. Крови на протоколе допроса Тухачевского в 1937 году не было, она туда попала в 1956 году в связи с подготовкой сфальсифицированных материалов для его реабилитации.

И вот 3 февраля 1999 года старший советник юстиции Шеховцов И.Т., зная об этих материалах, на имя генерального прокурора РФ направил письмо с просьбой возбудить уголовное дело по факту фальсификации реабилитационных документов в отношении осужденного 11 июня 1939 года Тухачевского М.Н.

Кровь оказалась фальшивкой.

В своей справке Шеховцов И.Т. напишет:

«Уголовное дело не было возбуждено, потому что его возбуждение разоблачило бы вымыслы о Сталине, — организаторе репрессий в отношении высшего начальствующего и командного состава Красной армии, поставило под сомнение обоснованность массовых реабилитаций 50-60-х годов.

Не ответила Генеральная прокуратура РФ на мое заявление — мотивировать отказ в возбуждении уголовного дела было нечем».

Вот так с уклоном в одну сторону «реабилитировались» некоторые дела при Хрущеве и прозвучавшие репризой при Горбачеве. Но с другим уклоном «искались» любые зацепки для того, чтобы опорочить людей другого порядка. К ним применялись карательные меры. Именно эти материалы и «нашлись» на генерал-майора Николая Григорьевича Кравченко после смерти Сталина при Хрущеве.

КАЛИНИНГРАДСКИЙ УЗЕЛ

Успех во взаимоотношениях с другими людьми зависит от благожелательно стремления уяснить себе точку зрения другого человека.

Кеннет Гуд

В поисках материалов по Николаю Григорьевичу Кравченко автор книги обратился в октябре 2011 года к представителю Совета ветеранов Департамента военной контрразведки ФСБ РФ в Калининградской области полковнику в отставке Сергею Ивановичу Захарову. На его просьбу он живо откликнулся. В этом ответе автор и уловил благожелательное стремление к работе по поиску скупых материалов по Н.Г. Кравченко.

Так завязался Калининградский узел совместной работы по нашему герою.

В докладной записке Совету ветеранов Департаменту военной контрразведки ФСБ РФ об организации работы с ветеранами военной контрразведки в Калининградской области он писал об организации, структуре и задачах ветеранской организации и направлениях по патриотическому воспитанию молодежи. Предложения были дельные, выполнимые и актуальные, отвечающие духу времени.

Кроме того, он сообщал:

«Дополнительно к запланированному в этом и будущем году нам предстоит провести значительную работу по увековечению памяти легендарного военного контрразведчика генерал-майора Кравченко Николая Григорьевича, которому 12 декабря будущего года исполнилось бы 100 лет. Николай Григорьевич закончил свой жизненный путь в Калининграде, он похоронен на городском кладбище.

К его вековому юбилею нам хотелось бы собрать возможный максимум материалов о его жизни, службе и его выдающемся подвиге, за который он был удостоен высочайшего внимания. Нам необходима помощь руководства и Совета ветеранов Департамента военной контрразведки ФСБ РФ, чтобы найти его архивное личное дело, разыскать возможных его сослуживцев военного и послевоенного времени, а может быть, и участников тех славных дел в Иране 1943 года.

Полагаем, настало время отдать должное светлой памяти

этого выдающегося военного контрразведчика. Не исключено, что по результатам планируемой работы удастся получить материалы, которые позволили бы представить генерала Кравченко к присвоению ему посмертно звания Героя России. Его коллеги по Тегерану из внешней разведки были ведь удостоены высших наград за этот подвиг.

По согласованию с родственниками Николая Григорьевича, которых еще предстоит найти, можно было бы организовать перезахоронение его останков на мемориальном кладбище, установить достойный памятник, у которого бы принимали присягу молодые чекисты.

Копию статьи из газеты «Калининградская правда» от 19.12.2007 г. прилагаю».

На просьбу о предварительной проработке архивных документов наши ветераны получали обычные отписки: материалы по такому-то вопросу отсутствуют, отдельные сведения по Тегеранской конференции засекречены, личное дело генерал-майора Н.Г. Кравченко находится в спецотделе Службы безопасности Украины, но для нас она уже другая страна. Англичане собираются рассекретить материалы по участию Черчилля в Тегеранской конференции и особенностях ее проведения в 2017 году. Мы молчим.

Но желание отметить 100-летний юбилей интересного человека, патриота Отчизны, в конце концов, участника Великой Отечественной войны и Тегарана-43 не покидало автора и тех, кто ему помогал.

На одном из совещаний в Совете ветеранов ДВКР ФСБ РФ выступил представитель Калининграда полковник в отставке С.И. Захаров, сообщивший, что он в марте 2012 года провел беседу с сестрой Н.Г. Кравченко Ольгой Егоровной Веревкиной.

На нашу просьбу прислать материалы об этой беседе Сергей Иванович ответил согласием. И вот уже обязательный и пунктуальный человек, каким оказался наш калининградский коллега, буквально на следующий день после его отъезда из российской столицы прислал по факсу этот материал.

Совету ветеранов Департамента
военной контрразведки ФСБ РФ
О беседе с сестрой генерала Н.Г. Кравченко

Докладываю справку о встрече и беседе с родной сестрой генерал-майора Кравченко Николая Григорьевича Веревкиной Ольгой Егоровной.

Вопрос о возможном перезахоронении останков ее брата специально не поднимался по причине отсутствия официальных материалов о его службе.

По докладу члена нашего Совета ветеранов тов. Соломина В.Н., который принимал участие во Всероссийском собрании ветеранов военной контрразведки, выяснилось, что некоторые участники собрания, в том числе члены Совета, служили вместе с генералом Кравченко и с теплом вспоминают об этом замечательном человеке и выдающемся военном контрразведчике.

Полагал бы целесообразным предложить генералам товарищам Иванову Л.Г Казимиру ГМ., Кириллову В.А., а также, возможно, другим ветеранам, лично знавшим генерала Кравченко, написать о нем свои воспоминания, которые можно было бы издать к его 100-летнему юбилею отдельным буклетом.

Издание можно проиллюстрировать уже имеющимися 20 фотографиями из его личного альбома, а также возможно сохранившимися снимками в архивах его бывших сослуживцев.

Предлагаю также оснастить офис Совета ветеранов военной контрразведки России компьютером с выходом в Интернет с тем, чтобы можно было пользоваться электронной почтой для передачи информации, прохождение которой по факсу по времени и качеству весьма затруднительно.

Прилагаю справку и некоторые фотографии, всего на 5 листах.

Представитель Совета ветеранов Департамента военной контрразведки ФСБ РФ по Калининградской области полковник в отставке С.И. Захаров

СПРАВКА

о беседе с Веревкиной О.Е.

25 марта 2012 года проведены встреча и беседа с родной сестрой генерала Н.П Кравченко Веревкиной Ольгой Егоровной. Беседа проходила в ее квартире в присутствии ее сына Веревкина Анатолия Ивановича, согласно предварительной договоренности.

В процессе беседы Ольга Егоровна рассказала, что она родилась в селе Котовка бывшего Магдалиновского района Днепропетровской области. Отец работал поваром в сельской столовой. Матери она не помнит, она умерла, когда Оля была маленькой. Детей в семье было четверо: старшая сестра, брат Николай, сестра Мария и самая младшая Оля.

Николай закончил 7 классов в Котовке, затем техникум в Днепропетровске, работал некоторое время землемером, по полученной в техникуме специальности. В 1933 году вступил добровольцем в Красную армию. Служил в кавалерии. После срочной службы почти сразу был направлен в школу НКВД. Перед войной работал в Проскурове, ездил в служебные командировки в Кишинев, Львов и Одессу.

С началом войны связь с братом прервалась, семья о нем ничего не знала. Сразу после освобождения Днепропетровской области Николай, который находился в это время в Москве, разыскал семью. Началась переписка. После освобождения области Оля работала в Днепропетровске в военном госпитале. В 1945 году госпиталь расформировали. Брат пригласил ее приехать в Ташкент, где он в то время служил начальником школы Смерш.

Когда она приехала в Ташкент, оказалось, что Николай переведен по службе в Кенигсберг. Новый начальник школы по просьбе брата направил ее в Кенигсберг.

Поскольку пропуска в закрытый город Кенигсберг выписывали очень строго, в Ташкенте ей выдали справку о том, что «гр. Кравченко Ольга Егоровна действительно является родной сестрой генерал-майора Кравченко Николая Григорьевича».

Путаница с отчеством возникла в связи с тем, что их отца Григория в селе называли Егорием, как и записали в свидетельстве о рождении дочери Ольги.

В Кенигсберг к брату Ольга приехала в декабре 1945 года. Он служил тогда начальником органа Смерш, размещавшийся в сохранившемся до сих пор доме на нынешнем проспекте Победы в Калининграде, который местные жители и сейчас называют Смерш. Проживал на нынешней улице Менделеева в особняке, где сейчас размещается автошкола.

Ольга Егоровна вспоминает, что в воинской части, где начальником был ее брат, служили офицеры Вихорев, Кузьмин, а заместителем генерала Кравченко был полковник Борисенко.

В 1946 году она вышла замуж за его водителя Веревкина Ивана Гавриловича. После ее свадьбы брата перевели по службе в Москву, где он получил квартиру на Можайском шоссе.

Затем Николай Григорьевич служил в Германии и во Львове. Один раз приезжал из Львова в отпуск в Калининград.

В конце 50 — начале 60-х позвонил из Львова, попросил подыскать ему квартиру в Калининграде. Приехал сильно подавленный, ничего не рассказывал, сказал только однажды, что его подставили, предали.

Жил один на улице Чайковского, работал в райкоме КПСС Центрального района.

В середине семидесятых заболел. Ольга ходила к нему часто, носила корреспонденцию и еду. Накануне его смерти, видя как ему плохо, хотела остаться у него ночевать, но он отправил ее домой, сказав: «Ну что ты? Все в порядке. Иди домой!» Наутро нашла его мертвым.

После похорон пришли какие-то люди из КГБ, забрали его записи.

Военную одежду брата Ольга Егоровна отдала своей знакомой, которая работала костюмером в областном драматическом театре.

Муж — инвалид войны — умер в 1993 году. В Калининграде умерли обе ее сестры, которым она помогла перебраться во время послевоенного голода на Украине. В Калининграде живут два ее сына.

Ольга Егоровна высказала обиду на статью в «Калининградской правде» о ее брате, где все переврано и очень неуважительно говорится о генерале Кравченко, который, по ее мнению, не заслужил такого к себе отношения.

В процессе беседы Ольга Егоровна показала альбом с фотографиями ее брата с 1941 по 1956 год. С ее согласия с фотографий сделаны ксерокопии. На обратной стороне почти всех снимков имеются записи, сделанные собственноручно генералом Н.Г. Кравченко

Ксерокопии фотографий прилагаются.

Зампредседателя Совета ветеранов УФСБ РФ
по Калининградской области
полковник в отставке С.И. Захаров
26.03.2012 г.

Письмо по электронной почте. 30 ноября 2012 г.

Уважаемый Анатолий Степанович!

Во-первых, спасибо большое за Вашу книгу «Снег, укротивший Тайфун», которую мой заместитель по Совету ветеранов привез вчера из Москвы. Приступаю к изучению.

Во-вторых, докладываю, что в понедельник встречаюсь с корреспондентом «Калининградской правды» Владом Ржевским, который уже дважды писал о Кравченко.

К 100-летию дадим небольшую публикацию, чтобы освежить информацию для общественности. Рассчитываем, что могут появиться отзывы очевидцев, как это уже однажды было. Хотя, правда, информация оказалась ложной. Но это уже детали.

В-третьих, 12.12.2012 г. в 10.00 проводим у могилы Кравченко Николая Григорьевича небольшой митинг с участием его родной сестры и племянника.

В мероприятии примут участие ветераны, молодые сотрудники территориального и флотского управлений, а также курсанты к/р факультета пограничного института. Расскажем молодежи, что знаем об этом легендарном человеке.

Кроме того, начальник этого факультета, наш коллега капитан 1-го ранга Чайка Сергей Иванович пообещал выпустить

номер институтской газеты, посвященный нашему герою, и оформить в институте стенд с его фотографиями.

На мероприятие я пригласил также вдов бывших руководителей управлений, чьи мужья похоронены на том же кладбище. На их могилы мы тоже возложим цветы. Это мы делаем ежегодно перед нашим праздником. Так вот, вдова начальника областного управления генерала Сороки А.Н. сказала мне по телефону, что она лично знала Кравченко Николая Григорьевича. Попробую выудить у нее все, что она помнит.

Все, что удастся выяснить, а также материалы о проведенных мероприятиях будут доложены Вам незамедлительно.

Искренне Ваш Сергей Захаров

* * *

Из воспоминаний племянника Н.Г. Кравченко Веревкина Анатолия Ивановича:

«Начиная писать воспоминания о своем дяде, я ставлю перед собой, на мой взгляд, невыполнимую задачу, так как устное изложение не отображает мимику, жесты, интонацию и так далее. Письменные же воспоминания — это изложение небольших событий, которые сжаты временем, да еще и упущение небольших, но очень значимых событий, чтобы понять или нарисовать полный портрет человека, его характер, способности, настроение и т. д. Итак, перейдем от слова «воспоминание» к тем детским и юношеским событиям, которые я не забывал и четко помню до сих пор.

Рост, выправка, походка — все это говорило о человеке, который, несомненно, имеет отношение к службе в армии. Он не мог слиться с окружающими. Его внешность — высокого роста мужчина, с темно-карими добрыми глазами, густыми волосами цвета смолы, зачесываемыми назад, и круглым лицом.

Расскажу о двух событиях одного дня.

Примерно в 1957 или 1958 году (мне было тогда где-то 5 лет), будучи в отпуске, Николай Григорьевич приехал к нам в Калининград. И вот вместе с двумя сестрами Марией, Ольгой (моей мамы) мы поехали на родину, в село Котовку Днепропетровской области к отцу и сестре Шуре, которые там проживали. В Харькове была пересадка на другой поезд. Когда мы вышли с поезда на перрон, народу толпилось множество — обыкновенная привокзальная сутолока.

Старшее поколение, несомненно, помнит инвалидов без ног на деревянных площадках, а вместо колес — подшипники, при

передвижении они издавали жуткие шум и скрежет. Инвалидов на привокзальной площади было много, и все рванули именно к нам, хотя мы были не одиноки на перроне. Николая Григорьевича сразу стали называть «командиром», просить подаяния, спрашивать, где воевал, какого звания. Где воевал, он говорил, а звания не называл. Я его спросил:

— Дядя Коля, а почему ты не сказал, что ты генерал?

На что он ответил, что звания у них выше. Это повергло меня в изумление, ведь я знал, что генерал выше всех.

Перейдя с перрона в зал ожидания, мы поставили чемоданы на пол и стали оглядываться по сторонам, ища кассы. Я дядю держал за руку, как вдруг как из-под земли выросла неприметная «личность» и профессионально, играючи руками, зацепила наш чемодан и стала оттягивать его в сторону. Я стал трясти дядю за руку.

Волнение было такое, что сказать что-то я не мог и только показывал пальцем. Погони не было, была команда:

— Стоять!

Наш «фокусник» врос в пол, как гвоздь после удара. Но фокусы не кончились, неожиданно, как по звонку, появился милиционер с красными погонами и «въехал» в глаз нашему обидчику. Последовала громкая команда:

— Прекратить!

Все замерли. Чемодан был изъят и передан нам в целости и сохранности, и мы продолжили поездку по назначению.

С тех пор дядя меня стал называть по имени-отчеству, не иначе как Анатолий Иванович. Так он обращался ко мне до конца своих дней.

Приходил он к нам домой раз в неделю, в воскресенье. Мама готовила обед. После обеда он прогуливался по саду и о чем-то говорил с матерью, отцом, сестрой Марией, которая жила недалеко, на улице Каретной. Это где-то минут 10–15 пешком. Прибегали на обед и племянницы. А дядя ходил по саду и попыхивал папиросой «Казбек».

Мы, пацаны, прячась в дальнем углу сада, твердо верили, чтобы стать генералом, нужно курить, и обязательно «Казбек». Вот в чем секрет успеха. Лет за 10–15 до смерти Николай Григорьевич курить бросил. Причины не знаю.

Рюмочку за обедом выпить не отказывался, но никогда не злоупотреблял. Выпившим я его ни когда не видел. Улыбка у него была сдержанная, бурного восторга или негодования не было. Любил читать. Была большая библиотека, по тем временам это было большое состояние. Писал на полях журналов и газет размашистым почерком пару слов. Пользовался красным и синим

карандашами.

Жены у него не было. Как-то раз я случайно услышал разговор Николая Григорьевича и моей матери которая его «пилила» за то, что он не женат.

— Вон сколько женщин рады бы связать с тобой судьбу. А ты отмалчиваешься.

На что он ответил:

— Ольга, так сложилась моя судьба. Я ее забыть не могу, а другую женщину в дом не приведу и закончим на этом разговор.

В те далекие времена наш город был наводнен трофейными автомашинами, одну из них имел и мой отец марки «Опель». На ней мы ездили на море, за Светлогорск и прогуливались по краю обрыва. К морю Николай Григорьевич спускаться, как правило, не любил, но стоять на краю обрыва и смотреть вдаль ему доставляло удовольствие. При этом если кто-то подходил близко к краю предупреждал, что это опасно.

Отец мой Веревкин Иван Гаврилович начал службу перед войной, в пограничных войсках, на границе с Польшей. Как он говорил, в 70 километрах от Бреста. Сейчас эта территория Польши. Он попал в эту «мясорубку» в 1941 году с первой минуты войны.

Он в 3 часа ночи сменился с «секрета» и только зашел в казарму, как начался обстрел. А познакомился с моей матерью уже после войны, в Калининграде, когда стоял на посту и охранял здание, где жил Николай Григорьевич. Это на ул. Менделеева. Когда моя мать Ольга Егоровна сказала, что хочет выйти замуж за сержанта Смерша и как на это смотрит Николай Григорьевич, он ей сказал:

— Оля, ты взрослый человек, и я хочу видеть тебя счастливой, дурочка. Решай сама.

Отношения между отцом и Николаем Григорьевичем были нормальными, но я чувствовал, что отец видит перед собой генерала. А дядя относился к отцу как к ровне и никогда не сказал что-либо обидное в его адрес. Об этом и речи не могло быть, хотя отец был не святой и «святой воды» иногда перебирал. Да, то поколение осуждать нельзя. Они не просто радовались жизни, они радовались, что остались живы и раны их заживали долго. Так у моего отца ранение «закрылось» только в 1976 году.

У Николая Григорьевича тоже были ранения. Я шрамы от ран видел, когда он весной в нашем саду раздевался по пояс и прогуливался возле цветущих яблонь. Под правой лопаткой у него был большой шрам, и на мой вопрос — а еще есть? — он показал на ноге, но тот был гораздо меньше. От более детального обсуждения ранений он отшутился и сказал:

— Анатолий Иванович, потом расскажу!

Мы с моим другом Григорием Дмитриевым твердо решили, что на плече — ранение саблей, а на ноге — пулевое, и обязательно с крупнокалиберного пулемета, кто же станет стрелять по генералу из пистолета?

Как-то раз мы с Григорием бегали по саду и занимались своими важными мальчишескими делами, тут к нам подходит Николай Григорьевич и говорит:

— Ребята, у меня к вам серьезное поручение — и ставит перед нами задачу: с поляны, где стоят ульи с пчелами, разогнать мух, пчел не трогать и после этого поляну покинуть.

Сколько было усердия, это надо было видеть. Досталось и пчелам. Пришел Николай Григорьевич и попросил нас уйти, а брюки у него были закатаны по колено. Мы, конечно, сделали вид, что ушли, а сами спрятались в кустах смородины и наблюдали.

Николай Григорьевич подходит к улью и палочкой начинает стучать. Пчелы не заставили себя ждать, облепили ноги и давай жалить, а Николай Григорьевич быстро не ушел, а побежал в сторону дома. Мы были в шоке, как это могло случиться, что боевого генерала покусали пчелы. Григорий сквозь зубы процедил: «Месть, только месть».

Дальше я его уже не слышал, так как бежал за молотком в гараж. Дальше подробности описывать не буду, но за нашими действиями с любопытством наблюдали мухи и дворовый пес Бобик.

На наши вопли прибежал Николай Григорьевич. Наш спаситель быстро за шиворот выволок нас с очага мести. Потом долго смеялся после нашего рассказа и объяснил нам, для чего он это делал. Вот так познавался этот мир, и в нем был мой друг и дядя Николай Григорьевич.

Я хорошо помню, когда почувствовал, что Николай Григорьевич не только мой дядя, но и товарищ, единомышленник. Никогда он не заговаривал со мной о членстве в КПСС, хотя я был активным комсомольцем и у нас было много тем для обсуждения. Видно, настало время, и я задал ему вопрос об этом. Работал я тогда шофером в гараже. Вот с этого момента мы еще больше сблизились. Он снабжал меня литературой, которую я, с его точки зрения, должен был прочесть. А когда я был принят в партию, он долго тряс мою руку со словами — «поздравляю!»

Я горжусь, что стоял в одном ряду с такими людьми, как Николай Григорьевич.

Быт в квартире у Николая Григорьевича был скромный. Вдоль стен стояли стеллажи с книгами, у окна — стол с креслом. Это был его кабинет. В спальне была кровать, по бокам — две

тумбочки. По хозяйству ему помогала младшая сестра Ольга — моя мама. Он ее очень любил и всегда советовался, но поступал так, как считал нужным сам.

Любил пить крепкий чай и непременно в подстаканнике. Мы с мамой часто навещали его. Мама варила ему обеды, убирала, а мы тем временем с Николаем Григорьевичем разговаривали. Он был очень довольный, так как в доме появлялись теплота, забота и уют.

Ходил он в кинотеатр «Заря», читал газеты: «Литературную газету», «Калининградскую правду», «Правду». Журналы, такие как «Наука и жизнь» и «Новая жизнь» …

Всех я уже не помню, так как давно этих изданий нет. Еще вспоминается интересный случай. Я работал тогда в цехе водопровода в «Водоканале». Однажды подошел ко мне седовласый мужчина, фамилию помню — Шестаков. Он работал обходчиком и был уже в пожилом возрасте. Спросил, правда ли я племянник Кравченко Николая Григорьевича. Я ответил, что да.

Он мне рассказал, что служил в одном из подразделений, которое подчинялось Николаю Григорьевичу, и был внедрен в банду бандеравцев. В нужный момент он сообщил, когда и где будет сходка главарей. А они, после того как их окружили, ушли по подземному ходу. Стали искать крайнего, и Шестакова взяли под арест, мол, не сообщил, что есть подземный ход, вот и отвечай. Со слов Шестакова, когда приехал Николай Григорьевич и лично его допросил, то приказал из-под ареста офицера освободить.

— Так что можно сказать, что он мне жизнь спас, — сказал Шестаков. Я сказал, что обязательно передам привет Николаю Григорьевичу от него. Тот заулыбался и сказал, что вряд ли генерал Кравченко его помнит:

— Я капитаном был, а он — человек-легенда!

Да, так и сказал. Я был удивлен еще и тому, что про дядю своего никому не рассказывал, да и фамилии у нас разные. Спросить у Шестакова постеснялся. Николай Григорьевич тогда уже был болен и лежал в больнице. Я ему рассказал про этот случай, но, как и предполагал Шестаков, Николай Григорьевич этого эпизода в своей жизни не помнил. Наверное, их было много, этих рядовых случаев, но для кого-то это цена их жизни.

* * *

Накануне 100-летнего юбилея генерал-майора Николая Григорьевича Кравченко в субботнем номере газеты «Калининградская правда» от 8 декабря 2012 года была

опубликована статья местного журналиста Влада Ржевского «Неизвестный герой Тегерана-43. Человек удивительной судьбы, свой жизненный путь он окончил в Калининграде».

В предисловии статьи автор поставил свои удивительно теплые слова, достойные эпиграфа: *«12 декабря исполнится сто лет со дня его рождения. В другой стране ему давно памятник стоял бы. У нас же о нем напоминает лишь неприметная могила но «старом» кладбище».*

«ИНКОГНИТО» В КАЛИНИНГРАДЕ

В начале 1970-х Дмитрий Устименко, возглавлявший тогда отдел в областном управлении КГБ, зашел как-то в Центральный райком КПСС.

— Вы, наверное, пришли поздравить от управления нашего Николая Григорьевича с днем рождения? — спросил знакомый райкомовец.

— А почему мы должны его поздравлять? — удивился Устименко.

— Как же? Он ведь тоже чекист. Генерал-майор в отставке.

Надо отметить, что у нас в ту пору и полковник КГБ был фигурой. Начальник управления в таком звании ходил. А тут «целый» генерал и никто о нем не знает? Да не может быть!

Оказалось, может. Более того, на неприметной должности в райкомовской партийной комиссии, как выяснилось, работал не «просто» генерал КГБ. А чекист с особыми заслугами. Один из тех, кто обеспечивал безопасность Сталина во время его встречи с Рузвельтом и Черчиллем на Тегеранской конференции. И благодаря ему был предотвращен террористический акт, направленный против «Большой тройки».

Почему же такой человек оказался в провинции, занимая явно не соответствующее своему уровню положение? Выяснилось и это. Но не будем забегать вперед.

РОДОМ ИЗ НАРОДА

Будущий контрразведчик Николай Григорьевич Кравченко родился в семье крестьянина-бедняка. Кроме него у родителей было еще три дочери. Жили Кравченко в селе Котовка Днепропетровской области.

Окончив школу-семилетку, Николай поступил в землеустроительный техникум. Работал землемером, грузчиком на заводе. В 1931 году был призван в Красную армию, служил в кавалерии.

В армии сразу обратили внимание на рядового Кравченко. Парень все схватывает на лету, добросовестный, активный,

обязательный. При этом — политически грамотный, кандидат в члены партии. И после срочной службы кавалерист был направлен в школу НКВД.

Войну встретил в звании старшего лейтенанта ГБ, будучи начальником отделения Особого отдела и секретарем партбюро НКВД в Одесском военном округе. А к ноябрю 1943-го, когда в столице Ирана состоялась историческая встреча лидеров СССР, США и Англии, Николай Григорьевич вырос до подполковника и был уже помощником начальника Главного управления контрразведки Смерш по Брянскому фронту.

Впрочем, звания, должности — все это вторично. Главная же аттестация нашего героя — то, что он был командирован в Тегеран. А туда отбирали лучших.

КИНО И НЕМЦЫ

Тегеранская конференция проходила с 28 ноября по 1 декабря 1943-го. «Большая тройка» собралась там, на нейтральной территории, чтобы спокойно обсудить планы по открытию второго фронта и послевоенному переустройству мира. В частности, именно тогда была достигнута предварительная договоренность о том, что часть Восточной Пруссии отойдет нашей стране в качестве контрибуции.

Подготовка к конференции велась в условиях строжайшей секретности. Тем не менее все понимали, что немецкая разведка все равно прознает о том, что в столице Ирана готовится встреча такого уровня. Были приняты повышенные меры безопасности. И не зря, нацисты развили бурную деятельность. Сталина, Рузвельта и Черчилля планировалось убить либо выкрасть. Однако благодаря совместным усилиям советских и английских разведчиков покушение удалось предотвратить.

О тех событиях еще в 1980-м был снят хороший фильм — «Тегеран-43».

А вот о том, что совершил тогда же Кравченко, до сих пор мало что известно.

ИЗ ПОДПОЛКОВНИКОВ — СРАЗУ В ГЕНЕРАЛЫ

Пять лет назад Совет ветеранов УФСБ по Калининградской области решил сделать тайное явным. Расставить точки над «i» думали к нынешнему юбилею Николая Григорьевича. Но вот уже нет с нами Дмитрия Устименко, по инициативе которого началась эта работа. А все выяснить так пока и не получилось.

Итак, что известно?

В Тегеране Кравченко получил агентурное сообщение о готовящемся теракте против «Большой тройки». На пути

следования их кортежа должен был произойти мощный взрыв. В ходе проведенных оперативно-разыскных мероприятий взрывчатку нашли и обезвредили.

К сожалению, детали операции и сегодня — «за кадром». Нет уже в живых свидетелей того героического эпизода, крайне мало архивных документов. Сам же Николай Григорьевич как истинный чекист в подробности этой истории никогда не вдавался.

Как бы там ни было, факт имел место. А потом произошел и вовсе неожиданный поворот.

О предотвращенном теракте Кравченко лично доложил Сталину в присутствии Черчилля и Рузвельта. И президент США вдруг выразил удивление. Мол, спасены жизни глав трех держав, а руководитель такой операции — всего лишь подполковник?

— Я бы хотел видеть этого офицера генералом, — улыбнулся он, обращаясь к Сталину.

Встреча в Тегеране завершилась, делегации разъехались по домам. А вот наш герой вместо Брянского фронта оказался в Москве. Его поселили в гостинице «Пекин», здесь он ждал решения своей судьбы. Мало ли, как все могло дальше повернуться?

Но в итоге внеочередное звание ему действительно присвоили-21 февраля 1944-го.

СМЕРШ С НАМИ

В Калининграде, точнее, тогда еще в Кенигсберге, он впервые оказался в 1945-м. С октября сорок пятого по февраль

сорок шестого Кравченко возглавлял управление контрразведки Смерш по Кенигсбергскому особому военному округу.

Располагалось управление в доме № 124 по нынешнему проспекту Победы. И вот надо же, грозной конторы уж сколько лет как нет, а память о ней жива. До сих пор в ходу народное название этого дома — Смерш.

До недавнего времени так назывался и магазин на первом этаже — причем уже официально. Правда, здесь ошибочка вышла. Смерш, как известно, означало «Смерть шпионам!» А на вывеске вместо «ш» почему-то красовалось «ж»…

В Калининграде живет младшая сестра Николая Григорьевича. Приехала она по вызову брата в декабре 1945-го. И с переездом тоже связана история.

Кенигсберг был закрытым городом, требовался пропуск. И возник вопрос, почему у нее другое отчество. Дело в том, что в родном селе их отца многие называли не Георгием, а Егорием.

Вот в свидетельстве о ее рождении и записали по простоте, что она — Егоровна. Так что для переезда пришлось получить справку, удостоверяющую то, что «гражданка Кравченко Ольга Егоровна действительно является родной сестрой генерал-майора Кравченко Николая Григорьевича.

УВОЛИТЬ И ЗАБЫТЬ

Из Кенигсберга его перевели в Москву. Затем четыре года он был заместителем начальника управления контрразведки в Группе советских войск в Германии.

В августе 1959-го он уже шестой год служил в Прикарпатском военном округе, руководил Особым отделом. Было ему в ту пору 46 лет. То есть в звании генерал-майора еще можно служить и служить. Как вдруг — отставка…

Ольга Егоровна вспоминает, что брат тогда ей позвонил, сообщил, что хочет переехать из Львова в Калининград, попросил подыскать ему жилье.

Приехал он уже в 1960-м, был подавлен, о случившемся с ним ничего не рассказывал.

Считается, что Кравченко стал одной из жертв хрущевских чисток, когда из органов убирали «сталинских людей». Причем его уволили якобы по личному указанию Хрущева.

В Калининграде он жил на улице Чайковского. Жил одиноко — жены у него не было, детей тоже. Говорят, что его любимая погибла во время войны…

В середине 70-х он стал болеть. Сестра часто навещала его. Придя 12 апреля 1977-го, она увидела, что брат выглядит совсем плохо. Хотела остаться ночевать, однако тот отправил ее домой, успокоив: «Ну что ты? Все в порядке!»

А наутро Ольга Егоровна нашла его уже мертвым…

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАМЯТИ

В Совете ветеранов УФСБ по Калининградской области убеждены: имя генерал-майора Кравченко необходимо вернуть из небытия, надо воздать должное незаслуженно забытому человеку, воспитывать на его примере молодежь.

12 декабря на могилу Николая Григорьевича придут бывшие и действующие сотрудники областного управления ФСБ и военные контрразведчики, курсанты Калининградского пограничного института. На памятном мероприятии все надеются увидеть и сестру Кравченко, хотя Ольге Егоровне уже тяжело выходить из дома.

— Также обсуждается идея установить Николаю Григорьевичу памятник или назвать в его честь улицу, — сообщил нам

председатель Совета ветеранов УФСБ по Калининградской области Сергей Захаров.

А в Москве ветеран военной контрразведки писатель Анатолий Терещенко уже завершает работу над повестью о Кравченко. В основу ее легли воспоминания тех, кто в разные годы служил с Николаем Григорьевичем.

Возможно, кто-то из читающих эти строки тоже служил или работал вместе с Кравченко, знал его.

В совете ветеранов УФСБ по Калининградской области были бы признательны за ваши воспоминания о Николае Григорьевиче.

* * *

В Калининграде события по подготовке чествования 100-летнего юбилея набирали обороты. И вот уже стараниями Совета ветеранов УФСБ области готовится план мероприятий.

Начальнику Управления ФСБ России
по Калининградской области
генерал-лейтенанту
тов. Козлову А.Н.

РАПОРТ

Докладываю, что в соответствии с планом работы Совета ветеранов в 10.00 12.12.2012 г. на Центральном кладбище города Калининграда состоится митинг, посвященный 100-летию генерала Кравченко Николая Григорьевича.

Для участия в митинге приглашаются ветераны и молодые сотрудники управления, военные контрразведчики, курсанты контрразведывательного факультета погранинститута, а также родная сестра, племянник и его бывшие сослуживцы по Центральному райкому КПСС.

В митинге изъявили желание принять участие руководители областной и городской организаций ветеранов вооруженных сил и правоохранительных органов.

После митинга, по плану подготовки празднования 95-летия органов ВЧК-КГБ-ФСБ, будет проведено традиционное возложение цветов на могилы бывших руководителей управлений генерал-майора Сороки А.Н. и контр-адмирала Ветошкина Ю.И., а также кавалера трех орденов Славы Сурикова М.В. с участием их вдов.

Прошу Ваших указаний обеспечить проведение данных мероприятий транспортом, медицинским обслуживанием, цветами и сопровождением СМИ.

Председатель Совета ветеранов С.И. Захаров 10.12.2012 г.

Не только санкция была получена, но и существенную

помощь оказало руководство Управления ФСБ РФ по Калининградской области в деле организации и проведения митинга-памяти у могилы героя повествования.

МИТИНГ

12 декабря 2012 года на старом кладбище города Калининграда у могилы, где захоронен забытый на долгие годы генерал-майор Николай Григорьевич Кравченко, состоялся митинг по случаю 100-летнего юбилея покойного.

Главным организатором этого памятного мероприятия был Совет ветеранов Управления ФСБ РФ по Калиниградской области во главе с его председателем полковником в отставке Сергеем Ивановичем Захаровым.

Немного из истории места упокоения генерала.

В 1950-х годах старые немецкие могилы были уничтожены на многих старых прусских погостах, и на новых кладбищах стали хоронить калининградцев. На старом кладбище захоронены уже более сорока тысяч граждан российского анклава.

Заговорил я о кладбище только потому, что из-за прорех в воспитании молодежи в стране выросло и растет число случаев варварства и вандализма. Хотя все знают, что воспитание — это наука, обучающая наших детей. Сегодня эта наука обходится, к сожалению, без нашего участия. Значит, и вправду не научили, если узнаем о запустении в лучшем случае погостов, в худшем — о варварстве в отношении могил и памятников. Воспитание не стало лучшим наследством.

Пресс-секретарь Калиниградской епархии Игорь Петровский недавно произнес разумные слова о том, что с древних времен, с первого века, те места, где хоронили людей, назывались усыпальницами. От слова «успение» — «сон». Это сон для тела. А тело — это храм святого духа. Каким-то чудесным образом Господь, который сотворил это тело, это тело восстановит. Именно в этом заключается основной подход христианства к человеческому телу, к погребению.

Сказал точно и вовремя — сегодня Россия болеет разбалансировкой в воспитании, потому что, покончив с социализмом, решила поплавать в водах штормящего дикого капитализма. Страна сегодня заточена исключительно на цифры, на деньги, на материальное обогащение. Нравственность стала постепенно испаряться.

Воспитывать — это приучить к тому, чему мы не умеем научить. Это усвоение хороших привычек. Понятно, детей воспитывать трудно, потому что ничто человеческое им не чуждо, поэтому в воспитании подрастающего поколения главное, чтобы оно не замечало менторства, назидательных сентенций,

пригибания…

Кладбища Отчизны!

Кто помнит о них в жизненной суматохе? Кто видит их сущность? Кто думает о них? Не в те редкие минуты беспросветного горя, а когда на душе покой и тишина.

Когда уходят из жизни близкие, друзья, коллеги или знакомые, кладбище становится последним приютом для их бренных тел, местом, куда всегда мы можем прийти, чтобы поговорить с ними и помолиться за души усопших или просто перекреститься.

Нам же, покинув могилу близкого человека по родству, по духу или профессии, остаются земные, жизненные проблемы, заставляющие думать в том числе и о месте, где и как купить место на кладбище, за какие деньги, где их заработать?

Нынешняя безудержная коммерциализация ритуальных услуг, как и сам навязанный Западом в лихие девяностые нашим правителям — дикий капитализм, задевает за живое всех — и живых, и даже мертвых.

Бессмертной может быть только память. И то не всегда, как и случай с нашим героем. Память ушедшим людям от любящих, помнящих и страдающих — это дань уважения. Это почтение выливается в форме обелисков, стел, памятников, крестов, тумб, звезд и других надгробий.

Когда-то давно цена места на кладбище равнялась… человеческой жизни. Русская православная церковь вплоть до XIV века брала на себя функции погребения усопших. Однако к концу XVII столетия в Москве насчитывалось уже более 300 мест погребения. Погосты росли как грибы. И число их неуклонно росло бы, если бы не указ Петра Великого от 12 октября 1723 года. В нем российский царь-реформатор и тиран одновременно запретил хоронить в черте города всех, за исключением «знатных персон».

Впрочем, жизнь пополам со смертью оказалась сильнее всех царских предписаний и самого указа. Они скоро сошли на «нет». На окраины городов погосты ушли сами, когда число городского населения превысило все мыслимые и немыслимые размеры. Рождалась так называемая урбанизация.

Правда, с ростом городов кладбища снова поползли в городскую черту. И с этим ни тогда, ни сейчас уже ничего нельзя сделать.

Вот и старое кладбище Калининграда в черте города. Там лежат останки людей, наделавших при жизни немало шума и суматохи, добра и зла, подвигов и преступлений, лежат теперь среди могил своих ближних так же смирно, как и все остальные.

* * *

Жизнь Николая Григорьевича Кравченко, как известно, остановилась в Калининграде, но история его деятельности продолжается.

На старом кладбище были люди, но не было той Страны, которой уже нет, как и страны, в которой мы живем, потому что она Н.Г. Кравченко не знает. У могилы опального и забытого генерала стояли только люди, знавшие его, и молодежь, не родившаяся еще, когда он покинул землю, но краешком уха что-то и где-то узнавшая от ветеранов о его интересной службе. О жизни — практически ничего.

Под порывами зимнего ветра шумели дремучие ели, шелестели, словно спрессованные и разглаженные фантастическим утюгом, веточки пахучей и разлапистой туи. Замечено, что она растет только в чистом климате, очищает воздух вокруг себя на десять-пятнадцать квадратных метров и содержит ароматические эфирные масла, которые придают дереву приятный запах.

Здесь тоже было свежо и чисто, потому что вокруг собрались люди с чистыми порывами души проведать своего знаменитого горожанина. Скрипел под ногами первый снег, припорошивший землю. Выступающие на месте упокоения забытого генерала искренне говорили теплые и добрые слова об этом человеке.

Митинг, или своего рода обряд памяти, — это словно ячейки сот, которые каждый пришедший сюда укрывал своими чувствами воспоминаниями или заверениями.

Эта процессия походила на клятву верности, на своеобразную молитву патриоту. А вера, как известно, — крыло молитвы.

Люди проявляют верность и молятся не для того, чтобы сказать Богу, что он должен сделать, а чтобы Бог им сказал, что они должны сделать. Пришедшие знали, что они должны были сделать и сделали, вспомнив добрым словом генерала-юбиляра, военного контрразведчика с завидной и интересной судьбой.

* * *

Выступления на открытии митинга в честь 100-летия Н.Г. Кравченко

Председатель Совета ветеранов Управления ФСБ РФ по Калининградской области полковник в отставке С.И. Захаров:

Уважаемые товарищи!

Сегодня исполнятся сто лет со дня рождения легендарного

советского контрразведчика генерал-майора Кравченко Николая Григорьевича, на могилу которого мы сейчас возложили цветы.

Кравченко родился в рабочей семье в Днепропетровской области. После окончания семилетки учился в землеустроительном техникуме. До службы в армии работал землеустроителем, рабочим на заводе. Два года отслужил в кавалерии.

После срочной службы был принят на службу в органы ГПУ-НКВД. Полдесятка лет работал в территориальных органах.

В двадцать шесть лет начал службу в военной контрразведке. Работал добросовестно и результативно. Уже через год был награжден знаком Почетного сотрудника ГПУ. В двадцать семь был назначен начальником Особого отдела по Одесскому гарнизону.

Войну встретил в должности секретаря парткома-начальника отделения 00 по Одесскому ВО. Через два года он уже замначальника 00 армии, еще через два года в должности помощника начальника ГУКР Смерш по Брянскому фронту в 1943 году был направлен в Тегеран для обеспечения безопасности глав государств-союзников во время международной конференции.

Известно, что немецкая разведка знала, что в Тегеране пройдет эта конференция, и готовила операцию «Большой прыжок» по захвату или уничтожению руководителей делегаций. В начале 1943 года в Иран прилетал на рекогносцировку любимец Гитлера Отто Скорцени.

Перед конференцией в шестидесяти километрах от Тегерана приземлилась группа немецких радистов с задачей поддерживать связь с основным отрядом диверсантов. Они были схвачены нашей контрразведкой, которая начала радиоигру с противником. Вначале предполагалось заманить и уничтожить диверсантов. Однако затем решили не рисковать и дали понять диверсантам, что радисты работают под нашим контролем, и таким образом сорвали операцию «Большой прыжок».

Из воспоминаний Героя Советского Союза Геворка Вартаняна известно, что накануне конференции наша контрразведка задержала в Иране 400 немецких шпионов и захватила резидента абвера. Провела целый ряд других мероприятий по обеспечению безопасности «Тройки».

Нам, к сожалению, неизвестна личная роль Николая Григорьевича в этих мероприятиях. Но, судя по тому, что за его успешную оперативную деятельность ему было присвоено внеочередное воинское звание генерал-майор, можно считать, что эти заслуги были значительны. За его боевые дела он был награжден тремя орденами Красного Знамени, двумя — Красной

Звезды, Отечественной войны и многими медалями.

Генерал Кравченко возглавлял после Тегерана Особые отделы Среднеазиатского и Туркестанского военных округов, а с октября 1945 по февраль 1946 года служил начальником Управления Смерш Особого военного округа Кенигсберг. Затем была служба в Группе наших войск в Германии, в Белоруссии. Последних пять лет возглавлял Особый отдел по Прикарпатскому военному округу.

С 1960 года жил в Калининграде, где до сих пор живут его родная сестра Ольга Егоровна и племянник Анатолий Иванович, присутствующий здесь, на нашем митинге. Ольга Егоровна не смогла приехать, перенервничала и занемогла.

Работал Николай Григорьевич в парткомиссии Центрального райкома КПСС. Здесь присутствуют его коллеги по райкому. Они, надеюсь, выступят.

Спи спокойно, дорогой Николай Григорьевич, ты не будешь забыт. Мы сделаем все возможное, чтобы увековечить твое имя для потомков.

Бывший председатель партийной комиссии Центрального райкома КПСС города Калининграда В.К. Волосовин:

Генерал-майор Кравченко Николай Григорьевич!

Судьба подарила мне лишь немногим более двух лет знакомства с легендарным человеком, своей работой в прямом смысле слова, сохранившим мировую историю такой, как мы ее знаем! Это он предотвратил покушение на лидеров стран-союзниц СССР и Сталина в период Тегеранской конференции — это многого стоит!

С октября 1974 года мне довелось курировать работу партийной комиссии Центрального райкома партии, членом которой был Николай Григорьевич.

Тридцать восемь лет, отделяющих этот период от сегодняшнего дня, крупные исторические перемены в судьбе государства, ломка мировоззрения каждого человека, считающего себя гражданином своей страны, наложили определенный отпечаток на память о прожитом и пережитом. Но есть вещи, которые всегда останутся в памяти незыблемыми вехами! Таковыми являются жизни, характеры и поступки людей, отдающих себя до последнего вздоха служению Родине!

Хорошо помню, как в один из праздников Дня Победы с группой работников райкома партии поздоровался генерал в парадной форме. В нем я с удивлением узнал Николая Григорьевича. Это и было первой, чисто внешней прижизненной информацией о человеке, облаченном в генеральскую форму…

Как о человеке, я много уже был наслышан о нем и видел его в действии.

В разные годы в составе комиссии работало до пятнадцати абсолютно надежных с точки зрения руководства райкома людей.

И даже среди них Кравченко Николай Григорьевич выделялся обязательностью, рассудительностью, уважением к изучаемым людям. От него никогда не поступало непроверенной информации. Поэтому ему поручались самые сложные дела, по которым он давал быстрые и полные ответы. Лишь после его ухода мне стало понятно, где он находил ответы на вопросы, а вся партийная комиссия и райком КПСС ощутили «потерю бойца».

Из аппарата райкома его мало кто знал. А кто знал, тот уважал за строгий, выдержанный характер, уважение к людям не зависимо от их рангов. За желание докопаться до истины и не покривить душой в оценке людей, судьбы которых, во многом зависели от него. В этом он был не только для меня примером!

Николай Григорьевич Кравченко был правой рукой председателя партийной комиссии Комарова Сергея Васильевича. Уверен, что они были в дружеских отношениях, а не только членами одной комиссии.

Он был достаточно общительным человеком, но о своей прежней работе со мной не разговаривал. О ней ничего не знал даже мой друг, на стене дома которого я как-то увидел фото Кравченко. На мой вопрос он ответил просто:

— Это мой дядя!..

И никакой другой информации!

Помнится, я держал в руках (вероятно, перевод) правительственной телеграммы, где было не много строк, но среди них были слова, врезавшиеся в память, их подлинность не берусь гарантировать — сорок лет стирает память, но суть такова:

«Иосиф Виссарионович, я был бы рад увидеть того подполковника генералом». Подпись (у меня на памяти) — Рузвельт.

Как-то Николай Григорьевич зашел ко мне в кабинет. Мы поговорили, думаю, о делах текущих, но очень не долго. Прощаясь, он сказал дословно:

— Я больше не приду. Прощай!

А через три дня мы узнали, что Кравченко не стало! Ушел человек, вероятно, сохранивший нам всем историю!

Ушел Генерал! Разжалованный, хотя и с правом ношения генеральской формы!

Великолепный человек! Вечная ему память! А нам всем пример беззаветного служения Родине!

Думаю, что делом офицерской чести является увековечение

его памяти!

Племянник Н.Г. Кравченко, сын родной сестры генерала Н.Г. Кравченко — А.И. Веревкин:

Дорогие товарищи!

Я здесь нахожусь от имени моей матери Веревкиной Ольги Егоровной, которая является родной сестрой Николая Григорьевича. Она по состоянию здоровья и преклонного возраста — ей уже девяносто один год — не смогла присутствовать лично на таком торжественном памятном мероприятии.

Я от ее и своего имени приношу большую благодарность за то, что вы делаете и что слова — «никто не забыт и ничто не забыто» — не просто пустой звук.

Я очень признателен Совету ветеранов Управления ФСБ, его нынешнему председателю Сергею Ивановичу Захарову, а также Дмитрию Устименко, которого, к сожалению, уже нет в живых. Благодаря таким неравнодушным людям с тонким чувством справедливости и патриотизма, немало сделано для того, чтобы приподнять занавес секретности и отдать должное человеку, который по долгу своей службы принимал участие в великих исторических событиях.

На мой взгляд, как гражданина, считаю и глубоко уверен, что люди, посвятившие свою жизнь службе Отечеству, не должны быть забыты. Я горжусь тем, что вижу перед собой молодых курсантов, которым не безразличны судьбы и подвиги предыдущего поколения. На примере подвигов наших отцов и дедов воспитываются достойные защитники нашей Родины.

Успешно проведенная операция в Тегеране в 1943 году способствовала логическому концу краха фашизма не только в Германии.

Подвиг, который совершили наши спецслужбы вдали от Родины, принадлежит не только Николаю Григорьевичу, но и его соратникам по оружию, материалы о которых до сих пор находятся под грифом «Совершенно секретно».

Родина высоко оценила — нет, не службу, а работу конкретную, кропотливую, опасную и ежечасную.

Николай Григорьевич был награжден тремя орденами Красного Знамени, двумя — Красной Звезды, орденом Отечественной войны первой степени, медалью «За боевые заслуги». Эти и другие награды говорят о том, на каком он был рубеже тех далеких лет.

Хочу выразить слова благодарности от себя и Ольги Егоровны всем присутствующим, что не забыли Николая Григорьевича как человека и как защитника Отечества.

Заслуженный учитель РФ, кандидат педагогических наук, заместитель директора филиала Российского государственного гуманитарного университета города Калининграда Г.С. Тамарский:

Дорогие товарищи!

Помню, 14 апреля 1977 года меня, майора Комитета государственной безопасности, вызвали к руководству управления КГБ СССР по Калининградской области и поручили возглавить похоронную комиссию в связи со смертью генерал-майора Николая Григорьевича Кравченко.

Похороны проходили на кладбище города Калининграда, расположенном в Октябрьском районе. Был светлый весенний день. Народу было не очень много, в основном сотрудники госбезопасности, работники Центрального райкома партии, где последние годы работал Николай Григорьевич, а также его сестра, племянник.

На похороны прилетел также бывший сапер, которого Николай Григорьевич вызывал к себе в Тегеран для разминирования взрывных устройств, предназначавшихся для уничтожения руководителей государств «Большой тройки» — Сталина, Рузвельта и Черчилля.

После похорон в его квартире собрались родственники, друзья, коллеги. Квартира выглядела очень скромно. Обращало на себя внимание большое количество книг.

На поминках в числе других выступал и прилетевший издалека сапер, который рассказал, что лично обезвреживал взрывное устройство и участвовал в предотвращении теракта, сведения о котором добыл Николай Григорьевич Кравченко.

Выступающие много говорили о героизме, принципиальности, скромности генерала. О своей службе в органах госбезопасности он никому не рассказывал. Говорили, что когда Николаю Григорьевичу Кравченко присвоили звание генерал-майора, ему форму пошили за одну ночь.

Показывали клинок, на котором была дарственная надпись кого-то из руководителей страны.

Кравченко женат не был, говорили, что он любил девушку-разведчицу, которая погибла, и эту любовь генерал сохранил до самой смерти.

Почетный ветеран города Калининграда, капитан 1-го ранга в отставке А.П. Сергеев:

Уважаемые ветераны!

Мы с вами знаем из своей военной службы, что

контрразведка — особый вид деятельности государства и люди, призванные обеспечивать эту деятельность, не склонны афишировать свои подвиги.

И вот по прошествии лет все пережитое и сделанное на благо Родины кажется будничным, обычным делом, как и любая другая работа.

Только беспристрастный взгляд на конкретные дела контрразведчика в конкретный момент истории государства может дать представление о величии свершенного и его значимости для судьбы государства.

Николай Григорьевич Кравченко — боец невидимого фронта, представитель той военной плеяды защитников Отечества, которых называют еще «людьми молчаливого подвига».

До сих пор остаются малоосвещенными в широкой печати выдающиеся успехи военных контрразведчиков и разведчиков в предвоенные, военные и послевоенные периоды истории нашего государства.

В воспоминаниях практически всех полководцев Великой Отечественной войны 1941–1945 годов прозвучала высокая оценка вклада разведчиков и контрразведчиков в общую Победу над фашизмом.

Более пятистам «солдатам невидимого фронта» было присвоено звание Героя Советского Союза, десятки стали ими в послевоенные годы.

Мы выражаем глубокую дань уважения не только их боевым делам, но и прекрасным человеческим качествам. Этих высокообразованных, безупречно подготовленных в профессиональном отношении, мужественных и в то же время скромных людей всегда отличало глубокое чувство преданности долгу и верности военной присяге, безграничная любовь к Родине.

Таким, по воспоминаниям, был и Николай Григорьевич, где бы он ни служил или ни работал после выхода на пенсию.

Пусть его светлый образ вдохновляет нас на повседневную, непрекращающуюся работу по патриотическому воспитанию будущих защитников Отечества.

Многое можно сделать, чтобы увековечить память об этом легендарном человеке:

— инициировать присвоение одной из улиц города Калининграда имени генерал-майора Николая Григорьевича Кравченко;

— в избранной школе Центрального района сделать для начала уголок ратного подвига генерал-майора Кравченко Николая Григорьевича. Пусть пока скромный, но

облагораживающий священную и благородную память потомков о минувшей войне, уважение и почтение к военным контрразведчикам и разведчикам;

— имеется уже достаточно материалов о боевой и трудовой биографии Н.Г Кравченко, для того чтобы сделать для школ плакат формата 30 на 40 сантиметров.

Мы за последние семь лет сделали такие плакаты на известных в городе ветеранов прошедшей войны, в том числе участников штурма Кенигсберга.

Николай Григорьевич, потомки тебя не забудут!

На юбилейном митинге выступили и возложили цветы на могилу генерала Кравченко вдовы ушедших из жизни контрразведчиков и слушатели Калининградского института пограничной службы ФСБ России. Это была сцена верности традициям, передачи эстафетной палочки верного служения Отчизны от ветеранов молодым защитникам Великой Родины, которая, несмотря на лихолетье девяностых, подымет с земли сброшенный неофитами ломки государства запыленный и забытый щит сверхдержавы.

Россия таковой обязательно станет!

Недавно автор показал фотографии Николая Григорьевича Кравченко, собранные калининградцами, своим коллегам в Совете ветеранов Департамента военной контрразведки ФСБ РФ. Как же тепло они приветствовали начинание по увековечиванию памяти героя документально-художественной повести и теми масштабными мероприятиями, которые проведены ветеранами в месте упокоения забытого по воле чиновников известного генерала.

Россия его не забудет, потому что она — Россия, сохранившая в своем теплом гнезде всех тех, кто ее уважал и защищал. Как не вспомнить слова поэта:

Нет края на свете красивей,
Нет Родины в мире светлей!
Россия, Россия, Россия —
Что может быть сердцу милей?

Кто был тебе равен по силе?
Терпел пораженье любой!
Россия, Россия, Россия, —
Мы в горе и счастье — с тобой!

Россия! Как Синюю птицу,
Тебя бережем мы и чтим,
А если нарушат границу,
Мы грудью тебя защитим!

И если бы нас вдруг спросили:
«А чем дорога вам страна?»
— Да тем, что для всех нас Россия,
Как мама родная, — одна!

Она сегодня больна — никак не может выбраться из той ямы, куда ее, обломанную, бросили нехристи — Иваны, не помнящие родства. Ее наши «партнеры» не хотят видеть сильной и процветающей. Им нравится раздробленная Россия.

Госсекретарь США Х. Клинтон озвучивала уже не раз желание янки — не допустить восстановления нового союза. Но союз обязательно будет, нет, не похожий на СССР, а в новом формате — более сильный. Тогда и придет конец однополярному миру.

Россияне хотят и сделают Россию такой, какой она была раньше, — самобытной, могучей, привлекательной. К ней тогда потянутся не только страны постсоветского пространства, но и другие государства Европы и Азии.

Россия таковой обязательно станет! Не такие времена она переживала!

РЕЗОЛЮЦИЯ
митинга в честь 100-летия генерала Н.Г Кравченко
12 декабря 2012 года гор. Калининград

Участники митинга принимают единодушное решение увековечить память о легендарном военном контрразведчике генерал-майоре Кравченко.

Учитывая его боевые заслуги, в первую очередь его успешную деятельность по обеспечению безопасности участников Тегеранской конференции 1943 года, за которую он был отмечен присвоением внеочередного воинского звания, а также многолетнюю трудовую деятельность по патриотическому воспитанию населения в Калининграде, предлагается осуществить следующие первоочередные мероприятия:

1. Ходатайствовать перед руководством Калининграда о присвоении имени генерала Кравченко одной из новых улиц города.

2. Решить вопрос об установке памятной доски на доме

№ 38–40 по ул. Чайковского, где Кравченко проживал с 1960 по 1977 год.

3. По согласованию с Советом ветеранов педагогического труда Центрального района г. Калининграда (Гуртиньш А.В.) подготовить в одной из школ памятный уголок о генерале Кравченко. В перспективе, возможно, по договоренности с комитетом по образованию и директором присвоить этой школе имя Кравченко.

4. Оборудовать стенд о генерале Кравченко на факультете Калининградского пограничного института ФСБ России.

5. Изготовить плакат о боевой и трудовой биографии Кравченко и разместить его в школах Центрального района Калининграда.

6. В установленном порядке организовать публикацию материалов о Кравченко в СМИ накануне юбилеев и памятных дат органов ВКР.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мертвые живы, пока есть
живые, чтобы о них вспоминать.

Эмиль Анрио

Вот и все, что собрано было нами о жизни и деятельности генерал-майора Николая Григорьевича Кравченко.

Некоторых прошлое страшит своей правдой. А разве можно прошлого стесняться? Оно ведь неисправимо. Можно править только настоящее.

Судьба любого человека, как и государства, зависит от обстоятельств, которые толкают их то к взлетам, то к падениям. Настоящее не содержит ничего, кроме прошлого, и то, что можно обнаружить в нем, было уже в самой причине того или иного явления. Трезвомыслящие люди не боятся прошлого, не скрывают его, а извлекают из него то хорошее, что можно перенять, взять на вооружение, использовать, а плохое — оно тоже учит, но им не стоит злоупотреблять — можно заразиться.

Бердяев говорил, что прошлое призрачно потому, что его уже нет, а будущее призрачно потому, что его еще нет.

Герой нашего повествования генерал-майор Николай Григорьевич Кравченко волей обстоятельств испытал радостное чувство — взлета и горестное — падения. Столетие прошло со дня его рождения и более полувека, как его жестоко отодвинули с большака на обочину жизни, унизив многим: и снятием с должности, и 50 %-ной пенсией, и быстрым забвением заслуг, и чередой унижений.

Но самым больным ударом по памяти человека, в достаточной степени известного, есть гробовое молчание о нем. И невольно появляется много правды о его жизни. Адепты одной части правды вспоминали и вспоминают до сих пор его добрым словом, приверженцы другого полюса — голословно обвиняли устами военного прокурора Прикарпатского военного округа чуть ли не в активном участии в репрессиях далекого тридцать седьмого. Но удивительно то, что мы молчим и сегодня, не раскрывая ни ту ни другую правду.

Безмолвствует и власть в лице держателей архивов. И получается так — правда расколота пополам. Автор, как и многие ветераны военной контрразведки, — приверженец первой половины правды, но, для того чтобы открылась истина в оценке деятельности этого человека, необходима и вторая половина той

же правды. Как только они сложатся, соединятся, произойдет бурный процесс объективной оценки служебной деятельности забытого генерала Николая Григорьевича Кравченко — сотрудника легендарного Смерша, который, без всяких сомнений, правильно действовал во время Тегеранской конференции. И так же правильно вел себя всю войну — защищал Родину на незримых фронтах борьбы с противником и в послевоенный период.

Только кому-то из властей предержащих того времени захотелось не только очернить, но и зачеркнуть конкретную работу военных контрразведчиков на долгое время. Получалось так, что все героическое, совершенное людьми при Сталине, должно быть забыто. И забывалось…

Молчим мы до сих пор, а англичане обещают вот-вот открыть секреты Тегерана и «Большой тройки». А наше чиновничество, как всегда, ударит по хвостам.

Хрущев, по чьей команде: «Кончайте его!» убили в холодном каземате следственного изолятора после нечеловеческих пыток генерал-полковника Абакумова, «апостола» Смерша, продолжал мстить. Устранив таким образом своего опасного свидетеля и начальника нашего героя, инструктировавшего подчиненного перед специальной командировкой в Тегеран, новый хозяин Кремля, воздал хулой тем, кто принимал непосредственное участие в обезвреживании нацистских диверсантов и террористов во имя спасения жизни «Большой тройки» и нашей Родины.

По всей вероятности, он огорчился, что Сталина «не грохнули» в Тегеране, и вождь всю оставшуюся жизнь, протяженностью в десять лет, заставил столько времени ждать претендента своего «звездного» часа, который таким не получился, поэтому автор и закавычил период его правления в стране.

Потом его позорно изгонят с властного трона другие претенденты порулить государственной машиной, пока не развалят ее те, кто сменит их. Современники, кому за четвертак, — свидетели безумства и предательского убийства Большой Страны под названием Советский Союз, а потом ее разворовывания на залоговых аукционах.

С чем мы остались, сегодня знает каждый: дочерпываем, донашиваем, добираем, разворовываем то, что оставила нам Сверхдержава.

Ради спасения нынешней усеченной и униженной, социально неизмеримо полярной России надо побороть в первую очередь ее тяжелейший недуг — коррупцию, оторваться от сильнейшей гравитации этой «черной дыры». О борьбе с этим социальным

злом мы только говорим, говорим десятилетиями, а надо действовать прицельно, жестко, неотвратимо.

Чиновничеству и олигархам не надо откровенно врать, несбыточно обещать, открыто воровать, насильничать над людьми и заявлять лукаво о патриотизме, тогда есть гарантия, что правители выведут страну в ранг Уважаемой и Сильной Державы. И спасут себя от всяких крутых неожиданностей в будущем. Хочется вспомнить слова М.Е. Салтыкова-Щедрина: «Что-то NN на патриотизм напирает! Наверное, проворовался…»

Только тогда, когда мы освободимся от этих пут, к нам потянутся соседи. Не обязательно это будет новый СССР, но сильная держава может получиться.

У нас все для этого есть: и богатая ископаемыми территория, и яркий букет трудолюбивых наций, и многовековая Вера, и великие традиции, способствующие появлению таких патриотов России, каким был Николай Григорьевич Кравченко.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Имя и судьба, составитель *Т.Н. Шелехово*. Кострома. 000 «Тетра — К», 2004.

2. *П. Судоплатов*. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. — М.: ОЛМА-ПРЕСС. 1977.

3. *О. Гордиевский, К. Эндрю*. КГБ. Разведывательные операции от Ленина до Горбачева. — М.: Центрполиграф. 1999.

4. *Р. Ингерсолл*. Совершенно секретно. Пер. с англ.-М.: Госиздат иностранной литературы. 1947.

5. *А. Намозов*. Найти и уничтожить. Украина. Костополь. Изд-во ЗАТ «Костопольская друкарня». 2010.

6. *Т. Гладкое*. С места покушения скрылся. — М.: Гея. 1998.

7. *А.Ю. Бондаренко, Н.Н. Ефимов*. Тайные страницы Великой Отечественной. — М.: Кучково поле. 2010.

8. *И.Л. Устинов*. На рубеже исторических перемен. Воспоминания ветерана спецслужб. — М.: Кучково поле. 2010.

9. *В. Карпов*. Генералиссимус. Кн. вторая. Калининград. — Янтарный сказ. 2002.

10. *В.А. Голубицкая*. Запорожская Сечь в последний период своего существования 1734–1775. (на укр. языке). — Киев. 1961. с. 116, 118, 244, 251.

11. *Д.И. Еварницкий*. Очерки по истории запорожских казаков и Новороссийского края. С. 126.

12. *Д.С. Липатов,* статья на сайте WWW.naloqovik.ru Тегеран-43: Было ли покушение на «Большую тройку?

13. *В. Ржевский*. Статья «Крестник Черчилля» // Калининская правда. — 2007. — 19 декабря.

14. *И. Дынников*. Незримый фронт // Подольский рабочий. -2010. — 9 февраля.

15. *Ю.В. Костяшев*. Выселение немцев из Калининградской области в послевоенные годы // Вопросы истории.-1994.-№ 6.

16. *А.В. Киселев*. Сталинский фаворит с Лубянки. Люди особого назначения. Санкт-Петербург. Изд. дом «Нева». -2003.

17. *В.Е. Грачев*. Через годы, через расстояния. Воспоминания контрразведчика. — Киев. — Золотые ворота. -2010.

18. С.Л. *Берия*. Мой отец — Лаврений Берия. М.: — Современник, 1994.

19. *Ф.И. Рыбинцев*. В одном строю. Записки военного контрразведчика. М.: ГУП «Кимрская типография». 2001.

20. Альманах «На рубежах янтарного края». Сб. статей и документальных материалов по истории органов государственной безопасности Калининградской области 1945–2011 гг. М.: —

Граница, 2011.

21. *Эдвард Радзинский.* Сталин. М.: Вагрус. 2004.

22. *Львов. Дмитрий.* Вернуть народу ренту. Резерв для бедных. М.: ЭКСМО «Алгоритм». 2004.

23. *К. Дехтярев, А. Колпакиди.* СМЕРШ. Смерть шпионам! М.: ЭКСМО. 2009.

24. *Ю. Мадера.* По следам человека со шрамами. М.: Политическая литература. 1964.

25. *В. Карпов.* Генералиссимус. Книга первая. Калининград.: Янтарный сказ. 2002.

26. Книга-сборник Об огнях-пожарищах. Песни войны и побед. М.: — Республика, 1994.

27. *М.У. Сибилев.* Армия Страны Советов. М.: Воениздат. 1984.

28. *Д. Уоллер.* Невидимая война в Европе. Смоленск: РУСИЧ. 2001.

29. *А. Уткин.* Месть за Победу — новая война. М.: — ЭКСМО — «Алгоритм». 2005.

30. *И. Солоневич.* Народная монархия. М.: — Феник» ГАСК СК СССР. 1991.

31. Журнал «Партийное строительство». М.: — 1936. № 12.

32. Газета «Правда». 1936. — 23 августа.

33. Там же — 1937. 31 января.

34. *Н.С. Леонов.* Крестный путь России. М.: — Русский дом. 2002.

35. *Ю.В. Емельянов*. Хунта Тухачевского. Статья в «Советской России». М. 2009. — 2 сентября.

36. *Влад Ржевский.* Неизвестный герой Тегерана-43. Статья в «Калининградской правде». 2012. — 8 декабря.

37. *А. Елисеев.* «1937. Вся правда о «сталинских репрессиях. М.:-ЯУЗА ЭКСМО. 2009.

38. *Ф. Чуев.* Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М.:— 1991.

39. *И.Т. Шеховцова.* Дело Сталина-«преступника» и его защитника. Фальсификация века: не Тухачевского кровь на его протоколе допроса. Харьков, 4 февраля 2011.

40. *С.Е. Лазарев.* Вестник Челябинского государственного университета. 2009. — № (179).

41. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. Выступление К.Е. Ворошилова. // Вопросы истории, № 8. 1994.

42. *В. Костиков.* Роман с президентом. М.: ВАГРИУС. 1997.

43. Материалы сайта kremlin — 9. rosvesty. ru/ news /44/ print «Иранское досье. Как готовили встречу «Большой тройки» —

авт. *С.В. Девятов, В.И. Жиляев, А.С. Марков.*

44. *И.А. Дамаскин.* Сто великих операций спецслужб — Тегеранская акция. М.: ВЕЧЕ-2003.

45. *Т. Книбе.* Операция «Валькирия». Пер. с нем. М.: — «АСТ. Астрель». 2009.

46. *Т. Юнге.* Воспоминания секретаря Гитлера. До последнего часа. Пер. с нем. М.: — «АСТ. Астрель». 2005.

47. Вернер Хаупт. Сражение за Берлин. Штурм цитадели Гитлера. 1945. Пер. с нем. М.: — ЦЕНТРПОЛИГРАФ. 2014.